

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 2 (145) • 2022

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490. Подписка на печатные издания на сайте «Объединенного каталога „Пресса России”» www.ppressa-rf.ru и интернет-магазина «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Цена свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/show1.phtml?vestnik-arhiv>
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

Редактор, корректор ***М.В. Седова***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 25.04.2022 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 950 экз. Заказ 166.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Нырков	кандидат юридических наук, доцент (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
А.Н. Варыгин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.М. Великая	доктор политических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А.А. Вилков	доктор политических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.И. Грачев	доктор юридических наук, профессор (Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Т.В. Заметина	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)
Л.В. Логинова	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России))
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О.М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
В.С. Слободникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

№ 2 (145) • 2022

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of Sciences should be published

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, Volskaya, 1.

E-version is located on the official site of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" (<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office in the Sphere of Mass Communication of Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication September 28, 2018. ПИ № ФС77-73750.

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", 2022

EDITORIAL BOARD

V.V. Nyrkov	candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor ((Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.I. Grachev	doctor of law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T.V. Zametina	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
L.V. Loginova	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
O.M. Rodionova	doctor of law, Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.Zh. Solovykh	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 15 **А.Г. Репьев**
Доверие как основа культуры правовой коммуникации
- 26 **Г.Г. Егоров, И.Б. Орешкина**
Развитие идеи унификации законодательства в творчестве Ивана Николаевича Сенякина
- 34 **В.Л. Кулапов**
Основные принципы функционального подхода при исследовании государственно-правовых явлений
- 46 **А.И. Переплетчикова**
Конкретизационные нормы как средство восполнения пробелов в праве
- 53 **О.В. Пискунова**
Проблемные аспекты эффективности функционирования норм права
- 60 **Н.И. Сухова**
Концепция правового просвещения в деятельности по нейтрализации противодействия осуществлению закона: необходимость формирования и реализации
- 70 **Т.С. Горячева**
Проблемы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в России в конце XIX – середине XX века
- 79 **О.В. Мельникова**
Государственная власть: вопросы теории

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 84 **Е.А. Отставнова**
Право российских граждан на паллиативную медицинскую помощь
- 94 **Т.В. Троицкая**
Современные тенденции развития избирательного законодательства в России и проблемы конкретизации принципов избирательного права

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 101 **И.Н. Дехтярь**
Проблемные вопросы принудительного лицензирования фармацевтических препаратов в связи с нарушением антимонопольного законодательства
- 111 **С.Н. Зайкова**
Классификация принципов государственного управления в области обеспечения транспортной безопасности
- 122 **А.В. Колесников**
Государственное влияние на процесс удаления главы муниципального образования

- 131 Е.В. Китрова**
К вопросу об изменении структуры программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- 138 Е.И. Лоцинина**
К вопросу об усыновлении ребенка в гражданском процессе
- 144 К.С. Рыжков**
Проблемы определения предмета доказывания по делам, возникающим из правоотношений в сфере контрактной системы закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд
- 157 Т.А. Савельева**
О пределах рассмотрения дела в арбитражном суде кассационной инстанции: обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 165 Г.В. Верина**
Новая волна ревизии концепции преступления в «зеркале» преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта
- 176 А.Г. Иванов**
Субъективное отношение виновного к квалифицирующим обстоятельствам преступления: необходимость законодательной регламентации фактической ошибки
- 184 Е.В. Кобзева, В.Н. Ситник**
Перспективы установления уголовной ответственности юридических лиц в условиях развития сферы автономного транспорта
- 194 М.М. Могунова**
Трансформация понятия и особенности совершения киберпреступлений в сфере финансов

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 205 В.М. Корнуков, Е.В. Корнукова, Д.С. Устинов**
Предъявление обвинения в системе средств, обеспечивающих право на защиту и справедливость правосудия
- 216 А.Е. Федюнин, Н.М. Перетяtko**
Вопросы совершенствования процессуальной регламентации возмещения реабилитированному имущественного вреда
- 228 Ю.В. Францифоров, С.И. Анненков, А.Ю. Францифоров**
Юридическая помощь адвоката в уголовном судопроизводстве
- 237 А.Б. Смушкин**
Принципы цифровой трансформации процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений
- 246 Е.В. Пантелеева**
Оправдательный приговор: норма или нежелательный результат рассмотрения уголовного дела?

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 254 С.А. Белоусов, Н.И. Махонько, Е.А. Тарасова,
П.С. Баринов, Ю.А. Плотникова**
Зарубежный и отечественный опыт правового регулирования озеленения
урбанизированных территорий
- 262 Е.Н. Пастушенко, Н.В. Неверова, Л.Н. Земцова**
Роль правовых актов Центрального банка Российской Федерации в обеспечении
стабильности финансового рынка на современном этапе
- 268 Ю.С. Сергеенко, О.В. Щербакова, А.И. Пермяков,
Е.В. Комбарова, О.В. Аверьянова, Ю.М. Никитенко**
Перспективы развития цифровых технологий в подготовке (образовании) кадров
для производства и промышленности

ИНФОРМАЦИЯ

- 276** В диссертационных советах

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- 16 A.G. Repyev**
Trust as the Basis for a Culture of Legal Communication
- 27 G.G. Egorov, I.B. Oreshkina**
Development of the Idea of Unification of Legislation in the Works of Ivan Nikolayevich Senyakin
- 34 V.L. Kulapov**
Basic Principles of the Functional Approach in the Study of State-Legal Phenomena
- 46 A.I. Perepletchikova**
Concretization Norms as a Means of Filling Gaps in the Law
- 53 O.V. Piskunova**
Problematic Aspects of the Effectiveness of the Rules of Law Functioning
- 60 N.I. Sukhova**
The Concept of Legal Education in the Activity of Neutralizing the Counteraction to the Implementation of the Law: the Need to Form and Implement
- 70 T.S. Goryacheva**
Problems of Legal Regulation of Human Organs and Tissues Transplantation in Russia in the Late XIX – Mid-20th Century
- 79 O.V. Melnikova**
State Power: Questions of Theory

CONSTITUTIONAL LAW

- 85 E.A. Otstavnova**
The Right of Russian Citizens to Palliative Care
- 95 T.V. Troitskaya**
Modern Trends in the Development of Electoral Legislation in Russia and the Problems of Specifying the Principles of Electoral Law

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 102 I.N. Dekhtyar**
Problems of Compulsory Licensing of Pharmaceuticals in Connection with Violations of Antitrust Law
- 111 S.N. Zaikova**
Classification of the Public Administration Principles in the Field of Transport Security
- 122 A.V. Kolesnikov**
State Influence on the Process of Removing the Head of the Municipality
- 131 E.V. Kitrova**
On the Issue of Changing the Structure of Postgraduate Training Programs for Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel

CIVIL PROCEDURE. ARBITRATION PROCESS

- 138 E.I. Loschinina**
On The Issue of Adoption of a Child in Civil Proceedings
- 144 K.S. Ryzhkov**
Problems of Determining the Subject of Proof in Cases Arising from Legal Relations in the Contractual System of Procurement of Goods, Works and Services for State and Municipal Needs
- 157 T.A. Savelieva**
On the Limits of Consideration of a Case in the Arbitration Court of Cassation: Review of the Legal Positions of the Supreme Court of the Russian Federation

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT LAW

- 166 G.V. Verina**
A New Wave of Revision of the Concept of Crime in the “Mirror” of Crimes Against the Safety of Traffic and Transport Operation
- 176 A.G. Ivanov**
Subjective Attitude of the Perpetrator to Qualifying Circumstances of the Crime: the Need for Legislative Regulation of Factual Error
- 184 E.V. Kobzeva, V.N. Sitnik**
Prospects for the Establishment of Criminal Liability of Legal Persons in the Development of the Autonomous Transport Sphere
- 194 M.M. Mogunova**
Transformation of the Concept and Peculiarities of Cybercrime in Finance

CRIMINAL PROCEEDINGS

- 206 V.M. Kornukov, E.V. Kornukova, D.S. Ustinov**
Lodging of Charges in the System of Means Ensuring the Right to De-fense and Equitable Justice
- 216 A.E. Fedyunin, N.M. Peretyatko**
Issues of Improvement in the Procedural Regulation of Compensation for Property Damage to the Rehabilitated Person
- 229 Yu.V. Frantsiforov, S.I. Annenkov, A.Yu. Frantsiforov**
Legal Assistance of a Lawyer in Criminal Proceedings
- 237 A.B. Smushkin**
Principles of Digital Transformation of the Process of Detection, Investigation and Prevention of Crime
- 246 E.V. Panteleeva**
An Acquittal: the Norm or the Undesirable Result of a Criminal Case?

OTHER BRANCHES OF LAW

- 255 S.A. Belousov, N.I. Makhonko, E.A. Tarasova, P.S. Barinov, Yu.A. Plotnikova**
Foreign and Domestic Experience of Legal Regulation of Landscaping of Urbanized Territories
- 263 E.N. Pastushenko, N.V. Neverova, L.N. Zemtsova**
The Role of Legal Acts of the Central Bank of the Russian Federation in Ensuring the Stability of the Financial Market at the Present Stage

- 269** Yu.S. Sergeenko, O.V. Shcherbakova, A.I. Permyakov,
E.V. Kombarova, O.V. Averyanova, Yu.M. Nikitenko
Prospects for the Development of Digital Technologies in Training (Education)
Personnel for Production and Industry

INFORMATION

- 276** In Dissertation Councils

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-15-25

УДК 340.13; 34.03

А.Г. Репьев

ДОВЕРИЕ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРЫ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Введение: автором, на основе положений законодательства, правоприменительной практики и юридической доктрины, предпринята попытка анализа правового феномена «доверие» сквозь призму правовой коммуникации. Базируясь на общетеоретическом восприятии конструкции «правовая коммуникация», изучается роль и ценность доверия в эффективном построении юридических связей. **Цель:** выявить общее значение феномена «доверие» в рамках правотворческого, правоприменительного процессов, а также предложить пути повышения культуры юридического коммуницирования. **Методологическая основа:** общенаучные и частные методы исследования, совокупность диалектического и системного методов познания, формально-юридический подход, метод интерпретации. **Результаты:** выдвигается гипотеза о том, что феномен «доверие» составляет основу культуры правовой коммуникации, что может быть обеспечено благодаря: достоверности транслируемой адресату информации; доступности средств коммуницирования; высокой правовой культуре и развитому правовому сознанию участников правового общения; соблюдению морально-этических, нравственных стандартов субъектами правовой коммуникации. **Выводы:** доказывается, что доверие, как основа культуры правовой коммуникации, устанавливает, а в определенной степени и гарантирует наличие обратной связи от адресанта к адресату, что может выражаться во взаимных уступках, готовности идти на диалог, находить компромисс; признание адресатом необходимости добровольно следовать государственно-властному велению; публичность, открытость функционирования органов власти, их партнерскую модель взаимоотношений с институтами гражданского общества; уважение к правовым институтам, положительную оценку их качественных характеристик.

Ключевые слова: доверие, правовая коммуникация, культура, взаимодействие, правовая норма, специальный правовой статус.

A.G. Repyev

TRUST AS THE BASIS FOR A CULTURE
OF LEGAL COMMUNICATION

Background: in this article the author, on the basis of legislation, law enforcement practice and legal doctrine, made an attempt to analyze the legal phenomenon of “trust” through the prism of legal communication. Based on a general theoretical perception of the construction of “legal communication”, the role and value of trust in the effective construction of legal communication is studied. **Objective:** to identify the general meaning of the phenomenon of “trust” in the law-making and law-enforcement processes, as well as to suggest ways to improve the culture of legal communication. **Methodology:** general scientific and private research methods, a set of dialectical and systemic research methods, formal legal approach, method of interpretation. **Results:** we hypothesize that the phenomenon of “trust” forms the basis of the culture of legal communication, which can be ensured by: the reliability of information transmitted to the addressee; accessibility of means of communication; high legal culture and developed legal consciousness of participants of legal communication; compliance with moral, ethical and moral standards by subjects of legal communication. **Conclusions:** it is proved that trust, as the basis of the culture of legal communication, establishes, and to a certain extent guarantees the presence of feedback from the addressee to the addressee, which may be expressed in mutual concessions, readiness for dialogue, to find a compromise; recognition by the addressee of the need to voluntarily follow the state-authoritative command; publicity, transparency of the functioning of authorities, their partnership model of relations with civil society institutions; respect for legal institutions, a positive assessment of their quality.

Key-words: trust, legal communication, culture, interaction, legal norm, special legal status.

Феномен «право», несмотря на многовековую историю, по-прежнему воспринимается разнопланово. И в объективном, и в субъективном смыслах оно есть социальное явление, результат развития общества, укрепления, а где-то и трансформации его внутренних и внешних связей. Оценивать эффективность права как средства упорядочения взаимных, выгодных всем отношений в обществе и государстве можно с различных точек зрения. Предположим, что предпосылкой для универсального, всеобщего восприятия права как социально необходимого, основного регулятора или ключевого средства охраны ценностей личности будет доверие к нему и к источнику его формально-юридического закрепления.

Подобное восприятие роли и ценности права для общества и государства согласуется с существующей в науке коммуникативной теорией. Она, как известно, базируется на концепции «человеческого взаимодействия и взаимопонимания, согласия и компромисса» [1, с. 27]. Коммуникация, как социальное явление, это еще и передача сообщения посредством языка и других знаковых систем (общение, контакт и т.д.) [2, с. 1006]. Реализуясь в юридической плоскости, она, без сомнения, приобретает индивидуальное содержание ввиду наличия характерной терминологии, специфических правовых жестов и символов, особенно речевого аппарата и т.д.

Немногочисленные работы по теме правового коммуницирования не позволяют пока сформировать устойчивое и однозначное понимание данного явления.

К примеру, Е.А. Романова на первый план сущности правовой коммуникации ставит порядок взаимодействия субъектов, связанный с обменом правовой информацией [3, с. 9]. Весьма интересной, ввиду своей разноплановости, можно назвать работу П.В. Лушникова, в которой он пишет о необходимости исследования взаимосвязей субъектов правовой коммуникации, что впоследствии будет определять эффективность правового регулирования [4, с. 374]. И.Б. Беляева и В.Н. Власенко пошли еще дальше и среди особенностей взаимосвязей участников процесса коммуникации, акцентировали внимание на такой характеристике, как доверие, выделяя его в качестве основы морального способа социального взаимодействия [5, с. 74].

Нам близка такая позиция, однако мы видим ее в более широком ключе. Полагаем, что доверие является фундаментальной предпосылкой, первоосновой не только установления коммуникативных связей, но и стержнем формирования культуры правовой коммуникации, в значении высокого, совершенного развития последней.

На значение феномена «доверие» в правовой коммуникации ранее обращалось внимание в литературе [6; 7]. Однако в большей мере, авторы не останавливали свое внимание на его сущности, проецирующих потенциях по эффективному правовому регулированию, формированию правопослушного поведения и пр. Попробуем, насколько это возможно в рамках научной публикации, устранить данный пробел.

Толкование термина «доверие» авторами словарей различно. Во-первых, оно интерпретируется как убежденность в чьей-нибудь честности, порядочности; вера в искренность и добросовестность кого-нибудь [2, с. 595; 8, с. 187]. В свою очередь, честность — отвлеченное существительное к прилагательному «честный», т.е. правдивый, прямой и добросовестный, свободный от всякого лукавства. Синонимом данному слову, ввиду схожего толкования, является термин «порядочность», т.е. неспособность к низким поступкам. «Искренний», как качество честного субъекта, означает его непритворное выражение подлинных чувств и мыслей, правдивость, откровенность, чистосердечность. Корнем, образующим слово «доверие», является «вера», т.е. признание чего-либо истинным, не требуя доказательств [8, с. 65, 316, 751, 1183]. Производными глаголами в данном случае будут: поверить, довериться, принять на веру.

Следовательно, «доверие» в государственно-правовом ключе и в самом общем смысле будет означать убежденность в исполнении возлагаемых на кого-либо ожиданий. В этом просматривается связь доверия с культурой, а в рамках нашей темы — культурой правового коммуницирования. Следует отметить, что о связи культуры (в т.ч. правовой) и коммуникации ранее писали такие авторы, как Е.Ф. Усманова, Т.И. Арсеньева, И.И. Бажин [9; 10] и др.

Доверие в праве есть чувственная рефлексия сознания индивида, основанная, в числе прочего, на ожидании чего-то положительного, достойного, справедливого. Это может быть улучшение благополучия индивида в результате государственных реформ, обеспечение достойного уровня жизни как следствие принятия новых нормативных установлений, и пр. Все эти эмоции, чувства, переживаемые субъектами и находят свое отражение в культуре правовой коммуникации (или ее отсутствии). Тем самым культура влияет на эффективность процесса коммуникации посредством закрепления правовых взглядов о

доверии или недоверии к праву в целом: системе законодательства, судебной и иной правоприменительной практике и пр.

Высокая культура правовой коммуникации, основанная на доверии, может быть достигнута благодаря соблюдению следующих императивов:

во-первых, достоверность транслируемой информации. Если адресант сообщения правовой информации преследует цель не сугубо примитивную (доставить юридические данные до необходимого субъекта), но и достичь при этом социально-выгодного результата, то передаваемые сведения должны отвечать качествам истинности: проверяемостью, объективностью, социальной потребностью и т.д. Известно, что Федеральная служба исполнения наказаний России более года назад отчиталась о создании специальных комиссий по мониторингу применения физической силы и спецсредств, которые нацелены на проверку каждого подобного факта с обязательным просмотром видеозаписей. Руководство пенитенциарной системы публично заявляло о воплощении в этом проекте принципов открытости и гуманности¹. Однако вскрывшиеся в конце 2021 г. факты насилия в ОТБ-1 УФСИН России по Саратовской области продемонстрировали определенную декларативность ранее публикуемых материалов, подтверждением чему стали соответствующие правовая² и организационно-управленческая³ оценки данных событий.

Во-вторых, доступность средств коммуникации. Это относится к вербальным (текстовым, речевым) и невербальным (жестовым, символьным) каналам передачи юридической информации, а также к режимам правового коммуникации в целом. Основными требованиями трансляции сведений должны быть: понятность правового лексикона, ясность изложения передаваемых адресату установлений, исключая их оценочное, двусмысленное и иное толкование, не заложенное в идее нормативного акта и не охватываемое замыслом органа правотворчества и субъекта правоприменения. Так, в январе 2022 г. кассационная судебная инстанция пришла к весьма новаторским выводам. По мнению суда, акт применения права лишается юридической силы не только ввиду формального отсутствия подписи гражданина, привлекаемого, например, к административной ответственности, о разъяснении ему положений законодательства. Принципиально важный момент — сотрудник полиции обязан осуществить фактическую и детальную коммуникацию с адресантом: аргументировать наличие состава правонарушения, разъяснить права и обязанности лица, привлекаемого к ответственности. При этом данный «юридический ликбез» должен быть понятен субъекту правонарушения⁴. Что касается режимов коммуникации, этот процесс характеризуется созданием полноценных коммуникативных площадок (сегодня, как правило, цифровых), позволяющих существенно сэкономить издержки (финансовые, организационные и иные) на получение, передачу, обработку, хранение юридических данных. Так, в России начался эксперимент по функционированию «одного окна», который продлится

¹ См.: Куликов В. Применение силы к заключенным взято под особый контроль // Российская газета. 2020. 12 окт.

² См.: Москалькова Т. Самое главное для человека — это быть услышанным // Российская газета. 2021. 10 дек.

³ См.: Латухина К. Новым директором ФСИН назначен Аркадий Гостев // Российская газета. 2021. 25 нояб.

⁴ См.: Куликов В. Кассационный суд обязал ГАИ разъяснять водителям-нарушителям их права // Российская газета. 2022. 1 февр.

до февраля 2025 г., позволяющий субъектам малого и среднего предпринимательства при обращении в государственные органы обойтись минимизацией сбора документов в печатном виде, а факультативно и узнать о существующих адресных мерах поддержки¹.

В-третьих, высокая правовая культура и развитое правовое сознание участников коммуницирования. К примеру, неслучайно «доверенным лицом» в юридической практике (доверенные лица политических партий, кандидатов, доверенные лица в антимонопольных делах и пр.) назначается субъект, не только вызывающий положительные эмоционально-волевые межличностные чувства о его добросовестности, честности, порядочности, но и обладающий юридическими познаниями (четко ориентирующийся относительно своего правового статуса, соотносящий свои права и обязанности, стимулы и ограничения, способный обеспечивать консультирование участников коммуницирования и обеспечивать эффективность данного процесса)².

В-четвертых, соблюдение морально-этических, нравственных стандартов поведения субъектами (в особенности адресантами) коммуницирования. Показательно, что в последнее время возросло количество разрабатываемых кодексов этики, чести различных служащих³. Полагаем, не нуждается в дополнительных доказательствах тезис, что невысокий моральный облик адресанта правового общения (к примеру судьи, прокурора, сотрудника правоохранительных органов, врача и пр.) вряд ли обеспечит развитую культуру коммуникации и послужит основой формирования доверия между его участниками⁴.

Приведенный перечень условий повышения культуры правовой коммуникации, основанной на доверии, далеко не исчерпывающий. Его позиции зависят от уровня общения и передаваемой информации. Особое значение названные и иные требования к правовому взаимодействию приобретают на макроуровне, т.е. между высшими органами государственной власти. И здесь доверие — важный, системообразующий элемент их функционирования. К примеру, Правительство РФ может как в инициативном порядке обратиться в Государственную Думу РФ с вопросом о доверии, так и «Государственная Дума может выразить недоверие Правительству РФ»⁵. Отказ в доверии выступает основанием отставки Правительства РФ или роспуска Государственной Думы РФ.

¹ См.: Капранов О. Для бизнеса сформируют систему «одного окна» // Российская газета. 2022. 1 февр.

² См., например: Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2409 «О дополнительных требованиях к доверенным лицам удостоверяющего центра федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление государственной регистрации юридических лиц» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 2, ч. II, ст. 455.

³ См.: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г., протокол № 21) // Официальные документы в образовании. 2011. № 36; Кодекс профессиональной этики аудиторов (приложение к протоколу заочного голосования Совета по аудиторской деятельности от 21 мая 2019 г. № 47) (в ред. от 17 ноября 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»; Кодекс судейской этики (утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) (в ред. от 8 декабря 2016 г.) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2; Приказ Федеральной службы по аккредитации от 15 октября 2021 г. № 178 «Об утверждении правил деловой и профессиональной этики эксперта по аккредитации, технического эксперта» // Российская газета. 2021. 29 нояб. и др.

⁴ См.: Федермессер Н. Нарушение этики в отношениях «врач-больной» — это бич медицины // Российская газета. 2021. 16 нояб.

⁵ Ст. 34, 35 Федерального Конституционного закона от 6 декабря 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 45, ст. 7061.

При этом, доверие — необходимый атрибут эффективного функционирования как устоявшихся государственно-правовых институтов, так и новых. Оно первично в механизме реализации каких-либо правоотношений. Для того, чтобы вновь вводимый институт (норма) мог успешно существовать, необходимо доверие к нему, в противном случае социальное отторжение сделает свое дело. Важно избежать и перегибов, которые могут привести к «передоверию». Следовательно, актуальным является теоретико-правовое обращение конструкции «злоупотребление доверием». Рассмотрим данный аспект через призму дефекта культуры правовой коммуникации.

В среде ученых-отраслевиков (специалистов в области административного, уголовного, гражданского и иных отраслей права) трактовка термина «доверие» не имеет универсального толкования и, как правило, разнится. К примеру, доверие является составообразующим признаком административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 7.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее — КоАП РФ). Авторы одного из комментариев к КоАП РФ полагают, что злоупотребление доверием — это «использование благожелательного, искреннего, доверительного отношения собственника или владельца имущества к виновному лицу» [11, с. 1012].

Аналогичная ситуация с гибкостью интерпретации термина «доверие» просматривается и в уголовном праве. Так, орган профессионального судебного толкования в лице Пленума Верховного Суда РФ, к сожалению не раскрыл содержание такого элемента объективной стороны преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), как «злоупотребление доверием», по сути, синонимизируя второе слово с «доверительными отношениями»: «Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам»². При этом указав возможные основания возникновения подобных отношений: «служебное положение лица либо его личные отношения с потерпевшим».

Интересную интерпретацию данного признака дал Конституционный Суд РФ. В частности: «Конструирование квалифицированного состава мошенничества посредством дополнения его основного состава признаком использования при его совершении своего служебного положения предопределяется тем, что это преступление сочетает в себе как признаки хищения, так и признаки злоупотребления специальным субъектом (в том числе должностным лицом) юридическими или фактическими возможностями, которыми он обладает благодаря занимаемому служебному положению. Анализ указанного квалифицированного состава с очевидностью свидетельствует, что по своей природе он предполагает разнородные объекты, находящиеся под охраной уголовно-правовой нормы (собственность и интересы государственной службы или службы в органах местного

¹ См. ст. 7.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 28 января 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1; Российская газета. 2022. 11 янв.

² Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. от 29 июля 2021 г.) // Российская газета. 2017. 11 дек.

самоуправления), и специфическую объективную сторону, которая выражается в незаконных действиях по службе, не только посягающих на отношения собственности, но и представляющих угрозу — вследствие использования субъектом при их совершении своего служебного статуса — для верховенства закона, демократических институтов и ценностей, равенства и социальной справедливости, надлежащего функционирования рыночной экономики, устойчивого развития и для других сфер общественных отношений, подверженных деструктивному влиянию коррупции в результате криминализации представителей публичной власти, чья легитимность во многом основывается на доверии общества»¹. Из сказанного следует, что:

во-первых, доверие, как составляющая культуры правовой коммуникации в публичной деятельности государственного служащего, по умолчанию связано с наличием у последнего специального правового статуса;

во-вторых, феномен «доверие» может, а зачастую, и должен выступать также в качестве принципа осуществления какой-либо публично-правовой деятельности. К примеру, ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» закрепляет, что «полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан»².

При этом органы правоприменения по-разному толкуют данный принцип. Одним из вариантов интерпретации доверия является требование осуществления таких действий, которые «должны быть обоснованными и понятными для граждан»³.

Максимально широкую, на наш взгляд, трактовку понимания принципа доверия в деятельности полиции дал Конституционный Суд РФ, вложив в него несколько самостоятельных этико-юридических концептов. В частности: «в целях обеспечения полиции общественного доверия и поддержки граждан сотрудник органов внутренних дел при осуществлении служебной деятельности (в том числе в сфере пресечения административных правонарушений и ведения производства по делам об административных правонарушениях), а также во внеслужебное время должен заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, воздерживаться от любых действий, которые могут вызвать сомнение в его беспристрастности или нанести ущерб авторитету полиции»⁴.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сеземиной Ольги Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Часть 1 ст. 9 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 11 ноября 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900; 2021. № 24, ч. I, ст. 4188.

³ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2021 г. № 58-КАД20-10-К9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 25 июля 2019 г. № 1738-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юмина Антона Евгеньевича на нарушение его конституционных прав положениями федеральных законов „О полиции“ и „О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Аналогичные позиции изложены в следующих решениях: Определение Конституционного Суда РФ от 25 июля 2019 г. № 1737-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терехина Романа Владиславовича на нарушение его конституционных прав положениями федеральных законов „О полиции“ и „О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“». Доступ из

Иными словами, в категорию «доверие» орган толкования заложил как минимум три императива для сотрудника: хранить свою честь и достоинство, быть объективным и беспристрастным, не совершать действий, умаляющих престиж органов внутренних дел. Каждое из перечисленных требований к поведению полицейского представляет собой совокупность нравственных, этических и юридических запретов на совершение определенных поступков.

Восполнить отсутствие формально-установленных критериев доверия отчасти может позволить анализ обстоятельств и условий, наступление которых свидетельствует об утрате доверия, что служит основанием увольнения сотрудника из органов внутренних дел. В частности, ст. 82.1 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ закрепляет исчерпывающий перечень из шести случаев, наступление которых говорит об утрате доверия¹. Примечательно, что, рассматривая доверие в привязке к правовому коммуницированию полиции с населением государства (как мы помним, принцип деятельности полиции требует именно общественного доверия), ни один из указанных в Законе случаев с поведением полицейского в обществе не связан. Фактически, к примеру, о вхождении «сотрудника органов внутренних дел в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений» граждане могут и не узнать.

В свете сказанного, важно подчеркнуть ценность и отметить значение доверия в рамках построения культуры правовой коммуникации. По нашему мнению, оно обеспечивает:

1) наличие обратной связи между адресантом и адресатом, что выражается во взаимных уступках, готовности идти на диалог, находить компромисс. Это может проявляться как на макроуровне (правопослушное поведение, добровольное следование не только юридическим обязанностям, но и социальным, морально-этическим обязательствам), так и на микроуровне (позитивная реакция отдельной социальной группы на законодательные инициативы, достижение рабочим коллективом повышенных производственных показателей на предприятии и пр.). К примеру при решении задач развития экономического регулирования охраны окружающей среды государство использует в качестве механизма социальную ответственность бизнеса². Последняя, в свою очередь, означает добровольный вклад представителей предпринимательского сообщества в укрепление природоохранной сферы, социального сектора, вызванного деятельностью компании, которая выходит за пределы функционирования, определенные нормативными правовыми актами (превышение лимита выбросов в окружающую среду, низкая эффективность утилизации отходов и пр.);

справ.-правовой системы «Консультант Плюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2013 г. № 129-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нигматзянова Рамиля Наиловича на нарушение его конституционных прав пунктом „о“ части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

¹ См. ст. 82.1 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49, ч. 1, ст. 7020; 2021. № 18, ст. 3060.

² См. п. 17. Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утверждены Президентом РФ 30 апреля 2012 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2) признание адресатом необходимости добровольно следовать государственно-властному велению (первоначально — на интуитивном уровне, а затем — благодаря рационально-прагматическому мышлению). Так, ряд законодательных положений связывает понятие «доверие» с «признанием». К примеру, такое перспективное направление как создание в Российской Федерации единого пространства доверия электронной подписи, планируется реализовать путем обеспечения «признания усиленной квалифицированной электронной подписи во всех видах правоотношений, включая предоставление услуг»¹;

3) публичность, открытость функционирования государственно-правовых институтов, их партнерскую модель взаимоотношений с институтами гражданского общества. К примеру, положения нормативных актов (ведомственного уровня) позиционируют «доверие» как неотъемлемую составляющую деятельности государственных органов и его основу, что обеспечивает их открытость. Так, «телефон доверия в арбитражных судах вводится в целях обеспечения открытости и доступности информации о деятельности арбитражных судов, совершенствования организации работы и повышения эффективности судебной деятельности, профилактики коррупционных правонарушений»²;

4) уважение к функционированию правовых институтов, деятельности органов власти, положительную оценку их качественных характеристик. В исторической литературе, слово «доверенность» часто используется в синонимичном значении самоуважения. К примеру, русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский так описывает состояние главнокомандующего русской армией в военной кампании 1806–1807 гг. графа М.Ф. Каменского: «...бремя забот и ответственности, усугубляемое частыми порывами гнева, подавило старца, лишило его сна и доверенности самому себе» [12, с. 99].

В завершении хотелось бы остановиться на наиболее остром аспекте доверия как основы правовой коммуникации. Вопрос искренних, честных отношений населения и государства — важный и исторически преемственный. К примеру, ситуация с новой коронавирусной инфекцией показала глубокий кризис доверия граждан к аппарату власти. На первых этапах развития инфекционной ситуации вводимые государством правовые (преимущественно рекомендательные) меры о необходимости социального дистанцирования, ношения масок и перчаток воспринимались в лучшем случае безразлично, а скорее — остро отрицательно. Мало кто воспринимал угрозу всерьез, считая превентивные шаги чрезмерными. Далее, когда эпидемиологическая ситуация могла быть серьезно улучшена при помощи разработанных вакцин — снова кардинально встал вопрос доверия. Первые месяцы нового 2021 года характеризовались крайне низкой активностью граждан касательно добровольной вакцинации. Думается, основная причина все та же — недоверие, даже в отношении медицины, что является и вовсе застарелой «язвой» нашего общества. Безусловно, определенную лепту внесли темные страницы советской истории с развертыванием, так называемой, карательной

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р «Об утверждении Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» (в ред. от 13 октября 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 2, ч. II, ст. 155.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 г. № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» (в ред. от 1 июля 2014 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

медицины, агитационные и пропагандистские материалы о «заговоре врачей» и т.д. Эти сюжеты достаточно подробно описаны на страницах политических романов и иной публицистической литературы [13].

Для меня кажется безрассудной такая сегодняшняя реакция общества, но так или иначе странички в социальных медиа пестрят «вбросами» информации о чипировании граждан при вакцинировании, о сознательном уменьшении численности населения ввиду дефицита бюджетных средств, необходимых для осуществления выплат и пр. Это не что иное, как реакция гражданского общества на отсутствие доверия к государству, ввиду чего значимость его укрепления для установления культуры правовой коммуникации только возрастает.

Библиографический список

1. *Поляков А.В.* Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45.
2. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Стрель, 2006. Т. 1: А–Л. 1165 с.
3. *Романова Е.А.* Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 22 с.
4. *Лушников П.В.* Правовая коммуникация и ее участники: теоретический аспект // Вестник Удмуртского ун-та. Сер.: Экономика и право. 2019. Т. 29. Вып. 3. С. 369–378.
5. *Беляева И.Б., Власенко В.Н.* О доверии и недоверии в правовой коммуникации // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. 2017. № 3. С. 73–76.
6. *Кокотов А.Н.* Доверие и недоверие в российском праве // Право и политика. 2004. № 7. С. 21–25.
7. *Ветютнев Ю.Ю.* Роль доверия в правовом общении // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2011. С. 172–174.
8. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта-Принт», ООО Издательство «ДОМ. XXI век», 2008. 1239 с.
9. *Усманова Е.Ф.* Правовая культура сквозь призму теории коммуникации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. Тамбов: Грамота, 2015. Ч. II. № 5 (55). С. 191–193.
10. *Арсеньева Т.И., Бажин И.И.* Нормы права как нравственная основа формирования коммуникативного взаимодействия органов власти и общества // Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches: materials of the XII international scientific conference on December 1-2, 2021. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2021. P. 49–52.
11. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях: ч. 1. / Р.В. Амелин, А.В. Колоколов, М.Д. Колоколова и др.; под общ. ред. Л.В. Чистяковой. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2019. Т. 1. 1343 с.
12. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах, по Высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом и членом Военного совета Михайловским-Данилевским. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1846. 426 с.
13. *Вайнер А., Вайнер Г.* Петля и камень в зеленой траве. М.: Астрель, 2012.

References

1. *Polyakov A.V.* Normativity of Legal Communication // Jurisprudence. 2011. No. 5. P. 27–45.

2. *Efremova T.F.* Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 3 vols. 160 000 words. Moscow: AST: Strel, 2006. T. 1: A–L. 1165 p.
3. *Romanova E.A.* Legal Communication: General Theoretical Analysis: extended abstract of diss. ... cand of law. Saratov, 2011. 22 p.
4. *Lushnikov P.V.* Legal Communication and Its Participants: a Theoretical Aspect // Bulletin of Udmurtian University. Ser.: Economics and law. 2019. V. 29. Issue. 3. P. 369–378.
5. *Belyaeva I.B., Vlasenko V.N.* On Trust and Distrust in Legal Communication // Scientific Bulletin of Volgograd branch of RANEPА. 2017. No. 3. P. 73–76.
6. *Kokotov A.N.* Trust and Distrust in Russian Law // Law and politics. 2004. No. 7. P. 21–25.
7. *Vetyutnev Yu.Yu.* The Role of Trust in Legal Communication // Standards of Scientificity and Homo Juridicus in the Light of Philosophy of Law: materials of the fifth and sixth philosophical-legal readings in memory of acad. V. S. Nersesyants. Moscow: Norma, 2011. P. 172–174.
8. *Ushakov D.N.* The Big Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. M.: “Alta-Print”, LLC Publishing house “DOM. XXI century”, 2008. 1239 p.
9. *Usmanova E.F.* Legal Culture Through the Prism of the Theory of Communication // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art Criticism. Issues of theory and practice: in 2 parts. Tambov: Gramota, 2015. PART II. No. 5 (55). P. 191–193.
10. *Arsenieva T.I., Bazhin I.I.* Norms of Law as a Moral Basis for the Formation of Communicative Interaction Between Authorities and Society // Practice of communicative behavior in social and humanitarian researches: materials of the XII international scientific conference on December 1-2, 2021. Prague: Vědecko vydavatelské center “Sociosféra-CZ”, 2021. P. 49–52.
11. Article-by-Article Commentary to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: part 1 / R.V. Amelin, A.V. Kolokolov, M.D. Kolokolova et al; ed. by L.V. Chistyakova. Moscow: GrossMedia, ROSBUH, 2019. V. 1. 1343 p.
12. *Mikhailovsky-Danilevsky A.I.* Description of the Second War of Emperor Alexander with Napoleon in 1806 and 1807, by Imperial Command, composed by Lieutenant General and Member of the Military Council Mikhailovsky-Danilevsky. St. Petersburg: Press. St. Petersburg: Headquarters of the Separate Internal Guard Corps, 1846. 426 p.
13. *Vainer A., Vainer G.* The Loop and the Stone in the Green Grass. Moscow: Astril, 2012.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-26-33
УДК 340.137

Г.Г. Егоров, И.Б. Орешкина

РАЗВИТИЕ ИДЕИ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА СЕНЯКИНА

Введение: статья посвящена проблеме унификации законодательства. В самом общем виде идея правовой унификации опирается на две основные предпосылки: во-первых, наличие множественности каких-либо элементов в системе или какой-то ее отдельной сфере (как правило, подразумеваются нормативно-правовые предписания), во-вторых необходимость единого согласованного содержания указанных элементов. Основная функция любой унификации сводится к упрощению и достижению большей логической последовательности соответствующей нормативной общности. На теоретико-правовом уровне концепция унификации законодательства получила наиболее всестороннее и полное развитие в рамках научного направления, основанного выдающимся российским ученым-юристом И.Н. Сенякиным. **Цель:** обобщить унификацию, т.е. укрепление формального и содержательного единства, с точки зрения общих правовых ценностей и принципов современного права и проанализировать роль специализации как элемента правового регулирования необходимого в силу того, что законодатель не может ограничиваться лишь культивированием специально-юридических идей, а вынужден адаптировать их к нуждам текущей правовой политики. **Методологическая основа:** диалектический метод, системный подход, формально-юридический метод, а также логические приемы анализа, представляющие унификацию и специализацию в качестве элемента механизма правового регулирования. **Результаты:** доказано, что создание новых правовых норм, изменение и отмена существующих с неизбежностью откликаются на процессы социально-экономического характера. Необходимость признания законодательными органами роли систематизационных и унификационных подходов, в целях совершенствования российского права. **Выводы:** необходимость с учетом достижений теоретико-правовых идей, под унификацией законодательства понимать важнейшую и объективированную практику совершенствованию действующих норм права. Признавая данный процесс сдерживающим фактором распространения безграничные видов специализации и дифференциации системы законодательства.

Ключевые слова: право, унификация законодательства, специализация, дифференциация, кодификация законодательства.

© Егоров Геннадий Геннадьевич, 2022
Кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник отдела научной и международной деятельности (Волжский филиал ВолГУ); e-mail: egorov@vgi.volsu.ru
© Орешкина Ирина Бахтыбаевна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент, преподаватель (Волжский филиал ВолГУ); e-mail: orechkina-ib@mail.ru

© Egorov Gennadiy Gennadievich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Researcher in the Department of Scientific and International Activities (Volzhsky branch of VolSU)

© Oreshkina Irina Bakhtybaevna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Teacher of Law (Volzhsky branch of VolSU)

G.G. Egorov, I.B. Oreshkina

DEVELOPMENT OF THE IDEA OF UNIFICATION
OF LEGISLATION IN THE WORKS
OF IVAN NIKOLAYEVICH SENYAKIN

Background: article is devoted to the problem of unification of legislation. In the most general form the idea of legal unification is based on two basic prerequisites: first, the presence of a multiplicity of any elements in the system or any of its individual areas (as a rule, normative legal prescriptions are meant), and second, the need for a single co-consistent content of these elements. The main function of any unification is to simplify and achieve greater logical consistency of the relevant normative commonality. At the theoretical-legal level, the concept of unification of legislation has received the most comprehensive and complete development in the framework of scientific direction, founded by an outstanding Russian legal scholar I.N. Senyakin. **Objective:** to generalize unification, i.e. strengthening of formal and substantive unity, in terms of general legal values and principles of modern law and to analyze the role of specialization as an element of legal regulation necessary because the legislator cannot limit himself to the cultivation of special-legal ideas, but is forced to adapt them to the needs of current legal policy. **Methodology:** dialectical method, systematic approach, formal legal method, as well as logical methods of analysis, representing unification and specialization as an element of the mechanism of legal regulation. **Results:** it is proved that the creation of new legal norms, modification and abolition of existing ones inevitably respond to the processes of socio-economic nature. The need for legislative bodies to recognize the role of systematization and unification approaches, in order to improve Russian law. **Conclusions:** the need to take into account the achievements of theoretical and legal ideas, under the unification of legislation to understand the most important and objective practice of improving the existing rules of law. Recognizing this process as a deterrent to the spread of limitless types of specialization and differentiation of the system of legislation.

Key-words: law, unification of legislation, specialization, differentiation, codification of legislation.

Количественное разрастание и качественное усложнение правового регулирования являются характерными чертами современного развития права, которые едва ли в ближайшее время уступят место противоположным тенденциям.

Эти явления носят объективный характер, совершенно не зависящий от особенностей политического режима или правовой системы того или иного конкретного государства.

Потребность в том, чтобы управлять этими процессами, сдерживая их негативные эффекты, по всей видимости, первоначально осознается на уровне международного права, где расхождения в стратегиях и отдельных направлениях правового регулирования наиболее наглядны.

Как отмечает С.В. Бахин, традиционно считается, что оптимальной формой их преодоления выступает договорная унификация на уровне материального и коллизивно-правового регулирования при условии, что нормы заключаемых договоров имплементируются в правовые системы государств-участников [1, с. 132].

Основная сложность унификации права на этом уровне связана с тем, что она возможна лишь в качестве компромисса между государствами, затрагивающего,

в том числе политически чувствительные вопросы национального суверенитета [2, с. 134].

Другой приоритетный аспект унификации права, с которым российская юридическая наука вплотную сталкивается с начала 90-х гг. XX в., связан с федеративным устройством государства и присущим ему двухуровневым строением законодательства, порождающим феномен юридических коллизий между нормативными актами федерального и регионального уровня.

Необходимость в унификации национального законодательства допускает, как и в международно-правовом поле, различные формы своей реализации как централизованные, так и децентрализованные. Однако сторонники федерализации часто упускают из виду, что любые практики договорных отношений между субъектами федерации, с участием или без участия федеральных органов власти, возможны только при условии, что для них уже существует нормативно-правовая основа. В свою очередь, без связей юридического характера будут неосуществимы экономические отношения любого вида и уровня.

В самом общем виде идея правовой унификации опирается на две основные предпосылки:

1) наличие множественности каких-либо элементов в системе или какой-то ее отдельной сфере (как правило, подразумеваются нормативно-правовые предписания);

2) необходимость единого согласованного содержания указанных элементов.

Основная функция любой унификации сводится к упрощению и достижению большей логической последовательности соответствующей нормативной общности.

На теоретико-правовом уровне концепция унификации законодательства получила наиболее всестороннее и полное развитие в рамках научного направления, основанного выдающимся российским ученым-юристом И.Н. Сенякиным [3, с. 22].

Отличительной чертой И.Н. Сенякина, как теоретика права была, в первую очередь, его исключительная открытость к практическим проблемам современной юриспруденции, включая дискуссии по поводу сложностей и противоречий, возникающих в процессе текущего законоотворчества. Он неоднократно выражал свою обеспокоенность неустроенностью законодательной системы, дестабилизацией социально-экономических и политических институтов, усиливающимися противоречиями между государством и личностью, нарушением конституционных прав и свобод российских граждан и другими острыми вопросами.

Однако И.Н. Сенякин относился к числу тех исследователей, которые не ограничиваются констатацией фактов и указанием на проблемные ситуации, но всегда стремятся к поиску конкретных практических решений.

И.Н. Сенякин связывал положение дел в современном российском законодательстве с его заметной склонностью, с одной стороны, к универсализации, а с другой, к диверсификации правового регулирования. В этой связи приоритет его исследований лежал в сфере специализации и унификации законодательства, поскольку именно в этих процессах ученый видел условия упорядочения законодательства.

В отношении правовой специализации И.Н. Сенякин указывал, что ее целью является прежде всего выявление объективной динамики социальных отношений, с тем чтобы подобрать адекватные им средства правового воздействия.

Проявлением специализации выступает, в частности, функциональное деление права на отрасли, институты и иные нормативные общности, каждая из которых воздействует на свой сегмент общественных отношений [4, с. 322].

Если задача специализации видится как схватывание предметной специфики задач отдельных законодательства и достижение определенности в их функциях, то унификация направлена на создание и поддержание единообразия и общности в регулировании общественных отношений.

Унификация определяется И.Н. Сенякиным как «...устранение различий в регулировании сходных либо родственных явлений и создание равноуровневых универсальных нормативных актов» [4, с. 133].

Если специализация обеспечивает внутреннюю дифференциацию правовой системы, то унификация — ее интеграцию, призвана делать нормативное регулирование более компактным и целостным, предотвращает его излишнее усложнение.

Таким образом, И.Н. Сенякин противопоставляет поверхностным и раздробленным подходам к законодательству две основные ценности — глубину, за которую отвечает специализация, и единство, которого можно достичь с помощью унификации.

Стоит отметить еще одну ценность, которая прямо не указывается, но подразумевается — это ценность иерархии, о которой свидетельствует выражение «создание равноуровневых универсальных нормативов». Нарушение этой ценности угрожает не только принципу законности, но и системности правового регулирования.

Как отмечают И.Н. Сенякин и Н.И. Сухова, юридические коллизии могут вести к тому, что правовые нормы приобретают фактически неисполнимый характер: «Признание коллизий проявлением дефектности системы права, по известным причинам, не может стать средством избавления от них, поскольку причины возникновения этого дефекта во многом объективны. Однако их негативное влияние на реализацию права и ее эффективность многолико. Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что они могут стать причинами появления неисполнимых норм» [5, с. 305].

Итак, согласно концепции И.Н. Сенякина, специализация не будет иметь должного эффекта и значения, если не учитывать необходимость унификации и ее технологии, которые служат для того, чтобы создать устойчивый правовой порядок. По сути, предлагается формула гармонизации законодательства, где эти два процесса идут в паре и создают прочный каркас правовой системы.

При этом, разумеется, трудно не обратить внимания на то, что специализация и унификация — это тенденции, между которыми возникает определенное смысловое напряжение. И это указывает еще на одну ценность, признание которой характерно для доктринальных взглядов И.Н. Сенякина — в качестве этой ценности выступает баланс, что выражено, например, в следующей формулировке: «...процесс объединения законодательного материала неограничен, ибо подвижность общественных отношений, их динамика объективно создают потребность их дифференцированной регламентированности. В противном случае процесс унификации в силу сложности своего внутреннего содержания будет не желателен и малоэффективен» [6, с. 20].

Идея законодательного баланса, понимаемого именно как сочетание противоположностей (и дисбаланса как его противоположности), обоснованная И.Н. Се-

някиным, впоследствии получила детальное развитие в работах С.А. Белоусова, который подчеркивает, в частности: «...при специализации законодательства, имеющей объективные причины и требующейся для решения задач максимальной регламентации богатых по своему содержанию общественных отношений, не всегда сохраняется баланс в системе нормативных актов. В этих случаях на помощь приходит унификация практики издания внешних форм права по одинаковым предметам правового регулирования» [7, с. 298].

Баланс понимается не как статическое, а как динамическое состояние. Проблемой, которая может возникнуть в данной связи, является стагнация, или торможение развития законодательства; такой риск существует и при специализации, но она повышает вероятность его предупреждения и снижения: «Общее движение вперед осуществляется за счет множества позитивно развивающихся направлений специализации, которые в своей совокупности образуют основу общественного прогресса» [4, с. 232].

Может возникнуть закономерный вопрос: а не способствует ли специализация еще большей дифференциации и, как следствие, большей разобщенности, а не единству?

С точки зрения И.Н. Сенякина, объективная логика здесь иная: дифференциация приводит к уточнению предметных сфер правового регулирования, а значит, дает возможность конкретизировать и выявить общие черты разнородных отношений.

Диалектическая взаимосвязь унификации и специализации строится на том, что без четкого выделения в системе права отдельных элементов, «обслуживающих» те или иные специфические группы общественных отношений с присутствием им социальными интересами, нет предмета для полноценной интеграции их в единое целое. Таким образом, достижение единства правовой системы опирается на ту предпосылку, что отдельные элементы этой структуры не только существуют, но уже относительно строго разграничены между собой [4, с. 249].

В качестве критерия уместности унификации в том или ином конкретном случае И.Н. Сенякин предложил авторское понятие «унификабельности», понимая ее как предрасположенность законодательства к процессам объединения [6, с. 18].

Эта проблема, в свою очередь, имеет отношение к другому принципиальному теоретическому вопросу: о соотношении объективных и субъективных факторов в процессе унификации.

Так, Д.Е. Петров, во многом развивая представления И.Н. Сенякина, высказал мнение о преимущественно объективном характере унификации, которая должна отражать на уровне правовой политики социально обусловленную динамику правовой системы: «Задача правотворческого органа не изобрести очередную оторванную от жизни унификационную форму, а уловить, познать и своевременно оформить уже объективно сложившиеся интеграционные процессы в системе права» [8, с. 48].

И.Н. Сенякин усматривал один из фундаментальных аспектов унификации в юридическом языке, а именно в лексике, правовых дефинициях, терминологии и т.п., где коренятся многие причины несогласованности в правотворчестве. Он указывал на то, что специальные юридические термины, с одной стороны, способствуют уплотнению нормативного материала и точности его изложения. С другой стороны, как и любое другое технико-юридическое средство, терминология требует умеренности в использовании; злоупотребление специальными

терминами приводит к перегруженности текстов нормативно-правовых актов, поскольку каждый термин либо требует собственной легальной дефиниции либо при ее отсутствии порождает многочисленные и непродуктивные разночтения, с трудом преодолимые на уровне практики и доктрины [4, с. 401].

Примером недостаточной терминологической унификации может служить используемое в Гражданском кодексе Российской Федерации словосочетание «гражданский оборот», при помощи которого характеризуются, в частности, отношения, регулируемые гражданским законодательством, в ст. 2 ГК РФ. Отсутствие официального определения этого понятия приводит к тому, что в российской юридической науке существует не менее 15 различных подходов к его определению, в том числе, как набора юридических фактов, совокупности правоотношений, перехода субъективных прав и т.п. [9, с. 33–35].

Языковой (речевой) слой регулирования первичен по отношению к содержательному. Игнорирование формального уровня унификации ведет к тому, что на смысловом уровне она станет практически невозможной.

Следующим этапом унификации становится конструирование новых норм и правил, сочетающееся с систематизацией уже имеющегося нормативного материала и приведением старых и новых положений к единообразному виду.

Таким образом, на данном этапе выделяются три способа систематизации — инкорпорация, кодификация и консолидация. Соотношение унификации и систематизации видится нам следующим образом. Унификация — это основа систематизации законодательства как по форме, так и по содержанию. С точки зрения формы унификация это ориентир для применения набора конкретных приемов пересмотра и структурирования имеющегося нормативного материала. На содержательном уровне унификация выражается в том, что упорядочение правовых массивов не может сводиться только к их внешней обработке и неизбежно затрагивает содержательные моменты, в силу чего формальное уточнение или согласование часто перерастает в смысловую трансформацию [4, с. 38].

Примером глубокой концептуальной унификации является кодификация законодательства, которая, будучи формой систематизации, одновременно является высшей степенью правотворчества; унифицируя вид нормативно-правового акта, когда на месте множества отдельных источников появляется единый текст с общей структурой, кодификация, по общему правилу, знаменует собой и качественно новое состояние правовой политики по регулируемым вопросам [10, с. 232].

Консолидация служит устранению множественности нормативных актов, их унификации и создание в структуре законодательства крупных однородных блоков в качестве промежуточного звена между текущим правотворчеством и кодификацией [11, с. 208].

Таким образом, концепция унификации законодательства, разработанная И.Н. Сенякиным, имеет многоуровневую структуру:

- содержит сложную идею специализации;
- содержит сложную идею унификации;
- содержит еще более сложную идею комбинации специализации и унификации, направленной на достижение гармонии между ними;
- содержит принципы и технологии как первого, и второго процессов;
- содержит практические рекомендации.

С нашей точки зрения, унификация и специализация представляют собой отражение соответственно внутренних и внешних закономерностей развития правовой системы.

Унификация, т.е. укрепление формального и содержательного единства, становится возможным благодаря существованию общих правовых ценностей и принципов. В этом смысле основным унифицирующим началом национальной правовой системы выступает Конституция Российской Федерации и признаваемые государством нормы международного права. В этом смысле конституционное право не является рядовой отраслью в составе правовой системы, а претендует на всепроникающий характер, поскольку концентрирует в себе именно такие идеи и положения, которые предполагаются в качестве общеправовых, влияющих на все без исключения отрасли и институты права.

В свою очередь, специализация правового регулирования становится необходимой в силу того, что законодатель не может ограничиваться лишь культивированием специально-юридических идей, а вынужден адаптировать их к нуждам текущей правовой политики.

Создание новых правовых норм, изменение и отмена существующих с неизбежностью откликаются на процессы социально-экономического характера. Специализация законодательства является ответом на усложнение регулируемых общественных отношений, специфика которых не может не учитываться, в противном случае наступают различные формы делигитимации правового регулирования.

Наиболее сложной задачей, отчетливым образом сформулированной в многочисленных работах И.Н. Сенякина, становится поиск баланса между специализацией и унификацией; крайность специализации ведет к дроблению правовой системы и утрате ее внутренней логики, крайность унификации — к игнорированию объективных свойств регулируемых отношений.

Искомый баланс не является механической «серединой» этих полюсов, поскольку они носят сугубо качественный, а не количественный характер, но требует их органического синтеза в каждом отдельном акте правотворческой деятельности.

Библиографический список

1. *Бахин С.В.* Правовые проблемы договорной унификации // Московский журнал международного права. 2002. № 1. С. 129–144.
2. *Доронина Н.Г.* Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 134.
3. *Петров Д.Е.* Научная школа «Система российского законодательства: состояние и перспективы развития» профессора кафедры теории государства и права Ивана Николаевича Сенякина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4. С. 22–24.
4. *Сенякин И.Н.* Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. 504 с.
5. *Сенякин И.Н., Сухова Н.И.* Юридические коллизии как причина неисполнимости норм права // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 305.
6. *Сенякин И.Н.* О роли унификации в системе российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2. С. 20.

7. Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 501 с.
8. Петров Д.Е. Интеграция права и унификация законодательства: вопросы соотношения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6. С. 48.
9. Виниченко Ю.В. Гражданский оборот: опыт системного исследования. Иркутск: БГУ, 2019. 374 с.
10. Егоров Г.Г. Роль справочных правовых компьютерных систем в систематизации российского законодательства: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 232 с.
11. Орешкина И.Б. Систематизация нормативно-правовых актов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 208 с.

References

1. Bakhin S.V. Legal Problems of Contractual Unification // Moscow Journal of International Law. 2002. No. 1. P. 129–144.
2. Doronina N.G. Harmonization of Law as an Alternative to Supranationality in the Legal Regulation of Economic Relations // Journal of Russian Law. 2013. No. 10. P. 134.
3. Petrov D.E. Scientific School “System of Russian Legislation: State and Prospects of Development” by Professor of the Department of Theory of State and Law Ivan Nikolaevich Senyakin // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. No. 4. P. 22–24.
4. Senyakin I.N. Federalism as a Principle of Russian Legislation. Saratov: Publishing House of the State Educational Institution of Higher Education “Saratov State Academy of Law”, 2007. 504 p.
5. Senyakin I.N., Sukhova N.I. Legal Collisions as a Reason for the Impracticability of the Norms of Law // Legal technique. 2017. No. 11. P. 305.
6. Senyakin I.N. On the Role of Unification in the System of Russian Legislation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 2. P. 20.
7. Belousov S.A. Legislative Imbalance (Doctrine, Theory, Practice): dis. doc. of law. Saratov, 2015. 501 p.
8. Petrov D.E. Integration of Law and Unification of Legislation: Issues of Correlation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. No. 6. P. 48.
9. Vinichenko Yu.V. Civil Turnover: Experience of Systemic Research. Irkutsk: BSU, 2019. 374 p.
10. Egorov G.G. The Role of Reference Legal Computer Systems in the Systematization of Russian Legislation: Questions of Theory and Practice: dis. ... cand. of law. Volgograd, 2006. 232 p.
11. Oreshkina I.B. Systematization of Normative Legal Acts of the Russian Federation: dis. ... cand. of law. Saratov, 2000. 208 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-34-45

УДК 340.15

В.Л. Кулапов

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Введение: актуальность обозначенной темы определяется современным состоянием российского общества, его зависимостью от комплексного воздействия государства и права, противоречивостью и неполным соответствием наличных знаний о функционировании государства и права реалиям общественной. **Цель:** определение основных принципов и положений функционального подхода при исследовании государственно-правовых явлений. **Методологическая основа:** совокупность общенаучных и специально-юридических методов: диалектика, логический метод, анализ и синтез, исторический метод, сравнительно-правовой метод, формально-юридический и др. **Результаты:** автором проанализировано понятие функций социальных систем, определены признаки функций социальных систем, их специфика, выделены внутренние и внешние функции социальных систем. **Выводы:** при исследовании государственно-правовых явлений необходим комплексный государственно-правовой подход.

Ключевые слова: функции, принципы и положения функционального подхода, функциональный метод, системный подход, структурно-функциональный подход, функции социальных систем, диалектика.

V.L. Kulapov

BASIC PRINCIPLES OF THE FUNCTIONAL APPROACH IN THE STUDY OF STATE-LEGAL PHENOMENA

Background: relevance of the designated topic is determined by the current state of Russian society, its dependence on the complex impact of the state and law, inconsistency and incomplete correspondence of available knowledge about the functioning of the state and law to the realities of society. **Objective:** definition of the basic principles and provisions of the functional approach in the study of state-legal phenomena. **Methodology:** a set of general scientific and special legal methods: dialectics, logical method, analysis and synthesis, historical method, comparative legal method, formal legal, etc. **Results:** the author has analyzed the concept of functions of social systems, identified the features of the functions of social systems, their specificity, highlighted the internal and external functions of social systems. **Conclusions:** in the study of state-legal phenomena, a comprehensive state-legal approach is needed.

Key-words: functions, principles and provisions of the functional approach, functional method, system approach, structural-functional approach, functions of social systems, dialectics.

© Кулапов Виктор Лаврентьевич, 2022

Кандидат юридических наук, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Kulapov Viktor Lavrentievich, 2022

Candidate of Law, Professor, Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

Понятие функции применяется во многих областях знаний и практической деятельности, причем в зависимости от характера явления и сферы его применения, усматриваются и существенные особенности понимания функций. Нередко специальные исследования о функциях каких-либо объектов начинаются с обстоятельного анализа понятия функции. Не стало исключением в этом смысле и правоведение, в котором достаточно объемные разделы посвящены исследованию функций права и государства. Указанные блоки традиционно включаются в курс общей теории государства и права и являются базовыми.

При осуществлении анализа функций каких-либо объектов исследования довольно часто рассматривается этимология слова «функция» и его лексическое значение в общеупотребительном смысле. Источником таких знаний являются различного рода энциклопедии и словари. Вместе с тем у вышеизложенного подхода исследования функций есть один существенный недостаток, который лежит в методологической плоскости. Исследование понятия «функция» с различных аспектов, выяснение его общеупотребительного и специальных значений сами по себе не могут привести к получению достоверного и объективного знания в конкретной области. С точки зрения механизма исследования выявленное исследователем понятие функции накладывается на чуждую ему эмпирическую базу и, как правило, не приводит к получению нового знания. В таких исследованиях понятие функции выглядит чужеродным элементом, неадаптированным к среде объекта исследования. Избежать вышеуказанных проблем и недостатков представляется возможным при рассмотрении категорий как неотъемлемых элементов соответствующих методов познания. В этой связи нам представляется, что настоящее исследование следует начинать не с определения понятия функции, а с общей характеристики функционального метода, базовой категорией которого является категория функции. Выявление общих принципов и положений функционального подхода позволит рассматривать категорию «функция» не обособленно, а совместно с иными методологическими аспектами данного подхода.

В методологии функциональный метод традиционно рассматривается в рамках общей теории систем. «Системный подход в форме теоретической концепции под названием „общая теория систем” возник как реакция на исключительно бурный рост аналитических подходов в науке, все более и более удаляющих творческую мысль от того, что длительное время называлось проблемой целостного организма» [1, с. 9].

Несмотря на то, что функциям и функционированию систем посвящается достаточно большое количество материала, полного «отпочкования» функционального метода от системного не произошло. Анализируя основные положения системного подхода, М.С. Каган обращает внимание на необходимость рассмотрения объекта как системы в трех аспектах: предметном, функциональном и историческом [2, с. 17–18]. В.Г. Афанасьев, в свою очередь, выделяет несколько аспектов системного подхода: системно-элементный; системно-структурный; системно-функциональный; системно-интегративный; системно-процессуальный; системно-коммуникационный; системно-исторический [3, с. 85].

Таким образом, функциональный (а точнее структурно-функциональный) подход появился в рамках общей теории систем и характеризует один из ее методологических аспектов. Как отмечал Э.Г. Юдин: «...основными среди методологических направлений, ориентированных на изучение системных объектов, являются структурно-функциональный анализ, структурализм и системный

подход» [4, с. 123]. Рассматривая роль системно-структурного анализа, автор отмечал, что он «...поставил во главу угла изучение различных подразделений социальной системы с точки зрения выполняемых ими функций по отношению к более широкому целому» [4, с. 124].

Зародившись в недрах общей теории систем, структурно-функциональный подход в последующем оказывает на нее достаточно существенное влияние. Это влияние уже очевидно не только в вышеуказанных аспектах системного исследования объектов, но даже на понятийном уровне. Системно-структурный подход вносит в определение системы два элемента: организационный и функциональный. Организационный связан с внутренним строением системы, который обуславливается взаимными связями ее элементов. Функциональный аспект характеризует ценностно-целевую сторону системы, взаимодействие системы с внешней средой.

Вместе с тем структурно-функциональный подход не только в значительной степени обогатил методологическую базу системного познания. Истории методологии известны и «крайние» течения, гипертрофирующие познавательные способности отдельных приемов исследования и стороны исследуемого объекта. Такими течениями являлись функционализм (Мертон, Шилз, Малиновский, Радклифф-Браун, Блау, Луман) и структурализм (Леви-Стросс, Фуко, Гольдман) [5, с. 13]. Структурализм отдавал приоритет исследованию строения системного объекта, анализу межсистемных связей. Функционализм, напротив, уделял наибольшее внимание исследованию внешнего проявления свойств системы, взаимодействию системы с внешней средой. Противостояние указанных подходов вылилось в дескриптивный и конструктивный подходы к пониманию системы. Дескриптивный подход основывается на признании того, что системность свойственна действительности, что окружающий мир представляет собой некоторую совокупность систем, всеобщую систему систем, что каждая система принципиально познаваема, что внутри системы существует неслучайная связь между ее элементами, структурой и функциями, которые эта система выполняет. Дескриптивный подход предполагает выведение функций системы из ее структуры [6, с. 56–57]. Согласно конструктивному подходу структура системы определяется функционально-целевым аспектом. Цель представляет собой состояние, к которому направлена тенденция движения объекта [6, с. 57]. Не вдаваясь в дискуссии относительно правомерности каждого из вышеизложенных подходов, отметим, что они содержат в себе не только специфику определения системы, но и механизм построения, исследования. Это является важным с точки зрения методики настоящего исследования, так как определяет последовательность выявления государственно-правовых функций. Определяются ли указанные функции целевым ориентиром, при котором исследование проблемы следует начинать с анализа внешней среды, определения цели, построения функций и выявления структуры либо государственно-правовые функции следует выводить из структуры соответствующих компонентов.

Представляется, что несмотря на существенные отличия, вышеизложенные подходы не только не исключают, но и наоборот, предполагают их совместное применение при осуществлении исследования. Интегративная реализация указанных подходов определяется тесной двухсторонней взаимосвязью функций системы и ее структуры. Эта связь была положена в основу кибернетики, которая представляет собой теорию систем управления, основанную на взаимодействии

(переносе информации) между системой и внешней средой и внутри системы, и управлении (обратная связь), функционированием системы относительно внешней среды [7, с. 44]. «Кибернетика (от древнегреческого слова *κυβερνητική* — искусство кормчего) — наука об управлении, связи и переработке информации. Основным объектом исследования в кибернетике являются так называемые кибернетические системы. В общей (или теоретической) кибернетике такие системы рассматриваются абстрактно, безотносительно к их реальной физической природе» [8, с. 69]. Ряд современных исследователей общей теории систем представляют ее в значительно упрощенном виде. В частности, М.Л. Калужский, главную особенность системного анализа видит в сопоставлении внешних условий функционирования систем и их внутренних возможностей адаптации к этим условиям, а в качестве основного отличия общей теории систем от предшествующих концепций называет определяющую роль внешних (объективных) условий существования системы, а не внутренние (субъективные) устремления социальных систем. Под внешними условиями понимаются факторы, которые задают граничные условия систем и обуславливаются не зависящими от них причинами [9, с. 44]. Функциональный анализ также представляется данным автором в значительно упрощенном виде как сопоставление показателей системы в различные моменты времени [9, с. 132]. Отметим, что данный подход к осуществлению настоящего исследования неприемлем, так как не учитывает принципы материалистической диалектики. В этой связи выдвинем гипотезу, что осуществление функционального исследования системного объекта невозможно, во-первых, без учета основных законов диалектики; во-вторых, без учета основных положений общей теории систем и системного подхода; в-третьих, без применения (пусть даже и частичного) структурного, исторического, сравнительного и других методов.

Рассматривая соотношение диалектики и системного подхода, И.В. Блауберг и Э.Г. Юдин справедливо отметили, что в данном случае речь идет о разных уровнях методологии познания. Системный подход и структурно-функциональный анализ представляют собой конкретно-научную, специализированную методологию. Диалектика же выступает общенаучным методом, формой философской методологии [10, с. 97]. Необходимость использования общих принципов и законов диалектики подтверждается специальными системными исследованиями [11, с. 56–72].

Таким образом, функциональное исследование объектов не только не отрицает, но и объективно предполагает необходимость учета общих принципов и законов диалектики. Эти же законы, в свою очередь, требуют выявления детерминирующих факторов и зависимостей функционального состояния исследуемого объекта, что невозможно осуществить без структурного и системного анализа, применения иных специальных методов. В этой связи представляется необходимым, посредством анализа и обобщения специальной литературы, выявить основные положения (принципы) общей теории систем, которые будут выступать своего рода методологической основой дальнейшего исследования.

Несмотря на кажущуюся простоту поставленной задачи, ее решение представляется довольно сложным. Это вызвано, отчасти, отсутствием в методологии единообразного понимания общей теории систем. Системный подход рассматривается в общем смысле как «теория систем»: системный подход и общая теория систем определяются как синонимичные категории, включающие структурный

и функциональные аспекты. Некоторые авторы рассматривают общий подход к исследованию как совокупность системного, структурного и функционального анализа, а также набор специальных частных методов и приемов. Автору же настоящей работы остается в качестве достоверных выводов использовать только такие положения общей теории систем, которые формулировались исследователями как общие, универсальные.

Практически все положения и принципы системного исследования объектов так или иначе связаны с определением системы и выводятся из него. В этой связи в рамках настоящего исследования представляется необходимым крайне тезисно привести основные подходы к пониманию системы, обобщить их совпадающие аспекты и определить общие положения, с учетом которых должно строиться системное исследование объектов.

В философии и науке имеется множество различных подходов и определений системы [12, с. 93–99]. Здесь мы приведем лишь отдельные из них, сформулированные разработчиками и исследователями общей теории систем и имеющие методологическое значение. Л. фон Берталанфи дает наиболее общее определение понятия системы как комплекса взаимодействующих компонентов [13, с. 29]. Именно Л. фон Берталанфи впервые ввел понятие открытой системы, в которой особое значение имеет обмен системы (веществом, энергией, информацией) с окружающей средой. Взаимодействие системы со средой является важным аспектом настоящего исследования, поскольку характеризует функциональные характеристики системы. В.С. Тютин рассматривает систему как «...множество связанных между собой компонентов той или иной природы, упорядоченное по отношениям, обладающим вполне определенными свойствами; это множество характеризуется единством, которое выражается в интегральных свойствах и функциях множества» [14, с. 116].

И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин считают, что если брать за основу суждение о целостном характере системы, то можно дать понятие системы опираясь на следующие признаки: 1) система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов; 2) она образует особое единство со средой; 3) обычно исследуемая система представляет собой элемент системы более высокого порядка; 4) элементы любой исследуемой системы в свою очередь обычно выступают как системы более низкого порядка [14, с. 117].

Постараемся теперь выделить основные положения, на которых должно строиться системное исследование объекта.

Первым положением выступает сам закон системности, который, по сути, уже сформулирован в вышеуказанных определениях. В наиболее общем виде его следует определить так: любой исследуемый объект является системой и в то же время элементом более общей (высшей) системы. Таким образом, исследование конкретного объекта должно осуществляться параллельно в двух взаимосвязанных направлениях. Во-первых, в рассмотрении объекта как системы (его строения, компонентов, внутренних связей). Во-вторых, рассмотрением объекта как элемента системы высшего порядка. Соответственно, связи в системе высшего порядка будут определять характер взаимодействия системы с внешней средой.

Определяя и характеризуя иные положения общей теории систем, следует отметить, что они так или иначе связываются исследователями со свойствами системы, хотя и называются по-разному. Рассматривая предпосылки общей

теории систем, Ю.А. Урманцев называет пять аксиоматических условий: существование, множество объектов, единое, единство, достаточность [15, с. 45].

Ю.П. Сурмин, обобщив имеющиеся в литературе мнения, выделяет следующие основные свойства системы: целостность, ограниченность, структурность, взаимозависимость со средой, иерархичность, множественность описаний [6, с. 56]. Свойство целостности понимается как внешнее свойство системы, характеризующее ее относительную функциональную самостоятельность системы. Данное свойство связано с возможностью системы реализовывать интегральную функцию, отличную от функций компонентов. Вместе с тем, некоторые авторы рассматривают целостность как дополнительный признак, характеризующий прочные внутренние взаимосвязи элементов, высокую степень ее организации. В данном контексте целостность уже не выступает внешним свойством, а в большей мере отражает параметры внутренней организации системы. На наш взгляд, свойство целостности есть внешнее свойство функционирования системы, которое определяется ее внутренней организацией, структурой. Столкнувшись с проблемой определения целостности, исследователи предлагают разграничить целостность структурную и функциональную [16, с. 61]. Структурная целостность есть внутреннее свойство системы, характеризующее ее отношения к частям. Этим свойством определяется неразрывность и взаимообусловленность частей и целого. Функциональная целостность есть внешнее свойство, определяющее самостоятельность системы во внешней среде.

Ограниченность — внутреннее свойство системы, приобретаемое в процессе ее развития и характеризующее ее обособленность от внешней среды. Свойство структурности показывает зависимость функционирования системы от внутренней организации (элементов и связей между ними). Иерархичность рассматривается как определенного рода соподчиненность, зависимость элементов в системе. Взаимозависимость со средой как свойство системы показывает ее связь с внешними условиями функционирования [6, с. 56].

Н.Л. Караваев к принципам методологии системного исследования относит принцип детерминации, принцип иерархичности строения, принцип целостности объекта, принцип целенаправленности объекта, принцип историчности объекта [17, с. 75].

Анализируя вышеуказанные положения, несложно заметить, что и выделенные Ю.П. Сурминым путем обобщения основные свойства системы, и аксиоматические условия Ю.А. Урманцева, и принципы методологии системного исследования Н.Л. Караваева в значительной степени совпадают. Авторы рассматривают одни и те же положения общей теории систем с различных ракурсов. В этой связи будем рассматривать указанные положения как универсальные свойства системы, исходные установки осуществления системного исследования объектов. Тем более, что некоторые ученые называют указанные свойства системными принципами или принципами системного исследования [18, с. 21–22].

Место функционального подхода в таком исследовании существенно. Это обосновывается уже тем, что ряд основных положений общей теории систем не могли быть сделаны без применения функционального подхода. Если не брать элементарные логические обобщения как, например, множество (системы не может быть без множества компонентов), то все остальные положения являются в той или иной мере заслугой структурно-функционального исследования объектов. Целостность предполагает функционально-структурную самодостаточность

системы, ее функциональную обособленность во внешней среде. Выделенное Ю.П. Сурминым свойство ограниченности системы мы считаем одним из аспектов целостности системы, если, конечно, не рассматривать ограниченность как ее конечность, хотя и здесь данное свойство может быть выведено из целостности. Вывод о наличии у системы универсального свойства целостности невозможно без исследования ее функционального аспекта. Свойство структурности как характеристика внутренней организации системы также требовало применения функционального подхода, поскольку основано на взаимозависимости и взаимосвязанности элементов системы. Без исследования места и роли каждого из компонентов системы определить особенности внутренней организации системного объекта представляется невозможным. Следующее свойство мы в значительной степени обобщим и назовем его двойной детерминированностью системы. Это свойство показывает, с одной стороны, зависимость системы и ее функций от двух основных факторов — структуры (внутренний фактор) и внешних условий функционирования, так называемой внешней среды (внешний фактор). С другой стороны, данный вывод (свойство) показывают и взаимную детерминированность данных факторов. Они взаимодействуют через систему, ее функции. Внешняя среда изначально выступает преобладающим фактором, формирующим систему. Это в значительной степени свойственно для систем управления обществом, которые являются разновидностью социальных систем. Внешняя среда здесь формирует назначение будущей системы, ее цели и задачи. Исходя из этого конструируется система, ее элементный состав и функциональные особенности. Однако после становления система не является бездейственной в функциональном плане. Она может быть эффективной либо нет, исходя из достижения поставленных целей, но так или иначе она действует, значит, оказывает влияние на внешнюю среду. Таким образом, при становлении и развитии значительную роль играет структура системы. Естественно, что эти два фактора (и среда, и структура) тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга в процессе функционирования системы. Внешняя среда претерпевает изменения посредством воздействия на нее системы. Это воздействие зависит от структуры системы. В свою очередь, система и ее структура изменяются посредством внешних условий функционирования. Так, например, вода меняет свои состояния и, соответственно, внутреннее строение, под воздействием температурного фактора. Но и сама вода, в том или ином состоянии воздействует на внешнюю среду (например, посредством теплообмена). На взаимосвязи внутреннего и внешнего факторов построены многие современные достижения.

Вышеуказанные положения являются универсальными и подлежат учету и применению в настоящей работе постольку, поскольку осуществление функционального исследования любого объекта невозможно без учета указанных положений. Как отмечает П.К. Анохин: «...со стратегической и практической точек зрения исследователь должен иметь прежде всего конкретную концепцию системы, которая должна удовлетворять основным требованиям самого понятия системы, и лишь после этого формулировать тот пункт системы, который подлежит конкретному исследованию» [1, с. 8]. Следует отметить, что универсальность этих выводов (и системной методологии в целом) предполагает необходимость их учета и в юридических исследованиях [19, с. 92]. Другое дело, что их механическое заимствование и перенос на эмпирическую почву юриспруденции не может автоматически дать положительных результатов и привести к приросту

правовой науки. Данные положения могут и должны приобретать специфическую окраску исходя из особенностей сферы исследования.

Вооружившись общими знаниями о методологии системного исследования, месте и роли функционального подхода в таком исследовании, в настоящем параграфе необходимо еще рассмотреть вопрос о понятии функции, поскольку данное понятие является центральным в понятийном аппарате настоящего исследования.

В философском понимании принято говорить о функции вообще (в физике, в математике, социологии и т.д.), объединяя свойства всех видов функций. Под функцией обычно понимается способ действия, присущий конкретному объекту и способствующий сохранению его существования. Следует отметить, что философское понимание функций, претендующее на универсальность, возникло в результате обобщения различных подходов к данной категории. Первоначально понятие функции и ее характеристика были применены в математике, где под функцией понимается зависимость переменных (как прямая, так и обратная). Математическое понимание функции в настоящее время очень распространено и используется не только в общих системных, но и специально-юридических исследованиях. Так, например, К.Ю. Голуб рассматривает сущность категории «функция» через ее математическое понимание. По его мнению, «...функция описывает взаимозависимость двух динамических величин, характеризующуюся тем, что изменение одной величины приводит к изменению другой...» [20, с. 15]. Автор делает вывод о том, что функция применительно к социальным явлениям является не полноценной зависимостью, а направлением воздействия, вектором, по отношению к заданной цели. Причем при реализации данной функции цель вовсе не обязательно будет достигнута. С таким выводом, пожалуй, можно согласиться.

В.К. Швейбер, анализируя понятие функции в биологии и социальных науках, на основе статьи М. Бунге и М. Манера выделяет и обосновывает пять относительно самостоятельных смыслов функции в биологии, которые, по мнению автора, применяются и в социальных науках, в том числе общественности [21, с. 129]. Первое понимание обозначает определенный набор внутренних активностей системы, ее существование, поведение. Второе понимание характеризует роль объекта во внешней среде. Интеграция внутренней активности и внешней роли объекта составляет третье понимание. Четвертый смысл функции в биологии связан с пригодностью и называется оптацией, т.е. возможностью использования свойств и деятельности объекта для выполнения своей роли. Формы проявления свойств объекта с этой точки зрения могут быть полезными, вредными или нейтральными. Полезность, возникшая в результате эволюционного развития, называется адаптацией и составляет последний, пятый смысл понятия «функции» в биологии.

В социологии под функцией понимается роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому. Немецкий социолог Н. Луман полагал, что представители классического функционализма второй половины пятидесятих годов объясняли функцию как «закрепленные отношения между особыми причинами и особыми следствиями». Однако Н. Луман считал это неверным и критиковал американского социолога-теоретика Т. Парсонса, который полностью подчинял понятие функции понятию структуры. Структурно-функциональная теория рассматривает любую структуру как

выполняющую отведенную ей функцию, какой бы «экзотичной» она ни казалась. Понятие «функция» у Н. Лумана не сопряжено традиционно с «полезностью», «целесообразностью», а оказывается некой «регулятивной смысловой схемой» сравнения случайного, контингентного и направлено на поиски функциональных эквивалентов [22, с. 123].

В юридической науке функциями наделяются основные категория правове-дения — государство и право. Также функции в юридической науке рассматри-ваются как средство реализации социального назначения права/государства, которое складывается исходя из потребностей общественного развития.

Представляется, что для определения государственно-правовых функций разумным представляется их интегративное понимание как «направлений воздействия» и «реализации социального назначения», о чем подробнее будет указано в дальнейших положениях научной работы.

Современные исследователи также склонны разграничивать понятия «функ-ция» и «функционирование». Э.Г. Винограй, проводя такое разграничение, приходит к выводу, что функции есть свойства системы, необходимые для до-стижения цели (разрешения актуальных противоречий) в заданных условиях среды. По мнению данного автора, при отождествлении понятия «функция» с понятием «функционирование» системный подход теряет способность оценки различных тенденций развития систем по их функциональности [23, с. 63].

Анализируя понятие функции в различных науках, в том числе и в общей теории систем, мы вслед за В.К. Швейбером приходим к выводу, что оно исполь-зуется в одном или нескольких вышеизложенных пониманиях. Так, в общей теории систем под функцией системы обычно понимают: действие системы, ее реакция на среду; множество состояний выходов системы; при описательном или дескриптивном подходе к функции она выступает как свойство системы, которое разворачивается в динамике; как процесс достижения цели системой; как согласованные между элементами действия в аспекте реализации системы как целого; как траекторию движения системы, которая может описываться математической зависимостью, формулой, связывающей зависимые и незави-симые переменные системы [6, с. 132].

Таким образом, при определении понятия функции социальных систем це-лесообразно исходить из следующего:

функция есть внешнее проявление внутреннего строения, свойств социальной системы;

функция социальной системы имеет телеологические ограничения и огра-ничивается ее целью;

функцией является лишь такое внешнее действие системы, которое соответ-ствует ее цели и направлено на ее достижение;

функции могут видоизменяться в зависимости от поставленных целей и ус-ловий внешней среды (объекта воздействия).

Для окончательного завершения понимания функций в рамках настоящей работы следует отметить, что системное исследование, построенное на зависи-мости функций от структуры и внешней среды (в том числе, целевых установок) имеет некоторую специфику. Поскольку функции в системном исследовании представляют собой отражение избирательной взаимосвязи и взаимодействия элементов данной системы или системы в целом с внешней средой, выражающее ее внутреннюю целостную специфическую природу [24, с. 24], постольку, при-

меня основной закон системности, следует выделять внутренние и внешние функции системы.

Внешние функции — это активные, направленные воздействия системы на окружающую среду для достижения поставленных целей. Поэтому для них характерны: устойчивость и стабильность; объектность; взаимодействие со средой; активность и целенаправленность. Внутренние функции системы определяются тем, что выполнение системой внешней работы неизбежно приводит к мобилизации системы, ее структуры. В ней происходят различные корреляции целей, вещества, энергии, информации. Налаживание обмена с окружающей средой требует постоянного регулирования элементов, взаимосвязей между ними и т.п. Поэтому под внутренней функцией следует понимать важнейшее условие внешнего функционирования, при котором проявление целого обеспечивается проявлением и существованием его частей, т.е. это способ взаимодействия частей внутри целого [6, с. 134–137].

Таким образом, функциональный подход к исследованию государственно-правовых явлений требует внесения некоторых корректив в функциональную характеристику государства. Ведь государство, как особая управленческая система не в состоянии выполнить своего назначения без использования права, которое оформляет, направляет и обеспечивает исполнение всякого социально значимого решения. В содержании каждого государственно-правового явления в диалектическом единстве находятся как элементы государственно-властного, направляющего воздействия государства, так и элементы правового, отражающего характер и степень согласования социально-значимых интересов участников общественной жизни. В этой связи функциональная характеристика современного российского государства должна сопровождаться анализом правовых средств, используемых для достижения поставленных целей.

Библиографический список

1. Анохин П.К. Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973. 315 с.
2. Каган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.
3. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М.: Политиздат, 1975. 408 с.
4. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.
5. Астахов М.В. Методология исторической науки: историко-библиографическое исследование отечественной литературы 80–90-х гг. XX в.: в 3-х т. Самара: Самарский Центр аналитической истории и исторической информатики, 2006. Т. I. Библиография. Историография. Общая и специальная методология исторической науки. 291 с.
6. Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ: учебное пособие. Киев: МАУП, 2003. 368 с.
7. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования. М.: Наука, 1969. 202 с.
8. Глушков В.М. Кибернетика. Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. 488 с.
9. Калужский М.Л. Общая теория систем. Омск: Омский государственный технический ун-т, 2001. 178 с.
10. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270 с.

11. *Бобков А.Н.* Общая теория систем и диалектика единого и множественного // *Философия и общество*. 2005. № 4. С. 56–72.
12. *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974. 276 с.
13. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем — критический обзор // *Исследования по общей теории систем: сборник переводов / общ. ред. и вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина*. М.: Прогресс, 1969. 518 с.
14. *Уёмов А.И.* Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
15. *Урманцев Ю.А.* Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // *Система, симметрия, гармония*. М.: Мысль, 1988. 63 с.
16. *Валькман Ю.* О целостности образа: доформальное исследование // *Information Models of Knowledge*. Kiev, Ukraine – Sofia, Bulgaria, 2010. P. 61–62.
17. *Караваяев Н.Л.* Принципы методологии системного исследования // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 5 (31). В 2-х ч. Тамбов: Грамота, 2013. Ч. II. С. 74–76.
18. *Мальшенко А.М.* Математические основы теории систем: учебник для вузов. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2008. 363 с.
19. *Ображиев К.В.* Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // *Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина*. 2012. № 1. С. 89–96.
20. *Голуб К.Ю.* Российская правовая политика в сфере внешнеэкономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 25 с.
21. *Шрейбер В.К.* Понятие функции в биологии и социальных науках: опыт систематизации смыслов // *Вестник Челябинского государственного ун-та*. 2008. № 32 (133). С. 126–138.
22. *Посконина О.В.* Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1997. 124 с.
23. *Винограй Э.Г.* Системно-диалектический подход: теория и методология. Кемерово: Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, 2014. С. 63–64.
24. *Хасанов М.Х., Хабибуллаева Д.П.* Методологическое значение системного подхода в научном познании // *Общественные науки в Узбекистане*. 1984. № 3. С. 24–27.

References

1. *Anokhin P.K.* Principles of Systemic Organization of Functions. M.: Nauka, 1973. 315 p.
2. *Kagan M.S.* Human Activity. (Experience in System Analysis). M.: Politizdat, 1974. 328 p.
3. *Afanasiev V.G.* Social Information and Management of Society. Moscow: Politizdat, 1975. 408 p.
4. *Yudin E.G.* System Approach and Principle of Activity. Methodological Problems of Modern Science. M.: Nauka, 1978. 391 p.
5. *Astakhov M.V.* Methodology of Historical Science: Historical and Bibliographic Study of Russian Literature of the 80-s–90-s. 20th Century In 3 vols. Samara: Samara Center for Analytical History and Historical Informatics, 2006. T. I. Bibliography. Historiography. General and special methodology of historical science. 291 p.
6. *Surmin Yu.P.* Theory of Systems and System Analysis: textbook. Kiev: MAUP, 2003. 368 p.
7. *Bertalanffy L. fon* General Systems Theory — a Review of Problems and Results // *System Research: Yearbook*. M.: Nauka, 1969. 202 p.
8. *Glushkov V.M.* Cybernetics. Questions of Theory and Practice. M.: Nauka, 1986. 488 p.
9. *Kaluga M.L.* General Systems Theory: Textbook. Omsk: Omsk State Technical University, 2001. 178 p.

10. *Blauberg I.V., Yudin E.G.* Formation and Essence of the System Approach. М.: Nauka, 1973. 270 p.
11. *Bobkov A.N.* General Systems Theory and Dialectics of the One and the Many // Philosophy and Society. 2005. No. 4. P. 56–72.
12. *Sadovsky V.N.* Foundations of the General Theory of Systems. М.: Nauka, 1974. 276 p.
13. *Bertalanffy L. fon* General Systems Theory - a Critical Review // Studies in General Systems Theory: Collection of translations / General. ed. and vst. Art. V.N. Sadovsky and E.G. Yudin. М.: Progress, 1969. 518 p.
14. *Uemov A.I.* System Approach and General Systems Theory. М.: Thought, 1978. 272 p.
15. *Urmantsev Yu.A.* General Systems Theory: State, Applications and Development Prospects // System, Symmetry, Harmony. М.: Thought, 1988. 63 p.
16. *Valkman Yu.* On the Integrity of the Image: a Preformal Study // Information Models of Knowledge. Kiev, Ukraine – Sofia, Bulgaria, 2010. P. 61–62.
17. *Karavaev N.L.* Principles of System Research Methodology // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of theory and practice. No. 5 (31). In 2 hours. Part II. Tambov: Diploma, 2013. P. 74–76.
18. *Malyshenko A.M.* Mathematical Foundations of Systems Theory: a textbook for universities. Tomsk: Publishing House of the Tomsk Polytechnic University, 2008. 363 p.
19. *Obrazhiev K.V.* System Approach in Jurisprudence: Theoretical and Methodological Foundations // Bulletin of the Leningrad University. A.S. Pushkin. 2012. No. 1. P. 89–96.
20. *Golub K.Yu.* Russian Legal Policy in the Field of Foreign Economic Activity: extended abstract dis. ... cand. if law. Sciences. Saratov, 2012. 25 p.
21. *Schreiber V.K.* The Concept of Function in Biology and Social Sciences: the Experience of Systematization of Meanings // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2008. No. 32 (133). P. 126–138.
22. *Poskonina O.V.* Niklas Luhmann on the Political and Legal Subsystems of Society. Monograph. Izhevsk: Udmurt University Press, 1997. 124 p.
23. *Vinogray E.G.* System-Dialectical Approach: Theory and Methodology: monograph. Kemerovo: Kemerovo Technological Institute of Food Industry, 2014. P. 63–64.
24. *Khasanov M.Kh., Khabibullaeva D.P.* Methodological Significance of a Systematic Approach in Scientific Knowledge // Social sciences in Uzbekistan. 1984. No. 3. P. 24–27.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-46-52

УДК 340.134

А.И. Переплетчикова**КОНКРЕТИЗАЦИОННЫЕ НОРМЫ КАК СРЕДСТВО
ВОСПОЛНЕНИЯ ПРОБЕЛОВ В ПРАВЕ**

Введение: определенность, ясность и полнота юридических норм важны для реализации прав и свобод личности, соблюдения законности и правопорядка. Напротив, наличие пробелов в законодательстве негативно сказывается на различных сферах общественной жизни. Несмотря на то что проблеме юридических пробелов уделяется пристальное внимание в трудах ученых, не все способы решения данного вопроса получили детальное освещение в юридической литературе. **Цель:** изучение такого средства восполнения пробелов в праве как конкретизационные нормы. **Методологическая основа:** применялись всеобщие, общенаучные, частнонаучные, частноправовые методы, такие как индукция, анализ, синтез, описание, объяснение. **Результаты:** рассмотрен ранее подробно неизученный способ устранения законодательных пробелов — конкретизационные нормы. **Выводы:** приведены аргументы в подтверждение позиции, согласно которой конкретизационные нормы выступают эффективным методом восполнения частичных пробелов в праве. Так, отмечено, что конкретизационные нормы расширяют содержание общих предписаний, выполняют специфические функции, укрепляют системные связи внутри права. Установлена корреляция между правовосполнительной функцией конкретизационных норм и государственным механизмом восполнения пробелов. Выявлены требования к конкретизационным нормам, подтверждена их легитимность как результата правотворческой конкретизации. Указано, что в отличие от общих норм, восполняющих полные юридические пробелы, конкретизационные нормы устраняют частичные пробелы в праве. Отмечена необходимость дальнейшего исследования вопроса границ конкретизации при разрешении «белых пятен» в законодательстве.

Ключевые слова: конкретизационные нормы права, конкретизация юридических предписаний, пробелы в праве, эффективность правового регулирования, правовосполнительная функция конкретизационных норм.

A.I. Perepletchikova**CONCRETIZATION NORMS AS A MEANS
OF FILLING GAPS IN THE LAW**

Background: certainty, clarity and completeness of legal norms are important for the realization of individual rights and freedoms, compliance with the rule of law. On the contrary, the presence of gaps in the legislation has a negative impact on various spheres of public life. Despite the fact that the problem of legal gaps is paid close attention in the works of scientists, not all ways of solving this issue have received detailed coverage in the legal literature. **Objective:** the study of such a means of filling gaps in the law as

© Переплетчикова Анастасия Игоревна, 2022

Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: anastasiaperepletchikova@yandex.ru

© Perepletchikova Anastasia Igorevna, 2022

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

concretization norms. Methodology: the general, general scientific, private scientific, and private legal methods, such as induction, analysis, synthesis, description, and explanation, were applied. Results: the previously unexplored way of eliminating legislative gaps - specifying norms - has not been examined in detail. Conclusions: arguments in support of the position, according to which the specification norms act as an effective method of filling partial gaps in the law are presented. Thus, it is noted that the specification norms expand the content of general regulations, perform specific functions, strengthen the systemic links within the law. The correlation between the law-executive function of the concretization norms and the state mechanism of filling the gaps is ascertained. The requirements to concretization norms are revealed, their legitimacy as a result of law-making concretization is confirmed. It was pointed out that unlike the general norms that fill complete legal gaps, the norms of specification eliminate partial gaps in the law. The need for further research on the issue of the boundaries of concretization in resolving "white spots" in the legislation is noted.

Key-words: *concretizing legal norms, concretization of legal norms, gaps in law, effective legal regulation, compensating function of concretizing norms.*

Вопрос пробелов в праве достаточно давний. Как отмечается в литературе, «белые пятна» выступают постоянными спутниками правотворчества. Вследствие их наличия, качество принятого нормативного правового акта ухудшается. В результате механизм реализации целей, которые ставил перед собой законодатель, теряет часть своей эффективности, нарушаются субъективные права [1, с. 117]. В этой связи необходимо ответить на вопрос: каким образом, если не полностью, устранить отрицательное влияние пробелов на эффективное регулирование правовыми нормами общественных отношений, то, по крайней мере, ограничить его? В тексте данной статьи термин «устранение пробелов» используется при характеристике решения проблемы на правотворческом уровне, а «преодоление» — на этапе правоприменения.

Одним из способов разрешения юридических пробелов является конкретизация. Рассматривают ее в таком качестве также В.Я. Суворова [2, с. 53], Н.Н. Вовленко [3, с. 23] и М.П. Костенко [1, с. 122]. Представляется оправданным в данном случае вести речь в первую очередь о правотворческой конкретизации. Говорить о правоприменительной конкретизации целесообразно лишь как о временном средстве разрешения «белых пятен», поскольку впоследствии должна быть издана восполняющая пробел норма. Устранение пробелов законодателем, как отмечает О.С. Панасюк, — наиболее легитимный, радикальный и предпочтительный вариант их разрешения [4, с. 9]. В свою очередь, итогом правотворческой конкретизации выступают конкретизационные нормы. Аргументами в пользу их легитимности являются:

соблюдение принципа разделения властей при создании конкретизационных норм. Соответствующий вывод делается на основании того, что они, как и конкретизируемые, принимаются уполномоченным на то субъектом — законодателем;

сохранение преемственности, последовательности в изложении идей законодательского субъекта. Это объясняется тем, что законодателю известны цели и задачи создания базовой нормы. Следовательно, он может развить их в конкретизационном предписании;

они принимаются посредством строгой процедуры, включающей экспертизу.

Данное обстоятельство снижает риск принятия противоречивых, избыточных норм либо наоборот, предписаний, содержащих пробелы. Так, в ч. 2 ст. 112 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания предусмотрены такие виды экспертиз законопроекта, как правовая, юридико-техническая и лингвистическая. Они проводятся Правовым управлением Аппарата Государственной Думы по поручению Совета Государственной Думы либо ответственного комитета¹.

Важно отметить, что для устранения пробелов посредством правотворчества недостаточно внести любые изменения в имеющуюся норму или принять любое новое предписание. Принимаемая норма должна обладать меньшей степенью абстрактности и быть более конкретной, чем исходное предписание. В противном случае создание новой нормы лишено смысла.

А.В. Денисова применительно к уголовному праву отмечает, что с помощью конкретизации воссоздается наиболее полное знание о соответствующем явлении. Конкретизация в единстве с абстракцией позволяет увидеть за текстом уголовного закона частные факты, которые способствуют тому чтобы признать единичными проявлениями их общего основания, находящего в этих конкретных фактах свое выражение. Благодаря этому, знание, которое содержится в абстрактном положении законодательства в сокращенном виде, наполняется конкретным содержанием. При этом сохраняется его обобщенная форма [5, с. 174]. В результате издаются конкретизационные нормы, имеющие более узкую сферу реализации, чем общие предписания.

Слово «конкретный» в переводе с латинского означает «сгущенный». «Сгустить» — в том числе сконцентрировать в одном месте, на небольшом пространстве [6, с. 63]. В случае с конкретизационными нормами в одном месте, а именно, в одном предписании тесно, плотно сосредоточены содержание и смысл. Соответствующий результат достигается за счет добавления новых признаков в содержание нормы. Следовательно, оно увеличивается. Объем, напротив, становится более ограниченным. Элементы содержания предписания тесно соединены, из чего следует, что наличие пробелов исключается.

Восполнение пробелов посредством конкретизационных норм осуществляется в рамках более широких явлений и процессов. Так, А.С. Корнев полагает, что существует государственный механизм восполнения и устранения пробелов в праве, который представляет собой упорядоченную систему государственных органов, каждый из которых наделен определенными полномочиями и функциями по преодолению или устранению пробелов характерными для него методами. По мнению указанного автора, примерная схема действия механизма выглядит следующим образом:

- возникновение ситуации, которая требует правового воздействия;
- анализ происхождения ситуации;
- поиск метода разрешения пробела;
- в зависимости от выбранного способа устранения установление субъекта, уполномоченного применить выбранный способ;
- непосредственное устранение юридического пробела [7, с. 9].

¹ См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД (в ред. от 22 февраля 2022 г.) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7, ст. 801; 2022. № 9, ч. I, ст. 1294.

Применение данной схемы представляется целесообразным и действенным. Считаем, однако, что нелишним будет добавить в нее элемент в виде действия по профилактике, предупреждению пробелов. Любую проблему более разумно предотвратить, чем устранять ее последствия. Кроме того, важно не останавливаться на достигнутом, продолжать совершенствовать право. В этой связи видится оправданным дополнить схему и анализом последствий устранения юридического пробела. Это позволит ответить на ряд вопросов. Например, были ли действия по его разрешению эффективными? В случае если «белое пятно» не было устранено полностью, какие шаги для достижения более продуктивного результата следует предпринять? Так, формально пробел может быть устранен, но фактически норма не применяется, например, в силу создающих неясность юридико-технических дефектов. Например, действующие Правила противопожарного режима содержат понятие открытого огня. В частности, нормой абз. 2 п. 85 Правил установлен запрет на его использование на балконах (лоджиях) квартир, жилых комнат общежитий и номеров гостиниц¹. Нарушение требований пожарной безопасности влечет административную ответственность, предусмотренную ч. 1 ст. 20.4 КоАП РФ². В законодательстве, однако отсутствует определение открытого огня. Аналогичная по содержанию запрещающая норма имела в ранее действовавших Правилах противопожарного режима в Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 25 апреля 2012 г. № 390 «О противопожарном режиме»³. Как отмечают некоторые представители юридической профессии, при широком толковании указанной нормы каждый источник открытого горения может считаться открытым огнем, в том числе и курение⁴. Думается, в рассматриваемой ситуации имеет место пробел в виде неясности. Его можно устранить, например, посредством введения конкретизационного предписания, содержащего дефиницию открытого огня.

В этой связи можно заключить, что государственный механизм восполнения пробелов в праве воплощается в жизнь, в том числе посредством издания уполномоченными органами конкретизационных норм. Следовательно, конкретизационные предписания способствуют реализации функций государства.

Упомянутый механизм органически связан с функциями конкретизационных норм. Так, правовосполнительная функция конкретизирующих предписаний состоит в устранении частичных юридических пробелов. Как известно, отличие частичных пробелов от полных заключается в том, что они характеризуются отсутствием регулирования каких-либо сторон (вопроса). Для полных пробелов свойственно абсолютное отсутствие законодательной регламентации [4, с. 14]. Логично, что конкретизировать можно только норму с чрезмерно абстрактным содержанием. Если имеется полный пробел, то есть отсутствует какая бы то ни

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 16 сентября 2020 г. № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации» (в ред. от 21 мая 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 39, ст. 6056; 2021. № 23, ст. 4041.

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 28 января 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; Российская газета. 2022. № 20.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 25 апреля 2012 г. № 390 «О противопожарном режиме» (вместе с «Правилами противопожарного режима в Российской Федерации») (в ред. от 23 апреля 2020 г.) // Собр. законодательств Рос. Федерации. 2012. № 19, ст. 2415; 2020. № 18, ст. 2889.

⁴ См.: РИА НОВОСТИ НЕДВИЖИМОСТЬ. URL: <https://realty.ria.ru/20190926/1559171598.html> (дата обращения: 10.02.2022).

было норма, то конкретизация неосуществима. Кроме того, невозможно устранить посредством конкретизации и правовой вакуум. Восполнить полный пробел возможно с помощью общих предписаний. В свою очередь, комплекс функций, включающий правосполнительную, конкретизационную, интегрирующую и интенсифицирующую функции, характерен только для конкретизационных норм. Перечисленные направления воздействия в своей совокупности способствуют устранению пробелов в праве.

Нельзя не обратить внимание на то, что прежде чем устранять пробел необходимо убедиться в его действительности. В противном случае, по мнению П.В. Лушникова, деятельность законодателя по восполнению «белых пятен» может приводить либо к излишней юридизации общественных отношений либо, напротив, к возникновению реальных пробелов [8, с. 398]. Следует соблюдать баланс между абстрактностью и конкретностью правовых норм. Иными словами, конкретность не должна перетекать в казуистичность. В противном случае норма способна урегулировать лишь минимальное количество общественных отношений. Возможна и обратная ситуация. В связи с углублением человеческого познания определенной сферы и соответствующим ей развитием общества норма нуждается в дальнейшей конкретизации.

В начале данной статьи упоминалось о действенном регулировании нормами права социальных отношений. В юридической литературе имеются разнообразные точки зрения по поводу того, что понимать под эффективностью правовых норм, правового регулирования [9, с. 23–24; 10, с. 3; 11, с. 191–196; 12, с. 74]. Любое понятие можно рассматривать с разных позиций. Несомненно, каждая из них заслуживает внимания и содержит долю истины. Эффективность конкретизирующих предписаний целесообразно исследовать в тесной связи с восполнением ими юридических пробелов. Так, анализируя работу «Сущность права. Проблемы теории и философии права» можно сделать вывод, что О.Э. Лейст считал отсутствие юридических пробелов одним из проявлений эффективности права. Кроме того, по мнению указанного автора, одним из обеспечивающих ее свойств является системность норм [13, с. 93]. Она устанавливается, в том числе благодаря наличию тесных связей между предписаниями, которое, в свою очередь, достигается благодаря конкретности содержания отдельной нормы.

Отсутствие связи норм означает, что соединяющее звено отсутствует либо между предписаниями, либо между ними и общественными отношениями, либо имеет место одновременно и тот, и другой вариант. К примеру, существует совокупность норм, регулирующих определенный вопрос. Однако признаков в содержании каждой из них недостаточно для признания нормы конкретной. Соответственно, если в законодательстве отсутствуют конкретные установления, то истончается связующая нить между нормами и жизненными ситуациями. Это приводит к снижению эффективности нормативного регулирования общественных отношений. Повысить ее можно посредством конкретизационных норм. Благодаря увеличению количества признаков, образующих содержание нормы, его «плотность» возрастает, устраняются «белые пятна» внутри предписания. Сходным образом могут быть восполнены пробелы в связях норм. В содержании предписания добавляется элемент, благодаря которому общность между нормами становится более явной. Также возможно принятие новой нормы, конкретизирующей содержание исходной и обеспечивающей тем самым ее объединение с определенной жизненной ситуацией. В результате как отдельная норма, так и

их совокупность осуществляют более эффективное регулирование общественных отношений. Это обусловлено тем, что какой-либо вопрос опосредуется более обстоятельно и глубоко. В четком, ясном, конкретном содержании предписания нет места для пробелов, неясности. Однако не следует забывать о грани между конкретностью и казуистичностью, достаточностью и избыточностью правовых норм. Кроме того, новые предписания и вносимые в них изменения должны быть качественными. В противном случае ситуация может только ухудшиться. Большое количество норм не гарантирует их конкретность и непротиворечивость. Избыточность и казуистичность предписаний могут привести к еще большей запутанности, чем наличие «белых пятен». Следовательно, если пробел и будет разрешен, то возникнут другие дефекты. Важно при разрешении пробелов помнить о пределах вносимых изменений [14, с. 198–199].

Ранее раскрывалась правовосполнительная функция конкретизационных норм. Вместе с тем не следует забывать и о других специфических для данной разновидности предписаний функциях, их комплексном характере. Так, действенность юридических норм обеспечивается благодаря интенсифицирующей функции. Способствует достижению эффективности и интегрирующая функция, которая выражается в установлении связи между общим предписанием и определенной жизненной ситуацией. Благодаря добавлению новых признаков в содержание нормы (проявление конкретизационной функции) делается более очевидной ее связь с другими предписаниями и общественными отношениями. Следовательно, системность права во многом обеспечивается конкретизационными нормами.

Таким образом, конкретизационные нормы являются средством восполнения частичных пробелов в праве. Соответствующий вывод делается благодаря тому, что, во-первых, конкретизирующие предписания повышают конкретность содержания общих предписаний; во-вторых, способствуют установлению более прочных связей как между правовыми нормами, так и между юридическими предписаниями и общественными отношениями; в-третьих, усиливают действенность права; в-четвертых, являются элементом механизма восполнения пробелов, в-пятых, выполняют правовосполнительную функцию. В заключении следует также отметить важность соблюдения границ конкретизации при устранении пробелов. В противном случае неполнота законодательства будет заменена другим отрицательным явлением — его избыточностью. В этой связи необходимо дальнейшее исследование неизученных ранее аспектов проблемы пределов конкретизации юридических норм.

Библиографический список

1. *Костенко М.А.* Пробел в праве как разновидность правотворческой ошибки // Известия Южного федерального ун-та, 2008. С. 117–123.
2. *Суворова В.Я.* Конкретизация как мера обеспечения эффективной реализации международно-правовых норм // Вопросы универсальности и эффективности международного права. Свердловск, 1981. С. 38–53.
3. *Вопленко Н.Н.* Официальное толкование норм права. М.: Юридическая литература, 1976. 119 с.
4. *Панасюк О.С.* Пробелы в праве и способы их преодоления и устранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. 21 с.
5. *Денисова А.В.* К вопросу о конкретизации в российском уголовном праве // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2015. № 2 (82). С. 172–177.

6. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 791 с.
7. Корнев А.С. Об устранении и восполнении пробелов в праве в связи с устареванием действующего законодательства // Вопросы экономики и права. 2014. № 10. С. 7–9.
8. Лушников П.В. Пробелы в праве и способы их восполнения // Вестник Удмуртского ун-та. 2020. Т. 30. Вып. 3. С. 396–405.
9. Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1980. 280 с.
10. Пашков А.С., Чечот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3–11.
11. Жинкин С.А. Некоторые аспекты понятия эффективности норм права // Правоведение. 2004. № 1 (252). С. 191–196.
12. Курочкин С.А. Эффективность правовых норм как условие результативности правового воздействия (на примере норм процессуального права) // Ученые записки Казанского ун-та. 2020. Т. 162. Кн. 2. С. 69–83.
13. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002. 288 с.
14. Переpletчикова А.И. Конкретизационные нормы российского права. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2020. 233 с.

References

1. Kostenko M.A. A Gap in Law as a Kind of Law-Making Error // Izvestiya Yuzhnogo federalnogo unita, 2008. P. 117–123.
2. Suvorova V.Ya. Concretization as a Measure to Ensure the Effective Implementation of International Legal Norms // Questions of Universality and Effectiveness of International Law. Sverdlovsk, 1981. P. 38–53.
3. Voplenko N.N. Official Interpretation of the norms of law. Moscow: Legal literature, 1976. 119 p.
4. Panasyuk O.S. Gaps in Law and Ways to Overcome and Eliminate them: extended abstract. dis. ... cand. of law. Stavropol, 2012. 21 p.
5. Denisova A.V. On the Question of Concretization in the Russian Criminal law // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volzhsky University. 2015. No. 2 (82). P. 172–177.
6. Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes / edited by A.P. Evgenieva. 4th ed., ster. M.: Russian language; Polygraph Resources, 1999. 791 p.
7. Kornev A.S. On the Elimination and Filling of Gaps in the Law due to the Obsolescence of the Current Legislation // Issues of economics and law. 2014. No. 10. P. 7–9.
8. Lushnikov P.V. Gaps in Law and Ways to Fill Them // Bulletin of the Udmurt University. 2020. Vol. 30. Issue 3. P. 396–405.
9. Kudryavtsev V.N., Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V. Effectiveness of Legal Norms. M.: Legal literature, 1980. 280 p.
10. Pashkov A.S., Chechot D.M. Effectiveness of Legal Regulation and methods of Its Detection // The Soviet State and Law. 1965. No. 8. P. 3–11.
11. Zhinkin S.A. Some Aspects of the Concept of the Effectiveness of the Norms of Law // Jurisprudence. 2004. No. 1 (252). P. 191–196.
12. Kurochkin S.A. The Effectiveness of Legal Norms as a Condition for the Effectiveness of Legal influence (on the example of procedural law norms) // Scientific notes of the Kazan University. 2020. Vol. 162. Book 2. P. 69–83.
13. Leist O.E. The Essence of Law. Problems of Theory and Philosophy of law. Moscow: Zertsalo-M, 2002. 288 p.
14. Perebelchikova A.I. Concretization Norms of Russian Law. dis. ... cand. of law. Saratov. 2020. 233 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-53-59
УДК 340.130.2

О.В. Пискунова

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОРМ ПРАВА

Введение: в статье на основе анализа положений действующего законодательства рассматриваются актуальные на сегодняшний день, основные проблемные аспекты эффективности функционирования правовых норм. Отмечается неизбежность выявления факторов и условий, препятствующих эффективной работе правовых установлений, определения основных направлений ее повышения. **Цель:** обосновывается необходимость комплексного подхода к установлению и устранению проблем эффективного функционирования правовых норм. **Методологическая основа:** совокупность диалектического, системного метода и метода анализа. Особое место в рамках исследования отводится функциональному методу познания. **Результаты:** аргументирована позиция автора относительно причин и факторов, оказывающих негативное воздействие на эффективность функционирования правовых норм. **Выводы:** необходимо своевременное выявление основных проблем эффективного функционирования правовых норм и максимально быстрое их разрешение.

Ключевые слова: норма права, функционирование, эффективность правовых норм, проблемы.

O.V. Piskunova

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE EFFECTIVENESS OF THE RULES OF LAW FUNCTIONING

Background: the article, based on the analysis of the provisions of the current legislation, considers the relevant to date, the main problem aspects of the effective functioning of legal norms. It notes the inevitability of identifying factors and conditions that hinder the effective operation of legal provisions, determining the main directions of its improvement. **Objective:** the necessity of an integrated approach to the establishment and elimination of problems of effective functioning of legal norms is substantiated. **Methodology:** a set of dialectical, system method and method of analysis. A special place in the research is given to the functional method of cognition. **Results:** the author's position on the causes and factors that have a negative impact on the effectiveness of the functioning of legal norms is reasoned. **Conclusions:** it is necessary to identify the main problems of the effective functioning of legal norms in a timely manner and resolve them as quickly as possible.

Key-words: rule of law, functioning, effectiveness of legal norms, problems.

Вопросы эффективности функционирования правовых норм, именуемые в литературе «проблемами высшей степени трудности» имеют большое теорети-

ческое и практическое значение, и требуют учета различных факторов, как внутренних, определяемых структурной особенностью нормы права, так и внешних, выражающихся во взаимодействии норм с социальной средой.

Проблемные аспекты эффективности функционирования правовых норм уже на протяжении длительного периода времени не утрачивают своей актуальности и по-прежнему характеризуются дискуссионностью, что во многом объясняется многообразием подходов к правопониманию, множественностью, негативным образом влияющих на результативность «работы» правовых норм, факторов.

Эффективность функционирования правовой нормы обусловлена эффективностью самой нормы, а эффективность нормы, в свою очередь, складывается из эффективности осуществления ее функций. Термин «эффективный» означает действенный, оказывающий нужное действие, дающий необходимый, обычно положительный результат, то есть дающий какой-то результат, приводящий к каким-то нужным последствиям [1, с. 914]. Единства мнений относительно определения эффективности правовых норм среди исследователей нет. Длительный период времени она связывалась с обоснованностью, оптимальностью норм [2, с. 23–24]. Позднее определялась как их действенность, результативность, способность, в определенном необходимом для общества направлении оказывать влияние на общественные отношения [3, с. 93]. Анализ обозначенных мнений относительно данной проблематики свидетельствует о связи эффективности правовых норм с их целями и достижением социально-полезного результата. Справедливы слова О.А. Чванова: «...говорить об эффективности правовых норм можно только тогда, когда они действуют, реализуются, применяются, а не просто провозглашаются» [4, с. 11]. Эффективность — это фактический результат действия правовой нормы.

Эффективность функционирования правовой нормы есть показатель ее способности достигнуть результата, предусмотренный всей системой целей. Соответственно эффективность нормы — это особое свойство ее действия, выражающееся в воздействии на общественные отношения. Категория «эффективность правовых норм» выражается в постановке целей, в выборе средств для их достижения и обозначается в результате. Вместе с тем необходимо учитывать не только качественную оценку практики их применения, но и состояние функциональных взаимосвязей норм.

Функционирование правовых норм обусловлено существованием не одной, а целой системы взаимосвязанных целей, когда достижение одной цели невозможно без достижения других. Аналогично и существование одной цели нормы невозможно без наличия других, и отсутствие либо недостижение одной из них может приводить к проявлению дисфункции норм права. В литературе говорится даже о своеобразной системе правовых целей, в которой конкретные цели правовых норм переплетаются, преобразуются в цели более крупных образований — правовых институтов, отраслей права.

Вариативность трактовок эффективности правовых норм затрудняет процесс установления критериев эффективности, который и без этого, относится к числу проблемных. Однако распространенное определение эффективности через соотношение цели и результата, позволяет к критериям эффективности правовых установлений отнести их цели, для достижения которых они и были созданы, частоту их применения, свойство, выражающее меру способности своевременно вызывать достижение научно обоснованного положительного результата.

С разного рода трудностями (как позитивно, так и негативно сказывающихся на эффективности норм права) последние сталкиваются на всем протяжении своей «жизни», с момента разработки концепции законопроекта до непосредственного осуществления. Отрицательное влияние на эффективность функционирования правовых норм оказывает отсутствие решения вопроса о необходимости принятия того или иного нормативно-правового акта. Более того, правотворческие органы не только должны при разработке правовых норм учитывать и максимально полно отражать в них уровень развития разных сфер общественной жизни, но и брать во внимание мнение общественности. Так, в 2011 г. в период реформирования органов милиции, проект закона «О полиции» был представлен на обсуждение широким общественным массам и в итоге его анализ послужил основанием для внесения существенных изменений и дополнений в него. По общему правилу, информация о готовящемся акте и результатах его обсуждения населением размещается на официальном сайте regulation.gov.ru.

Анализ информации, объективно отражающей общественное мнение и предоставленной независимыми исследователями, позволит законодателю полнее отобразить в нормативных актах действительные потребности и определить оптимальные правовые средства их удовлетворения [5, с. 28].

Институт обсуждения проектов нормативных актов был известен еще в советский период. Так, всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1977 г. началось в июне и продолжалось до конца сентября того года. В нем приняли участие свыше 140 млн чел, т.е. более 4/5 взрослого населения страны. Рассмотрению проекта было посвящено около 1,5 млн собраний трудящихся на предприятиях и в колхозах, в воинских частях и по месту жительства. Проект был рассмотрен всеми Советами, начиная от сельских и заканчивая Верховными Советами союзных республик. Всего поступило около 400 тыс. предложений с поправками к отдельным статьям, направленными на уточнение, улучшение и дополнение формулировок проекта. В итоге изменения коснулись 118 статей Конституции из 320 [6, с. 28–29].

Возможность вынесения наиболее важных вопросов государственной жизни на всенародное обсуждение прямо предусматривалась ст. 5 Конституции РСФСР 1978 г., что не имеет места в нормах действующей Конституции РФ 1993 г., но, вместе с тем, это не является препятствием для проведения подобных обсуждений.

Серьезной преградой эффективного функционирования правовых норм служит (вслед за отсутствием четкой регламентации механизма их реализации) недостаточная финансовая обеспеченность норм, превращающая их в декларацию. Подобная ситуация формирует у населения недоверие к действующим нормативным актам, восприятие их не как средства правового регулирования сфер общественной жизни, нуждающихся в нем, а лишь как необходимый государственный атрибут.

Путем принятия и введения в действие финансово неподкрепленных правовых установлений, лишь создается видимость правового регулирования, расширяется законодательный массив, но должной правовой регламентации определенные сферы общественной жизни не получают. В процессе финансовой проработанности закона важна роль Правительства РФ. Конституцией РФ регламентировано, что обязательному финансовому обеспечению подлежит ряд законопроектов, в частности, касающихся вопросов установления или отмены

налогов, государственного займа и иные, нуждающиеся в запланированной системе материальных средств, необходимой для их реализации. Так, отсутствие финансовой основы для обеспечения прав граждан (малоимущих) на получение бесплатной юридической помощи в положениях Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», привело к тому, что данный закон в этой части оказался совершенно неэффективным.

Динамика общественных отношений, развитие культурно-идеологической сферы оказывают влияние на право и порождают на практике дисбаланс интересов государства, общностей и отдельных граждан. Нахождению баланса социально значимых интересов во многом будет способствовать диалог, выражающийся как в форме обсуждения законопроектов, так и форме партнерского диалога. Диалог — это универсальное средство обеспечения правореализации, присутствующее всем этапам процесса.

Положительный опыт имеет прямой контакт общества и государства. Практика прямых трансляций ответов государственных служащих на вопросы, волнующие население как на федеральном, так и на региональном уровнях, получила широкое одобрение со стороны российских граждан. Подобный диалог позволяет обнаружить круг фактических оснований для реализации правовых положений, а соответственно он должен приобрести иной, законодательно установленный статус.

Эффективность правовых норм во многом предопределяется верным установлением круга конкретных общественных отношений, подлежащих правовому регулированию и нуждающихся в таком регулировании. Не включение тех или иных общественных связей и зависимостей, объективно нуждающихся в правовом воздействии, в сферу правового регулирования может привести к образованию пробелов и соответственно, к существенному снижению эффективности функционирования правовых норм. Подобное возможно и в случае правового урегулирования тех социальных отношений, которые в таком регулировании не нуждаются или же нуждаются, но не в таком объеме. По справедливому утверждению А.М. Васильева «нормативно-правовые акты будут целесообразными тогда, когда законодатель ставит себе объективную картину реальных отношений и связей общественной жизни и на этой основе формирует себе порядок их реализации» [7, с. 38].

Для обеспечения эффективности функционирования норм права важна скоординированная, рациональная и грамотно построенная деятельность законодательных органов. Негативным образом на эффективности функционирования норм права сказывается также лоббистская деятельность, предполагающая принятие сложных с точки зрения реализации либо вовсе неосуществимых правовых установлений.

Еще одной проблемой, стоящей на пути эффективной работы норм права является ее внутреннее совершенство, отвечающее требованиям точных, четких формулировок, рациональному использованию юридических терминов и конструкций.

Нередко для уяснения смысла и содержания правовой нормы, для установления истинной воли нормотворца, необходимо прибегать к целому ряду средств и методов толкования, разное сочетание которых не всегда позволяет сделать верный вывод о сущности нормы, что, бесспорно, не будет способствовать эф-

эффективному ее функционированию. Эффективность нормы нередко зависит от того, насколько соотношение прав и обязанностей правильно переводит на язык юридических категорий требования нормы. Бывают случаи, когда гармоничное решение, направленное на стимулирование положительных процессов общественной жизни, не оказывает соответствующего влияния, потому что не найдено надлежащего соотношения прав и обязанностей и в результате не создаются эффективные препятствия для антистимулов [8, с. 45–46].

По мнению Ю.А. Тихомирова «недооценка законодательной техники или ее игнорирование порождает массу законодательных ошибок, цена которых очень велика. Речь идет не только о недопустимых отступлениях от формальных правил, но даже и о нарушении законности» [9, с. 11].

Конституционный Суд Российской Федерации в свои актах и во исполнение основных конституционных принципов, не раз указывал на необходимость при разработке норм права не пренебрегать правилами и средствами юридической техники, обеспечивающими согласованность и недвусмысленность¹.

Обстоятельно непроработанные, принятые с существенными нарушениями требований юридической техники и в спешке нормативные акты, эффективно функционировать не будут. Кроме того, реализация их нередко приводит к противоречиям норм, дисбалансу системы права и системы законодательства. Законотворческая работа палат Федерального Собрания Российской Федерации наглядно демонстрирует, что количество принимаемых нормативно-правовых актов, в сравнении с объемом внесенных изменений и дополнений в действующие законы неоправданно мало, что с одной стороны, подтверждает, что законодательные органы ведут мониторинг, оперативно реагируют на динамику общественных отношений, внося соответствующие правки, а с другой стороны, эти поправки вносятся в такой же спешке, как и принимаются акты. Обобщение правоприменительной практики и учет мнения той социальной группы, которой принимаемая норма адресована, оказывает позитивное воздействие на эффективность ее функционирования [10, с. 88]. Множественность и частота поправок, вносимых в нормативно-правовые акты, их отмена и замена, создают трудности в их толковании и информировании тех субъектов, кому они непосредственно адресованы.

Наука — это генератор идей. Не вызывает сомнений положение о том, что между нормативным и научным пропасти нет, так, нередко определенные научные разработки и достижения становятся основой создания той или иной нормы или акта, инициируют законотворческую деятельность и положительно сказываются на эффективности их функционирования.

Вопросы эффективной работы норм права связаны с аспектами достижения или не достижения ими поставленных целей и намеченного, запрограммированного результата. Объясняется это, прежде всего, тем, что далеко не все нормы содержат в себе указание на цель, а в некоторых случаях, причины не достижения целей могут быть связаны с изменением, исчезновением обстоятельств в связи с которыми норма была принята, с отсутствием механизма ее реализации, неграмотной формулировкой целей, неверным выбором и необоснованным применением правовых средств и т.д. [11, с. 218]

¹ См.: Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2016–2018 годов). URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/AspektsKS_2018.aspx (дата обращения: 04.04.2022).

Серьезной проблемой приводящей к снижению эффективности функционирования правовых норм, является неспособность вновь принятых нормативных установлений вписываться в действующую систему права и не приводить к коллизиям и пробелам. Полноценное правовое регулирование той или иной области общественных отношений возможно лишь посредством комплексного воздействия на них ряда норм.

Значимой проблемой, тормозящей эффективное функционирование правовых норм, является их декларативность и существенная пробельность. Декларативность проявляется в перенасыщенности правовых установлений, регламентирующих то, чего в реальности не существует. По словам А.В. Лукашева, декларативность «...наносит серьезный удар по престижу российского законодательства и создает в нем пробелы» [12, с. 27]. Пробелы, представляющие собой отсутствие требуемой нормы, необходимой для разрешения спорного отношения и признающиеся технико-правовым дефектом, также отрицательно сказываются на эффективности их функционирования. Решение подобной проблемы связано с потребностью реформирования законотворческого процесса и недопущением устранения пробелов посредством подзаконного нормотворчества. Так, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, устанавливая перечень субъектов, правомочных осуществлять административное задержание, не регламентирует круг субъектов, к которым обозначенная мера пресечения не применима. И лишь анализ норм Конституции Российской Федерации и ряда иных нормативных актов позволяет определить категории лиц, на которых административное задержание не распространяется.

Нередка на сегодняшний день чрезмерная излишняя урегулированность ряда схожих общественных отношений и дублирование норм, приводящая, в итоге, к коллизиям. Н.А. Власенко утверждает, что «...чрезмерное дублирование представляет собой совпадение содержания и объема правовых норм, что приводит к тождественности правового регулирования» [13, с. 24].

Негативное влияние на механизм правового регулирования и эффективную работу норм права оказывают конкурирующие нормы. Конкуренция, как и пробельность права признаются явлениями нежелательными, вносящими дисбаланс в действующую систему права, но на сегодняшний день, в силу консерватизма права и его неспособности оперативно реагировать на динамику общественных отношений, являются неизбежными.

Проблемы эффективного функционирования правовых установлений напрямую связаны с масштабным блоком, утративших свое значение, не отвечающих требованиям времени. Подобной своевременной ревизии правил поведения требуют нормы отраслей земельного, трудового, налогового права.

Количество правовых норм, служащих основными элементами права и основными средствами регулирования социальных отношений, увеличивается день за днем и, соответственно, многообразие проблемных моментов, связанных с их принятием, реализацией, контролем и надзором за исполнением, применением института юридической ответственности, дублированием, пробелами, коллизиями и т.д. — также возрастает. Все они (и в совокупности, и каждый в отдельности) негативно сказываются на эффективности функционирования норм права. Таким образом, необходимо своевременно выявлять подобные проблемы и максимально быстро их разрешать.

Библиографический список

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 2005. 1064 с.
2. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. М. Юридическая литература, 1986. 280 с.
3. Лейст О.Э. Сущность права. М.: Зерцало-М, 2002. 288 с.
4. Чванов О.А. Механизм правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. 19 с.
5. Воронин В.В., Матейкович М.С. Учет интересов населения органами исполнительной власти // Публичное право. 2013. № 2. С. 27–33.
6. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Сашко, 2000. 528 с.
7. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. 141 с.
8. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.
9. Законодательная техника: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Городец, 2000. 271 с.
10. Шувалов И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 87–97.
11. Абрамов А.И. Теоретические и практические проблемы реализации функций права. Самара: ООО «Офорт», 2008. 318 с.
12. Лукашева А.В. Законотворческие ошибки // Гражданин и право. 2000. № 3–4. С. 23–28.
13. Власенко Н.А. Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3. С. 21–28.

Reference

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow, 2005. 1064 p.
2. Effectiveness of Legal Norms / V.N. Kudryavtsev, V.I. Nikitinsky, I.S. Samoshchenko, V.V. Glazyrin. Moscow, 1986. 280 p.
3. Leist O.E. The Essence of Law. Moscow, 2002. 288 p.
4. Chvanov O.A. The mechanism of law enforcement: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences. Saratov, 1995. 19 p.
5. Voronin V.V., Mateikovich M.S. Taking Into Account the Interests of the Population by Executive Authorities // Public law. 2013. No. 2. P. 27–33.
6. Avakian S.A. The Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity. Moscow, 2000. 528 p.
7. Vasiliev A.M. Legal Categories. Methodological Aspects of the Development of a System of Categories of the Theory of Law. Moscow, 1976. 141 p.
8. Khalфина R.O. The General Doctrine of Legal Relations. M., 1974. 351 p.
9. Abramov A.I. Theoretical and Practical Problems of the Implementation of the Functions of Law. Samara: LLC “Etching”, 2008. 318 p. Legislative Technique: a Scientific and Practical Guide / Edited by Yu.A. Tikhomirov. M., 2000. 271 p.
10. Shuvalov I.I. The Problem of the Effectiveness of Law-Making in the Light of Modern Political and Legal Theory of Society Management // Journal of Russian Law. 2005. No. 4. P. 87–97.
11. Abramov A.I. Theoretical and Practical Problems of the Implementation of the Functions of Law. Samara: LLC “Ofort”, 2008. 318 p.
12. Lukasheva A.V. Legislative Errors // Citizen and Law. 2000. No. 3–4. P. 23–28.
13. Vlasenko N.A. Logical and Structural Defects of the Soviet Law System // Jurisprudence. 1991. No. 3. P. 21–28.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-60-69

УДК 340.132

Н.И. Сухова

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЗАКОНА: НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Введение: правовое просвещение населения выступает важным средством, позволяющим решать широкий спектр стратегических задач по повышению правовой культуры и правосознания, по созданию условий уважительного отношения к праву и к власти, по минимизации силы противодействия реализации закона и по снижению количества правонарушений. Для того, чтобы это средством было эффективным полезно иметь концептуальное представление о правовой просветительской деятельности, об инструментах и субъектном составе, о путях осуществления этой деятельности. **Цель:** формирование концепции правового просвещения населения Саратовской области, в которой системно и адекватно уровню развития правовой сферы области представить деятельность, направленную на формирование уважительного отношения к праву и правам другого. **Методологическая основа:** представлена социологическим, формально-юридическим, сравнительно-правовым, системным подходами к изучению объективной действительности. **Результаты:** автором представлен вариант проекта концепции правового просвещения населения региона. **Выводы:** результаты исследования, представленные автором, указывают на возможность предвидеть риски противодействия закону и их успешной нейтрализации только при условии комплексного воздействия на общественные отношения и общественное сознание.

Ключевые слова: правовое просвещение, правовая культура, закон, противодействие осуществлению закона, концепция правового просвещения, правовая информированность, правовая грамотность.

N.I. Sukhova

THE CONCEPT OF LEGAL EDUCATION IN THE ACTIVITY OF NEUTRALIZING THE COUNTERACTION TO THE IMPLEMENTATION OF THE LAW: THE NEED TO FORM AND IMPLEMENT

Background: legal education of the population serves as an important means to solve a wide range of strategic tasks to improve the legal culture and legal awareness, to create conditions of respect for the law and for the authorities, to minimize the force of opposition to the implementation of the law and to reduce the number of offenses.

© Сухова Надежда Ивановна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия), Уполномоченный по правам человека в Саратовской области; e-mail: sukhova777@yandex.ru

© Sukhova Nadezhda Ivanovna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy), Commissioner for Human Rights in the Saratov Region

*In order for this tool to be effective, it is useful to have a conceptual understanding of legal education activities, the tools and subject composition, the ways of implementation of this activity. **Objective:** to form the concept of legal education of the population of the Saratov region, in which activities aimed at forming a respectful attitude to the law and the rights of others are systematically and adequately presented to the level of development of the legal sphere of the region. **Methodology:** methodological basis is represented by sociological, formal-legal, comparative-legal, systemic approaches to the study of objective reality. **Results:** the author presented a variant of the draft concept of legal education of the population of the region. **Conclusions:** the results of the research presented by the author indicate the possibility of anticipating the risks of counteraction to the law and their successful neutralization only with a comprehensive impact on social relations and public consciousness.*

Key-words: legal education, legal culture, law, counteraction to the implementation of the law, the concept of legal education, legal awareness, legal literacy.

Интенсивность противодействия осуществлению закона обусловлена множеством факторов. Высокая правовая культура и развитое правосознание рассматриваются в качестве залога соблюдения правовых требований и уважительного отношения к праву, понимания необходимости поступать так, как предписано нормативными правовыми актами. С этим можно согласиться, если не ограничиваться односторонним рассмотрением влияния правовой культуры и правосознания на реализацию права и иметь в виду, что они могут по-разному определять мотивацию выбора субъектом варианта поведения.

Вместе с тем обеспечение высокого уровня культуры отношения к праву — комплексная и сложная задача и ее решение зависит не только от деятельности государства, но и от взвешенного и тесного взаимодействия субъектов гражданского общества. Только при четком взаимодействии указанных субъектов возможен прорыв в повышении качества действия права и снижения рисков противодействия ему.

Однако этим простым правилам осуществления деятельности по правовому просвещению в реальности мало уделяется внимания. Так, на территории региона сложилось мнение, что правовое просвещение — сфера деятельности государства, а другие субъекты к ней не имеют отношения. Публично-властные субъекты недостаточно серьезно относятся к этой деятельности, полагая, что одной нормы действующего законодательства, устанавливающей, что государственные органы и учреждения в рамках осуществления разъяснительной работы и подготовки ответов на обращения граждан осуществляют правовое просвещение¹, вполне хватает для того, чтобы организовать и осуществлять правовое просвещение. А хватает ли для того, чтобы снижать уровень преступности, воспитывать правовую культуру несовершеннолетних, решать задачи по правовой защите права, обеспечивать авторитет власти?

Простой пример. В Саратовской области сделаны беспрецедентные шаги, направленные на снижение обязательств власти региона перед детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. 2024 год — это год, когда огромной очереди на получение жилья указанной категории не будет. Но на пути к

¹ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6725; 2021. № 27, ч. I, ст. 5085.

достижению этой цели явными стали как раз проблемы правового просвещения и отсутствие взаимодействия в этой деятельности.

Другой пример. В условиях санкционного режима и объявления широкомасштабной информационной войны западными странами необходимо не только находить возможность сейчас защищаться от нее, но и выстраивать грамотную и работающую систему противостояния ей в стратегическом плане.

В регионе не принят специальный акт, посвященный правовому просвещению и взаимодействию субъектов этой деятельности. Это не влияет на стройность региональной системы законодательства и не отменяет само правовое просвещение, но и не делает его системной, глубокой и стратегической деятельностью, направленной на предотвращение негативных проявлений в политико-правовой сфере и на преодоление их последствий.

Предлагаемая концепция правового просвещения (Приложение 1) определяет цели, приоритеты, принципы и основные направления ее реализации. Предлагается авторское видение структуры и содержания концепции правового просвещения населения Саратовской области как доктринального документа.

Приложение 1

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПРОЕКТ)

1. Общие положения

1.1. Концепция правового просвещения населения Саратовской области (далее — Концепция) представляет собой систему идей и взглядов по вопросам реализации государственной политики в сфере обеспечения правовой информированности граждан, формирования и развития правовой грамотности, правовой культуры и правосознания граждан и направлена на объединение усилий территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов государственной власти области, органов местного самоуправления муниципальных образований, правозащитных институтов, профессиональных юридических сообществ, общественных объединений юристов в деле правового просвещения населения Саратовской области.

1.2. Концепция является документом стратегического планирования, определяющим государственную политику по обеспечению правовой информированности граждан, формированию и развитию правовой грамотности, правовой культуры и правосознания граждан, а также основой для конструктивного взаимодействия всех участников правового просвещения Саратовской области.

1.3. Правовой основой Концепции являются Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»; Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 года № Пр-1168; Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 года № 1532 «Об утверждении государственной программы

Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»; Стратегия государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2017 г. № 1837-р; Закон Саратовской области от 23 апреля 2012 г. № 63-ЗСО «Об оказании бесплатной юридической помощи в Саратовской области»; Постановление Правительства Саратовской области от 05.09.2018 № 492-П «Об утверждении Стратегии Саратовской области в сфере развития и защиты прав человека на 2018–2025 годы» и др.

1.4. Для целей Концепции используются следующие понятия:

правосознание — одна из форм общественного сознания, представляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, правовым явлениям, поведению людей в сфере права;

просветительская деятельность — совокупность информационно-образовательных мероприятий по пропаганде и целенаправленному распространению научных знаний и социально значимых сведений, формирующих общую культуру человека, основы его мировоззрения и комплекс интеллектуальных способностей к компетентному действию;

правовое воспитание — основанная на принципах педагогики целенаправленная систематическая деятельность государства, общественных и религиозных организаций, трудовых коллективов, отдельных граждан по передаче опыта позитивного отношения к праву, правосудию, законности и правопорядку от одного поколения к другому;

правовая грамотность — вид грамотности, выражающейся в таком объеме знаний, который необходим человеку для выстраивания правовых связей в современном мире и участия в них, выражающаяся в знании законодательства, наличии критического мышления, осознании своих прав и ответственности и др.;

участники (субъекты) правового просвещения — территориальные органы федеральных органов исполнительной власти области, органы государственной власти области, органы местного самоуправления муниципальных образований области, государственные и муниципальные учреждения и организации, осуществляющие деятельность на территории области; аналитические и консультационные центры, вырабатывающие рекомендации по формированию политики в сфере просвещения и по содержанию просветительских программ; субъекты, оказывающие бесплатную правовую помощь гражданам; просветительские учреждения и организации различных форм собственности; государственные и негосударственные правозащитные институты, оказывающие населению юридическую помощь, в том числе в виде правового информирования; некоммерческие организации, представляющие (защищающие) законные интересы той или иной категории граждан; волонтерские организации; средства массовой информации; должностные лица и иные заинтересованные субъекты;

правовое просвещение — направление государственной политики, осуществляемое в различных формах и реализуемое участниками правового просвещения, стимулирующее активное правомерное поведение личности, обеспечивающее ее правовую социализацию и формирование высокой правовой культуры личности, общества, государства. Оно включает правовое обучение, правовую пропаганду, правовое воспитание, правовое консультирование;

правовое информирование — целенаправленная и систематическая деятельность территориальных органов федеральных органов исполнительной власти области, органов государственной власти области, органов местного самоуправления муниципальных образований области, направленная на исполнение обязанности доводить до сведения граждан правовую информацию в целях повышения их правосознания и правовой культуры;

правовая информированность — обусловленное интересами личности и формируемое в результате проводимого участниками правового просвещения состояние сознания личности, характеризующееся степенью осознания правовой информации, правовых понятий и содержания правовых явлений, выступающее мотивом правомерного поведения, фактором повышения уровня правосознания и правовой культуры, минимизации правового нигилизма;

правовая культура — уровень и показатель развития правовых ценностей общества, выражающихся в качестве системы нормативных правовых актов, правоприменительной практики, в стабильности правопорядка; показатель юридически зрелой личности, которая обладает знаниями законодательства, убежденностью в необходимости законов и права, умением пользоваться правовыми средствами в правореализационной деятельности;

правовая пропаганда — деятельность по распространению правовой информации и разъяснению правовых знаний, направленная на формирование у адресатов стереотипов, убеждений, установок, моделей поведения, мышления в русле уважения к правовым ценностям и достижение целей правового просвещения.

II. Цели и принципы правового просвещения в Саратовской области

2.1. Разработка и реализация настоящей Концепции преследуют следующие цели:

2.1.1. сформировать концептуальные основы правового просвещения в Саратовской области, дающие возможность интегрированного воздействия на общественное сознание в целях его правовой трансформации;

2.1.2. создать и расширить механизмы правового просвещения населения области;

2.1.3. придать деятельности по правовому просвещению свойства системности, последовательности и научной обоснованности;

2.1.4. выработать основы для ведомственного взаимодействия в сфере правового просвещения населения области;

2.1.5. создать отлаженную систему правового информирования населения Саратовской области о системе прав и свобод человека и гражданина, о путях их реализации и способах защиты;

2.1.6. обеспечить воспитательное и образовательное воздействие на сознание граждан, создающее условия для формирования идеологии уважения к праву и правам человека, осознания ответственности за выбор вариантов правового поведения;

2.1.7. сформировать навыки законопослушного поведения и первичной защиты прав в ходе их реализации;

2.1.8. повысить уровень правовой культуры и правосознания граждан, проживающих на территории Саратовской области.

2.2. Правовое просвещение в Саратовской области проводится на основе следующих принципов:

- а) приоритета прав и свобод человека и гражданина;
- б) законности;
- в) комплексности применения участниками правового просвещения мер правового воспитания, образования, информирования, повышения правовой грамотности населения, повышения правосознания и правовой культуры;
- г) систематичности проведения мероприятий по правовому просвещению;
- д) всесторонней защиты прав гражданина и человека;
- е) взаимодействия участников правового просвещения в деятельности по реализации целей настоящей Концепции;
- ж) учета культурного фактора.

III. Текущее состояние сферы правового просвещения в Саратовской области

3.1. Саратовская область принимает активное участие в реализации стратегических программ по обеспечению развития экономической, политической, социальной, культурной сфер общества. Их успешное претворение в жизнь и решение задач в рамках этих программ зависит от целого ряда факторов различного характера: от финансовой обеспеченности на уровне бюджетных отношений до организации совершения операций на местах.

3.2. Одним из важных условий прогрессивного развития региона и его населения является укрепление основ свободного и высокоорганизованного гражданского общества, правовой государственности, формирование уважительного отношения к идее права, верховенства закона, приоритета прав и свобод человека и гражданина, взаимной ответственности личности и государства. Это в свою очередь требует усиления правовых начал в поведении людей, социальных групп, общества и государства.

3.3. Уважительное отношение к праву и правам человека — следствие высокой правовой культуры и развитого правового сознания. Недостаточный уровень правовой культуры и деформированные состояния правосознания, распространение правового нигилизма среди населения области становятся препятствием в реализации принципов верховенства права. В связи с этим правовое просвещение граждан должно быть одним из приоритетных направлений в работе всех участников правового просвещения независимо от сферы деятельности.

3.4. Деятельность по правовому просвещению в Саратовской области регламентируется нормативными правовыми актами федерального уровня, в частности Основами государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденными Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». В частности, последним в целях правового информирования и правового просвещения на федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения, органы управления государственных внебюджетных фондов, органы местного самоуправления и должностных лиц возлагается обязанность размещения в местах, доступных для граждан, в средствах массовой информации, в сети Интернет либо доводить до граждан иным способом правовую информацию. Указывается также, что обязанность по правовому информированию в соответствии с нормативными правовыми актами

Федерации и ее субъектов может возлагаться на государственные юридические бюро, адвокатов и нотариусов.

3.5. В Саратовской области во исполнение федерального законодательства принят Закон Саратовской области «Об оказании бесплатной юридической помощи в Саратовской области», но его недостаточно, чтобы говорить о правовой основе деятельности по правовому просвещению. Из содержания текста названного закона следует, что оказание бесплатной юридической помощи в виде консультирования одним из приоритетных направлений деятельности органов исполнительной власти области и подведомственных им учреждений. Кроме того, на государственные юридические бюро также возлагаются обязанности по правовому информированию и правовому просвещению населения, в том числе граждан, имеющих право на бесплатную юридическую помощь.

3.6. Вместе с тем в области не создано государственного юридического бюро, этот субъект оказания юридической помощи не осуществляет деятельность по правовому информированию, что означает отсутствие практики реализации норм о правовом просвещении в широком спектре случаев.

3.7. В Саратовской области не принято специальное законодательство о правовом просвещении. Разработанные проекты закона о правовом просвещении закончили свое движение в процессе правотворчества на этапе общественного обсуждения и экспертиз. Отсутствие специального закона создает препятствия для развития отношений в области правового просвещения, приобретения ими принципиально нового уровня, скоординированных действий со стороны всех субъектов правового просвещения. Вместе с тем назрела потребность в создании действенного механизма информирования граждан, выявления дефектов в правовом регулировании информации и информационных технологий, способных оказать дестабилизирующее, деструктивное и деформирующее воздействие на уровень информационно-коммуникативной культуры населения.

3.8. Несмотря на то, что правовое информирование на территории области осуществляется обширным кругом уполномоченных и правообязанных субъектов, в локальных актах которых указаны полномочия по осуществлению правового информирования, признать это достаточным для развития сферы правового просвещения и повышения правовой культуры граждан области нельзя. Необходим нормативный или концептуально-правовой акт, который бы выступил интегрирующей основой этой деятельности и привел все ее показатели к единому правовому знаменателю.

3.9. Указанное выше свидетельствует о наличии правовых рисков в сфере правового просвещения, понимании и использовании прав и свобод, формировании отношений по их реализации и защите, преодолению правового нигилизма и уважительного отношения к праву.

IV. Основные направления и формы деятельности по осуществлению правового просвещения

4.1. Для эффективной реализации Концепции необходимо, чтобы деятельность по правовому просвещению носила комплексный характер и охватывала несколько направлений:

- планово-финансовое;
- организационно-обеспечительное;
- содержательно-просветительское;

мониторингово-аналитическое.

4.2. Осуществление правового просвещения предполагает использование правовых и организационных форм, в рамках которых используются различные способы:

нормативно-правовое регулирование и подготовка программы государственной политики в области правового просвещения в Саратовской области;

подготовка и анализ планов мероприятий по повышению уровня правовой культуры и правосознания населения Саратовской области;

адаптированные занятия для различных групп населения (школьники — пенсионеры);

организация правовых лекций, викторин и диктантов с участием специалистов в различных сферах юриспруденции;

проведение правовых форумов и конференций, организация правовых марафонов и консультационно-диалоговых площадок;

организация и проведение телефонных «горячих линий»;

использование печатных изданий и тематических информационно-правовых буклетов, стендов правовой информации и единого информационного портала, официальных интернет-сайтов участников правового просвещения;

правовая пропаганда в СМИ;

организация бесплатных юридических консультаций;

развитие волонтерского движения в области повышения правовой культуры и правосознания, преодоления правового нигилизма и формирования уважительного отношения к праву;

создание интернет-порталов по вопросам правовой пропаганды, основ права, обучения граждан правовым способам защиты прав и свобод, в том числе досудебному порядку обжалования решений, действий (бездействия) исполнительных органов государственной власти области и органов местного самоуправления, государственных гражданских служащих, муниципальных служащих, государственных учреждений (предприятий) и их должностных лиц;

разработка и внедрение информационно-правовой платформы «Региональное законодательство» для смартфонов и др.

Перечень указанных способов правового просвещения не может носить исчерпывающий характер. Уровень развития современного общества и его изменение обуславливают иные средства и приемы правового просвещения, не противоречащие действующему законодательству.

V. Механизм и этапы реализации Концепции

5.1. Механизм реализации Концепции обусловлен целями ее разработки и принятия и включает в себя:

А) субъектную составляющую;

Б) инструментальную составляющую;

В) обеспечительную составляющую.

5.2. Субъектная составляющая представлена взаимодействующими субъектами правового просвещения, деятельность которых направлена на повышение уровня правовой культуры и правосознания, правовой информированности населения области, на развитие государственного и негосударственного секторов правового просвещения.

5.3. Инструментальная составляющая механизма представлена нормативными (предписаниями и действиями правового характера) и организационными (финансовыми, хозяйственными и др.) средствами и способами.

5.4. Обеспечительная составляющая — система гарантий осуществления правового просвещения и информирования в области и меры юридической ответственности за допущенные нарушения в области правового просвещения и информирования.

5.5. Реализация Концепции осуществляется поэтапно.

Первый этап предполагает создание нормативной и оптимизацию правового регулирования сферы правового просвещения, а именно:

- разработку и принятие закона Саратовской области о правовом просвещении;
- разработку Программы правового просвещения в Саратовской области;
- разработку Плана мероприятий по правовому просвещению;
- предложение субъектами правового просвещения своих планов по правовому просвещению.

Второй этап реализации Концепции требует:

- создания условий и обеспечения реализации положений нормативных актов о правовом просвещении, плана мероприятий по правовому просвещению, планов по правовому просвещению, составленных участниками правового просвещения;
- углубления ведомственного взаимодействия по осуществлению мероприятий по правовому просвещению;
- надлежащей координации правового просвещения, осуществляемого государственными и негосударственными субъектами;
- осуществления текущего мониторинга сферы правового просвещения в области.

На третьем этапе проводятся мероприятия, направленные на:

- оценку деятельности по правовому просвещению;
- установление недочетов и причин неэффективности деятельности по правовому просвещению;
- совершенствование системы гарантий и ответственности в области правового просвещения.

VI. Ожидаемые результаты

Реализация Концепции обеспечит достижение социально-правовых результатов, характеризующихся:

- расширением и совершенствованием системы правового просвещения за счет вовлечения в нее негосударственных субъектов и использования широкого спектра средств соответствующей деятельности;
- созданием и совершенствованием механизма правового просвещения населения Саратовской области;
- углублением взаимодействия государственных и негосударственных субъектов правового просвещения;
- повышением уровня правовой культуры, влекущей снижение числа нарушений прав и свобод человека, правонарушений различной степени общественной опасности;
- повышением качества жизни за счет расширения возможностей по реализации прав граждан и их защите;

укреплением доверия к власти, обеспечивающей реализацию и защиту прав и свобод граждан;
формированием у молодого поколения уважения к праву и закону;
формированием состояния правовой информированности и др.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-70-78

УДК 34.091.

Т.С. Горячева

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

Введение: в статье рассматривается становление и развитие отечественного законодательства, регулировавшего трансплантацию органов и тканей человека. Характеризуется роль научно-исследовательских институтов и ведущих ученых-врачей в правовой регламентации вопросов донорства и трансплантации. **Цель:** изучение факторов, влиявших на развитие правового регулирования трансплантации в России. **Методологическая основа:** использовались как общенаучные, так и специальные методы исследования, среди которых анализ, синтез, историко-правовой и др. **Результаты:** установлено, что в исследованный период операции по пересадке органов и тканей человека носили экспериментальный характер. Отсутствовал специальный закон, определявший права и обязанности субъектов отношений, связанных с трансплантацией органов и тканей человека. Правовое регулирование операций по пересадке органов и тканей осуществлялось с помощью ведомственных нормативных актов. **Вывод:** уровень научно-исследовательских работ и экспериментальной хирургической практики в России в конце XIX – середине XX века значительно опережал нормативно-правовое сопровождение хирургических операций по трансплантации органов и тканей человека.

Ключевые слова: трансплантация, посмертное донорство, презумпция согласия, экспериментальная хирургия, правовая регламентация.

T.S. Goryacheva

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF HUMAN ORGANS AND TISSUES TRANSPLANTATION IN RUSSIA IN THE LATE XIX – MID-20TH CENTURY

Background: the article considers the formation and development of domestic legislation regulating the transplantation of human organs and tissues. The role of scientific research institutes and leading medical scientists in the legal regulation of donation and transplantation is characterized. **Objective:** to study the factors that influenced the development of legal regulation of transplantation in Russia. **Methodology:** both general scientific and special research methods were used, including analysis, synthesis, historical and legal, etc. **Results:** it was found that during the studied period the operations on transplantation of human organs and tissues were of experimental nature. There was no special law defining the rights and obligations of the subjects of relations connected with the transplantation of human organs and tissues. Legal regulation of operations on transplantation of organs and tissues was carried out by

© Горячева Татьяна Сергеевна, 2022

Ассистент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: Grecha11@mail.ru

© Goryacheva Tatiana Sergeevna, 2022

Assistant of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

means of departmental normative acts. Conclusion: the level of scientific research and experimental surgical practice in Russia at the end of the XIX – mid-XX century was significantly ahead of the regulatory support of surgical operations for transplantation of human organs and tissues.

Key-words: *transplantation, post-mortem donation, presumption of consent, experimental surgery, legal regulation.*

Основными нормативными актами, осуществляющими в современной России регулирование трансплантации органов и тканей человека, являются Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»¹ и Закон РФ от 9 июня 1993 г. № 5142-1 «О донорстве крови и ее компонентов»², в которых определяются перечень объектов трансплантации, правовой статус донора, учреждения здравоохранения, имеющие право на забор органов и тканей и на трансплантацию и т.д. Развитие биомедицинских технологий, совершенствование техники трансплантации отдельных органов, внедрение новейших медицинских практик, требуют соответствующего закрепления в законодательной базе. На рассмотрении в Государственной Думе РФ находится Законопроект № 1148614-7 О внесении изменений в Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» по вопросам донорства органов и (или) тканей человека, включая костный мозг и гемопоэтические стволовые клетки, и их трансплантации (пересадки)³, направленный на совершенствование правового регулирования трансплантации органов и тканей человека, в котором расширяются права живого донора и появляется новый раздел о финансовом обеспечении медицинской деятельности.

Актуальными проблемами современности в этой сфере являются глобальный дефицит органов, наряду с дефицитом органов в пределах конкретной национальной юрисдикции, проблемы культурного неприятия посмертного донорства, трансплантационный туризм и др. [1, с. 174–175]. Озабоченность вызывает увеличение масштабов нелегальной торговли органами и тканями человека, что по мнению ВОЗ является препятствием нормальному развитию трансплантации во всем мире⁴. В этой связи повышается значение правового регулирования вопросов донорства и трансплантации, что предполагает изучение, в том числе отечественного историко-правового опыта в данной сфере.

Развитие медико-биологических исследований в России способствовало появлению новых отраслей научных знаний, в том числе трансплантологии, которая до середины XX в. носила экспериментальный характер. Невозможность массового осуществления операций по пересадке органов и тканей человека, обусловила практически полное отсутствие специальных нормативных правовых

¹ См.: Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (с изм. и доп. от 8 декабря 2020 г.). // Российская газета. 1993. 9 янв.; 2020. 11 дек.

² См.: Закон РФ от 9 июня 1993 г. № 5142-1 «О донорстве крови и ее компонентов» // ВСНД РФ и ВС РФ. 1993. № 28, с. 1064.

³ См.: Законопроект № 1148614-7. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1148614-7> (дата обращения: 11.11.2021)..

⁴ World Health Assembly Resolution 57.18. Human organ and tissue transplantation, 22 May 2004. URL: http://www.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA57/A57_R18-en.pdf (дата обращения: 11.11.2021).

актов, регламентировавших данную деятельность. Ряд исследователей считает возможным анализировать «генез развития законодательства в области трансплантации» в России с конца XVII в. [2, с. 68; 3, с. 237]. Более убедительной представляется позиция авторов, отмечавших зарождение трансплантации, как экспериментальной хирургической практики в России лишь в XIX в. [4, с. 55].

Отечественные хирурги (Н.И. Пирогов, Ю.К. Шимановский, Е.И. Богдановский, Н.В. Склифосовский и др.), признавая сложности биологической совместимости органов и тканей животных с органами и тканями человека и осознавая, что изъятие органов у живых людей сопровождается серьезным риском для здоровья, поддерживали посмертное донорство и выступали за использование органов и тканей трупов в научных целях. Так, например, в 1890 г. С.С. Иванова использовала для трансплантации трупную кожу, а А.А. Абражанов в 1898 г. предложил при проведении пластических операций, замещать носовую перегородку трупной костной пластинкой [5, с. 21, 27].

Вместе с тем в Уставе судебной медицины, содержащемся в книге третьей Свода учреждений и Уставов врачебных 1857 г., в определении порядка вскрытия трупов, запрещалось вскрывать мертвое тело ранее истечения двадцати четырех часов после смерти [6, с. 325]. Это требование, объясняемое сложностью процедуры установления смерти больного, не позволяло использовать органы и ткани умерших людей для трансплантации.

Серьезной проблемой, препятствовавшей развитию трансплантации, являлось неприятие населением посмертного донорства и самой идеи вскрытия трупов. В начале XX в. врач В.В. Вересаев, в опубликованной в 1901 г. монографии «Записки врача», описывает горе матерей от осознания, что их умерших детей будут «терзать» и после смерти. «Для матери вскрытие ее ребенка часто составляет не меньшее горе, чем сама его смерть... Даже интеллигентные лица, пишет В.В. Вересаев, крайне неохотно соглашались на вскрытие близкого человека, для невежественного бедняка оно кажется чем-то прямо ужасным» [7, с. 16]. Поскольку в медицинской практике активно применялось вскрытие трупов, умерших в лечебных учреждениях, несмотря на протесты их родственников, отношение населения к врачам, осуществлявшим вскрытие, было крайне негативным.

Важное значение в процессе изъятия органов и тканей, с целью последующей их трансплантации, имеют условия, в которых производится данное изъятие. Вместе с тем, согласно неоднократным разъяснениям Сената, ни городские, ни земские общественные учреждения не были обязаны выделять специального помещения для вскрытия тел умерших. Указ Сената от 17 марта 1909 г. № 3200 определял, что вскрытия, смотря по обстоятельствам каждого отдельного случая, должны были производиться там, где это представлялось более удобным, в больнице, или при полицейских учреждениях [8, с. 366]. Таким образом, только в том случае, если вскрытие производилось в лечебном учреждении, врачи могли использовать изъятые органы в своей экспериментальной практике.

Активное развитие медицинской науки в начале XX в., разработка хирургами экспериментальных технологий пересадки донорских органов и тканей предполагало нормативное сопровождение. В Правилах «О порядке вскрытия трупов умерших в больницах и лечебных заведениях», утвержденных 2 марта 1919 г., хотя и говорилось о возможности даже опытными врачами принятия живых людей за мертвых, допускалось вскрытие трупов «в научных и научно-практических целях», с разрешения главного врача лечебного заведения, до истечения

24 часов, но не ранее получаса после смерти, в присутствии не менее трех врачей, составивших протокол с указанием причин раннего вскрытия и доказательств действительной смерти [9, с. 217]. Вместе с тем в Циркуляре губернским, уездным и городским медико-санитарным отделам № 1 390/1467 от 2 апреля 1919 г. настоятельно рекомендовалось при ранних вскрытиях проводить «поверочные пробы», позволяющие достоверно установить факт смерти лица, подлежащего вскрытию [9, с. 218].

Необходимость правовой регламентации экспериментального и клинического опыта использования донорских, в том числе трупных тканей, способствовала принятию Наркомздравом 19 декабря 1928 г. Правил судебно-медицинского исследования трупов, закрепленных 3 января 1929 г. Наркомюстом РСФСР, в которых предусматривалось право клинических и больничных учреждений вскрывать трупы «в присутствии не менее трех врачей, не ранее получаса после смерти, но до истечения 12 часов» [10, с. 414–417].

Таким образом несмотря на то, что специальные нормативные правовые акты, регулировавшие вопросы донорства и трансплантации органов и тканей человека появляются в России только в 20-30-х гг. XX в., медицинское законодательство предшествующего периода частично восполняло существовавший пробел.

В XX в. Российские ученые находились в ряду тех, кто первыми в мире совершал операции по пересадке тех или иных тканей и органов человека. Так в 1928 г. В.Н. Шамов и М.Х. Костюкова первыми смогли научно доказать целесообразность переливания трупной крови, а в 1933 г. Ю.Ю. Вороной впервые провел операцию по трансплантации почки [5, с. 105]. Вместе с тем, можно согласиться с теми исследователями, которые отмечают отставание правовой базы трансплантологии по сравнению с уровнем научно-исследовательских работ и экспериментальной хирургической практики [11, с. 42; 12, 147].

Благодаря успешной трансплантации роговицы, взятой от трупа, осуществленной В.П. Филатовым в 1931 г., данные хирургические операции в СССР стали осуществляться массово. Обсуждая этот вопрос на заседаниях ученого медицинского совета при Наркомздраве РСФСР в марте 1935 г., было принято решение о признании операций по трансплантации трупной роговицы «целесообразными и нуждающимися в более широком развитии и поддержке со стороны Наркомздрава и его органов на местах» [13, с. 11]. Не последнюю роль в процессе юридической регламентации операций по пересадке роговицы сыграли научно-исследовательские институты, осуществлявшие данные операции в порядке экспериментальной и клинической практики. 28 декабря 1936 г. директор Центрального офтальмологического института им. Гельмгольца профессор М.И. Авербах направил письмо в Наркомздрав РСФСР, в котором отмечал «... особую актуальность подобных операций в условиях военного времени» [14, л. 1]. Как свидетельствует историк медицины М.Б. Мирский данное письмо являлось одним из многих запросов научных работников и врачей на право изъятия трупных тканей для экспериментальных и клинических целей [5, с. 125].

Это способствовало принятию 15 сентября 1937 г. Постановления Совета Народных Комиссаров СССР «О порядке проведения медицинских операций», в котором Наркомздрав СССР наделялся правом издавать обязательные для всех учреждений, организаций и граждан распоряжения о порядке осуществления лечебных и хирургических операций, в том числе по пересадке роговиц глаз от умерших, пересадке отдельных органов, переливанию крови и т.п. В данном

Постановлении впервые закреплялось право медицинских учебных заведений использовать для обучения студентов трупы не востребованных родственниками людей, умерших в лечебных учреждениях [15, с. 267].

Следует отметить, что этот нормативный акт стал основой для различных инструкций и распоряжений, регламентировавших разнообразные хирургические вмешательства. Уже 1 декабря 1937 г. была издана Инструкция Наркомздрава СССР «Об использовании глаз умерших людей для операции пересадки роговицы слепым», а 16 февраля 1954 г. издаются Приказ министра здравоохранения СССР № 88 «О широком внедрении в практику окулистов операции пересадки роговицы» и Инструкция Министерства здравоохранения СССР «Об использовании глаз умерших людей для операции пересадки роговицы слепым», которая отменяла прежнюю инструкцию от 27 января 1938 г. и была издана на основании Постановления СНК СССР от 15 сентября 1937 г. № 1607 [16, с. 213–214]. Этот Приказ обязал офтальмологические учреждения и прежде всего глазные клиники медицинских институтов и институты глазных болезней для проведения операций по пересадке роговиц обучать окулистов методике и тактике данных операций, обеспечить эти учреждения необходимым инструментом, а также «организовать получение этими учреждениями необходимых для пересадки роговицы глаз умерших людей» (п. 1.).

В соответствии с Инструкцией, являвшейся Приложением 4 к данному приказу, врачам-окулистам разрешалось изымать глазное яблоко от трупов людей, умерших в лечебных учреждениях, а также доставленных в морг (ст. 1), причем на такое изъятие не требовалось предварительного разрешения родственников умершего «при обязательном условии не обезображивании лица умершего» (ст. 2). Изъятие глаз у умерших могло происходить и до вскрытия [16, с. 214]. Во многом благодаря принятию данных нормативно-правовых актов, была решена важнейшая проблема доноров биологического материала для осуществления офтальмологических операций.

Трудно согласиться с мнением Э.М. Алсынбаевой и М.А. Бакировой о том, что законодательство 50-х гг. XX в. «...впервые в России регламентировало презумпцию согласия на трансплантацию тканей роговицы на нормативном уровне» [17, с. 122; 3, с. 239]. Действительно, первые советские нормативные акты, регулировавшие операции по пересадке роговицы, руководствуясь интересами науки и медицинской практики, не предусматривали право родственников умершего давать согласие или отказываться в использовании органов своего близкого человека. Таким образом, юридически не регламентировалась и возможность прижизненного согласия или не согласия потенциального донора на изъятие тканей или органов. Законодательство определяло лишь время такого изъятия (не ранее, чем через два часа после смерти, факт которой констатировался двумя врачами в письменной форме (ст. 3)), а также порядок его оформления (ст. 4). Согласие на изъятие органов и тканей, как и отказ от подобного изъятия в письменном виде давал заведующий моргом или судебно-медицинский эксперт, если труп подлежал экспертизе [16, с. 214]. В этой связи можно говорить лишь о концепции презумпции согласия, которая еще не была закреплена законодательно.

Первым нормативным актом в России, закрепившим презумпцию согласия на изъятие органов и (или) тканей, стал Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I

«О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ст. 8 «Презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей»)¹.

В середине XX в. становится очевидно, что развитие трансплантационных техник и экспериментальная практика отдельных хирургов, успешно проводивших операции по пересадке различных органов и тканей, нуждается в законодательной поддержке. Хирурги-экспериментаторы, опасаясь судебного преследования, подчас были вынуждены обращаться за разрешением на изъятие определенных органов у трупа к надзорным органам. Так, например, в 1931 г. Д.А. Арапов получил разрешение прокуратуры на изъятие трупных эндокринных желез для последующей их пересадки больным [5, с. 102].

Отсутствие четких правовых регламентов, определяющих перечень органов, разрешенных для трансплантации и списка учреждений и специалистов, способных осуществлять подобные операции вынуждало врачей выступать с инициативой принятия необходимых нормативных правовых актов. 12 мая 1951 г. заведующий хирургическим отделением института им. Н.В. Склифосовского П.И. Андросов и врач В.Ф. Гудов написали заявление министру здравоохранения СССР Е.И. Смирнову с просьбой о разрешении применения в клинической практике пересадки отдельных органов от трупов (конечностей, почек, щитовидных желез, яичек) [4, с. 60]. Но только в конце 60-х гг. XX века были изданы приказы министра здравоохранения СССР, в соответствии с которыми операции по пересадке почек было разрешено осуществлять в целом ряде медицинских учреждений и клиник. Так, например, в соответствии с Приказом министра здравоохранения СССР № 464 от 25 июня 1969 г. «Об организации в стране центров по пересадке почек», предусматривалось создать новые центры по трансплантации в Киеве, Кемерово, Вильнюсе и Баку [5, с. 197].

Развитие трансплантологии предполагало правовую регламентацию предоставления донорского биологического материала в специализированные лечебные учреждения. 12 апреля 1957 г. было направлено Письмо главного судебно-медицинского эксперта Министерства здравоохранения СССР № 392 «О предоставлении институтам травматологии и гематологии и институтам переливания крови некоторых тканей от трупов умерших людей» [16, с. 215–216]. В письме подчеркивалось важное значение для науки и медицинской практики консервирования полученных от трупов тканей, которые в дальнейшем могли использоваться для спасения жизни и сохранения здоровья советских граждан. Кроме того, письмо содержало обязанность судебно-медицинской экспертизы оказывать всемерную помощь соответствующим институтам в получении необходимого биологического материала. Причем биологическим материалом признавались трупы умерших в лечебных учреждениях или доставленные в морг. Осознавая возможный протест родственников умерших, чье согласие на изъятие тканей по-прежнему не требовалось, в письме отмечается необходимость разъяснения им важности проводимых мероприятий для оказания лечебной помощи пострадавшим [16, с. 216].

Следует отметить, что вопрос о необходимости правовой регламентации согласия родственников умершего на изъятие органов и тканей вызывал полемику среди специалистов. Если такие исследователи, как М.Д. Шаргородский, И.И. Горелик и др. выступали за законодательное закрепление необходимости получения согласия родственников умершего на получение трансплантата, то

¹ См.: Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (с изм. и доп. от 8 декабря 2020 г.). // Российская газета. 1993. 9 янв.; 2020. 11 дек.

М.И. Авдеев и др., заявляли, что право наследования не может распространяться на труп [18, с. 12; 19, с. 52; 20, с. 86].

К середине 60-х гг. XX в. операции по пересадке органов и тканей получают в СССР широкое распространение, что приводит к возникновению проблем, связанных с отсутствием в ряде лечебных учреждений надлежащих условий и возможностей. Это способствовало принятию 2 августа 1966 г. Приказа министра здравоохранения СССР № 600, закрепившего требование получения разрешения Министерства здравоохранения СССР на все операции по пересадке органов от человека, трупов, или животных к человеку [5, с. 167].

Однако правовые отношения между донором и реципиентом, между хирургом, осуществлявшим операцию по трансплантации и пациентом, так и не были урегулированы. Среди причин подобной ситуации исследователи называли отсутствие достаточного опыта, который мог бы быть использован при конструировании правовых норм. Как справедливо отмечает профессор И.И. Горелик, нераспространенность тех или иных отношений не исключает необходимости их правовой регламентации. Определяя принципы правового регулирования трансплантологии в СССР, ученый выделял принцип оптимальной заботы об интересах донора и коллегиальности в принятии решений о пересадке [19, с. 9, 18–22].

Выступая за необходимость создания единого комплексного нормативного акта, регулировавшего вопросы трансплантологии, советские юристы выступали против пересадки мозга. И если М. Авдеев предполагал, что пересаживая голову, мы «пересаживаем» человека и в результате такой операции «исчезает личность реципиента и остается личность донора» [20, с. 85], то И.И. Горелик считал, что результатом таких экспериментов станет создание «сфинксов и химер в возможно наихудших изданиях» [19, с. 26]. Полемика возникла и по вопросу о допустимости в социалистическом государстве установления платы за трансплантат. Если М.И. Авдеев, проводя аналогию с вознаграждением доноров крови, считал, что донор в праве получать вознаграждение за предоставление своего органа или ткани [20, с. 85], то И.И. Горелик был убежден, что «плата за ткань противоречила бы моральному кодексу строителей коммунизма» и поощрять такого донора целесообразней благодарностями и наградами общественных и государственных органов [19, с. 33–34].

Таким образом, в России в рассматриваемый период отсутствовал специальный закон, регулировавший вопросы пересадки органов и тканей человека, отсутствовали правовые понятия донорства и трансплантации, гарантии прав граждан при проведении медицинского эксперимента. Правовое регулирование операций по пересадке органов и тканей осуществлялось с помощью ведомственных нормативных актов, большей частью которых являлись приказы и инструкции, в которых закреплялись права и обязанности родственников умершего, заведующих моргом и работников судебно-медицинской экспертизы. За пределами правового поля оставались вопросы статуса живого донора, его согласия и информированности, возможности вознаграждения за осуществление операции и компенсации за возможный вред здоровью. Значительную роль в развитии законодательства, регулировавшего вопросы трансплантации органов и тканей, играли обращения научных работников и врачей, занимавшихся хирургической практикой в различные государственные органы, осуществлявшие руководство медицинской деятельностью.

Библиографический список

1. Резник О.Н., Михель Д.В. Глобальный дефицит донорских органов: анализ национальных стратегий самообеспечения // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2020. Т. XXII. № 1. С. 174–183.
2. Коротких Е.В. Ретроспективный анализ отечественного законодательства о трансплантации органов и тканей человека // Вестник Вятского государственного гуманитарного ун-та. 2010. № 2–1. С. 68–71.
3. Бакирова М.А. История нормативного регулирования трансплантации органов и (или) тканей в России // Вестник науки. 2019. № 6(15). Т. 1. С. 237–242.
4. Хубутия М.Ш., Кабанова С.А. История отечественной трансплантологии, приоритеты и особенности развития // Трансплантология. 2011. № 1. С. 55–65.
5. Мирский М.Б. История отечественной трансплантологии. М.: Медицина, 1985. 240 с.
6. Устав судебной медицины. Ст. 1742. СЗРИ. Кн. III. Т. XIII. СПб., 1857.
7. Вересаев В.В. Записки врача. СПб.: Азбука, 2020. 442 с.
8. Устав врачебный, изд. 1905 г. и по прод. 1912 и 1913 гг., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постановками разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями / сост. Л.А. Колычев. Пг.: изд-е юридического книжного магазина В.П. Анисимова, 1915. 660 с.
9. Положения, циркуляры и инструкции Народного Комиссариата Здравоохранения. Б.м.: Гос. изд-во, 1921. 387 с.
10. Лейбович Я.Л. Практическое руководство по судебной медицине. М.: изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 237 с.
11. Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М.: ИНФРА-М., 2006. 320 с.
12. Соколов В.А., Стеценко С.Г., Исаков В.Д. Основные этапы создания правовой базы, регламентирующей трансплантацию органов и тканей человека в России // Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности. М.: Юрист, 2003. 342 с.
13. Сборник постановлений № 1. Наркомздрав РСФСР. Ученый медицинский совет. М.: Уч. мед. Сов. НКЗдрава РСФСР, 1939.
14. ГАРФ. Ф. Р-8009. Министерство здравоохранения СССР 1936–1991 гг. Оп. 2. Ученый медицинский совет. Ед.хр. 40.
15. Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925–1940. Сборник документов и материалов. М.: Медицина, 1973. 328 с.
16. Прозоровский В.И., Кантер Э.И. Сборник организационно-методических материалов по судебно-медицинской экспертизе. М.: Медгиз, 1960. 480 с.
17. Алсынбаева Э.М. Развитие правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в России: исторический аспект // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2011. № 4. С. 120–123.
18. Шаргородский М.Д. Новые вопросы права в связи с развитием техники и естествознания // Вопросы современного развития советской юридической науки. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 128 с.
19. Горелик И.И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. Минск: Высшая школа, 1971. 91 с.
20. Авдеев М.И. Правовое регулирование пересадки органов и тканей // Советское государство и право. 1968. № 9. С. 83–88.

References

1. *Reznik O.N., Mikhel D.V.* Global Shortage of Donor Organs: Analysis of National Self-Sufficiency Strategies // *Bulletin of Transplantology and Artificial Organs.* 2020. Vol. XXII. No. 1. P. 174–183.
2. *Korotkov E.V.* Retrospective Analysis of Domestic Legislation on Human Organ and Tissue Transplantation // *Bulletin of Vyatka State University for the Humanities.* 2010. No. 2–1. P. 68–71.
3. *Bakirova M.A.* History of Regulatory Regulation of Organ and (or) Tissue Transplantation in Russia // *Bulletin of Science.* 2019. No. 6(15). Vol. 1. P. 237–242.
4. *Khubutia M.Sh., Kabanova S.A.* History of Russian Transplantology, Priorities and Features of development // *Transplantology.* 2011. No. 1. P. 55–65.
5. *Mirsky M.B.* History of domestic Transplantology. M.: “Medicine”, 1985. 240 p.
6. The Statute of Forensic Medicine. St. 1742. / SZRI. Book III. Vol. XIII. St. Petersburg, 1857.
7. *Veresaev V.V.* Doctor’s Notes. St. Petersburg: “Abc”, 2020. 442 p.
8. The Medical Charter, ed. 1905 and 1912 and 1913, and Legalizations on the medical and Sanitary Part, Supplemented by Article-by-Article Explanations of the Senate and Government Regulations, Rules and Instructions / comp. L.A. Kolychev. Pg.: ed. legal. Bookstore of V.P. Anisimov, 1915. 660 p.
9. Regulations, Circulars and Instructions of the People’s Commissariat of Health. B.M.: State Publishing House, 1921. 387 p.
10. *Leibovich Ya.L.* Practical Guide to Forensic Medicine. M.: Publishing house of the NKYU RSFSR, 1927. 237 p.
11. *Krylova N.E.* Criminal Law and Bioethics: Problems, Discussions, Search for Solutions. Moscow: INFRA-M. Publishing House, 2006. 320 p.
12. *Sokolov V.A., Stetsenko S.G., Isakov V.D.* The Main Stages of Creating a Legal Framework Regulating the Transplantation of Human Organs and Tissues in Russia // Actual problems of legal regulation of medical activity. M.: “Lawyer”, 2003. 342 p.
13. Collection of Resolutions No. 1 / People’s Commissariat of Health of the RSFSR. Scientific Medical Council. M.: Uch. med. Sov. NKZdrava RSFSR, 1939.
14. GARF. F. R-8009. Ministry of Health of the USSR 1936–1991 Op. 2. Scientific Medical Council. Ed.hr. 40.
15. Healthcare in the Years of Restoration and Socialist Reconstruction of the National Economy of the USSR 1925-1940. Collection of documents and materials. M.: Medicine, 1973. 328 p.
16. *Prozorovsky V.I., Kanter E.I.* Collection of Organizational and Methodological Materials on Forensic Medical Examination. Moscow: Medgiz, 1960. 480 p.
17. *Alsymbaeva E.M.* Development of Legal Regulation of Human Organ and Tissue Transplantation in Russia: Historical Aspect // *Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University.* 2011. No. 4. P. 120–123.
18. *Shargorodsky M.D.* New Questions of Law in Connection with the Development of Technology and Natural Science // *Issues of Modern Development of Soviet Legal Science.* L.: Publishing House of Leningr. univ., 1968. 128 p.
19. *Gorelik I.I.* Legal Aspects of Organ and Tissue Transplantation. - Minsk: Publishing house “Higher School”, 1971. 91 p.
20. *Avdeev M.I.* Legal Regulation of Organ and Tissue Transplantation // *The Soviet state and law.* 1968. No. 9. P. 83–88.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-79-83
УДК 321.01

О.В. Мельникова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Введение: с учетом изменений, вносимых в российское законодательство по организации системы публичной власти актуальной становится проблема определения государственной власти. Совершенно очевидно, что данный вопрос является особо важным для народа Российской Федерации, так как назрела необходимость пересмотра отношения к определению «государственная власть». **Цель:** проведение анализа имеющихся определений отечественных и зарубежных теоретиков права с целью формирования нового понятия «государственная власть». **Методологическая основа:** диалектический метод, метод анализа и синтеза, сравнительно-правовой, формально-логической и формально-юридической методы и др. **Результаты:** формирование нового понятийного аппарата. **Выводы:** для достижения поставленной цели необходимо осуществлять полноценный системный анализ имеющихся точек зрения ученых-теоретиков с целью выявления нового подхода к заявленной проблематике.

Ключевые слова: теория права, власть, государственная власть.

O.V. Melnikova

STATE POWER: QUESTIONS OF THEORY

Background: in view of the changes introduced into the Russian legislation on the organization of the system of public authority, the problem of defining state power becomes relevant. It is obvious that this question is particularly important for the people of the Russian Federation, as there is a need to revise the attitude to the definition of "state power". **Objective:** analysis of the existing definitions of domestic and foreign legal theorists in order to form a new concept of "state power". **Methodology:** dialectical method, method of analysis and synthesis, comparative legal, formal logical and formal legal methods, etc. **Results:** formation of a new conceptual apparatus. **Conclusions:** to achieve the goal, it is necessary to carry out a full systematic analysis of the existing points of view of scientists-theorists in order to identify a new approach to the stated problem.

Key-words: theory of law, power, state power.

В 2020 г. произошли кардинальные изменения, касающиеся всего государственного строительства Российской Федерации, так как в Конституцию РФ были внесены большие изменения в части определения публичной власти и построения всей системы государственных органов. Данное изменение влечет за собой приведение в соответствие всего законодательства, регулирующего

вопросы государственной власти, поэтому исследование данной проблематики является особо актуальным.

Так Н.Н. Коротких, пишет: «...существует приблизительно 120 различных характеристик типов, видов, форм власти. Так, например, власть светская, духовная, законодательная, представительная, исполнительная, судебная, отцовская, информационная, экономическая, политическая, национальная, власть улицы, власть мафии, диктаторская власть, личная, семейная, групповая, реальная и формальная, сильная и слабая и др. ...» [1].

На протяжении нескольких столетий «власть» наряду с населением и территорией была неотъемлемым признаком государства [2]. Позднее к важнейшим признакам стали относить закон, как общее благо.

Данный вывод находил свое отражение в трудах известных юристов и политических деятелей.

Так, по мнению Б.Н. Чичерина «...государство — это союз народа, связанного законом в одно юридически целое, управляемый верховной властью для общего блага...» [3].

Л.А. Тихомиров утверждал, что «...государство — это союз членов социальных групп, основанных на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной властью.» [4].

Отдельно стоит привести мнение Н.И. Матузова и А.В. Малько «Государство — это выделенная из общества и обусловленная его социально-экономическим укладом, традициями, культурой политическая организация суверенной публичной власти» [5].

Проводя анализ определений государства, однозначно необходимо выделить один из основных признаков — наличие власти.

Интересным считается тот факт, что в законодательстве Российской Федерации нет определения власти. В свою очередь, многочисленные юридические школы теории государства и права дают свои определения.

Так, например, в трудах Б. Спинозы указано, что «...власть, которая основывается на авторитете, должна была остаться только у одного того, кто мог бы повелевать другими, принуждать их силой и кто, наконец, мог бы предписывать законы и толковать их впоследствии...» [6]. К высшей власти (*potestas*) Б. Спиноза относил умение толковать закон.

По мнению Т. Гоббса «...власть дает жизнь и движение абсолютно всему телу (республике) выполняет роль искусственной души, в которой должностные лица и представители судебной и исполнительной власти — суставы, награды и наказание — нервы, благосостояние и богатство — сила, безопасность — занятость народа, советники — память, справедливость и законы — искусственный разум и воля, гражданский мир — здоровье, смута — болезнь, и гражданская война — смерть...» [7].

Советские и российские исследователи проблем власти рассматривают заявленные вопросы преимущественно при анализе истории и теории государства и права.

А вот Н.И. Матузов и А.В. Малько писали следующее: «...власть — это отношения, которые присущи всякой общности людей отношению господства и подчинения между субъектами, опирающимися на принуждение» [8].

Интересна точка зрения А.А. Клишаса, согласно которой: «Власть — это способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность и поведение людей с помощью каких-либо средств» [9].

По мнению С.А. Авакьяна под властью понимается «...возможность управлять, командовать, распоряжаться людьми, материальными объектами, территориями. Осуществляется посредством авторитета, слова, актов, действий, в том числе, если надо, принуждения» [10].

Стоит сделать вывод о том, что определение власти — понятие многосложное и изменяемое с учетом особенностей этапов развития государства и общества в целом. Однако парадоксальным остается существование отдельных форм насилия, существовавших в древнем мире (например, рабство).

По данным Организации объединенных наций доля детей среди жертв торговли людьми в мире выросла в три раза за последние 15 лет. На каждые 10 жертв в 2020 г. в мире приходилось около 5 взрослых женщин и 2 девочек¹.

Думается, что действие в области укрепления понимания и позиционирования власти движется стремительнее, нежели чем процесс полного обуздания природных влечений, желаний и склонностей отдельных общественных групп. В данном выводе стоит привести точку зрения З. Фрейда, который указывал о верховенстве принципов психической организации в связи с формами власти и их сменой [11].

Государственная власть в отличие от понятия «власть» обуславливается государственными атрибутами и особым механизмом функционирования с учетом сложившихся особенностей государства.

И.Е. Фарбер определял государственную власть посредством функционального подхода, он утверждал «...общее понятие власти, приложимое к государственным и негосударственным властям, может быть сформулировано следующим образом: власть есть необходимая функция любого коллектива по руководству своими членами для налаживания совместной деятельности...» [12].

В государственно-правовом терминологическом словаре под государственной властью понимается «...организованное руководство делами общества со стороны государства и его органов — органов государственной власти» [10].

Первое упоминание термина «власть» в Основном законе Российской Федерации — Конституции РФ было в ч. 1, ст. 3 «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»². Далее в ч. 2 указано «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Думается, что законодатель целенаправленно разделяет власть народа и государственную власть, наделяя ее дополнительным функционалом.

С учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. отдельно законодательно стала выделяться «публичная власть»³. Обо-

¹ См.: Глобальный доклад ООН «О торговле людьми» // Официальный сайт Организации объединенных наций. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tip/2021/GLOTiP_2020_15jan_web.pdf (дата обращения: 04.12.2021).

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

³ См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

сновано, что государственная власть и публичная власть понятия не тождественные. К сожалению, законодатель так и не прояснил вопрос о том, что же такое «публичная власть».

Первое упоминание о публичной власти было закреплено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми»¹. Так, данное понятие было отнесено к местному самоуправлению и обозначено как местная публичная власть.

При анализе вышеуказанных определений государственной власти необходимо отметить, что понятие «публичная власть» шире, чем понятие «государственная власть», а последняя, в свою очередь, является составной частью публичной власти.

Отдельно стоит проанализировать различия между государственной и публичной властью.

1. Субъектный состав. К субъектам государственной власти стоит относить федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а к субъектам публичной власти необходимо относить помимо вышеуказанных органы местного самоуправления, общественные объединения и политические партии.

2. Сферой государственной власти является само государство и органы государственной власти. В отличие от данного вида власти публичная власть распространяется также на гражданское общество.

3. Методы. В отличие от государственной власти публичная власть не может в полном объеме использовать методы государственно-властного действия, так как часть субъектов публичной власти не наделены такими полномочиями.

4. Объем полномочий. Необходимо отметить, что только субъекты государственной власти имеют право на издание нормативных актов, которые имеют общеобязательный характер. Органы местного самоуправления как субъект публичной власти ограничены территорией в области нормотворчества.

Как указывалось ранее, определения «власть» или «государственная власть» в системе источников права нет, однако в ст. 2 Модельного закона о борьбе с коррупцией представлено определение государственных должностей государственной власти².

Исходя из смысла данной статьи стоит предположить, что государственная власть — вид публичной власти, которая представляет собой совокупность властных полномочий, урегулированных законом, реализуемых органами государства, в отношении обеспечения жизнедеятельности человека в рамках социально-экономического, политического и правового пространства, утвержденного территориальными границами государства и строящихся на принципах организационного воздействия, контроля и регулирования.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года „Об органах исполнительной власти в Республике Коми”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 4, ст. 532.

² См.: Модельный закон о борьбе с коррупцией (принят в г. Санкт-Петербурге 3 апреля 1999 г. Постановлением 13-4 на 13-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1999. № 21. С. 70–84.

Библиографический список

1. *Коротких Н.Н.* Власть: вопросы теории. М.: ФЛИНТА, 2017. 168 с.
2. *Честнов И.Л.* Теория государства и права: Ч. 1. Теория государства. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского юридического ин-та (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 92 с.
3. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право. М., 1894. 421 с.
4. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб.: Комплект, 1992. 325 с.
5. *Матузов Н.И.* Теория государства и права. М.: Юристъ, 2007. 540 с.
6. *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат. М.: Академический проект, 2015. 486 с.
7. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Собр. соч.: в 2 т. М., 1991. 429 с.
8. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. М.: Юристъ, 2004. 512 с.
9. Теория государства и права / под ред. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. 512 с.
10. *Авакьян С.А.* Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
11. *Карabanов А.Б.* Политико-правовые взгляды Зигмунда Фрейда: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. 124 с.
12. *Фарбер И.Е., Ржевский В.А.* Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 2. Саратов. 1967. 88 с.

References

1. *Korotkov N.N.* Power: Questions of Theory. 3rd ed., ster. M.: FLINT, 2017. 168 p.
2. *Chestnov I.L.* Theory of State and Law : a textbook for undergraduate studies. Part 1. Theory of the state. Saint Petersburg : Saint Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. 92 p.
3. *Chicherin B.N.* Course of State Science. part 1. General state law. M., 1894. 421 p.
4. *Tikhomirov L.A.* Monarchical Statehood. St. Petersburg, 1992. 325 p.
5. *Matuzov N.I.* Theory of State and Law : textbook for students of higher educational institutions studying in the direction and specialty "Jurisprudence". Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2nd Ed., reprint. and add. Moscow: Jurist, 2007. 540 p.
6. *Spinoza B.* Theological-Political Treatise. Moscow: Academic Project, 2015. 486 p.
7. *Hobbes T.* Leviathan, or Matter, Form and Power of the Church and Civil State // Op.: In 2 vols. M., 1991. 429 p.
8. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of State and Law: Textbook. M.: Jurist, 2004. 512 p.
9. Theory of State and Law: textbook / Peoples' Friendship University of Russia, Law Institute; edited by Doctor of Law, Professor A.A. Klishas. M.: Statute, 2019. 512 p.
10. *Avakian S.A.* Constitutional Lexicon: State-Legal Terminological Dictionary. M.: Justicinform, 2015. 640 p
11. *Karabanov A.B.* Political and Legal Views of Sigmund Freud: dis. ... cand. of law. Moscow, 2001. 124 p.
12. *Farber I.E., Rzhevsky V.A.* Questions of the Theory of Soviet Constitutional Law. Issue 2. Saratov, 1967. 88 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-84-93
УДК 342.723

Е.А. Отставнова

ПРАВО РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН НА ПАЛЛИАТИВНУЮ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ

Введение: на основе российского законодательства, международных актов, научной литературы и статистических данных, проанализировано понятие «паллиативной медицинской помощи», ее содержание и реализация в Российской Федерации. Данный вид медицинской помощи рассматривается как часть права на медицинскую помощь и во взаимосвязи с другими конституционными правами человека, в частности правом на жизнь и правом на достоинство личности. **Цель:** выявить проблемы в правовом регулировании оказания паллиативной медицинской помощи гражданам России и практическом применении нормативно-правовых актов в этой сфере; предложить пути повышения эффективности решения данных вопросов. **Методологическая основа:** общенаучные и частные методы исследования; совокупность диалектического и системного подходов; метод интерпретации; формально-юридический, статистический подходы. **Результаты:** Федеральный Закон «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» содержит только определение «паллиативной помощи» и вопрос финансирования ее оказания. Механизм реализации данного вида медицинской помощи регулируется подзаконными актами, специальными программами как федерального, так и регионального значения. Выявлено, что данные акты не полностью соответствуют определению «паллиативной помощи», данному ВОЗ. В частности, не все из них предусматривают оказание психологической помощи пациенту и его семье. Также, российские граждане нуждаются в получении паллиативной помощи в специализированных учреждениях — хосписах, которых на сегодняшний день значительно меньше количества лиц, которым рекомендуется такое пребывание. **Выводы:** приоритетным направлением в поддержании качественного уровня жизни инкурабельных больных в Российской Федерации является развитие специализированных медицинских учреждений, которые должны оказывать паллиативную медицинскую помощь как в стационаре, так и на дому. С целью обеспечения равного доступа больных к паллиативной медицинской помощи, в каждом субъекте Российской Федерации должен быть в наличии хоспис, структурные подразделения которого необходимы во всех административно-территориальных образованиях, гарантирующих территориальную доступность ее получения. Паллиативная помощь в них должна состоять не только в купировании боли, но и в предоставлении психологической

и религиозной поддержке больных и их близких. Такие меры способны обеспечить человеку право на достойный уход из жизни.

Ключевые слова: медицинская помощь, паллиативная помощь, права человека, охрана здоровья, хоспис.

E.A. Otstavnova

THE RIGHT OF RUSSIAN CITIZENS TO PALLIATIVE CARE

Background: on the basis of Russian legislation, international acts, scientific literature and statistical data, the concept of “palliative care”, its content and implementation in the Russian Federation are analyzed. This type of medical care is considered as part of the right to medical care and in conjunction with other constitutional human rights, in particular the right to life and the right to personal dignity. **Objective:** to identify problems in the legal regulation of palliative care in Russia and the practical application of regulatory legal acts in this area; suggest ways to improve the efficiency of solving these issues. **Methodology:** general scientific and private research methods; a set of dialectical and systematic approaches; method of interpretation; formal-legal, statistical approaches. **Results:** the Law of the Russian Federation “On the basics of protecting the health of citizens of the Russian Federation” contains the definition of “palliative care” only and the issue of financing its provision. The mechanism of implementation of this type of medical care is regulated by by-laws, special programs of both federal and regional significance. It was revealed that these acts do not fully comply with the definition of “palliative care” given by WHO. In particular, not all of them provide psychological assistance to the patient and his family. Also, Russian citizens need to receive palliative care in specialized hospice institutions, which today are significantly less than the number of people in need of them. **Conclusions:** the priority direction in maintaining the quality of life of incurable patients in the Russian Federation is the development of specialized medical institutions that should provide palliative care both in the hospital and at home. In order to ensure equal access of patients to palliative care, each subject of the Russian Federation should have a hospice, the structural units of which are necessary in all administrative-territorial entities, guaranteeing territorial accessibility of its receipt. Palliative care in them should consist not only in relieving pain, but also in providing psychological and religious support to patients and their loved ones. Such measures can provide a person with the right to a dignified retirement.

Key-words: medical care, palliative care, human rights, health protection, hospice.

Паллиативная медицинская помощь возникла 50 лет назад в Великобритании. Однако ее становление и развитие во всех странах мира актуально и злободневно. Увеличившаяся продолжительность жизни человека и рост, в связи с этим, хронических заболеваний, выявили проблему ухода за инкурабельными больными. Инкурабельность переводится с латинского как «неизлечимость». Как правило, это такое состояние пациента, которое зависит от патологического процесса или общих нарушений в организме, исключающее возможность излечения и длительного поддержания жизни. Оно является терминальной стадией заболевания, то есть последней фазой хронически протекающего, при которой развивается прогрессирующее расстройство основных жизненных функций, неизбежно приводящее к нарастанию субъективно тягостных ощущений и страданий, а далее — к гибели больного [1, с. 20]. На первом месте среди таких

заболеваний стоят: онкология, сердечно-сосудистые заболевания (34% и 38,5%)¹, ВИЧ-инфекция, и, наконец, старение организма и связанные с этим болезни Альцгеймера, Паркинсона и т.д. Таким пациентам требуется специальный медицинский уход, чтобы обеспечить им, насколько это возможно, не только физическое качество жизни, но и сохранение человека как личности.

По данным Всемирной организации здравоохранения ежегодно в паллиативной медицинской помощи нуждаются 40 млн чел., 78% из которых проживают в странах с низким и средним уровнем дохода. В 2019 г. среди 194 государств-участников организации, только в 68% стран было осуществлено финансирование паллиативной помощи, а охват, по крайней мере, половины нуждающихся в ней пациентов удалось обеспечить лишь в 40% стран².

В Российской Федерации в паллиативной медицинской помощи нуждаются 1,2 млн чел., из которых ее получают только 260 тыс. [2] Согласно «Атласу мира по паллиативной помощи»³ составленному ВОЗ, наиболее качественная помощь в данной сфере оказывается в таких странах, как Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Ирландия, Бельгия, Тайвань, Германия, Нидерланды, США и Франция. В них она включена в систему здравоохранения. Россия занимает 48 место из 80 по данному вопросу.

ВОЗ разделяет паллиативную помощь, оказываемую взрослым и детям. Для взрослого населения — это «...подход к лечению, направленный на улучшение качества жизни пациентов и их семей, которые столкнулись с проблемами, связанными с угрожающими жизни заболеваниями. Данный подход реализуется посредством предотвращения и облегчения страданий за счет ранней диагностики, точной оценки и лечения боли, других проблем и симптомов — физических, психосоциальных и духовных»⁴. Она включает в себя: облегчение боли и других страданий; относится к умиранию как к естественному процессу; не ускоряет и не отдалляет наступление смерти; включает психологические и духовные аспекты помощи; обеспечивает пациентам максимально возможную активность; поддержку близких больного; улучшает качество жизни пациента. Таким образом, паллиативная помощь — это комплекс мер, направленных на обеспечение человеку достойного уровня жизни и ухода из нее, а также поддержание близких пациента.

Российская Федерация как полноценный участник международных отношений, закрепивший в ч. 3 ст. 15 Конституции общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве части своей правовой системы, взяла на себя обязательства и по обеспечению качественной жизни своих граждан в терминальных стадиях заболеваний.

Статья 41 Конституции Российской Федерации 1993 г. провозгласила право каждого человека на медицинскую помощь. Однако Основной закон не выделяет виды такой помощи и механизм ее реализации. Эти вопросы регулируются Федеральными законами, подзаконными актами, главным из которых является Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан Российской Феде-

¹ См.: Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/palliative-care> (дата обращения: 16.01.2022).

² См.: Там же.

³ См.: Официальный сайт ВОЗ. URL: http://www.hospicefund.ru/wp-content/uploads/2017/09/Global-Atlas-Russian-version_small.pdf (дата обращения: 16.01.2022).

⁴ См.: Там же.

рации» от 11 ноября 2011 года № 323-ФЗ¹. Статья 32 Закона среди видов медицинской помощи выделяет паллиативную, содержание которой раскрывается в ст. 36 — это «комплекс мероприятий, включающих медицинские вмешательства, мероприятия психологического характера и уход, осуществляемые в целях улучшения качества жизни неизлечимо больных граждан и направленные на облегчение боли, других тяжелых проявлений заболевания». Она может оказываться в амбулаторных условиях, в том числе на дому, в условиях дневного стационара, стационарных условиях медицинскими работниками, прошедшими обучение по оказанию такой помощи.

Несмотря на внесение дополнений в данный Закон, касающихся паллиативной медицинской помощи, проблема с ее оказанием в России остается не до конца решенной. Об этом говорит тот факт, что Президент РФ в 2019 г. затронул данную тему в своем Послании Федеральному Собранию РФ. В частности, им отмечено, что вопрос организации паллиативной помощи имеет не только медицинское, но и социальное, общественное, нравственное измерение². В этом же году (3 октября) Министерством здравоохранения Российской Федерации была утверждена Ведомственная целевая программа «Развитие системы оказания паллиативной медицинской помощи»³, целью которой является повышение качества и доступности паллиативной медицинской помощи. Для этого Программа предусматривает решение четырех важнейших задач: улучшение материально-технической базы медицинских организаций, оказывающих паллиативную медицинскую помощь, в амбулаторных условиях, в том числе на дому, в условиях дневного стационара и стационарных условиях, повышение доступности и качества обезболивания при оказании паллиативной медицинской помощи лекарственными препаратами, в том числе содержащими наркотические средства и психотропные вещества; оказание паллиативной медицинской помощи в медицинских организациях, подведомственных федеральным органам исполнительной власти; мониторинг оказания паллиативной медицинской помощи взрослым и детям; государственная поддержка отдельных общественных и иных некоммерческих организаций, осуществляющих оказание паллиативной медицинской помощи. Таким образом, развитие паллиативной медицинской помощи связано с решением вопросов финансирования, подготовки медицинских работников, функционированием специальных медицинских учреждений, государственной поддержкой волонтерских движений в этой сфере.

Достаточно актуальным остается вопрос финансирования данного вида медицинской помощи. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» относит оказание паллиативной помощи к ведению субъектов Российской Федерации. Следовательно, ее правовое регулирование и финансовое сопровождение оказывается субъектами самостоятельно, что создает неравные условия ее получения для граждан, проживающих в разных регионах. Это обусловлено двумя причинами: отсутствием адекватной нормативной базы

¹ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724; 2021. № 27, ч. 1, ст. 5143.

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. 2019. 21 февр.

³ См.: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 3 октября 2019 г. № 831 «Об утверждении ведомственной целевой программы „Развитие системы оказания паллиативной медицинской помощи“». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и необходимых бюджетных средств в российских субъектах. В большинстве из них правовое регулирование сводится к констатации полномочий органов государственной власти по оказанию паллиативной помощи или определению вида такой медицинской помощи. Примерами могут служить: Закон Московской области № 132/2013-ОЗ «О здравоохранении в Московской области»¹, Закон Ростовской области от 29 февраля 2012 г. № 798-ЗС «Об охране здоровья жителей Ростовской области»².

Закон Саратовской области от 21 января 1998 г. № 11-ЗСО «О здравоохранении Саратовской области»³ (утратил силу в 2005 г.). Новый закон принят не был. В то же время согласно Территориальной Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Саратовской области на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 гг.⁴, утвержденной Правительством Саратовской области, паллиативная медицинская помощь входит в перечень видов медицинской помощи, оказываемой гражданам области бесплатно. К ней отнесена паллиативная первичная медицинская помощь (включая доврачебную и врачебную) и паллиативная специализированная медицинская помощь. Всего на территории Саратовской области действует 11 нормативно-правовых актов, регулирующих оказание паллиативной медицинской помощи гражданам области.

Особое значение в данном вопросе имеет Региональная программа Саратовской области «Развитие системы оказания паллиативной медицинской помощи»⁵, которая была утверждена Правительством Саратовской области в 2020 г. Цель данной программы схожа с целью Федеральной, разработанной Министерством здравоохранения Российской Федерации. В ней отмечено, что к началу 2020 г. в Саратовской области было организовано 6 кабинетов паллиативной медицинской помощи, 4 выездные патронажные службы, в том числе для обслуживания детского населения города Саратова, открыто 10 паллиативных отделений на 160 круглосуточных коек, в том числе 1 отделение на 10 круглосуточных коек для детей, 473 койки сестринского ухода. В то же время в состав Саратовской области входит 37 районов, 18 городов. Следовательно, территориальное расположение паллиативных отделений играет первостепенную роль в получении необходимой паллиативной медицинской помощи гражданами области. Как правило, такие пациенты не обладают достаточными физическим и транспортными возможностями доступа к паллиативным отделениям. Инфраструктура в данном случае играет значительную роль в обеспечении права граждан на паллиативную медицинскую помощь. Поэтому основными целевыми показателями эффективности реализации региональной программы должно стать, в том числе увеличение доли пациентов, получивших паллиативную помощь, в общем количестве пациентов, нуждающихся в ней с 40% в 2020 г. до 55% в 2024 г.

Бюджет Саратовской области также предусматривает ежегодные расходы на реализацию мероприятия «Совершенствование системы оказания паллиатив-

¹ См.: Официальный сайт Московской областной думы. URL: https://www.mosoblduma.ru/Zakoni/Zakoni_Moskovskoj_oblasti/item/12873 (дата обращения: 14.01.2022).

² См.: Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/documents/3022/> (дата обращения: 14.01.2022).

³ См.: Саратовские вести. 1998. 30 марта.

⁴ URL: https://saratov03.ru/files/terr_prog_gosgarant.pdf (дата обращения: 14.01.2022).

⁵ См.: Постановление Правительства Саратовской области от 31 августа 2020 г. № 740-П «Об утверждении региональной программы Саратовской области „Развитие системы оказания паллиативной медицинской помощи“» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/467727232> (дата обращения: 14.01.2022).

ной медицинской помощи» в количестве 94 млн, приобретение наркотических лекарственных препаратов для больных, страдающих неизлечимыми прогрессирующими заболеваниями и состояниями — 1 млн, развитие паллиативной медицинской помощи — 93 млн. Большинство затрат планируется обеспечить за счет субсидий, предоставляемых из федерального бюджета.

Аналогичная Программа была принята в 2019 г. в Пензенской области¹. Она содержит, в том числе такие мероприятия, как разработка и внедрение комплексной программы социально-бытовой адаптации пациентов, нуждающихся в оказании паллиативной медицинской помощи, и их родственников. Программа Самарской области² одной из своих задач ставит развитие и внедрение практики применения телемедицинских технологий, разработка алгоритма дистанционного консультирования «врач-врач», «врач-пациент».

Приведенные примеры говорят, во-первых, об актуальности данного вопроса, во-вторых, о том, что развитие паллиативной медицинской помощи в регионах основывается на специальных программах, разрабатываемых на краткосрочную перспективу. Финансирование Программ предусматривается как их федерального в соответствии с Федеральной Программой «Развитие системы оказания паллиативной медицинской помощи», так и региональных бюджетов. Все они имеют схожие цели и задачи с незначительными расхождениями, которые можно свести к следующим: развитие кадрового потенциала; формирование необходимой инфраструктуры; доступность обезболивания, в том числе за счет наркотических средств; создание реестра пациентов, нуждающихся в паллиативной медицинской помощи; проведение мониторинга качества оказанных услуг; взаимодействие медицинских организаций с общественными объединениями и волонтерскими движениями.

Следует отметить, что федеральная и региональные Программы оказания паллиативной медицинской помощи не соответствуют полностью нормам международного права. В частности, ни в одной из них не содержится задача психологической помощи инкурабельным больным и их семьям, что на наш взгляд является не менее важным. Клинические рекомендации, утвержденные Министерством здравоохранения РФ также рассматривают паллиативную медицинскую помощь лишь как возможность облегчения болевого синдрома³. В то же время согласно определению, приведенному в клинических рекомендациях «Хроническая боль у пациентов пожилого и старческого возраста», «боль — это не только симптом большинства заболеваний, но и сложный психофизиологический феномен, в который вовлечены механизмы регуляции и формирования эмоций, моторные, гуморальные и гемодинамические проявления, формирующие болевой синдром». Не даром работники медицинской сферы обращают

¹ См.: Постановление Правительства Пензенской области от 30 августа 2019 г. № 525-пП «Об утверждении региональной программы „Развитие системы оказания паллиативной медицинской помощи“» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561509446> (дата обращения: 14.01.2022).

² См.: Постановление Правительства Самарской области от 30 августа 2019 г. № 423-р «Об утверждении региональной программы Самарской области „Развитие системы оказания паллиативной медицинской помощи“» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561537831> (дата обращения: 14.01.2022).

³ См.: Клинические рекомендации «Болевой синдром (БС) у детей, нуждающихся в паллиативной медицинской помощи», Клинические рекомендации «Хроническая боль у пациентов пожилого и старческого возраста», Клинические рекомендации «Хронический болевой синдром (ХБС) у взрослых пациентов, нуждающихся в паллиативной медицинской помощи». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

внимание, что постановка онкологического диагноза создает предпосылки для формирования психических расстройств разного уровня — от невротических до психотических. К психотравмирующему фактору также относится изменение социального уклада жизни больного и его семьи [3]. Это говорит о том, что помощь психолога в данном случае необходима, в том числе и для облегчения болевого синдрома. Только «Положение об организации оказания паллиативной медицинской помощи, включая порядок взаимодействия медицинских организаций, организаций социального обслуживания и общественных объединений, иных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере охраны здоровья»¹ предусматривает в этом случае получение таких социальных услуг, как социально-психологические. Они представляют собой помощь в коррекции психологического состояния человека для адаптации в социальной среде. Однако остаются в стороне от такой помощи члены семьи пациента. Отсутствует четкий механизм получения психологической помощи. Однако паллиативная медицинская помощь в России находится на первоначальной ступени развития и предполагается ее поэтапное становление.

За последние годы значительное внимание приобрел вопрос кадровой подготовки оказания паллиативной медицинской помощи. В частности, в 2018 г. Приказом Министерства труда России утвержден профессиональный стандарт «Врач по паллиативной медицинской помощи»², в котором целью профессиональной деятельности определены — диагностика и лечение боли и иных тяжелых проявлений прогрессирующих заболеваний у неизлечимо больных людей в целях улучшения качества жизни. В нем содержатся трудовые функции соответствующих врачей, требования к их образованию, необходимые умения, знания и навыки. Специалистом в данном случае может быть тот, кто получил высшее образование по одной из специальностей «Лечебное дело», «Педиатрия», и прошел подготовку в интернатуре или ординатуре по другим специальностям, которые перечислены в Стандарте. К этому следует добавить дополнительную образовательную программу или программу повышения квалификации по вопросам оказания паллиативной медицинской помощи. Согласно Письму Министерства здравоохранения «По вопросу получения сертификата и аттестации специалистов, оказывающих паллиативную медицинскую помощь»³ в настоящее время должности врачей по паллиативной медицинской помощи занимают врачи-специалисты, имеющие сертификаты по различным клиническим специальностям, а оказание паллиативной медицинской помощи в амбулаторных условиях организуется и выполняется по 37 видам работ (услуг), в стационарных условиях по 39 видам. Таким образом, приоритет отдан не подготовке врачей, специализирующихся на оказание паллиативной медицинской помощи, а обучению медицинских работников большинства специальностей навыкам диагностики,

¹ См.: Приказ Минздрава России № 345н, Минтруда России от 31 мая 2019 г. № 372н «Об утверждении Положения об организации оказания паллиативной медицинской помощи, включая порядок взаимодействия медицинских организаций, организаций социального обслуживания и общественных объединений, иных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере охраны здоровья» // Российская газета. 2019. 29 июня.

² См.: Приказ Минтруда России от 22 июля 2018 г. № 409н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач по паллиативной медицинской помощи» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.01.2022).

³ См.: Письмо Минздрава России от 15 июня 2015 г. № 16-2/10/2-2928 «По вопросу получения сертификата и аттестации специалистов, оказывающих паллиативную медицинскую помощь». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лечения, купирования болевого синдрома у инкурабельных больных. С одной стороны, это оправдано значительным разнообразием заболеваний, приводящих к необходимости получения паллиативной помощи. С другой стороны, от работы специалистов, деятельность которых сосредоточена исключительно на поддержании качества жизни таких больных, будет больший эффект.

Примечательно, что Министерством труда РФ разработаны рекомендации специальной оценки условий труда на рабочих местах медицинских работников, непосредственно оказывающих паллиативную медицинскую помощь, которые вступят в силу 1 сентября 2022 г.¹ Согласно Приказу этого органа условия труда классифицируются в зависимости от соблюдения правил охраны труда на допустимый класс травмоопасности и опасный класс травмоопасности. Таким образом, российское законодательство содержит не только требования к специалистам, претендующим на осуществление деятельности по оказанию паллиативной медицинской помощи, но и нормы, направленные на защиту их трудовых прав.

Необходимо отметить, что Всемирная организация здравоохранения относит к пациентам, нуждающимся в паллиативной медицинской помощи и лиц пожилого возраста, неспособных по своим физическим, физиологическим и психическим особенностям обеспечить себе достойный уровень жизни. Следует согласиться с авторами, которые утверждают, что здравоохранение уделяет относительно мало внимания потребностям пожилых людей в финальные годы жизни [4, с. 292]. В случае включения таких лиц в реестр, нуждающихся в паллиативной помощи, количество таких пациентов резко возрастет, следовательно, возрастет и необходимость увеличения финансирования данной сферы общественных отношений. В то же время членам семьи в одиночку довольно сложно справиться с возникшей проблемой. Необходима поддержка со стороны медицинских работников и государства в виде патронажа, обеспечения услугами сиделок, медицинских услуг.

В наиболее сложных случаях возникает потребность в специальных медицинских учреждениях — хосписах, которые оказывают помощь пациентам в конце жизни силами специалистов-медиков и волонтеров. Согласно Всемирной организации здравоохранения, хоспис предлагает медицинскую, психологическую и духовную поддержку. Его целью является создание для умирающих пациентов спокойной, комфортной обстановки и помощи им. На сегодняшний день в России таких учреждений около 100. По данным ВОЗ их количество должно составлять один хоспис на 400 тыс. человек населения. В Российской Федерации не хватает порядка 250 хосписов. Большинство субъектов Российской Федерации лишены таких учреждений полностью, поскольку в основном они сосредоточены в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и центральной части России [5].

Положение об организации оказания паллиативной медицинской помощи, включая порядок взаимодействия медицинских организаций, организаций социального обслуживания и общественных объединений, иных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере охраны здоровья

¹ См.: Приказ Минтруда России от 29 сентября 2021 г. № 664н «Об утверждении особенностей проведения специальной оценки условий труда на рабочих местах медицинских работников, непосредственно оказывающих паллиативную медицинскую помощь в соответствии со своими должностными обязанностями и осуществляющих указанную деятельность в медицинских организациях или структурных подразделениях медицинских организаций, специализирующихся на оказании паллиативной медицинской помощи». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.01.2022).

устанавливает, что в хосписе должна оказываться помощь пациентам имеющим: выраженный болевой синдром в терминальной стадии заболевания преимущественно у пациентов с онкологическими заболеваниями, не поддающийся лечению в амбулаторных условиях, в том числе на дому или в стационарных организациях социального обслуживания; нарастание тяжелых проявлений заболеваний, не поддающихся лечению в амбулаторных условиях, в том числе на дому или в стационарных организациях социального обслуживания, требующих симптоматического лечения под наблюдением врача в стационарных условиях; необходимость подбора схемы терапии для продолжения лечения на дому; отсутствие условий для проведения симптоматического лечения и ухода в амбулаторных условиях, в том числе на дому или в стационарных организациях социального обслуживания¹. Вышеприведенная статистика показывает, что значительное количество российских граждан лишены права на получение адекватной паллиативной медицинской помощи, которая должна быть оказана в специализированных медицинских учреждениях.

На основании вышеизложенного необходимо констатировать, что вопрос оказания паллиативной медицинской помощи российским гражданам на сегодняшний день является в наибольшей степени актуальным и востребованным. Механизм реализации права каждого нуждающегося в такой помощи регулируется в основном значительным массивом подзаконных актов Министерства труда РФ, Министерства здравоохранения РФ, а также правовых актов субъектов Российской Федерации. Значительную роль в становлении паллиативной помощи, соответствующей уровню развитых стран мира, играют специальные программы, предусматривающие значительное финансирование данной отрасли медицины. Представляется, что программы рассчитаны на поэтапную реализацию международных стандартов в этой сфере, соответствующих рекомендациям ВОЗ.

Для более эффективного обеспечения права на паллиативную медицинскую помощь, как одного из вида медицинской помощи, гарантированного российским гражданам Основным законом государства, можно предложить следующую схему. Исходя из анализа Программ оказания паллиативной помощи, можно сделать вывод, что в настоящее время проблему пытаются решить путем открытия специализированных кабинетов и отделений медицинских учреждений. На наш взгляд, необходимы специальные клиники — хосписы, профессионально оказывающие необходимую помощь как в стационарах, так и на дому. Ими должны быть обеспечены все субъекты Российской Федерации. В свою очередь, структурные подразделения хосписа должны находиться в каждом муниципальном образовании, обеспечив при этом территориальную доступность инкурабельным больным получения необходимой помощи. В них же необходимо организовать все виды такой помощи, оказываемых амбулаторно, стационарно, в виде патронажа. Здесь же должны быть организованы выездные бригады, психологические службы.

Это потребует дополнительных финансовых затрат. Однако, Конституция Российской Федерации провозглашает права человека высшей ценностью нашего

¹ См.: Приказ Минздрава России № 345н, Минтруда России № 372н от 31 мая 2019 г. «Об утверждении Положения об организации оказания паллиативной медицинской помощи, включая порядок взаимодействия медицинских организаций, организаций социального обслуживания и общественных объединений, иных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере охраны здоровья» // Российская газета. 2019. 29 июня.

государства и общества. Представляется, что право на жизнь и на достоинство личности основополагающие в этом перечне, обеспечивающие само существование человека как личности. Следовательно, создание условий их реализации, в том числе в конце жизненного пути человека, — первостепенная задача правового государства.

Библиографический список

1. *Гнездилов А.В.* Психология и психотерапия потерь. Пособие по паллиативной медицине для врачей, психологов и всех интересующихся проблемой. СПб.: Речь, 2007. 162 с.
2. Названо количество нуждающихся в паллиативной помощи россиян // Аргументы и факты. 2020. 30 дек.
3. *Шарова О.Н., Важенин А.В., Миронченко М.Н.* Организация психолого-психотерапевтической помощи больным с онкопатологией и в системе паллиативной медицинской помощи // Паллиативная медицина и реабилитация. 2018. № 3. С. 48–56.
4. *Тазетдинов А.И., Стяжкина С.Н.* Клинический случай оказания паллиативной помощи пациентке старческого возраста при канцероматозе // MODERN SCIENCE. 2020. № 4–3. С. 292–296.
5. *Шульга О.* Хосписы ждут помощи от государства // Парламентская газета. 2020. 31 июля.

References

1. *Gnezdilov A.V.* Psychology and Psychotherapy of Losses. A manual on palliative medicine for doctors, psychologists and anyone interested in the problem. St. Petersburg: Publishing house “Speech”, 2007. 162 p.
2. The Number of Russians in Need of Palliative Care Has Been Named // Arguments and facts. 2020. December 30.
3. *Sharova O.N., Vazhenin A.V., Miroshnichenko M.N.* Organization of Psychological and Psychotherapeutic Care for Patients with Oncopathology and in the System of Palliative Medical Care // Palliative medicine and rehabilitation. 2018. No. 3. P. 48–56.
4. *Tazetdinov A.I., Styazhkina S.N.* Clinical Case of Palliative Care for an Elderly Patient with Carcinomatosis // MODERN SCIENCE. 2020. No. 4–3. P. 292–296.
5. *Shulga O.* Hospices Are Waiting for Help from the State // Parliamentary newspaper. 2020. July 31.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-94-100
УДК 342(470)(072.8)

Т.В. Троицкая

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Введение: политика российского государства свидетельствует о продолжении строительства демократических принципов формирования и функционирования органов публичной власти России. Традиционные принципы избирательного права являются стержнем организации и проведения выборов различного уровня. Современные избирательные механизмы связаны с расширением способов и форм участия субъектов избирательно-правовых отношений в избирательных действиях и процедурах. Связи с этим возникает необходимость конкретизации содержания принципов избирательного права и закрепления новых нормативно-правовых основ осуществления избирательных действий с учетом современных реалий. **Цель:** изучение современных тенденций развития избирательного законодательства, а также на основе обобщения теоретических взглядов и практики организации и проведения выборов рассмотрение возможности конкретизации основополагающих принципов избирательного права. **Методологическая основа:** данное исследование основывается на применении таких основополагающих методов, как дедукции и индукции, системного анализа, а также диалектики. Неотъемлемой составляющей методологии исследования реализации принципов избирательного права и их содержания являются такие частнонаучные методы, как исторический, историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический. **Результаты:** анализ механизма реализации основополагающих принципов избирательного права свидетельствует о том, что их содержание не отражает современных инструментов организации и проведения выборов, к примеру проведение голосования в течение нескольких дней. В настоящее время решение о проведении многодневного голосования принимает соответствующая избирательная комиссия, в зависимости от уровня проведения выборов, что не соответствует элементам объективности и целесообразности. **Выводы:** на уровне Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» необходимо закрепить основания для проведения голосования в течение нескольких дней, а также дополнительные гарантии реализации принципа тайны голосования при использовании дополнительных форм голосования, а также электронного дистанционного голосования.

Ключевые слова: выборы, голосование, принципы избирательного права, механизм реализации принципов избирательного права, многодневное голосование, дополнительные формы голосования, всеобщее избирательное право, тайное голосование, равное избирательное право.

© Троицкая Татьяна Викторовна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Troitskaya@yandex.ru
© Troitskaya Tatiana Viktorovna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional Law named after Professor Isaac Efimovich Farber (Saratov State Law Academy)

T.V. Troitskaya

**MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ELECTORAL
LEGISLATION IN RUSSIA AND THE PROBLEMS
OF SPECIFYING THE PRINCIPLES OF ELECTORAL LAW**

Background: policy of the Russian state testifies to the continuation of the construction of democratic principles of formation and functioning of public authorities in Russia. Traditional principles of electoral law are the core of the organization and conduct of elections at various levels. Modern electoral mechanisms are associated with the expansion of ways and forms of participation of subjects of electoral and legal relations in electoral actions and procedures. In this connection there is a need to specify the content of the principles of electoral law and enshrine new normative-legal foundations for the implementation of electoral actions, taking into account modern realities. **Objective:** studying modern trends in the development of electoral legislation, as well as, on the basis of a generalization of theoretical views and practice of organizing and conducting elections, considering the possibility of specifying the fundamental principles of electoral law. **Methodology:** this study is based on the application of such fundamental methods as: deduction and induction, system analysis, as well as dialectics. An integral component of the methodology of research on the implementation of the principles of electoral law and their content are such private scientific methods as historical, historical-legal, comparative-legal and formal-legal. **Results:** the analysis of the mechanism for implementing the fundamental principles of electoral law shows that their content does not reflect the modern tools for organizing and holding elections, for example, holding voting for several days. At present, the decision to hold multiple days of voting is made by the relevant election commission, depending on the level of elections, which does not correspond to the elements of objectivity and expediency. **Conclusions:** at the level of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of the Citizens of the Russian Federation" it is necessary to establish the grounds for multiple-day voting, as well as additional guarantees of the principle of secrecy of the vote when using additional forms of voting, as well as electronic remote voting.

Key-words: elections, voting, principles of electoral law, mechanism of implementation of principles of electoral law, multi-day voting, additional forms of voting, universal suffrage, secret ballot, equal suffrage.

Выборы и избирательное право, регулирующие их проведение, являются частью механизма осуществления публичной власти в стране. Данный механизм, помимо процедуры формирования соответствующих органов в России, включает в себя формы осуществления власти народа; требования, предъявляемые к системе органов публичной власти и их должностным лицам; деятельность органов публичной власти; ответственность органов публичной власти и их правовой статус; формы взаимодействия органов публичной власти, а также с институтами гражданского общества России.

Механизм осуществления публичной власти в условиях демократического режима страны включает в себя режим системы сдержек и противовесов, способствующий поддержанию баланса и взаимодействию органов государственной власти, а также предотвращению возможности ее узурпации. В.Т. Кабышев отмечает: «Конституция РФ 1993 г. есть высшая правовая ценность. Преодолеть правовой нигилизм, нетерпимость, воспитать глубокое уважение к правам и

свободам человека в одночасье нельзя. Реализация положений Конституции России — многогранный процесс, в основе которого лежит неуклонное соблюдение конституционных норм и принципов» [1, с. 37]. «В условиях жесточайшего кризиса (экономического, политического, духовного), вызовов XXI столетия Конституция РФ 1993 г. служит правовой основой объединения, стабильности — вектором дальнейшего цивилизационного развития нашей страны» [2, с. 82].

Избирательный процесс, как массовый политико-правовой, включает в себя многие элементы механизма осуществления публичной власти, которые должны быть реализованы с учетом основополагающих принципов избирательного права. «Определение исходных правил участия граждан в выборах имеет фундаментальное значение для всего российского избирательного права, включая и его принципы» [3, с. 12].

Избирательное право — это динамично развивающаяся подотрасль конституционного права России. Выборы в целом, в широком понимании этого слова, являются показателем развития демократии в стране. «С конца 20 века, из-за интенсивности принятия политических реформ, выборы стали основной формой реализации и проявления государственно-правового развития общества. В настоящее время трансформация демократии является одной из целей успешного развития современной политики» [4, с. 49].

Во многом механизм организации и проведения выборов отражает национально-историческое развитие государства. В зарубежных странах применяются инструменты, которые уже сложно назвать современными и отражающими современные тенденции развития информационных технологий. Тем не менее они основательно вошли в политическую жизнь государства и являются неотъемлемой его частью, как в США голосование по почте.

Между современными тенденциями развития российского избирательного права (к примеру расширение организационных способов реализации активного избирательного права, возможность многодневного голосования) существует тесная взаимосвязь. С одной стороны, основополагающие принципы, такие как всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании, являются определяющими началами, и новые избирательные технологии должны быть реализованы с учетом их содержания. С другой стороны, применение новых избирательных механизмов не может не влиять на содержание указанных принципов.

Исходя из содержания термина «принцип», означающего начало, основу, правовые принципы определяются, как основополагающие идеи, закрепленные в законе. «Они приобретают значение общеобязательных правил, соответственно предопределяют поведение правоприменителя» [5, с. 56]. Правовые принципы — это «...специфическое юридическое выражение объективно существующих экономических и политических законов общественного развития» [6, с. 215].

С одной стороны, правовые принципы отражают объективные свойства права, с другой — в правовых принципах воплощаются субъективные начала, морально-нравственные взгляды общества. Следовательно, правовые принципы должны рассматриваться с учетом единства вышеназванных характеристик. «Правовые принципы — это руководящие правовые идеи, раскрывающие сущность права и правового регулирования, некоторые из них могут быть закреплены в законах и приобретают общеобязательный характер, другие — живут в правосознании, следовательно, не обладают собственно-юридическими свойствами...» [7, с. 42].

Рассмотрим механизм реализации основополагающих принципов избирательного права подробнее. «Несмотря на отсутствие конституционного закрепления принципов избирательного права применительно ко всем видам выборов, они являются неотъемлемой частью общепринятых международных избирательных стандартов, в равной степени обязательных при проведении любых выборов в нашей стране» [8, с. 174]. В науке не сложилось единого мнения о системе принципов избирательного права. Ряд ученых исходит из конституционной системы принципов, закрепленных в ст. 81 Конституции Российской Федерации. Существует и более широкий подход к классификации принципов организации и проведения выборов в России, включающий принципы объективного избирательного права, такие как обязательность, периодичность, альтернативность, транспарентность, светский характер и др. [9; 10; 11; 12].

Современные тенденции развития общества и государства свидетельствуют о расширении инструментов реализации активного избирательного права. Появляются такие механизмы, как голосование по месту нахождения избирателей, электронное голосование, цифровые избирательные участки и т.д. При проведении голосования в течение нескольких дней устанавливаются дополнительные формы голосования, а именно: голосование вне помещения для голосования, голосование на придомовых территориях; голосование с использованием дополнительных возможностей; голосование в населенных пунктах, где отсутствует помещение для голосования. Возможность применения конкретных форм голосования, алгоритм избирательных действий определяется избирательной комиссией, организующей выборы. К примеру, в преддверии выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации было принято Положение от 1 июля 2021 года № 13/103-8. «Об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах, назначенных на 19 сентября 2021 года, в течение нескольких дней подряд»

Статья 63.1 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» предусматривает: по решению избирательной комиссии, организующей выборы, голосование может проводиться в течение нескольких дней. Указанное решение принимается не позднее, чем в десятидневный срок со дня официального опубликования решения о назначении выборов. Возникает вопрос: в каких случаях это возможно? С одной стороны, многодневное голосование способствует решению проблем, связанных с пандемией коронавируса, является дополнительной гарантией реализации активного избирательного права, с другой стороны, способствует возникновению дополнительных организационных осложнений, и как следствие, увеличению числа жалоб на нарушение избирательных прав субъектов избирательного процесса.

С учетом необходимости совершенствования российского избирательного законодательства, необходимо конкретизировать в каких случаях возможно проведение многодневного голосования? Логично предположить, что таким основанием является условие пандемии. В стандартной эпидемиологической ситуации фактически нет оснований для проведения голосования в течение нескольких дней. Указанная модель голосования не способна увеличить явку избирателей и препятствует увеличению уровня доверия избирателей к избирательным процедурам. С точки зрения необходимости обеспечения гражданам возможности участия в выборах, могут применяться и другие инструменты, в частности, голосование по месту нахождения избирателя (мобильный избиратель).

В настоящее время одной из главных задач организации и проведения выборов различного уровня является обеспечение их прозрачности. Многодневное голосование связано с необходимостью обеспечения сохранности бюллетеней, надлежащей работы с сейф-пакетами, видеофиксации избирательных действий. Как показала практика, указанные механизмы по объективным причинам не всегда реализовывались в точном соответствии с нормативными предписаниями и хотя в целом подобные действия не влияют на результаты волеизъявления избирателей, у представителей электората, не являющихся узкими специалистами в сфере избирательного процесса, может складываться неблагоприятное впечатление о ходе проведения избирательной кампании. «Справедливые выборы — это «качество» выборов. Оно либо существует, либо нет: не бывает «полусправедливых» или «немножко справедливых» выборов и т.д.» [13, с. 456]. Соответственно, необходимо формировать систему гарантий организации и проведения справедливых выборов.

Следующий принцип, который также нуждается в дополнительном гарантировании — это тайна голосования. Такие формы голосования, как голосование вне помещения для голосования, голосование с использованием дополнительных возможностей, голосование в населенных пунктах, где отсутствует помещение для голосования, требуют создания инструментов, обеспечивающих реализацию указанного принципа. Соответственно, необходимо регламентировать гарантии реализации принципа тайны голосования при указанных формах голосования. Данный вопрос актуализируется с учетом поправок в избирательное законодательство от 14 марта 2022 г. и закрепления на уровне закона дистанционного электронного голосования. Развитие и внедрение новых избирательных технологий должно быть реализовано с учетом основополагающих принципов избирательного права. «Принцип тайного голосования означает, по существу, что никто, кроме самого избирателя (участника референдума), не имеет права знать о содержании его персонального волеизъявления и никто не вправе оказать давление на его волеизъявление» [14, с. 8]. Тайна голосования является составляющей свободы голосования и является показателем личной свободы гражданина в целом.

Принципы представляют собой основополагающие идеи, отражающие сущность того или иного явления. В демократическом правовом государстве правовые принципы формируются на основе достижений правовой мысли за всю историю цивилизации, с учетом объективных специфических закономерностей развития общества. Учитывая значение правовых принципов можно сказать, что качество законов и эффективность правового регулирования во многом зависит от того, как в них сформулированы и раскрыты такие принципы, при этом «...основополагающие идеи, претендующие на статус правовых принципов, должны быть глубоко и всесторонне обоснованы, всем понятны и убедительны» [15, с. 96].

С.В. Кабышев анализируя избирательное законодательство формулирует вывод: «Законодательство — первейшая гарантия прав граждан, поэтому важно устранять все, что создает угрозу их нарушения, своевременно внося соответствующие изменения» [16, с. 6]. Таким образом, основополагающие принципы избирательного права и их правовое закрепление, образуя взаимосвязанную систему, способствуют неукоснительному соблюдению демократических основ Конституции Российской Федерации и реализации избирательных прав российских граждан в современных условиях.

Библиографический список

1. *Кабышев В.Т.* О фактической и юридической Конституции России 1993 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 33–37.
2. *Кабышев В.Т.* 25 лет Конституции РФ: итоги конституционного диалога // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2(127). С. 76–84.
3. *Коломейцева Т.А., Григорьева А.А.* К вопросу о становлении принципов избирательного права в России // International Scientific and Practical Conference World science. 2016. Т. 4. № 5 (9). С. 12–16.
4. *Зашихина И.М.* Демократия и ее формы // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. С. 49–52.
5. *Троицкая Т.В.* Общественная палата: конституционно-правовой институт гражданского общества России. Саратов: Научная книга, 2009. 175 с.
6. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. М.: ДТД, 1995. 377 с.
7. Личность и государство на рубеже веков / под ред. В.В. Невинского. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. 268 с.
8. *Волкова О.Б., Табатчикова Ю.Б.* К вопросу о принципах избирательного права РФ // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2014. № 1. С. 172–175.
9. *Плахотя Т.Н.* Принципы избирательного права // Вестник научных конференций. 2017. № 5 (21). С. 95–97.
10. *Макарцев А.А., Юсупов Э.С.* Принципы российского избирательного права: понятие, система, содержание // Избирательное право. 2014. № 4 (28). С. 20–26.
11. *Понежина Л.Ю., Понежин М.Ю.* К вопросу о принципах избирательного права в России // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5–3. С. 136–141.
12. *Берлявский Л.Г., Махова А.В.* Система принципов российского избирательного права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 376–379.
13. *Худолей Д.М., Худолей К.М.* Реализация принципов избирательного права в избирательных системах // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2020. № 49. С. 442–475.
14. *Лакехин М.А.* Тайна голосования как важнейший принцип проведения выборов и референдумов // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер.: Юриспруденция. 2017. № 1. С. 6–12.
15. *Зажицкий В.И.* Правовые принципы в законодательстве РФ // Государство и право. 1996. № 11. С. 92–97.
16. *Кабышев С.В.* Вопросы совершенствования законодательства о выборах Президента РФ // Избирательное законодательство и практика. 2018. С. 3–6.

References

1. *Kabyshchev V.T.* On the Actual and Legal Constitution of Russia in 1993 // Vestnik SGUA. 2014. No. 1(96). P. 33–37.
2. *Kabyshchev V.T.* 25th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation: Results of the Constitutional Dialogue // Bulletin of the SGLA. 2019. No. 2(127). P. 76–84.
3. *Kolomeitseva T.A., Grigorieva A.A.* On the Issue of the Formation of the Principles of Suffrage in Russia // International Scientific and Practical Conference World science. 2016. V. 4. No. 5 (9). P. 12–16.
4. *Zashikhina I.M.* Democracy and Its Forms // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences. 2009. No. 5. P. 49–52.
5. *Troitskaya T.V.* Public Chamber: Constitutional and Legal Institution of Civil Society in Russia. Saratov, 2009. 175 p.
6. *Khropanyuk V.N.* Theory of Government and Law. M., 1995. 377 p.
7. Personality and the State at the Turn of the Century / edited by V.V. Nevinsky. Barnaul: Publishing house of Altai University, 2000. 268 c.

8. *Volkova O.B., Tabatchikova Yu.B.* On the Issue of the Principles of the Electoral Law of the Russian Federation // Scientific research and development of young scientists. 2014. No. 1. P. 172–175.
9. *Plakhocha T.N.* Principles of the Electoral Law // Bulletin of scientific conferences. 2017. No. 5 (21). P. 95–97.
10. *Makartsev A.A., Yusupov E.S.* Principles of Russian Electoral Law: Concept, System, Content // Suffrage Law. 2014. No. 4 (28). P. 20–26.
11. *Ponezhina L.Yu., Ponezhin M.Yu.* To the Question of the Principles of Electoral Law in Russia // Public Security, Legality and Law and Order in the Third Millennium. 2019. No. 5–3. P. 136–141.
12. *Berlyavsky L.G., Makhova A.V.* The System of Principles of Russian Electoral Law // Legal technique. 2020. No. 14. P. 376–379.
13. *Khudoley D.M., Khudoley K.M.* Implementation of the Principles of Suffrage in Electoral Systems // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2020. No. 49. P. 442–475.
14. *Lakekhin M.A.* Secrecy of Voting as the Most Important Principle of Holding Elections and Referendums // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2017. No. 1. P. 6–12.
15. *Zazhitsky V.I.* Legal Principles in the Legislation of the Russian Federation // State and Law. 1996. No. 11. P. 92–97.
16. *Kabyshev S.V.* Issues of Improving the Legislation on the Election of the President of the Russian Federation // Electoral legislation and practice. 2018. P. 3–6.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-101-110

УДК 342.94

И.Н. Дехтярь

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ПРЕПАРАТОВ В СВЯЗИ С НАРУШЕНИЕМ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Введение: статья посвящена рассмотрению правовых аспектов применения процедуры так называемого «принудительного лицензирования» в фармацевтической отрасли. Внесенные в законодательство Российской Федерации изменения сделали возможным применение данного механизма в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Однако существующие пробелы нормативного регулирования во многом препятствуют достижению целей принудительного лицензирования, в качестве которых выступают предупреждение злоупотреблений патентными правами, в том числе в связи с нарушением антимонопольного законодательства, а также устранение последствий таких нарушений. Зарубежный опыт свидетельствует о возможности применения принудительного лицензирования в связи с нарушением антимонопольного законодательства фармацевтическими компаниями. **Цель:** выявить риски, возникающие при применении принудительного лицензирования в фармацевтической отрасли, а также предложить пути устранения недостатков нормативных правовых актов, препятствующих применению данного механизма в связи с нарушением антимонопольного законодательства. **Методологическая основа:** использованы как общенаучные методы познания (анализа, синтеза, аналогии, системный), так и частнонаучные методы юриспруденции: формально-юридический, сравнительно-правовой методы. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно возможности применения механизма принудительного лицензирования в фармацевтической отрасли в связи с нарушением антимонопольного законодательства. **Выводы:** необходимость эффективной борьбы с неблагоприятными для развития конкуренции практиками фармацевтических компаний требует отмены антимонопольного иммунитета правообладателей интеллектуальной собственности, а также усиления правовой регламентации оснований и процедуры принудительного лицензирования.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, принудительное лицензирование, злоупотребление доминирующим положением, фармацевтические препараты, COVID-19, патент, крайняя необходимость, интеллектуальная собственность.

© Дехтярь Иван Николаевич, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ivandehtyar@mail.ru
© Dekhtyar Ivan Nikolayevitch, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law (Saratov State Law Academy)

I.N. Dekhtyar

PROBLEMS OF COMPULSORY LICENSING
OF PHARMACEUTICALS IN CONNECTION
WITH VIOLATIONS OF ANTITRUST LAW

Background: the article is devoted to the consideration of legal aspects of the application of the so-called “compulsory licensing” procedure in the pharmaceutical industry. Changes in the legislation of the Russian Federation made it possible to apply this mechanism in connection with the COVID-19 pandemic coronavirus infection. However, the existing gaps in normative regulation in many respects hinder the achievement of the goals of compulsory licensing, which are the prevention of abuse of patent rights, including in connection with violations of antitrust laws, as well as the elimination of the consequences of such violations. Foreign experience shows the possibility of applying compulsory licensing in connection with violations of antitrust laws by pharmaceutical companies. **Objective:** to identify the risks arising from the application of compulsory licensing in the pharmaceutical industry, as well as to propose ways to eliminate the deficiencies of regulations that prevent the application of this mechanism in connection with violations of antitrust law. **Methodology:** general scientific methods of knowledge (analysis, synthesis, analogy, systematic) and particular scientific methods of jurisprudence: formal-legal, comparative-legal methods were used. **Results:** the author’s position on the possibility of applying the mechanism of compulsory licensing in the pharmaceutical industry in connection with a violation of antitrust law is argued. **Conclusions:** the need for effective fight against unfavorable for the development of competition practices of pharmaceutical companies requires the abolition of anti-monopoly immunity of intellectual property rights holders, as well as strengthening the legal regulation of the grounds and procedures for compulsory licensing, the need for effective fight against unfavorable for the development of competition practices of pharmaceutical companies requires the abolition of anti-monopoly immunity of intellectual property rights holders, as well as strengthening the legal regulation of the grounds and procedures for compulsory licensing.

Key-words: antitrust law, compulsory licensing, abuse of dominance, pharmaceuticals, COVID-19, patent, emergency, intellectual property.

Современный рынок характеризуется широким использованием результатов интеллектуальной деятельности, которые могут служить инструментом получения компанией преимуществ в конкурентной борьбе. Обладание объектами интеллектуальной собственности, как правило, определяет конкурентоспособность на соответствующем рынке. Однако права на результаты интеллектуальной деятельности могут быть использованы также в целях монополизации рынка и ограничения конкуренции. Законодательство гарантирует защиту прав собственности, в том числе интеллектуальной, но пределы такой защиты, как представляется, должны быть ограничены необходимостью соблюдения прав и законных интересов иных участников хозяйственного оборота, а также необходимостью обеспечения инновационных процессов в отрасли.

Как справедливо отмечают исследователи, исключительное право по своей сущности не отличается от права собственности и предназначено для того, чтобы правообладатель получил вознаграждение от коммерческого использования результатов интеллектуальной деятельности, однако не для того, чтобы он имел

контроль над рынком [1, с. 448]. В юридической литературе подчеркивается необходимость установления законодательных ограничений злоупотребления правом интеллектуальной собственности путем применения инструментов анти-монопольного регулирования [2; 3; 4].

В конечном счете, использование гражданских прав не должно причинять вред потребителям и конкуренции. В противном случае, речь должна идти о злоупотреблении правом, то есть заведомо недобросовестном использовании гражданских прав.

Особую актуальность вопросы соотношения законодательства об интеллектуальной собственности и антимонопольного законодательства имеют при рассмотрении проблем правового регулирования фармацевтической отрасли. Это обусловлено ее высокой инновационностью. Она является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики, от состояния инновационных процессов в которой напрямую зависит жизнь и здоровье граждан. С целью стимулирования участников рынка к разработке и производству наиболее эффективных лекарственных средств и лекарственных субстанций, используемых при производстве таких средств, законодательство предусматривает механизмы патентной защиты, предполагающие регистрацию объектов интеллектуальной собственности и монополию правообладателя на определенные формы использования результатов интеллектуальной деятельности.

Рыночная власть, которая появляется исключительно как итог превосходства продукта, не нарушает антимонопольное законодательство и не налагает на владельца интеллектуальной собственности обязательства лицензировать использование такой собственности другими субъектами¹. Вместе с тем следует обратить внимание на положение ст. 40 «Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности» от 15 апреля 1994 г.², согласно которой виды лицензионной практики или условия, относящиеся к правам интеллектуальной собственности, ограничивающие конкуренцию, могут иметь неблагоприятное воздействие на состояние рынка, препятствовать передаче и распространению технологий. Членам Всемирной торговой организации предоставлено право указывать в национальном законодательстве критерии признания данных практик злоупотреблением правом интеллектуальной собственности.

Таким образом, защита прав интеллектуальной собственности не должна находиться в противоречии с существующими принципами антимонопольного регулирования. В частности, факты изъятия товара, обладающего патентной защитой, из обращения, при наличии спроса на него, поддержания монопольно высокой цены на продукцию, могут быть расценены как злоупотребление доминирующим положением компании, что является нарушением антимонопольного законодательства.

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности предоставляет странам-участникам полномочия по принятию надлежащих мер, направленных на предотвращение практик злоупотребления механизмом патентной защиты. К числу таких мер относится механизм так называемого

¹ См.: Antitrust Guidelines for the Licensing of Intellectual Property. U.S. Department of Justice and the Federal Trade Commission. 12 January 2017. URL: https://www.ftc.gov/system/files/documents/public_statements/1049793/ip_guidelines_2017.pdf (дата обращения: 25.01.2022).

² См.: Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights. URL: <http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/pril1C.doc> (дата обращения: 23.01.2022).

«принудительного лицензирования», под которым следует понимать нормативно урегулированный порядок принятия решения о принуждении компании-правообладателя к заключению лицензионного договора.

В Российской Федерации механизм принудительного лицензирования основывается на положениях Гражданского кодекса¹ и предусматривает возможность принятия решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации. Размер выплат зависит от выручки патентообладателя в течение года, предшествующего году принятия решения о применении принудительной лицензии.

Наличие механизма принудительного лицензирования в условиях пандемии обеспечивает гарантию выпуска доступных для населения фармацевтических препаратов в случае злоупотребления механизмом патентной защиты со стороны правообладателя. Первый случай применения принудительного лицензирования в Российской Федерации основывается на Распоряжении Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3718-р, согласно которому акционерному обществу «Фармасинтез» предоставлено право в течение 2021 г. осуществлять выпуск фармацевтического препарата для лечения коронавирусной инфекции «Ремдесивир». Правообладателем патента на данный препарат является зарегистрированная в США компания Gilead Sciences. Основанием для применения принудительной лицензии выступили неудовлетворительные результаты переговоров данных компаний о заключении лицензионного договора².

В связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 ранее аналогичный механизм был использован в Израиле. Посредством механизма принудительного лицензирования осуществлен выпуск в оборот лекарств-дженериков³ лопинавир и ритонавир⁴.

Закрепление в законодательстве различных стран возможности применения принудительного лицензирования базируется на положениях Парижской конвенции по охране промышленной собственности. Согласно пункту А(2) статьи 5 данного документа, страны-участники конвенции имеют право включить во внутригосударственное правовое регулирование механизм принудительного лицензирования с целью предотвращения злоупотреблений со стороны правообладателей патентов⁵. К международным правовым актам в данной сфере относятся также Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, согласно которому передача лицензии без разрешения патентообладателя воз-

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496; 2021. № 24, ч. 1, ст. 4231.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3718-р «О разрешении акционерному обществу „Фармасинтез“ использования изобретений без согласия патентообладателей в целях обеспечения населения Российской Федерации лекарственными препаратами с международным непатентованным наименованием „Ремдесивир“». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Дженерик — лекарственное средство, содержащее химическое вещество — активный фармацевтический ингредиент, идентичный запатентованному компанией-первоначальным разработчиком лекарства. Дженерики производятся и продаются другими производителями под названием, отличающимся от фирменного названия разработчика препарата.

⁴ См.: Israel approves generic HIV drug to treat COVID-19 despite doubts. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-israel-drug/israel-approves-generic-hiv-drug-to-treat-covid-19-despite-doubts-idUSKBN216237> (дата обращения: 23.01.2022).

⁵ См.: Paris Convention for the Protection of Industrial Property (as amended on September 28, 1979). URL: <https://www.wipo.int/treaties/en/ip/paris/> (дата обращения: 23.01.2022).

можно, если он, в частности, нарушает законодательство о конкуренции. При этом конкретные случаи применения принудительной лицензии устанавливаются в рамках правовых систем отдельных стран.

Однако следует учитывать, что в соответствии с позицией ВТО «О применении Дохийской декларации о Соглашении ТРИПС и здравоохранении»¹, национальное правовое регулирование применения принудительного лицензирования должно быть достаточно четким. В противном случае речь идет о нарушении положений данного соглашения. Принудительное лицензирование является инструментом прямого воздействия на экономические отношения, полномочием органа государственной власти. Справедливо отмечается, что нечеткое, неправильное определение функций органов власти приводит к неограниченному усмотрению при выборе органами публичной власти инструментов реализации государственных функций и, как следствие, к ослаблению гарантий защиты прав хозяйствующих субъектов [5].

В Российской Федерации применение механизма принудительного лицензирования в фармацевтической отрасли долгое время было заблокировано нормативными положениями, не предусматривающими четких оснований его применения. В настоящее время правовое регулирование Российской Федерации закрепляет в качестве оснований применения принудительной лицензии наличие крайней необходимости, связанной с обеспечением обороны и безопасности государства, охраной жизни и здоровья граждан.

Представляется, что законодательная формулировка крайней необходимости требует уточнения. По замечанию А.Ю. Соколова, «необходимо в принципе уйти от попыток поиска экономической выгоды в сфере обеспечения безопасности» [6, с. 50]. В связи с этим критерий крайней необходимости не должен быть связан со стремлением снижения бюджетных расходов государства или реализацией стратегии импортозамещения.

Как отмечают отдельные авторы, наличие крайней необходимости должно предполагать введение особых правовых режимов: военного положения, чрезвычайного положения, применения мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера². Следует обратить внимание на то, что ст. 1359 ГК РФ уже предусматривает возможность использования изобретения при чрезвычайных обстоятельствах (стихийных бедствиях, катастрофах, авариях) с уведомлением о таком использовании патентообладателя в кратчайший срок и с последующей выплатой ему соразмерной компенсации.

Таким образом, сущность крайней необходимости подразумевает наличие реальной опасности, угрожающей правам и законным интересам личности, общества и государства. Важное значение имеет тот факт, что данная опасность в конкретной ситуации не может быть устранена иными средствами. В аспекте применения принудительного лицензирования обозначенная опасность обусловлена отказом патентообладателя от производства или поставки фармацевтического препарата, в том числе в форме злоупотреблением доминирующим положением на рынке, что приводит к недоступности препарата для населения.

¹ См.: Implementation of paragraph 6 of the Doha Declaration on the TRIPS Agreement and public health. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/implem_para6_e.htm (дата обращения: 23.01.2022).

² См.: Как изменились основания принудительного лицензирования. URL: <https://cljournal.ru/glavnoe/290/> (дата обращения: 23.01.2022).

Следует отметить, что отказ патентообладателя от производства или поставки фармацевтического препарата, либо злоупотребление доминирующим положением, являются нарушениями антимонопольного законодательства. Однако в числе нормативно закрепленных оснований применения механизма принудительного лицензирования нарушение антимонопольного законодательства как таковое не предусматривается. Более того, из сферы антимонопольного регулирования в Российской Федерации исключены правоотношения, связанные с защитой результатов интеллектуальной деятельности. Данное изъятие не соответствует современной мировой практике и реалиям рынка, в связи с чем требуется законодательное закрепление возможности распространения запретов, установленных антимонопольным законодательством, на ненадлежащие правореализационные практики обладателей патентов. Законодательство ряда стран Евразийского экономического союза содержит прямое указание на неприменимость антимонопольных иммунитетов для случаев злоупотребления интеллектуальными правами. Так, в соответствии с ч. 7 ст. 169 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан¹, иммунитет для интеллектуальной собственности не действует, если соглашения хозяйствующих субъектов привели или могут привести к ограничению или устранению конкуренции. Положения Закона Республики Армения «О защите экономической конкуренции»² допускают применение антимонопольного законодательства к правоотношениям, связанным с использованием прав на интеллектуальную собственность.

Именно нарушение антимонопольного законодательства в различных правовых системах выступает в качестве одного из оснований применения принудительной лицензии. Действия или бездействие патентообладателя в ряде случаев могут свидетельствовать о злоупотреблении своим правом. В этом аспекте механизм принудительного лицензирования служит средством пресечения и предупреждения антиконкурентных практик фармацевтических компаний.

Так, механизм принудительного лицензирования предусмотрен в США Основанием его применения является наличие угрозы для конкуренции при невмешательстве регулятора. В практике имеется случай предупреждения компании Bayer³ о возможности применения принудительного лицензирования при отказе от снижения цены лекарственного препарата. В результате такого предупреждения цена препарата была снижена в три раза [7].

В Италии полномочиями по принятию решения о применении принудительной лицензии обладает национальное антимонопольное ведомство⁴.

Интересным представляется нормативное регулирование применения административного порядка принудительного лицензирования в КНР. Государственное управление интеллектуальной собственности при Государственном совете

¹ См.: Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-5. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38259854 (дата обращения: 25.01.2022).

² См.: Закон Республики Армения «О защите экономической конкуренции» от 6 ноября 2000 г. №ЗР-112. URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/arm197265.pdf> (дата обращения: 23.01.2022).

³ См.: Non-voluntary use of patents for drugs to treat the hepatitis C virus in the United States: mechanisms available to the federal government, state governments and private actors. URL: https://www.keionline.org/sites/default/files/Non-voluntary_use_HCV_patents_USA.pdf (дата обращения: 23.01.2022).

⁴ См.: Интеллектуальная собственность и доступ к лечению. Текущие практики стран в области реформирования законодательства, связанного с интеллектуальной собственностью. URL: <https://itpcru.org/wp-content/uploads/2016/04/dajdzhest-aprel-2016.pdf> (дата обращения: 23.01.2022).

Китайской Народной Республики имеет право по заявлению, сделанному любой организацией или физическим лицом, применить механизм принудительного лицензирования, если имеется необходимость устранения негативного воздействия на конкуренцию; необходимость защиты общественных интересов, в том числе в случае стихийных бедствий и эпидемий; необходимость обеспечения охраны здоровья населения¹.

Имеется возможность применения механизма принудительного лицензирования в Германии в рамках антимонопольного регулирования. Согласно позиции высшей судебной инстанции, передача лицензии против интересов правообладателя возможна в случае наличия доминирующего положения компании и ее отказа в заключении лицензионного договора на основах справедливости. При этом принудительное лицензирование допускается только для обеспечения общественных интересов².

Также антимонопольное принудительное лицензирование предусмотрено законодательством Бразилии. Согласно положениям Закона о промышленной собственности от 14 мая 1996 г. № 9.279, возможность применения принудительного лицензирования допускается в случае, если подтвержден факт злоупотребления правообладателя своим доминирующим положением на соответствующем рынке³.

Необходимо обратить внимание на возможные проблемы применения механизма принудительного лицензирования в фармацевтической отрасли.

Так, существует мнение, что монополия патентообладателя является необходимым условием для развития фармацевтической отрасли, поскольку разработка новых лекарственных средств требует значительных финансовых вложений, а отсутствие гарантии закрепления результатов может способствовать снижению инвестиционной активности предприятий⁴. С данной точкой зрения сложно согласиться, поскольку риск ухудшения инвестиционного климата значительно снижается при обеспечении следования нормативным положениям, закрепляющим механизм принудительного лицензирования, и предварительных переговоров с патентообладателем. Наличие предварительных переговоров о снижении цены на препарат или недопущении антиконкурентных практик должно являться обязательным условием, имеющим приоритет перед применением принудительной лицензии. При этом закрепленный в национальном законодательстве механизм принудительного лицензирования даже в случае его неиспользования может служить превентивной мерой воздействия, направленной на предупреждение злоупотреблений патентными правами производителей фармакологических препаратов.

¹ См.: Implementing Regulations of the Patent Law of the People's Republic of China. URL: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/cn/cn078en.pdf> (дата обращения: 23.01.2022).

² См.: Urteil des Kartellsenats vom 6.5.2009 - № KZR 39/06. URL: <http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=acea256584d0e420272381a9d0c7a57a&nr=48134&pos=0&anz=1> (дата обращения: 23.01.2022).

³ См.: Lei 9.279/1996 (Lei Ordinária) 14.05.1996. URL <https://www.gov.br/agricultura/pt-br/assuntos/sustentabilidade/tecnologia-agropecuaria/arquivos-de-legislacoes-de-tecnologias/lei-no-9-279-de-14-de-maio-de-1996.pdf/view> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴ См., например: Принудительное лицензирование может создать новые проблемы. URL: <https://rg.ru/2020/03/23/prinuditelnoe-licenzirovanie-lekarstv-mozhet-sozdat-novye-problemy.html> (дата обращения: 23.01.2022); Возможности и опасности принудительного лицензирования: кому помогут инициативы ФАС. URL: <https://pravo.ru/story/view/127879/> (дата обращения: 23.01.2022); *Bird R., Cahoy D.* The Impact of Compulsory Licensing on Foreign Direct Investment: A Collective Bargaining Approach // *American Business Law Journal*. 2008. Vol. 45. Issue 2.

Следует также отметить, что принудительное лицензирование необходимо рассматривать лишь как экстраординарную меру, которая подлежит применению тогда, когда исчерпаны иные средства побудить патентообладателя выпустить препарат на рынок в требуемом объеме и по доступным ценам. Препарат, производимый по принудительной лицензии, не всегда будет значительно дешевле препарата патентообладателя, что обусловлено наличием существенных издержек для вывода препарата на рынок.

В числе иных проблемных вопросов применения механизма принудительного лицензирования — отсутствие гарантий, что фармацевтическое средство (дженерик) окажется столь же качественным, как и препарат, выпускаемый правообладателем. Однако стоит отметить, что данный риск тесно связан с вопросом создания действенной системы контроля качества лекарственных препаратов в рамках национального правового регулирования. При осуществлении выпуска лекарственных средств в оборот имеется возможность применять такие средства, направленные на обеспечение надлежащего качества продукции, как сертификат предквалификации Всемирной организации здравоохранения, или механизмы, предусмотренные в рамках законодательного регулирования конкретного государства. В частности, в США таким механизмом выступает сертификация Управления по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными средствами США (FDA), в Европейском союзе — Европейского агентства по лекарствам (EMA).

Относительно затрат бюджета на выплату компенсации правообладателю оригинального препарата следует отметить, что такие затраты должны осуществляться в соответствии с законодательством конкретного государства, однако страны, являющиеся членами Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, должны учитывать, что согласно ст. 31 (к) данного акта, объем выплат зависит от установленных нарушений законодательства о конкуренции¹. Из этого следует, что в случае серьезного нарушения национального антимонопольного законодательства допускается пропорциональное уменьшение размера компенсации.

По справедливому замечанию А.С. Ворожевича, передача лицензии должна производиться только в отношении объектов, имеющих особое социально-экономическое значение; осуществляться при условии наличия доказательств невозможности получения лицензии обычным способом [8, с. 105].

Однако в законодательстве Российской Федерации не указано, что использование патента должно основываться на индивидуальных характеристиках предмета, не обозначены какие-либо специфические свойства предмета патента. Это может свидетельствовать о противоречии положениям Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, включающего соответствующие требования, а также принципу четкого правового регулирования, установленно-го позицией ВТО «О применении Дохийской декларации о Соглашении ТРИПС и здравоохранении»². В связи с этим требуется закрепить в Гражданском кодексе Российской Федерации положение, согласно которому принудительное лицен-

¹ См.: Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights. URL: <http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/pril1C.doc> (дата обращения: 23.01.2022).

² См.: Implementation of paragraph 6 of the Doha Declaration on the TRIPS Agreement and public health. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/implem_para6_e.htm (дата обращения: 23.01.2022).

зирование допускается при наличии существенного общественного интереса в использовании фармацевтического препарата. Наличие общественного интереса подтверждается смертельно опасным характером заболевания и принципиальной незаменимостью препарата.

Таким образом, механизм принудительного лицензирования в фармацевтической отрасли может выступать инструментом, способствующим устранению последствий злоупотребления патентными правами, а также последствий нарушения антимонопольного законодательства. Однако в целях обоснованного применения данного механизма требуется внесение изменений в действующее законодательство Российской Федерации, предусматривающих отмену так называемых «антимонопольных иммунитетов» правообладателей интеллектуальной собственности; закрепляющих обязательную процедуру проведения предварительных переговоров с патентообладателем, а также уточняющих критерии «крайней необходимости» и «общественного интереса» как основания для принудительного лицензирования.

Библиографический список

1. *Ullrich H.* Legal Protecton of Innovative Technologies: Property or Policy? // *Economics, Law and Intellectual Property: Seeking Strategies for Research and Teaching in a Developing Field* / ed. by O. Granstrand. Kluwer Academic, 2003. P. 439–487.
2. *Иванов А.Ю.* Мифы о легальной монополии, или сказ о том, почему в России не развиваются инновации при упорной охране интеллектуальной собственности // *Закон.* 2020. № 2. С. 86–102.
3. *Иванов А.Ю., Доценко А.В.* Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело Google и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // *Закон.* 2016. № 3. С. 31–45.
4. *Пузыревский С., Гаджиев Г., Калятин В., Иванов А., Семенов А., Хабаров Д., Суворов К., Войниканис Е., Ворожеевич А., Макдональд Б., Пружанский В.* Антитраст в сфере интеллектуальной собственности: в поисках разумного баланса // *Закон.* 2018. № 2. С. 18–34.
5. *Васянина Е.Л.* Финансово-правовые и административно-правовые аспекты регулирования экономики // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2021. № 3.1. С. 182–193.
6. *Соколов А.Ю.* Правовая политика в сфере регулирования участия субъектов коммерческой деятельности в производстве по делам об административных правонарушениях // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2020. № 3. С. 44–54.
7. *Иванов А.Ю.* Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // *Закон.* 2017. № 5. С. 78–93.
8. *Ворожеевич А.С.* Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. М.: Статут, 2018. 320 с.

References

1. *Ullrich H.* Legal Protecton of Innovative Technologies: Property or Policy? // *Economics, Law and Intellectual Property: Seeking Strategies for Research and Teaching in a Developing Field* / ed. by O. Granstrand. Kluwer Academic, 2003. P. 439–487.
2. *Ivanov A.Yu.* Myths About Legal Monopoly, or a Tale About Why Innovations Are Not Developed in Russia with Stubborn Protection of Intellectual Property // *Law.* 2020. No. 2. P. 86–102.

3. *Ivanov A.Yu., Dotsenko A.V.* Antitrust, Digital Platforms and Innovation: the Google Case and How to Protect Competition in the Digital Environment. *Law*. 2016. No. 3. P. 31–45.
4. *Puzyrevsky S., Gadzhiev G., Kalyatin V., Ivanov A., Semenov A., Khabarov D., Suvorov K., Voinikanis E., Vorozhevich A., McDonald B., Pruzhansky V.* Antitrust in the Field of Intellectual Property: in Search of a Reasonable Balance // *Law*. 2018. No. 2. P. 18–34.
5. *Vasyanina E.L.* Financial-Legal and Administrative-Legal Aspects of Economic Regulation // *Legal policy and legal life*. 2021. No. 3.1. P. 182–193.
6. *Sokolov A.Yu.* Legal Policy in the Field of Regulating the Participation of Commercial Entities in Proceedings on Cases of Administrative Offenses // *Legal Policy and Legal Life*. 2020. No. 3. P. 44–54.
7. *Ivanov A.Yu.* Compulsory Licensing for Innovative Development: on the Need to Balance the Regime of Intellectual Rights // *Law*. 2017. No. 5. P. 78–93.
8. *Vorozhevich A.S.* Limits of the Exercise and Protection of the Exclusive Right of the Patent Owner. М.: Statut, 2018. 320 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-111-121

УДК 342.951:351.82

С.Н. Зайкова

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Введение: ресурсоемкий и высоко затратный механизм обеспечения транспортной безопасности требует оптимальной организации и структурирования процессов управления. В организации указанных процессов важную роль играют принципы, они определяют основу и характер административно-правового регулирования общественных отношений, задают вектор развития особому правовому режиму — режиму транспортной безопасности. **Цель:** исследование современного состояния и степени разработанности правового регулирования принципов обеспечения транспортной безопасности как системной деятельности государства. **Методологическая основа:** представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных (логико-юридический, сравнительно-правовой) методов познания. **Результаты:** автором обосновано дополнение установленных принципов обеспечения транспортной безопасности принципами системности и комплексности применения мер, а также принципом правовой интеграции в международные системы безопасности. В зависимости от правового закрепления и содержания принципов предложена их классификация. **Выводы:** основными характерными свойствами рассмотренных принципов являются: нормативность, универсальность, применение при восполнении пробелов в правовом регулировании, детерминированность единой целью — защищенностью транспортного комплекса. Требуется уточнение отдельных формулировок законодательно установленных принципов, в связи с чем предложена новая редакция ст. 3 Федерального закона «О транспортной безопасности».

Ключевые слова: транспортный комплекс, транспортная безопасность, государственное управление, принципы, система транспортной безопасности, классификация принципов управления.

S.N. Zaikova

CLASSIFICATION OF THE PUBLIC ADMINISTRATION PRINCIPLES IN THE FIELD OF TRANSPORT SECURITY

Background: resource-intensive and high-cost mechanism to ensure transport safety requires optimal organization and structuring of management processes. In the organization of these processes an important role is played by principles, they determine the basis and nature of administrative-legal regulation of public relations, set the vector of development of a special legal regime — the regime of transport safety. **Objective:** to study the current state and degree of development of the legal regulation of the principles

© Зайкова Светлана Николаевна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: snzaikova@rambler.ru

© Zaikova Svetlana Nikolaevna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law (Saratov State Law Academy)

ensuring transport security as a systemic activity of the state. Methodology: a set of general scientific and particular scientific (logical-legal, comparative-legal) methods of cognition. Results: the author justified the addition of the established principles of ensuring transport safety to the principles of consistency and comprehensiveness of application of measures, as well as the principle of legal integration into international security systems. Depending on the legal enshrinement and content of the principles their classification is proposed. Conclusions: the main characteristic features of the considered principles are: normativity, universality, application in filling gaps in legal regulation, determinacy of a single goal - the protection of the transport complex. Clarification of individual formulations of legislatively established principles is required, in this connection a new version of article 3 of the Federal Law "On Transport Safety" is proposed.

Key-words: *transport complex, transport security, state administration, principles, transport security system, classification of management principles.*

Принципы государственного управления в области обеспечения транспортной безопасности определяют основу и характер административно-правового регулирования общественных отношений; критерии и пределы взаимодействия управляющих и управляемых субъектов, служат ориентирами для их правомерного поведения; охраняют систему общечеловеческих ценностей, задают вектор развития особого правового режима — режима транспортной безопасности. Именно поэтому указанные принципы и их классификация остаются предметом научных исследований административистов.

Российские исследования в части анализа, систематизации и классификации принципов государственного управления в транспортной отрасли имеют узкую направленность и поводятся по видам транспорта [1; 2; 3; 4]. Целесообразность разработки темы вызвана тем, что до настоящего времени не проводилось комплексного исследования современного состояния и степени разработанности правового регулирования принципов обеспечения транспортной безопасности как системной деятельности государства. Особый интерес для научных исследований представляет классификация указанных принципов.

В зависимости от правового закрепления принципы государственного управления в области обеспечения транспортной безопасности можно разделить на три группы:

принципы, законодательно установленные в специализированном законе¹ в виде норм-принципов. Принципами обеспечения транспортной безопасности являются: законность; соблюдение баланса интересов личности, общества и государства; взаимная ответственность личности, общества и государства в области обеспечения транспортной безопасности; непрерывность; интеграция в международные системы безопасности; взаимодействие субъектов транспортной инфраструктуры, органов государственной власти и органов местного самоуправления;

принципы, законодательно установленные в виде норм-принципов в других федеральных законах, регулирующих общественные отношения в области транспортной безопасности наряду со специализированным законом. Примером

¹ См: Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 7, ст. 837; 2021. № 24, ч. 1, ст. 4188.

могут служить нормы-принципы, содержащиеся в федеральных законах о безопасности¹, о противодействии терроризму², о ведомственной охране³ и другие нормы-принципы государственного управления в транспортном комплексе, например, приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности, неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности, единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористической операции;

принципы, не выделенные законодателем в виде отдельных норм-принципов и содержащиеся в статутных нормах или нормах-правилах поведения, но при этом развивающие, конкретизирующие конституционные положения и принципы. Обеспечение транспортной безопасности основано, в том числе на конституционном принципе федерализма [5, с. 143], предполагающем единство системы государственной власти, разграничение полномочий между органами публичной власти. Как следует из п. 2 ст. 4 специализированного закона, федеральные органы исполнительной власти обеспечивают транспортную безопасность в соответствии с компетенцией, установленной федеральными законами и нормативными правовыми актами. Региональные и муниципальные органы власти участвуют в обеспечении транспортной безопасности в соответствии с компетенцией, установленной только федеральными законами и иными федеральными нормативно-правовыми актами. В законе о транспортной безопасности находит отражение единство системы органов, имеющих компетенцию в области обеспечения транспортной безопасности, наряду с четким разграничением содержания их деятельности: в первом случае — обеспечение, во втором — участие в обеспечении. Обеспечение транспортной безопасности основано также на конституционных принципах верховенства Конституции РФ; защиты прав и свобод личности; запрета деятельности, направленной на подрыв безопасности государства; гуманизма; законности; участия граждан в управлении.

Следует отметить наличие принципов не закрепленных в правовых нормах, но имеющих каузальное значение для формирования и развития механизма административно-правового обеспечения транспортной безопасности. Они основаны на нравственных категориях свободы, равенства, справедливости, добропорядочности. К таким принципам относится объективно существующий без правового закрепления принцип добросовестности администрации (органов власти) [6, с. 84], предполагающий высокий уровень образования и профессиональной ответственности государственных, муниципальных служащих, а также личностных (психофизиологических) качеств и уровня физической подготовки сотрудников сил обеспечения транспортной безопасности. Не облечен в правовую норму, но является важным для государственного управления и правотворчества принцип справедливости, заключающийся в инверсии категории: справедливое — законно, а законное — справедливо. Право и управление должны основываться на справедливости. Если они расходятся с общепринятыми в данном

¹ См: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (в ред. от 9 ноября 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 2; 2020. № 46, ст. 7209.

² См: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. от 26 мая 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 11, ст. 1146; 2021. № 22, ст. 3690.

³ См: Федеральный закон от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» (в ред. от 5 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 16, ст. 1935; 2017. № 50, ч. III, ст. 7562.

обществе критериями и понятиями справедливости, то они не воспринимаются общественным мнением, а значит, не становятся фактором правового сознания и правовой культуры [7, с. 121].

Научный интерес вызывает изучение принципов государственного управления в области обеспечения транспортной безопасности. К ним относятся: законность; соблюдение баланса интересов личности, общества и государства; взаимная ответственность личности, общества и государства в области обеспечения транспортной безопасности; непрерывность; интеграция в международные системы безопасности; взаимодействие субъектов транспортной инфраструктуры, органов государственной власти и органов местного самоуправления по поводу обеспечения транспортной безопасности.

Принцип законности является фундаментальным общеправовым принципом. Применительно к рассматриваемой области указанный принцип означает точное и неукоснительное соблюдение закона, правовых предписаний (материального и процессуального характера) при осуществлении деятельности всеми участниками административно-правовых отношений: органами публичной власти, перевозчиками, субъектами транспортной инфраструктуры, пассажирами и иными лицами.

В законодательстве РФ о безопасности, в том числе в транспортной сфере, принцип законности нашел широкое применение не только как модель поведения всех участников, но и как основное положение организации деятельности по обеспечению и соблюдению обязательных требований, по единообразному применению принятых норм. Например, объекты транспортной инфраструктуры могут использоваться только на законных основаниях; в ходе досмотра к перевозке допускаются оружие и боеприпасы только при наличии законных оснований для их ношения; контрольная (надзорная) деятельность строго регламентирована и обеспечена мерами административного принуждения. Что касается последних, то принцип законности также необходим при установлении и применении значительного количества указанных мер, поскольку ограничение прав и интересов субъектов транспортного комплекса допустимо только по основаниям и в порядке, которые установлены федеральным законом.

Анализ всех имеющихся в открытых информационных базах судебных решений¹ показал, что принцип законности рассматривается судами как главный принцип обеспечения транспортной безопасности, предусматривающий неукоснительное соблюдение обязательных требований.

Соблюдение баланса интересов личности, общества и государства как принцип государственного управления в области обеспечения транспортной безопасности определяет соотношение частного и публичного интересов, задает вектор регулирования правоотношений между государством и личностью на основе взаимного партнерства и взаимной ответственности. По существу права и свободы каждого из субъектов ограничиваются правом для достижения баланса.

¹ См.: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 ноября 2014 г. по делу № А55-15889/2014. URL: <https://11aas.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.01.2022); Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 апреля 2021 г. № 17АП-2931/2021-АКу по делу № А60-60286/2020. URL: <https://17aas.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.01.2022); Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2016 г. № 05АП-4245/2016 по делу № А51-960/2016. URL: <https://5aas.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

Сочетание интересов государства с интересами субъектов транспортной деятельности и их взаимная ответственность отражены и в транспортной стратегии России, и в модельном законодательстве¹.

В научной литературе поднимался вопрос о необоснованных дополнительных обременениях хозяйствующих субъектов, установленных государством для защиты транспортного комплекса: «...в последнее время во все большей степени проявляется стремление государства легализовать и всемерно укрепить антитеррористический комплекс за счет юридических лиц — участников транспортного процесса даже там, где это совершенно не оправдано» [8, с. 4].

Принцип обоснованного вмешательства государства в деятельность хозяйствующих субъектов транспортной отрасли при государственном управлении и регулировании в области безопасности не нашел отражение в специализированном законе.

Видится важным рациональное сочетание затрат и ограничения свободы с возможным ущербом от актов незаконного вмешательства, но при этом не допустимо исключение из системы обеспечения безопасности хозяйствующих субъектов и рассмотрение транспортной безопасности в качестве исключительной сферы деятельности органов публичной власти.

Защита прав личности и общества невозможна без достаточных полномочий государства, без системы органов власти в области безопасности, контрольных (надзорных) мероприятий, выстроенной системы правоотношений. «За государством всегда сохраняется определенный объем свободы, и чем больше ее у государства, тем меньше ее будет у личности. Следовательно, необходима такая мера свободы государственной власти, которая определит и задаст меру его ответственности» [9, с. 16–17]. Реализация государственных полномочий согласно рассматриваемому принципу не должна порождать противоречий, ставить в приоритет публичные интересы.

Обязательные требования и административные меры принуждения, устанавливаемые государственными органами в целях безопасного и устойчивого функционирования транспортного комплекса, должны отвечать степени соразмерности прав и обязанностей всех участников управленческого процесса, сопоставимости государственного и частного ресурсного обеспечения, а также обоснованности ограничения законных прав субъектов, их необходимости и достаточности.

Указанный принцип применяется судами при рассмотрении заявлений об обжаловании постановлений о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 11.15.1 КоАП РФ. Например, отсутствие финансирования не освобождает субъекта от обязанности исполнения требований по обеспечению транспортной безопасности², при выполнении рейсов ответственность за обеспечение транспортной безопасности на транспортном средстве несет работник субъекта³.

¹ См.: Модельный закон о транспортной деятельности от 31 октября 2007 г. // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 41. С. 173–199.

² См.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27 декабря 2017 г. № 07АП-10785/2017 по делу № А45-25998/2017. URL: <https://7aas.arbitr.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

³ См.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 19 февраля 2021 г. № 07АП-257/2021 по делу № А45-27404/2020. URL: <https://7aas.arbitr.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

Принцип взаимной ответственности личности, общества и государства в области обеспечения транспортной безопасности по содержанию продолжает предыдущий принцип. Государство вправе требовать от личности соблюдения установленных обязательных требований, но и само несет ответственность перед обществом и личностью, в частности за нарушение установленных правовых предписаний.

Право государства вмешиваться в сферу общественных отношений уравнивается правом общества осуществлять оценку такого воздействия, создавать механизмы, препятствующие неограниченной свободе, что, в свою очередь, выражается в обязанности власти нести ответственность перед обществом, перед гражданином [10, с. 68].

Ответственность является одним из принципов деятельности Правительства РФ¹ и исполнительных органов публичной власти, их должностных лиц.

Досудебный порядок обжалования решений и действий органов исполнительной власти, предоставляющих государственные услуги в области обеспечения транспортной безопасности, содержится в административных регламентах, например, в административных регламентах предоставления государственной услуги по утверждению результатов оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры², по утверждению планов обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры³.

Управление транспортным комплексом⁴ осуществляется на основе взаимодействия и разграничения сферы ответственности федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и саморегулируемых организаций.

Обеспечение транспортной безопасности является обязанностью не только исполнительных органов публичной власти, но и субъектов транспортной инфраструктуры, перевозчиков и иных участников транспортных правоотношений, поэтому рассматриваемый принцип отражает также ответственность перечисленных субъектов. Она выражается в административной, уголовной, дисциплинарной, материальной, гражданско-правовой ответственности и регламентируется рядом нормативных правовых актов, в том числе кодифицированных, и локальными правовыми актами.

В судебной практике⁵ рассматриваемый принцип применяется при рассмотрении дел, связанных с привлечением к административной ответственности.

¹ См.: Федеральный Конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 45, ст. 7061.

² См.: Приказ Минтранса России от 6 мая 2013 г. № 171 «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства воздушного транспорта предоставления государственной услуги по утверждению результатов оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств воздушного транспорта» // Российская газета. 2013. № 177.

³ См.: Приказ Росавтодора от 1 ноября 2021 г. № 206 «Об утверждении Административного регламента Федерального дорожного агентства предоставления государственной услуги по утверждению планов обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры в установленной сфере деятельности». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ См.: Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 50, ч. IV, ст. 8613.

⁵ См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 октября 2020 г. № 13АП-20172/2020 по делу № А56-29952/2020. URL: <https://13aas.arbitr.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

Тесно переплетается с рассмотренными выше основными началами принцип взаимодействия субъектов транспортной инфраструктуры и органов публичной власти. Содержание принципа заключается в необходимости совместной и скоординированной деятельности всех субъектов, участвующих в обеспечении транспортной безопасности.

Взаимодействие осуществляется в виде обмена информацией, объединения сил и средств, координации совместных действий. Особое значение для повышения эффективности информационного взаимодействия имеет внедрение Единой государственной информационной системы обеспечения транспортной безопасности (ЕГИС ОТБ).

Принцип непрерывности обеспечения транспортной безопасности проявляется в постоянной (без перерывов) деятельности по поддержанию состояния защищенности транспортного комплекса.

Системность и постоянство выполнения планов обеспечения транспортной безопасности, контрольных (надзорных) мероприятий, профилактической и информационной работы позволяют до некоторой степени прогнозировать риски и угрозы безопасности, корректировать утвержденные планы мероприятий, и, как следствие, минимизировать риски совершения актов незаконного вмешательства, оперативно устранять их последствия.

Суды часто руководствуются принципом непрерывности при рассмотрении дел об обжаловании действий контролирующих органов¹, постановлений о привлечении к административной ответственности² и по экономическим спорам³. В решениях суды указывают, что поэтапное выполнение субъектом обязательных требований не является условием, освобождающим его от ответственности за несоблюдение требований законодательства Российской Федерации в области обеспечения транспортной безопасности; воспрепятствование проникновению нарушителя в зону транспортной безопасности должно быть непрерывным; исключение из реестра объектов транспортной инфраструктуры допускается только после определения категории всех объектов.

Можно отметить сформировавшуюся единообразную судебную практику, согласно которой мероприятия по обеспечению транспортной безопасности должны проводиться постоянно, независимо от временных, экономических, социальных, пространственных, климатических или иных факторов.

В перечне принципов, закрепленных в специализированном законе, отсутствуют законодательно установленные базовые принципы безопасности — системность и комплексность применения мер обеспечения безопасности, приоритет предупредительных мер. Такие разночтения не способствуют единообразной

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 октября 2020 г. № Ф05-14734/2020 по делу № А40-225908/2019. URL: <https://fasmo.arbitr.ru/reviews> (дата обращения: 10.01.2022); Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25 сентября 2015 г. № Ф06-24558/2015 по делу № А49-115/2015. URL: <https://faspo.arbitr.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

² См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30 июня 2021 г. № Ф03-3135/2021 по делу № А73-20059/2020. URL: <https://fasdvo.arbitr.ru> (дата обращения: 10.01.2022); Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30 июня 2021 г. № Ф03-3133/2021 по делу № А73-18998/2020. URL: <https://fasdvo.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

³ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 марта 2016 г. № Ф05-2352/2016 по делу № А40-13142/2015. URL: <https://fasmo.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

практике применения административно-правовых средств, комплексному обеспечению транспортной безопасности [11, с. 91].

Принцип интеграции в международные системы безопасности основан на конституционном положении, согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Поскольку транспортная деятельность нередко затрагивает трансграничные перемещения, имеется потребность в интеграции российского, международного законодательства о транспортной безопасности, а также законодательства других государств.

Сравнительный анализ принципов государственного управления в области транспортной безопасности с принципами государственного управления в области национальной безопасности и исследование международно-правовых оснований и условий формирования системы административно-правового обеспечения транспортной безопасности [12] показал недостаточную степень интеграции международного, модельного и российского законодательства, наличие различных подходов в понимании основных понятий (терминов) и принципов, установление государствами разнообразных административно-правовых средств обеспечения транспортной безопасности и обязательных требований.

Процесс исследования принципов государственного управления в области обеспечения транспортной безопасности предполагает их классификацию по различным критериям.

В административном праве выделяют общие, институциональные, конституционные (политико-юридические) и организационные принципы [13; 14; 15; 16; 17].

К общим и конституционным принципам административного права в области обеспечения транспортной безопасности можно отнести принципы: законности; федерализма; приоритета прав и свобод человека и гражданина; обеспечения права граждан на участие в государственном управлении; равенства граждан перед законом.

Применимы в рассматриваемой области и институциональные принципы административного права. Они индивидуализированы «спецификой управленческой среды, в которой реализуется тот или иной комплекс правовых норм и правоприменительных актов» [18, с. 45]: принципы государственной службы, принципы производства по делам об административных правонарушениях, принципы института аттестации сил обеспечения транспортной безопасности и др.

Организационные принципы отражают механизмы построения и функционирования государственного управления, государственного аппарата и его звеньев, функционирования административно-юрисдикционных процессов [19, с. 199]. К числу организационных относятся следующие принципы: централизации и децентрализации; единоначалия и коллегиальности; единства основных требований, предъявляемых к государственному управлению; профессионализма и компетентности государственных служащих; ответственности государственных органов за принятые административные акты (решения); территориальный, при котором организация управления ориентирована по территории. Территориальные структуры практически обеспечивают исполнение отраслевых задач и полномочий федеральных органов исполнительной власти [20, с. 93]. Их наличие позволяет выстроить управление и в транспортной отрасли, и в области безопасности.

Следует отметить, что в настоящее время в нормативных правовых и концептуальных актах, регулирующих деятельность отдельных видов транспорта, содержатся собственные принципы и специальные правила, направленные на обеспечение транспортной безопасности. Например, на железнодорожном транспорте правовое закрепление получили только принципы устойчивости работы, доступности, безопасности и качества оказываемых услуг¹.

Представляется, что основные положения по безопасности должны носить универсальный характер и не зависеть от видов транспорта, что позволит обеспечить единообразное и последовательное соблюдение субъектами (перевозчиками, пассажирами) требований при смешанных перевозках.

Принципам государственного управления в области обеспечения транспортной безопасности присущи следующие характерные свойства:

нормативность, непосредственное закрепление в федеральных нормативных правовых актах,

универсальность, выражающаяся в их единстве и всеобщности применения, системность, разделение на виды и подвиды,

применение при восполнении пробелов в правовом регулировании,

детерминированность единой целью — обеспечением безопасности транспортного комплекса.

С учетом изложенного предлагается систематизировать и конкретизировать принципы государственного управления в области обеспечения транспортной безопасности и изложить ст. 3 Федерального закона «О транспортной безопасности» в следующей редакции:

«Статья 3. Принципы обеспечения транспортной безопасности

Принципами обеспечения транспортной безопасности являются:

1) законность;
2) соблюдение баланса интересов личности, общества и государства;
3) взаимная ответственность личности, общества и государства в области обеспечения транспортной безопасности;

4) системность, комплексность и непрерывность применения мер обеспечения транспортной безопасности;

5) правовая интеграция в международные системы безопасности;

6) взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов, органов местного самоуправления с международными организациями, общественными объединениями, юридическими лицами и гражданами в целях обеспечения транспортной безопасности».

Предложенная редакция правовой нормы позволит организовать деятельность множества субъектов обеспечения транспортной безопасности системно и комплексно.

Библиографический список

1. *Огнетов В.В.* Сущность и принципы государственной политики в области управления автомобильным транспортом // *Аграрное и земельное право.* 2019. № 3. С. 32–41.

¹ См.: Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2003. № 2, ст. 169; 2021. № 24, ч. I, ст. 4188.

2. *Лизогуб Р.П.* Принципы формирования и функционирования механизма государственного управления городским пассажирским транспортом: сборник научных работ серии «Экономика». 2020. № 17. С. 76–84.

3. *Жеребцов А.Н.* Вопросы содержания государственного управления обеспечением безопасности функционирования объектов транспорта и транспортной инфраструктуры в Российской Федерации // *Очерки новейшей камералистики*. 2021. № 4. С. 6–17.

4. *Козлов Ю.П.* Принципы и методология реализации основных положений Закона о транспортной безопасности (окончание) // *Транспорт Российской Федерации*. 2007. № 9(9). С. 50–55.

5. *Сенякин И.Н.* Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовской государственной академии права», 2007. 504 с.

6. *Кононов А.Л.* Об общих принципах права во французской и бельгийской судебной практике по административным делам // *Государство и право*. 2001. № 3. С. 82–86.

7. *Корнев А.В., Борисов А.В.* Правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России: учебное пособие. М.: Эксмо, 2005. 288 с.

8. *Дмитриев С.Н.* Новации в законодательстве о транспортной безопасности // *Транспортное право*. 2014. № 4. С. 3-7.

9. *Музыканкина Ю.А.* Проблема юридической ответственности государства перед личностью в истории правовых учений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 30 с.

10. *Матузов И.Н., Петров М.П.* Правовой принцип ответственности публичной власти. Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / под ред. Н.И. Матузова, О.И. Цыбулевской. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2011. 526 с.

11. *Рязанов Н.С.* К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «транспортная безопасность» // *Вестник Омской юридической академии*. 2017. № 3. С. 89–94.

12. *Зайкова С.Н.* Административно-правовое обеспечение транспортной безопасности в странах-участниках СНГ // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2021. № 5. С. 114–122.

13. *Теория административного права* М.: Юридическая литература, 1985. 160 с.

14. *Старилов Ю.Н.* Курс общего административного права: в 3 т. М.: НОРМА, 2002. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. С. 368.

15. *Калюжный Ю.Н.* Теоретико-правовые подходы к определению принципов обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации // *Административное и муниципальное право*. 2016. № 11. С. 902–909.

16. *Корякин В.М.* Принципы транспортного права // *Транспортное право*. 2016. № 1. С. 3–6.

17. *Соболева Ю.В.* Принципы административно-правового регулирования статуса негосударственных организаций // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2018. № 4. С. 64–69.

18. *Юсупов В.А.* Теория административного права. М.: Юридическая литература, 1985. 160 с.

19. *Галлиган Д., Полянский В.В., Старилов Ю.Н.* Административное право: история развития и основные современные концепции. М.: Юрист, 2002. 410 с.

20. *Манохин В.М., Аникин С.Б., Волкова Л.П.* Совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в условиях изменяющейся России: административно-правовой аспект. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. 184 с.

References

1. *Ognetov V.V.* Essence and Principles of State Policy in the Field of Motor Transport Management // *Agrarian and land law*. 2019. No. 3. P. 32–41.

2. *Lizogub R.P.* Principles of Formation and Functioning of the Mechanism of Public Administration of Urban Passenger Transport // Collection of scientific works of the "Economics" series. 2020. No. 17. P. 76–84.

3. *Zherebtsov A.N.* Public Administration Issues in the Sphere of Transport Facilities and Transport Infrastructure in the Russian Federation // Essays on the latest cameralistics. 2021. No. 4. P. 6–17.

4. *Kozlov Yu.P.* Principles and Methodology for Implementing the Main Provisions of the Law on Transport Security (ending) // Transport of the Russian Federation. 2007. No. 9(9). P. 50–55.

5. *Senyakin I.N.* Federalism as a Principle of Russian Legislation. Saratov: Publishing House of the State Educational Institution of Higher Professional Education "Saratov State Academy of Law," 2007. 504 p.

6. *Kononov A.L.* On the General Principles of Law in French and Belgian Judicial Practice in Administrative Cases // State and Law. 2001. No. 3. P. 82–86.

7. *Kornev A.V., Borisov A.V.* Legal Thought and Legal Education in Pre-revolutionary Russia: textbook. Moscow: Eksmo, 2005. 288 p.

8. *Dmitriev S.N.* Innovations in the Legislation on Transport Security // Transport Law. 2014. No. 4. P. 3–7.

9. *Muzykankina Yu.A.* The Problem of the Legal Responsibility of the State to the Individual in the History of Legal Doctrines: extended abstract diss. ... Cand. of Law. Saratov, 2007. 30 p.

10. *Matuzov I.N., Petrov M.P.* Legal Principle of Responsibility of Public Authority. Public Power: Problems of Implementation and Responsibility / ed. N.I. Matuzova, O.I. Tsybulevskaya. Saratov: Publishing House of the State Educational Institution of Higher Vocational Education "Saratov State Law Academy," 2011. 526 p.

11. *Ryazanov N.S.* To the Question of the Relationship Between the Concepts of "Security" and "Transport Security" // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2017. No. 3. P. 89–94.

12. *Zaikova S.N.* Administrative and Legal Support of Transport Security in the CIS Countries // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 5. P. 114–122.

13. Theory of Administrative Law / V.A. Yusupov. Moscow: Legal literature, 1985. 160 p.

14. *Starilov Yu.N.* General Administrative Law Course. In 3 vols. T. I: History. The science. Subject. Norms. Legal subjects. Moscow: Publishing house "NORMA," 2002. P. 368.

15. *Kalyuzhny Yu.N.* Theoretical and Legal Approaches to Determining the principles of Ensuring Road Safety in the Russian Federation // Administrative and municipal law. 2016. No. 11. P. 902–909.

16. *Koryakin V.M.* Principles of Transport Law // Transport law. 2016. No. 1. P. 3–6.

17. *Soboleva Yu.V.* Principles of Administrative and Legal Regulation of the Status of Non-Governmental organizations // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 4. P. 64–69.

18. Yusupov V.A. Theory of Administrative Law. Moscow: Legal literature, 1985. 160 p.

19. *Galligan D., Polyansky V.V., Starilov Yu.N.* Administrative Law: the History of Development and Basic Modern Concepts. Moscow: Lawyer, 2002. 410 p.

20. *Manokhin V.M., Anikin S.B., Volkova L.P.* Joint Management of the Russian Federation and the Sub-Federal Entities of the Russian Federation in the Context of a Changing Russia: Administrative and Legal Aspect. Saratov: Publishing House of the State Educational Institution of Higher Professional Education "Saratov State Law Academy." 2009. 184 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-122-130

УДК 342.591

А.В. Колесников

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС УДАЛЕНИЯ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Введение: регулярные изменения в законодательстве о местном самоуправлении и формирование публичной власти направлены на создание конструкции централизации власти и организационной зависимости органов нижестоящего уровня от вышестоящих структур управления. Прежде всего, этот процесс направлен на формирование контролируемости и зависимости органов местного самоуправления от органов государственной власти. Такая концепция заложена не только в нормы ответственности органов и должностных лиц перед государством, но и в положения, призванные регулировать ответственность в самой системе местного самоуправления. **Цель:** освещение нового взгляда на организующую сущность института удаления главы муниципального образования. **Методологическая основа:** изучение материала проводилось с помощью метанаучных средств, метода формальной логики, дедукции и специально-юридического исследования. **Результаты:** выявлены формы воздействия Главы субъекта РФ на процедуру удаления главы муниципалитета местным представительным органом. **Выводы:** степень влияния Главы субъекта РФ на удаление главы муниципального образования необоснованно велика и неадекватна природе удаления, как основному виду муниципально-правовой ответственности. Необходимо ограничение участия Главы субъекта РФ лишь возможностью инициировать удаление за ненадлежащее исполнение отдельных государственных полномочий.

Ключевые слова: удаление, глава муниципального образования, Глава субъекта РФ, ответственность, публичная власть, представительный орган муниципального образования.

A. V. Kolesnikov

STATE INFLUENCE ON THE PROCESS OF REMOVING THE HEAD OF THE MUNICIPALITY

Background: regular changes in the legislation on local self-governance and the formation of public authority are aimed at creating a structure of centralization of power and organizational dependence of lower-level bodies on higher-level government structures. First of all, this process is aimed at the formation of controllability and dependence of local self-government bodies on public authorities. This concept is embedded not only in the norms of responsibility of bodies and officials to the state, but also in the provisions designed to regulate responsibility in the system of local government itself. **Objective:** formation of a new view on the organizing essence of the institute of removal of the

© Колесников Андрей Владимирович, 2022
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права
(Саратовская государственная юридическая академия)

© Kolesnikov Andrey Vladimirovich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law
(Saratov State Law Academy)

head of the municipality. Methodology: the study of the material was carried out using meta-scientific means, the method of formal logic, deduction and special legal research. Results: the forms of influence of the head of a subject of the Russian Federation on the procedure of removal of the head of a municipality by the local representative body have been revealed. Conclusions: the degree of influence of the Head of a constituent entity of the Russian Federation on the removal of the head of a municipal entity is unreasonably large and inadequate to the nature of removal as the main type of municipal legal responsibility. It is necessary to limit the participation of the head of a constituent entity of the Russian Federation to the possibility of initiating removal for improper execution of certain state powers.

Key-words: *removal, head of a municipality, Head of a subject of the Russian Federation, responsibility, public authority, representative body of a municipality.*

Высшее должностное лицо субъекта РФ (далее — Глава субъекта РФ) имеет серьезные рычаги влияния на удаление главы муниципального образования (далее — Глава МО). Статья 70 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 30 декабря 2021 г.)¹ (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ) определяет (в общем виде) субъекты публичной власти, перед которыми органы местного самоуправления и муниципальные должностные лица несут ответственность, и относит к ним: население, государство, физические и юридические лица. С внесением в 2009 г.² в Федеральный закон № 131-ФЗ института удаления, вышеуказанная норма не была дополнена представительным органом. Следовательно, удаление Главы МО представительным органом следует рассматривать как разновидность муниципальное-правовой ответственности перед населением. Основания удаления закреплены в п. 1–5 ч. 2 ст. 74.1. На сегодня существует 5 действующих оснований удаления. Внесенный 16 декабря 2021 г. в Госдуму РФ Проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»³ (далее — Законопроект № 40361-8) в п. 1–5 ч. 3 ст. 21 содержит аналогичные основания удаления. Пункт 6 ч. 3 ст. 21 законопроекта предполагает в дальнейшем дополнение оснований положением о систематическом не достижении показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления. Это конкретное, объективное и закономерно вытекающее из смысла публичной власти основание. Однако это мало меняет процедуру удаления.

Несмотря на муниципальный характер удаления, исследование этой формы ответственности приводит к выводу, что решение (мнение) Главы субъекта РФ, участвующего в данном процессе имеет высокую, а в отдельных случаях, решающую степень влияния на принятие представительным органом окончательного решения. Некоторые стадии удаления полностью зависимы от его дискреции. Это превращает удаление Главы МО в гибрид ответственности перед населением

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.

² См.: Федеральный закон от 7 мая 2009 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 19, ст. 2280.

³ См.: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 27.12.2021).

(в лице представительного органа) и государством. Об этом свидетельствует ряд факторов:

1. Глава субъекта РФ наделен правом инициативы удаления по всем пяти основаниям, хотя логически оно должно распространяться только на некоторые из них:

а) неисполнение в течение трех и более месяцев полномочий по осуществлению отдельных государственных полномочий, поскольку контроль над их реализацией осуществляется органами государственной власти субъекта РФ;

б) несоблюдение обязанностей, ограничений и запретов, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹ (далее — Федеральный закон № 273-ФЗ) и Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»² (далее — Федеральный закон № 79-ФЗ). Это право вытекает из полномочий Главы субъекта РФ по проверке достоверности и полноты необходимых сведений и «обращению с заявлением о досрочном прекращении полномочий лица, замещающего муниципальную должность, или применении в отношении его иного дисциплинарного взыскания в орган местного самоуправления, уполномоченный принимать соответствующее решение, или в суд»³ в случае нарушения положений вышеуказанных законов лицом, занимающим муниципальную должность. С целью формирования алгоритма реализации такой компетенции субъекты РФ принимают свое законодательство⁴, а Глава субъекта РФ, определяет «порядок принятия решения об осуществлении контроля за расходами»⁵ подконтрольных лиц.

2. Включение оснований ответственности перед государством, содержащихся в п. 2 и 3 ч. 1 ст. 75 (статья о временном осуществлении полномочий местного самоуправления органами государственной власти) в состав оснований удаления Главы МО, содержащихся в п. 1 ч. 2 ст. 74.1 имеет два организационных противоречия:

а) данное комплексное основание представляет собой диффузию нарушений в муниципальной и государственной сферах. Пункт 2 ч. 1 ст. 75 устанавливает

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации, 2008, № 52, ч. I, ст. 6228.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации, 2013, № 19, ст. 2306.

³ См. ч. 4.4, 4.5 ст. 12.1 Федерального закона № 273-ФЗ.

⁴ См., например: Закон Саратовской области от 29 декабря 2006 г. № 155-ЗСО «О противодействии коррупции в Саратовской области» (в ред. от 27 апреля 2020 г.) // Саратовская областная газета 2007. № 10 (1784); Собр. законодательства Саратовской области. 2020. № 4.

⁵ См., например: Постановление Губернатора Саратовской области от 7 июня 2013 г. № 226 «Об утверждении Положения о порядке принятия решения об осуществлении контроля за расходами лиц, замещающих государственные должности Саратовской области, муниципальные должности, должности государственной гражданской службы Саратовской области, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, должности муниципальной службы Саратовской области, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей» (в ред. от 10 августа 2021 г.) // Кодекс. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/933022112> (дата обращения: 14.09.2021).

санкцию за плохую организацию муниципальной власти, повлекшую просроченную задолженность муниципального образования перед кредиторами, а п. 3 ч. 1 ст. 75 предусматривает ответственность за деликт перед государством в виде нецелевого расходования государственных субвенций. Однако и в том, и в других случаях без согласия Главы субъекта РФ удалить Главу МО нельзя. Таким образом, основания ответственности перед государством переплетаются с основаниями ответственности перед муниципальным образованием, а Глава субъекта РФ наделяется дополнительно полномочиями «согласования удаления» за нарушения чисто муниципального характера. В итоге получается завуалированный фьюжн ответственности Главы МО перед государством и муниципальным образованием. Это характеризует удаление не только как ответственность Главы МО перед представительным органом, но и как дополнительный механизм для Главы субъекта РФ по лишению полномочий высшего должностного лица местного самоуправления. И хотя видимость ответственности перед представительным органом сохраняется, санкция применяется под жестким контролем (возможно устным прессингом) со стороны Главы субъекта РФ.

б) с одной стороны, в случае возникновения оснований, закрепленных в п. 2 и 3 ч. 1 ст. 75 Федерального закона № 131-ФЗ Глава субъекта РФ может одновременно ввести режим временного осуществления органами государственной власти полномочий местного самоуправления и инициировать удаление главы муниципального образования в отставку. С другой стороны, ч. 5 ст. 74.1 позволяет ему перечеркнуть инициативу удаления, выдвинутую представительным органом в случае возникновения соответствующих оснований и не согласиться с возможностью удаления Главы МО.

Из этого можно сделать следующие выводы:

ст. 74.1 Федерального закона № 131-ФЗ закрепляет ответственность не только перед муниципалитетом, но и перед Главой субъекта РФ;

удаление во многом зависит от дискреции Главы субъекта РФ;

основания удаления, закрепленные в ч. 2 ст. 74.1 (за исключением п. 4 ч. 2 ст. 74.1 и п. 3 ч. 1 ст. 75) не являются деликтом. Они выступают в качестве оснований ответственности за плохую организацию процесса публичной власти, повлекшую различные негативные последствия, либо регресс муниципального развития, поскольку п. 3 ч. 2 ст. 74.1 устанавливает вариант ответственности главы муниципалитета перед представительным органом за неудовлетворительную оценку его деятельности. Такая «оценка деятельности органов местного самоуправления при осуществлении контрольных полномочий представительного органа может быть различной и связана с дискрецией этого органа»¹, которая, в свою очередь, так или иначе связана с вопросами организации власти, взаимодействия с представительным органом муниципалитета и органами государственной власти.

3. Некоторые споры возникают в связи с применением в качестве ответственности п. 3 ч. 1 ст. 75 Федерального закона № 131-ФЗ. По мнению отдельных ученых «нецелевое расходование бюджетных средств содержит в себе признаки

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 114-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кондратенко Анатолия Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 10 части 10 и части 11.1 статьи 35, пункта 3 части 2 статьи 74.1 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». Доступ из справ.-правовой системы «Право.ру».

уголовного преступления, предусмотренного ст. 285.1 Уголовного кодекса РФ, что влечет применение мер уголовной ответственности и является самостоятельным основанием для досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования. В связи с этим спорным представляется дублирование указанных оснований для удаления главы муниципального образования в отставку и оснований для досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования» [1, с. 66]. Другие исследователи отмечают, что «одной и той же диспозиции соответствуют разные санкции. Их применение зависит от усмотрения правоприменителя» [2, с. 19], поэтому данные нормы «не соответствуют критерию четкости и определенности» [3, с. 28]. Вместе с тем не стоит забывать, что данное деяние становится уголовным преступлением только при условии, что минимальная сумма нецелевых расходов составляет 1,5 млн руб. Если эта сумма меньше, то применяется ст. 15.14 КоАП РФ. Рассмотрение вышеуказанных норм в системном единстве позволяет сделать вывод, что если нецелевое расходование бюджетных средств будет квалифицировано как преступление, и по нему будет вынесен обвинительный приговор суда, то это будет основанием досрочного прекращения полномочий Главы МО (как и любого другого выборного лица) без применения процедуры удаления. Однако, если это деяние будет квалифицировано как административное правонарушение, то оно станет основанием удаления главы МО, поэтому о неопределенности и усмотрении при назначении наказания для должностного лица здесь речь не идет.

4. Часть 4 ст. 74.1, дает право Главе субъекта РФ выразить мнение по поводу удаления Главы МО. Такое право имеет рекомендательный характер. На это обращал свое внимание Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ). По мнению судей, это право «призвано обеспечить надлежащее взаимодействие органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления в решении вопросов, затрагивающих права и законные интересы граждан, и определяется необходимостью оказания органами государственной власти субъекта Российской Федерации содействия развитию местного самоуправления (п. 3 ст. 1 Федерального закона № 184-ФЗ)¹. Несмотря на рекомендательные свойства, мнение Главы субъекта РФ обладает побудительной психологической сущностью. Нижестоящие по уровню власти должностные лица всегда чутко относятся к точке зрения вышестоящих должностных лиц. Мнение Главы субъекта РФ может либо упрочить желание местных депутатов и пополнить их количество в голосовании за удаление, либо вызвать сомнение в правильности собственного мнения и уменьшить количество народных избранников, голосующих за прекращение деятельности Главы МО.

В совокупности получается формат организационно-политического правового взаимодействия представительного органа муниципального образования и высшего должностного лица субъекта РФ, в котором сам Глава МО играет достаточно пассивную роль подвластного субъекта, зависимого от дискреций других органов. Порядок выражения мнения Главой субъекта РФ в законе не

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 1464-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Льговского городского Совета депутатов Курской области на нарушение конституционных прав и свобод положениями части 13 статьи 35, пункта 2 части 4 статьи 36, пункта 2 части 2 и части 4 статьи 74.1 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

отражен. Это позволяет ему или законодательному органу субъекта РФ сформировать механизм, позволяющий оказывать влияние на удаление. Это могут быть нормы, растягивающие процесс выражения мнения на достаточно длительное время, которое даст возможность переубедить депутатов.

5. Часть 5 ст. 74.1 Федерального закона № 131-ФЗ позволяет Главе субъекта РФ вообще не давать согласие представительному органу на удаление Главы МО.

Нацеленный на решение государственных полномочий и поручений, ценный Главой субъекта РФ, но бесполезный в плане развития муниципального образования Глава МО, допускающий просроченные задолженности и нецелевое использование бюджетных средств, может осуществлять свои полномочия до тех пор, пока не лишится покровительства Главы субъекта РФ, либо пока не будет обвинительного приговора суда.

Это обстоятельство, во-первых, позволяет ему снизить активность по осуществлению вопросов местного значения и сосредоточить деятельность на государственных поручениях.

Во-вторых, резко минимизирует ценность удаления, как инструмента организации власти на местном уровне, превращая его в очередной организационный механизм взаимодействия с государством.

В-третьих, не способствует основной конституционной цели — осуществлению «взаимодействия для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»¹.

Вероятно поэтому федеральный законодатель, формулируя условия государственного участия в процессах удаления главы МО, закрепил ряд гарантий, защищающих от чрезмерного участия Главы субъекта РФ и препятствующих превращению муниципальной ответственности в очередную форму ответственности Главы МО перед государством.

Гарантированной защитой от произвольного толкования оснований удаления субъектами инициативы являются:

срок неисполнения обязанностей Главой МО должен быть не менее трех месяцев;

применение множественного числа в термине «обязанности» в п. 2 ч. 2 ст. 74.1, по мнению А.В. Игнатова, «свидетельствует о невозможности применения указанной нормы в случае неисполнения главой одной из своих обязанностей» [4, с. 889].

Об этом также свидетельствует разнообразная судебная практика. Последовавшие за появлением ст. 74.1 в Федеральном законе № 131-ФЗ тенденции по удалению Глав МО за неподписанные акты, за невыполнение некоторых обязанностей, не влекущих за собой вредных для муниципального образования последствий, за вменение в качестве основания невыполнение обязанностей менее трех месяцев, стали предметом рассмотрения различных судов. Определением КС РФ от 2 ноября 2011 г. № 1464-О-О² были закреплены гарантии защиты Главы МО, в соответствии с которыми были сформулированы следующие правила:

¹ См. ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 1464-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Льговского городского Совета депутатов Курской области на нарушение конституционных прав и свобод положениями части 13 статьи 35, пункта 2 части 4 статьи 36, пункта 2 части 2 и части 4 статьи 74.1 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ответственность по основанию п. 2 ч. 2 ст. 74.1 Федерального закона № 131-ФЗ возможна только при полном неисполнении им всех обязанностей по решению вопросов местного значения;

не подписание правового акта или его не обнародование в течение продолжительного периода должно, прежде всего, стать предметом судебного разбирательства в соответствии со ст. 78 Федерального закона № 131-ФЗ;

кассационным определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21 октября 2020 г. № 88а-16008/2020¹ было также сформулировано третье правило, согласно которому высшее должностное лицо субъекта РФ, давшее официальное согласие на удаление Главы МО в отставку, является заинтересованным лицом и должно быть привлечено по инициативе суда к участию в судебном разбирательстве. Там он должен дать мотивированную оценку деятельности Главы МО.

Учитывая, что Глава субъекта РФ самостоятельно не удаляет Главу МО, но имеет организационно-правовые инструменты доведения такого процесса до желаемого результата, процедуру удаления нельзя безоговорочно причислить к муниципально-правовой ответственности. Статья 74.1 закрепляет гибридные основания ответственности перед муниципальным образованием и перед государством. «Анализ складывающейся правоприменительной практики показывает, что механизм удаления в отставку пытаются использовать для сведения счетов с независимым и самостоятельным главой муниципального образования» [5, с. 19]. Иногда этот процесс перерастает в действия, обладающие признаками насильственного захвата власти (ст. 278 УК РФ) как в ситуации, произошедшей в г. Гороховец Владимирской области, описанной профессором Е.С. Шугриной [6, с. 7–14]. Исследователь института удаления Главы МО Н.Ю. Давыдова отмечает: «Его задача — расширение пределов и форм государственного вмешательства в деятельность органов местного самоуправления, непосредственное влияние государственных органов субъектов Федерации, а именно высшего должностного лица субъекта на кадровую политику в муниципальном образовании» [7, с. 69].

Статья об удалении Главы МО принята гораздо раньше ч. 1.1 ст. 131 Конституции РФ. При ее разработке явно проигнорированы положения ст. 12 и ч. 1 ст. 131 Основного Закона России. С ее появлением статус Главы МО стал еще более зависим от Главы субъекта РФ. Увеличилась зависимость и от представительного органа. Если возможность смены председателя представительного органа существовала всегда, то появление института удаления изменило соотношение сил в системе муниципальной власти и упразднило возможность создания классической модели управления «сильный мэр — слабый Совет», используемой во многих странах мира. Допустимость досрочного лишения полномочий высшего должностного лица представительным органом, заранее ставит Главу МО в ранг «слабых мэров» независимо от способа замещения должности. Ключевая роль в этом процессе Главы субъекта РФ, не только укрепляет зависимость Главы МО от руководителя региона, но и возводит представительный орган муниципалитета

¹ См.: Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21 октября 2020 г. № 88а-16008/2020 «Об оставлении без изменения апелляционного определения судебной коллегии по административным делам Верховного суда Республики Карелия от 11 августа 2020 г., которым признано незаконным решение Совета Сортавальского городского поселения от 2 июля 2020 г. № 8 „Об удалении Главы муниципального образования „Сортавальское городское поселение „в отставку”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в ранг исполнителя чужой воли, не способного принять кадровое решения без согласия или (как минимум) согласования с Главой субъекта РФ. Не случайно Совет местных и региональных властей Совета Европы еще в 2010 г. в рекомендациях России по организации местного самоуправления, в первую очередь советовал «отменить недавние поправки к статье 74 закона 131-ФЗ в отношении увольнения в отставку мэров с тем, чтобы гарантировать мэрам возможность свободно осуществлять свои полномочия, не опасаясь вмешательства или политического давления со стороны муниципальных советов или губернаторов»¹.

Таким образом, организационная функция института удаления Главы МО, формируемая им конструкция взаимодействия представительного органа с государством в наше время важна не меньше, а, возможно и больше, нежели карательная и правоохранительная.

Резюмируя современные характеристики удаления Главы МО, считаем справедливым мнение Е.С. Шугриной, отмечающей при удалении «смещение ответственности перед населением с ответственностью перед государством» [8, с. 1805]. А.В. Филиппова, также обращает внимание на то, что институт удаления «в юридической литературе зачастую получает ошибочно однозначную оценку только в качестве меры муниципально-правовой ответственности. При этом учитывается лишь то обстоятельство, что решение об удалении в отставку принимает представительный орган муниципального образования, а основания наступления ответственности исследуются недостаточно» [9, с. 34]. Отсюда следует вывод, что данный вид ответственности по субъектам, участвующим в принятии решения об удалении Главы МО и по большинству оснований (за исключением п. 1 и п. 3 ч. 2) можно охарактеризовать как гибридную государственно-муниципальную организационно-политическую ответственность.

Задача применения института удаления только в качестве средства оптимизации муниципального управления и невозможности превращения его в инструмент политической репрессии, может быть решена с помощью минимизации участия Главы субъекта РФ в процессе удаления Главы МО. Для этого необходимо:

основания удаления, закрепленные в п. 1 и п. 4 ч. 2 ст. 74.1, перенести в ст. 74 и сделать основаниями отрешения от должности;

ограничить Главу субъекта РФ возможностью выступить в качестве инициатора удаления только в случае невыполнения отдельных государственных полномочий.

И поскольку «органы государственной власти и органы местного самоуправления осуществляют свою деятельность независимо» [10, с. 110], остальное участие Главы субъекта РФ (в том числе выявление его мнения или получение согласия) необходимо исключить из процесса удаления.

Библиографический список

1. Соловьёв С.Г. К вопросу о содержании правовой конструкции удаления в отставку главы муниципального образования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 65–68.

¹ Местная и региональная демократия в Российской Федерации. Рекомендация Конгресса местных и региональных властей 297 (2010) // Совет Европы. Отчеты о мониторинге и наблюдении за выборами. 19 сессия. Обсуждена и принята Конгрессом 28 октября 2010 г., на третьем заседании. URL: <https://rm.coe.int/-/1680719ba9> (дата обращения: 20.05.2021).

2. *Шугрина Е.С.* Законодательство о местном самоуправлении: анализ состояния и тенденции развития // *Муниципальное право.* 2014. № 4. С. 2–19.
3. *Шугрина Е.С.* Новый этап реформирования местного самоуправления: будут ли обращения в Конституционный Суд? // *Журнал конституционного правосудия.* 2015. № 1. С. 25–31.
4. *Игнатов А.В.* Удаление главы муниципального образования в отставку: некоторые вопросы применения // *Научные труды РАЮН.* Вып. 11: в 2 т. 2011. Т. 1. С. 896–900.
5. *Шугрина Е.С.* Удаление главы в отставку: как, за что и в какие сроки? // *Глава местной администрации.* 2011. № 3. С. 17–29.
6. *Шугрина Е.С.* Почему механизм удаления глав муниципальных образований в отставку приводит к существенным нарушениям прав на местное самоуправление // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2011. № 5. С. 7–14.
7. *Давыдова Н.Ю.* Институт удаления главы муниципального образования в отставку // *Адвокат.* 2009. № 12. С. 67–70.
8. *Шугрина Е.С.* Удаление главы муниципального образования в отставку: проблемы законодательного регулирования и правоприменительная практика // *Право и политика.* 2009. № 9. С. 1800–1806.
9. *Филиппова А.В.* Границы муниципально-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2018. № 11. С. 30–35.
10. *Виноградова Е.В.* Институционализация доктрины публичной власти в конституционном пространстве современной России // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2021. № 3.1 (85). С. 109–119.

References

1. *Soloviev S.G.* On the Issue of the Content of the Legal Structure of the Dismissal of the Head of a Municipal Formation // *Constitutional and municipal law.* 2011. No. 5. P. 65–68.
2. *Shugrina E.S.* Legislation on Local Self-Government: Analysis of the State and Trends of Development // *Municipal law.* 2014. No. 4. P. 2–19.
3. *Shugrina E.S.* A New Stage of Local Self-Government Reform: Will There Be Appeals to the Constitutional Court? // *Journal of Constitutional Justice.* 2015. No. 1. P. 25–31.
4. *Ignatov A.V.* Removal of the Head of the Municipality to Resign: Some Issues of Application // *Scientific works of RAYUN.* Issue 11. In 2 t. 2011. T. 1. P. 896–900.
5. *Shugrina E.S.* Removal of the Head to Resign: How, for What and in What Terms? // *Head of the local administration.* 2011. No. 3. P. 17–29.
6. *Shugrina E.S.* Why the Mechanism of Removing Heads of Municipalities to Resign Leads to Significant Violations of the Rights to Local Self-Government // *State Power and Local Self-Government.* 2011. No. 5. P. 7–14.
7. *Davidova N.Yu.* Institute of Removal of the Head of the Municipality to Resign // *Lawyer.* 2009. No. 12. P. 67–70.
8. *Shugrina E.S.* Removal of the Head of the Municipality to Resign: Problems of Legislative Regulation and Law Enforcement Practice // *Law and politics.* 2009. No. 9. P. 1800–1806.
9. *Filippova A.V.* Boundaries of Municipal Legal Responsibility as an Independent Type of Legal Responsibility // *State Power and Local Self-Government.* 2018. No. 11. P. 30–35.
10. *Vinogradova E.V.* Institutionalization of the Doctrine of Public Power in the Constitutional Space of Modern Russia // *Legal Policy and Legal Life.* 2021. No. 3.1 (85). P. 109–119.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-131-137

УДК 342.9.01

Е.В. Китрова

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СТРУКТУРЫ ПРОГРАММ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В АСПИРАНТУРЕ

Введение: на современном этапе в условиях кардинальной модернизации программ аспирантуры особое место занимает переход от Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования уровень высшего образования — программ подготовки кадров высшей квалификации к Федеральным государственным требованиям к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (далее соответственно — ФГОС ВО, ФГТ). **Цель:** на основе сравнительного анализа ФГОС ВО и ФГТ выявить направления совершенствования подготовки аспирантов с учетом государственной политики в сфере науки и высшего образования. **Методологическая основа:** общенаучные и частнонаучные (логико-юридический, сравнительно-паровой) методы познания. **Результаты:** выявлены современные ориентиры, характеризующиеся построением индивидуальных траекторий, адаптированных под каждого конкретного аспиранта, необходимых для повышения его научной результативности. **Выводы:** в ходе исследования сформулированы предложения, направленные на совершенствование структуры программ аспирантуры, целью обучения по которым является непосредственно подготовка и защита кандидатской диссертации.

Ключевые слова: аспирантура, федеральные государственные стандарты высшего образования, федеральные государственные требования, защита кандидатской диссертации.

E.V. Kitrova

ON THE ISSUE OF CHANGING THE STRUCTURE OF POSTGRADUATE TRAINING PROGRAMS FOR SCIENTIFIC AND SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL PERSONNEL

Background: at the present stage in the conditions of cardinal modernization of postgraduate programs the transition from the Federal state educational standards of higher education - training programs of higher qualification to the Federal state requirements to the structure of training programs for scientific and scientific-pedagogical personnel in graduate school (hereinafter — FGOS VO, FGT) takes a special place. **Objective:** on the basis of a comparative analysis of the Federal State Educational Standard and the Federal State Educational Institution to identify areas for improving postgraduate training, taking into account state policy in the field of science and higher education.

© Китрова Екатерина Валерьевна, 2022
Старший преподаватель кафедры административного и муниципального права, соискатель кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Kitrova Ekaterina Valeryevna, 2022
Senior Lecturer of the Department of Administrative and Municipal Law, Applicant degree of the Department of Administrative and Municipal Law (Saratov State Law Academy)

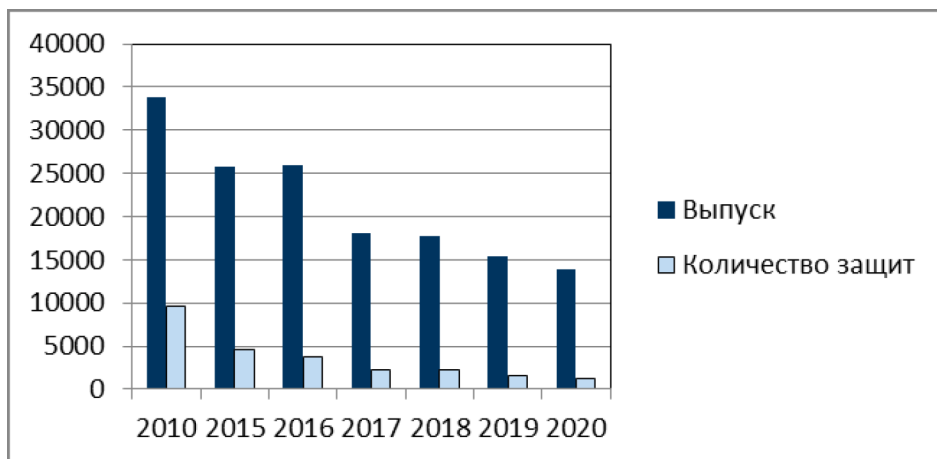
Methodology: *general scientific and private scientific (logical-legal, comparative-steam) methods of cognition. Results: modern guidelines, characterized by the construction of individual trajectories, adapted to each individual graduate student, necessary to improve his scientific performance, have been identified. Conclusions: the study formulated proposals aimed at improving the structure of postgraduate programs, the purpose of training for which is the direct preparation and defense of a candidate dissertation.*

Key-words: *postgraduate studies, federal state standards of higher education, federal state requirements, PhD thesis defense.*

В 2021 году произошли серьезные изменения в правовом регулировании подготовки кадров высшей квалификации. Вступили в силу нормативные правовые акты, регламентирующие порядок обучения в аспирантуре, подготовки и защиты диссертаций. Едва ли не главную роль в данной области играет переход от Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования уровень высшего образования — программ подготовки кадров высшей квалификации (далее — ФГОС ВО) к Федеральным государственным требованиям к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (далее — ФГТ).

Вступивший в действие 1 марта 2022 г. Приказ «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов)» предоставляет больше гибкости и маневренности при выстраивании индивидуальных траекторий, адаптированных под каждого конкретного аспиранта, необходимых для повышения его научной результативности.

Дискуссии о необходимости изменения подхода к подготовке кадров в аспирантуре ведутся давно. Как показывает статистика, переход к ФГОС ВО и изменение программ аспирантуры в сторону существенного увеличения образовательной составляющей, в ущерб научной, а также завершение обучения без обязательной защиты диссертации, не принесли ожидаемых результатов. Обращает на себя внимание тот факт, что количество защит диссертаций выпускниками аспирантуры не только не осталось на прежнем уровне, но значительно снизилось. Так, по официальным данным Федеральной службы государственной статистики речь идет о постоянном снижении эффективности работы аспирантуры. Если учитывать процент защит аспирантов от выпуска, то он критически снизился (2010 год — 28,4%; 2020 год — 9%) [1, с. 72]. Шкала эффективности аспирантуры в период с 2010 по 2020 гг. выглядит следующим образом:

(по данным федеральной службы государственной статистики [1, с. 72]).

В целом вся структура Федеральных государственных требований указывает на приоритет научной составляющей и на то, что основной целью обучения в аспирантуре является подготовка и защита кандидатской диссертации, а не процесс обучения. Это доказывает целый ряд признаков.

Так, программы аспирантуры (адъюнктуры) разрабатываются по научным специальностям, предусмотренным номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утверждаемые Министерством науки и высшего образования Российской Федерации¹, в то время как в соответствии с ФГОС ВО программы аспирантуры реализуются по направлениям подготовки и профилям (направленностям)², которые устанавливаются образовательными организациями самостоятельно и не имеют ничего общего с научными специальностями.

Организации, реализующие программы аспирантуры (адъюнктуры) в соответствии с ФГТ, должны осуществлять научную (научно-исследовательскую) деятельность, в том числе выполнять фундаментальные и (или) поисковые, и (или) прикладные научные исследования, обладать научным потенциалом по группам научных специальностей, по которым реализуются программы аспирантуры. Осуществление научной деятельности должно быть предусмотрено уставом организации³. В то время как получение образования по программам аспирантуры в

¹ См.: Приказ Минобрнауки России от 20 октября 2021 г. № 951 «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктура), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов)» (зарегистрировано в Минюсте России 23 ноября 2021 г. № 65943). URL: <http://pravo.gov.ru>, (дата обращения: 02.03.2022).

² См., например: Приказ Минобрнауки России от 5 декабря 2014 г. № 1538 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации)» (в ред. от 30 апреля 2015 г.) (зарегистрировано в Минюсте России 25 декабря 2014 г. № 35395). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2022).

³ См.: Приказ Минобрнауки России от 20 октября 2021 г. № 951 «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктура), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов)» (зарегистрировано в Минюсте России 23 ноября 2021 г. № 65943). URL: <http://pravo.gov.ru>, (дата обращения: 02.03.2022).

соответствии с ФГОС ВО допускается в образовательных организациях высшего образования, организациях дополнительного профессионального образования, научных организациях.

В соответствии с ФГОС ВО аспирант получает образование по программе аспирантуры и проходит обучение, когда как в ФГТ говорится об освоении программы аспирантуры (адъюнктуры).

Статья 2 Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» определяет обучение как целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни¹.

С.И. Ожегов дает толкование слову обучение (учить, учиться), как основному пути получения образования, специальности, процессу усваивания и запоминания каких-либо знаний, умений и навыков под руководством педагогов, мастеров, наставников. Обучением (учением) называют процесс передачи кому-либо имеющихся у вас знаний, навыков, умений [2, с. 812].

Термин освоение (освоить) означает вполне овладеть чем-нибудь, научившись пользоваться, распоряжаться, обрабатывать [2, с. 443]. А.С. Ахиезер считает, что освоение — это способность человека в процессе своей воспроизводственной деятельности преобразовывать ранее накопленное богатство культуры в содержание своей личностной культуры, сознания, деятельности, внешнее делать внутренним [3, с. 56].

Таким образом, можно сделать вывод, что государственные федеральные требования определяют подготовку научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) не столько как процесс получения определённых знаний, навыков, умений, а как процесс их преобразования в способность заниматься научно-исследовательской деятельностью и достигнуть конкретного научного результата (подготовить и защитить диссертацию).

Согласно федеральным государственным требованиям, структура программы аспирантуры состоит из научного компонента, образовательного компонента и итоговой аттестации. Вся структура программы аспирантуры указывает на то, что она в большей степени нацелена не на образовательную, а на научную деятельность и подготовку кандидатской диссертации. Приоритетное значение имеет научный компонент, который включает в себя:

научную деятельность, направленную на подготовку диссертации к защите;

подготовку публикаций и (или) заявок на патенты на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, свидетельства о государственной регистрации программ для электронных вычислительных машин, баз данных, топологий интегральных микросхем, предусмотренных абзацем четвертым пункта 5 федеральных государственных требований;

промежуточную аттестацию по этапам выполнения научного исследования.

В ФГТ образовательный компонент сведен к минимуму и включает в себя дисциплины (модули), в том числе элективные, факультативные дисциплины (модули) (в случае включения их в программу аспирантуры (адъюнктуры) и

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. I, ст. 7598.

(или) направленные на подготовку к сдаче кандидатских экзаменов), а также практику. Однако связи с явным усилением научного компонента и ориентированностью на обязательную подготовку диссертационного исследования, видится необходимым предусмотреть только обязательные дисциплины, направленные на подготовку к сдаче кандидатских экзаменов, исключив дополнительный объем в образовательном компоненте.

В отличие от ФГОС ВО, которым устанавливались виды и способы прохождения практик, федеральные государственные стандарты предусматривают для организаций самостоятельный порядок определения видов и способов проведения практики, однако здесь также является необходимостью установление обязательного вида практики — педагогической, так как программы аспирантуры направлены на подготовку не только научных, но и научно-педагогических кадров.

Можно без всякого преувеличения признать тот факт, что подготовка научных и научно-педагогических кадров по новым требованиям, снова возвращается к «немецкой модели наставничества, где аспирант занимается исследованием под руководством научного руководителя и полностью несет ответственность за свой успех или неудачу в продвижении к искомой степени. Текущая модель российской аспирантуры в большей степени соответствует типу аспирантских программ, которые в зарубежной практике получили название «структурированных», то есть программ, в рамках которых не только научный руководитель, но и другие сотрудники и преподаватели кафедры (департамента) отслеживают прогресс и профессиональный рост аспиранта, назначают ему конкретный план прохождения обучения и следят за его выполнением» [4, с. 54–66].

Однозначно можно сделать вывод, что успешное обучение в аспирантуре должно заканчиваться защитой диссертации и присвоением выпускнику ученой степени кандидата наук. Программа аспирантуры в соответствии с ФГТ предусматривает итоговую аттестацию по программам аспирантуры (адъюнктуры), которая проводится в форме оценки диссертации на предмет ее соответствия критериям, установленными в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике»¹, в то время как выпускник аспирантуры, обучающийся по ФГОС ВО, должен в процессе обучения овладеть рядом компетенций и успешно пройти государственную итоговую аттестацию, порядок которой установлен приказом Минобрнауки России². Предусмотренная в федеральных государственных требованиях процедура итоговой аттестации не регламентирована. Полагаем, что необходимо определить: кто устанавливает порядок проведения итоговой аттестации (самостоятельно образовательная организация или Министерство науки и высшего образования РФ соответствующим приказом); как формируется состав комиссии и какие последствия для аспиранта в случае отрицательной оценки. Предполагается, что аспиранту, успешно прошедшему итоговую аттестацию по программе аспирантуры выдается заключение

¹ См.: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35, ст. 4137.

² См.: Приказ Минобрнауки России от 18 марта 2016 г. № 227 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования — программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктура), программам ординатуры, программам ассистентуры-стажировки» (зарегистрировано в Минюсте России 11 апреля 2016 г. № 41754). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2022).

и свидетельство об окончании аспирантуры¹. Видится необходимым разработать единую форму и содержание данного свидетельства, поскольку в соответствии со ст. 60 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»² свидетельство об окончании аспирантуры является документом об образовании и подлежит обязательному внесению в Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении³.

Главным и принципиальным отличием федеральных государственных требований от федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, на наш взгляд, является отсутствие целого раздела — требования к результатам освоения программы аспирантуры, а также характеристика профессиональной деятельности. ФГТ содержат в себе требования к структуре и условиям организации программы аспирантуры, а не к результатам ее освоения. Таким образом, для программ аспирантуры теперь не применяется компетентностный подход.

Также важным изменением в программах подготовки научных и научно-педагогических кадров является то, что требованиями не регламентирован объем программы аспирантуры. В то время, как ФГОС ВО устанавливал, что обучение по программе аспирантуры в организациях осуществляется в очной и заочной формах, а объем программ аспирантуры составляет 180 з.е. Надо полагать, что данный подход — это предоставление образовательным организациям самой широкой самостоятельности при реализации программы аспирантуры и возможности ее адаптации под запросы и задачи конкретного аспиранта. Основной предпосылкой такого утверждения является наличие в федеральных государственных требованиях дефиниции, устанавливающей освоение программы аспирантуры (адъюнктуры) по индивидуальному плану работы аспиранта (адъюнкта), включающему индивидуальный план научной деятельности и индивидуальный учебный план.

Приложением к ФГТ определены перечни научных специальностей, срок освоения которых составляет 3 года в очной форме (4 года — в заочной форме) и 4 года в очной форме (5 лет — в заочной форме). При освоении программ аспирантуры инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья организация вправе продлить срок освоения такой программы не более чем на один год по сравнению со сроком, установленным ФГТ. Таким образом, обучение в аспирантуре в отдельных случаях может составлять и 6 лет. Как считает ряд авторов, продление сроков обучения в аспирантуре по некоторым специальностям стало важным сигналом признания неблагополучия. Однако неочевидно, какое именно влияние эта инновация окажет на качество и эффективность научной работы аспирантов [5, с. 41].

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2122 «Об утверждении Положения о подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2022).

² См.: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. I, ст. 7598.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 31 мая 2021 г. № 825 «О федеральной информационной системе «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении» (вместе с «Правилами формирования и ведения федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении»». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 02.03.2022).

Содержащиеся в ФГТ требования к условиям реализации программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) указывают на их адаптацию под запросы конкретного аспиранта, так как определяются соответствующей программой аспирантуры (адъюнктуры) и индивидуальным планом работы.

Стоит отметить, что реформа российской аспирантуры и переход от федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования к федеральным государственным требованиям к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре, это не возврат к «старой» модели, а очередная попытка построения аспирантуры, главной целью которой является подготовка диссертации на соискание ученой степени кандидата наук и ее успешная защита.

Библиографический список

1. Беларусь и Россия. 2020: статистический сборник. М.: Росстат, 2020. 208 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2020. 896 с.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: в 3 т. М.: ФО СССР, 1991. Т. III. 470 с.
4. Терентьев Е.А., Бекова С.К., Малошенок Н.Г. Кризис российской аспирантуры: источники проблем и возможности их преодоления // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 22 (5). С. 54–66.
5. Кузьминов Я.И., Терентьев Е.А., Фруммин И.Д. Хорошая аспирантура — условие инновационного развития // Коммерсантъ Наука. № 9. 2021. 14 апр.

References

1. Belarus and Russia. 2020: Statistical Collection. Moscow: Rosstat, 2020. 208 p.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of Russian Language: 120,000 words and phraseological expressions. 4th ed., additional M.: LLC “A TEMP”, 2020. 896 p.
3. Akhiezer A.S. Russia: Criticism of Historical Experience: in 3 volumes of the FO USSR, 1991. Vol. III. 470 p.
4. Terentyev A., Bekova S.K., Maloshonok N.G. The Crisis of Russian Postgraduate Studies: Sources of Problems and Solutions to Overcome Them // University management: Practice and analysis. 2018. No. 22 (5). P. 54–66.
5. Kuzminov Y.I., Terentyev E.A., Frummin I.D. Good Graduate School — a Condition for Innovative Development // Kommersant Nauka. No. 9. 2021. 14 apr.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-138-143

УДК 347.919.94

Е.И. Лощинина

К ВОПРОСУ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ РЕБЕНКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Введение: на основе анализа российского законодательства в статье исследуется специфика особого производства в гражданском процессе, а также указано на некорректную формулировку положения ГПК РФ, определяющего документы, прилагаемые к заявлению об усыновлении ребенка, даны некоторые предложения, направленные на совершенствование законодательства в данной сфере, а также на формирование единообразной судебной практики об усыновлении ребенка. **Цель:** обосновать необходимость внесения изменений в законодательство, связанное с усыновлением ребенка. **Методологическая основа:** совокупность диалектического и системного методов, формально-юридического и сравнительно-правового. **Результаты:** предложены некоторые средства и способы оптимизации гражданского законодательства, связанного с усыновлением ребенка. **Выводы:** исследование некоторых особенностей усыновления ребенка в рамках гражданского процесса позволяет выявить необходимость дополнения гл. 29 ГПК РФ, а также внесения разъяснений со стороны Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: гражданский процесс, особое производство, виды особого производства, усыновление ребенка, заявление об усыновлении ребенка, подготовка лиц, желающих принять в семью ребенка.

E.I. Loschinina

ON THE ISSUE OF ADOPTION OF A CHILD IN CIVIL PROCEEDINGS

Background: based on the analysis of Russian legislation, the article examines the specifics of special proceedings in civil proceedings, and also points out the incorrect wording of the provision of the Civil Procedure Code of the Russian Federation defining the documents attached to the application for adoption of a child, some proposals are given aimed at improving legislation in this area, as well as the formation of uniform judicial practice on the adoption of a child. **Objective:** to substantiate the need to amend the legislation related to the adoption of a child. **Methodology:** a set of dialectical and

© Лощинина Елена Ивановна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия)

© Loschinina Elena Ivanovna, 2022

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

systemic methods, formal legal and comparative legal. Results: some means and ways of optimizing civil legislation related to the adoption of a child are proposed. Conclusions: the study of some features of the adoption of a child in the framework of civil proceedings reveals the need to supplement Chapter 29 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, as well as clarifications from the Supreme Court of the Russian Federation.

Key-words: *civil procedure, special proceedings, types of special proceedings, adoption of a child, application for adoption of a child, training of persons wishing to adopt a child into a family.*

Особому производству в гражданском процессе посвящен одноименный подр. IV разд. II «Производство в суде первой инстанции» ГПК РФ¹, который включает в себя гл. 27 «Общие положения» (в том числе к ней относится ст. 263 ГПК РФ «Порядок рассмотрения и разрешения дел, рассматриваемых судом в порядке особого производства»), и гл. 28–38, регламентирующие отдельные виды особого производства. Систематика расположения процессуальных норм в данном случае такова, что каждая категория дел регулируется своей главой с названием, подчиненным опосредуемому в применении материально-правовому отношению [1, с. 119–134].

Особое производство значительно отличается от искового производства, в том числе и потому, что в данном случае защита субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляется не путем разрешения спора о праве (исходя из ч. 3 ст. 263 ГПК РФ, при обнаружении такого спора суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения), а посредством выявления и констатации факта (обстоятельства), правового состояния с которым норма материального права связывает возникновение, изменение или прекращение у заявителя определенных прав и обязанностей.

При этом нужно принимать некоторую условность такого утверждения. Так, на основании заявления о признании гражданина умершим суд юридически, формально признает его мертвым, не имея достоверной информации о смерти гражданина, но основывая свое решение исключительно на предположении, которое впоследствии можно опровергнуть [2, с. 1–5]. Казалось бы, в подобных случаях можно говорить о наличии спора. Между тем в рассматриваемой ситуации применяется презумпция смерти долго отсутствующего гражданина, установленная ст. 45 ГК РФ². Любая правовая презумпция сама по себе представляет собой разновидность нормативного правового предписания. Основой правовых презумпций является закономерная связь между явлениями окружающей действительности и признание указанной связи с высокой степенью вероятности ординарным порядком положения вещей и хода событий [3, с. 115–119]. Соответственно, понятие «спор» в данном случае не применяется.

Как следствие в категории дел особого производства отсутствуют истец и ответчик — лица с противоположным юридическим интересом. Обязательным субъектом является заявитель (в большинстве случаев ГПК РФ определяет,

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2022. № 1, ч. I, ст. 42.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 21 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2021. № 52, ч. I, ст. 8989.

какие лица могут выступать в этом качестве). Требования, предъявляемые к содержанию заявления, рассматриваемого в порядке особого производства, значительно отличаются от требований, предъявляемых к содержанию искового заявления. Не предусмотрены подача встречного иска, признание иска, отказа от иска, мировое соглашение, привлечение третьих лиц (при этом допускается участие в деле заинтересованных лиц) и т.д. В остальном, исходя из ч. 1 ст. 263 ГПК РФ, к рассмотрению дел в порядке особого производства применяются общие правила искового производства.

Специфику дел, рассматриваемых в порядке особого производства, как указывает В.В. Аргунов, составляет также и то, что правила рассмотрения дел особого производства не могут быть настолько же абстрагированы от опосредуемых в применении материальных норм, чтобы стать универсальными правилами рассмотрения и разрешения, как это характерно для общих процессуальных норм искового производства. Иными словами, характерной чертой правового регулирования особого производства в гражданском процессе является его устойчивая связь с нормами материального права, применение которых опосредуется процессуальными нормами об особом производстве [1, с. 119–134].

Значительную часть дел, рассматриваемых в порядке особого производства, составляют дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, то есть фактов, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций (ч. 1. ст. 264 ГПК РФ). В данном случае судом устраняется неопределенность факта, который не может быть подтвержден документами, вследствие чего лицо не имеет возможности самостоятельно реализовать принадлежащее ему право. Исходя из ч. 1 ст. 262 ГПК РФ, к делам рассматриваемым в порядке особого производства, также относятся дела об усыновлении (удочерении) ребенка, о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим, об ограничении дееспособности гражданина, о признании гражданина недееспособным, о признании движимой вещи бесхозяйной и признании права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь, о внесении исправлений или изменений в запись актов гражданского состояния и др. Перечень дел особого производства, закрепленный в ч. 1 ст. 262 ГПК РФ, не является исчерпывающим.

Остановимся на особенностях рассмотрения в порядке особого производства дел об усыновлении (удочерении) ребенка (гл. 29 ГПК РФ). Данный вопрос представляется особенно важным в связи с тем, что в соответствии с ч. 1, 2 ст. 124 СК РФ¹, усыновление является приоритетной формой устройства детей.

В данном случае судом исследуется вопрос о соответствии усыновления интересам ребенка. Так, из решения Майкопского городского суда Республики Адыгея от 20 февраля 2020 г. по делу № 2-1080/2020² следует, что суд, удовлетворяя заявление об усыновлении, установил способность заявителей обеспечить ребенку все необходимые условия для воспитания и полноценного физического, психологического, духовного и нравственного развития, создать благоприятные условия для воспитания. Согласно решению Шамильского районного суда

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2021. № 27, ч. 1, ст. 5138.

² См.: Решение Майкопского городского суда Республики Адыгея от 20 февраля 2020 г. по делу № 2-1080/2020. URL: <https://sudact.ru/ru> (дата обращения: 15.01.2022).

Республики Дагестан от 30 октября 2020 г. по делу № 2-265/2020¹, заявителем созданы хорошие материальные и жилищные условия для несовершеннолетней, уют и нормальный психологический климат.

В данном случае нужно учитывать, что законодателем предъявляются многочисленные требования, которым должен соответствовать заявитель. У потенциального усыновителя должны иметься хотя бы потенциальные условия для создания благоприятной среды для ребенка [4, с. 26–29]. Поэтому, по общему правилу, усыновителями не могут быть:

лица, которые по состоянию здоровья не могут усыновить ребенка (п. 6 ч. 1 ст. 127 СК РФ);

лица, которые на момент усыновления не имеют дохода, обеспечивающего усыновляемому ребенку прожиточный минимум (п. 7 ч.1 ст. 127 СК РФ);

лица, не прошедших подготовки в порядке, установленном ч. 6 ст. 127 СК РФ, за исключением близких родственников ребенка, усыновителей, опекунов, попечителей (п. 12 ч. 1 ст. 127 СК РФ).

Указанным требованиям СК РФ корреспондируют положения ст. 271 ГПК РФ, предусматривающие, что к заявлению об усыновлении прилагаются:

медицинское заключение о состоянии здоровья усыновителей (усыновителя) (п. 4 ч. 1 ст. 271 ГПК РФ);

справка с места работы о занимаемой должности и заработной плате либо копия декларации о доходах или иной документ о доходах (п. 5 ч. 1 ст. 271 ГПК РФ);

документ о прохождении в установленном порядке подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей (за исключением случаев, когда заявление подается отчимом или мачехой, близкими родственниками ребенка, усыновителями, опекунами, попечителями детей) (п. 8 ч. 1 ст. 271 ГПК РФ).

Одновременно ч. 2 ст. 127 СК РФ устанавливает, что при вынесении решения об усыновлении ребенка суд вправе отступить от положений, установленных п.6 ч.1 ст.127 СК РФ (в случае, если потенциальный усыновитель проживает с ребенком в силу уже сложившихся семейных отношений), п. 7 и п. 12 ч. 1 ст. 127 СК РФ, с учетом интересов усыновляемого ребенка и заслуживающих внимания обстоятельств. При этом ст. 271 ГПК РФ, определяя перечень документов, прилагаемых к заявлению об усыновлении, каких-либо особых условий для таких случаев не предусматривает.

Как можно заметить, заявитель может приложить к заявлению медицинское заключение и документ о доходах, хотя бы и подтверждающие, что его состояние здоровья и доходы не соответствуют установленным требованиям, выполнив тем самым условия п. 4 и 5 ч. 1 ст. 271 ГПК РФ. Вместе с тем гражданин, который не является отчимом или мачехой, близким родственником, усыновителем, опекуном, попечителем ребенка и при этом не прошел подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, не располагая соответствующим документом, не сможет обеспечить выполнение п. 8 ч. 1 ст. 271 ГПК РФ. Исходя из общего правила, установленного ч. 1 ст. 136 ГПК РФ, в подобных случаях суд выносит определение об оставлении заявления без движения.

¹ См.: Решение Шамильского районного суда Республики Дагестан от 30 октября 2020 г. по делу № 2-265/2020. URL: <https://sudact.ru/ru> (дата обращения: 15.01.2022).

Иными словами, несмотря на то что ч. 2 ст. 127 СК РФ допускает возможность отступить от требования о прохождении подготовки в отношении лиц, не прошедших подготовки и не относящихся к близким родственникам, усыновителям, опекунам, попечителям ребенка, данное положение закона не учтено в ст. 271 ГПК РФ.

В этой связи представляется необходимым дополнить п. 8 ч. 1 ст. 271 ГПК РФ текстом: «...а также лицами, предоставившими доказательства того, что отсутствие данной подготовки не нарушит интересов усыновляемого ребенка». Кроме того, целесообразным является издание Верховным Судом РФ разъяснений относительно того, какие именно доказательства могут быть представлены в подобных случаях. Полагаем, что в их числе может быть указано, в частности, на подтверждение участия заявителя в жизни ребенка с его раннего возраста, наличие педагогического образования.

Такого рода разъяснения Верховного Суда РФ в целях ориентирования судов на выявление конкретных обстоятельств при рассмотрении дела требуются также и в отношении исключений из общего правила, относящихся к отсутствию у заявителя необходимого дохода (п. 7 ч. 1, ч. 2 ст. 127 СК РФ). Возможно доказательствами в данном случае может являться подтверждение того факта, что заявитель имеет образование, профессию/специальность, позволяющие ему получать достаточный доход, несмотря на то что на момент подачи заявления он отсутствует.

Что касается установленной ч. 2 ст. 127 СК РФ возможности суда отступить от положений, установленных п. 6 ч. 1 ст. 127 СК РФ (в случае, если потенциальный усыновитель проживает с ребенком в силу уже сложившихся семейных отношений) с учетом интересов усыновляемого ребенка и заслуживающих внимания обстоятельств, то нужно отметить, что данное положение появилось относительно недавно, в связи с принятием Федерального закона от 29 мая 2019 г. № 115-ФЗ «О внесении изменения в статью 127 Семейного кодекса Российской Федерации». Необходимость этого была обусловлена Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 июля 2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.»¹.

В данном случае рассматривалась ситуация, связанная с отказом судов в усыновлении ребенка лицом, имеющим заболевания, связанные с заражением ВИЧ-инфекцией и гепатитом С (в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 127 СК РФ, Постановлением Правительства РФ от 14 марта 2013 г. № 117 «Об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью» такие лица по состоянию здоровья не могут усыновить ребенка). Неоднократно подчеркивая, что установленные семейным законодательством

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 27, ст. 4138.

ограничения призваны предотвратить риск для здоровья ребенка, связанный с непосредственным взаимодействием с усыновителем, Конституционный Суд РФ отметил, что одновременно в России должна поддерживаться возможность усыновления детей и пришел к выводу, что установленные законом и в целом оправданные ограничения не должны иметь императивный характер.

Конституционный Суд РФ не определил, какие обстоятельства, помимо проживания с ребенком в силу уже сложившихся семейных отношений, должны оказаться решающими для решения вопроса об усыновлении ребенка лицом, инфицированным ВИЧ либо вирусом гепатита С, равно как и страдающим туберкулезом органов дыхания II группы и т.п. Как представляется, несмотря на наличие любых аргументов в пользу заявителя, при рассмотрении дела судами должны учитываться сведения о фактическом состоянии его здоровья — в том случае, если лицо вынуждено подолгу проходить лечение в стационаре, если продолжительность его дальнейшей жизни объективно, по медицинским прогнозам, оказывается невелика, усыновление окажется нецелесообразным. Само нахождение ребенка с лицом, которое испытывает тяжелые физические страдания, не служит его интересам. Очевидно, это также должно быть принято во внимание Верховным Судом РФ в случае издания им разъяснений по вопросам усыновления (удочерения) ребенка.

В целом можно говорить о том, что дела особого производства отличаются значительной спецификой относительно «традиционных» дел, рассматриваемых в порядке искового производства. Применительно к делам об усыновлении, относящимся к данной категории дел, обнаруживается недостаточная корректность положений ГПК РФ, требующая устранения, также оказывается необходимым издание Верховным Судом РФ разъяснений в данной сфере.

Библиографический список

1. *Аргунов В.В.* Взаимодействие общих и специальных норм и институтов в гражданском и арбитражном процессуальном праве (на примере дел особого производства) // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 119–134.
2. *Сидельник И.М.* Значение процессуальных презумпций // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1. С. 1–5.
3. *Забродин Д.М.* Императивность правовых презумпций // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 2. С. 115–119.
4. *Архипов И.Н., Федоров Д.М.* Субъекты усыновления (удочерения) в Российской Федерации // Universum: экономика и юриспруденция. 2022. № 1. С. 26–29.

References

1. *Argunov V.V.* Interaction of general and special norms and institutions in civil and arbitration procedural law (on the example of cases of special proceedings) // Journal of Russian Law. 2020. No. 12. P. 119–134.
2. *Sidelnik I.M.* The meaning of procedural presumptions // Theory and practice of social development. 2018. No. 1. P. 1–5.
3. *Zabrodin D.M.* Imperativeness of legal presumptions // Problems of Economics and legal practice. 2016. No. 2. P. 115–119.
4. *Arkhipov I.N., Fedorov D.M.* Subjects of adoption in the Russian Federation // Universum: economics and jurisprudence. 2022. No. 1. P. 26–29.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-144-156

УДК 347.941.5

К.С. РЫЖКОВ

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА
ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ
ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ КОНТРАКТНОЙ
СИСТЕМЫ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ
И УСЛУГ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Введение: в статье анализируются проблемы, связанные с содержанием предмета доказывания по спорам, касающимся правоотношений в рамках контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд. Отмечается необходимость выявления особенностей предмета доказывания по делам в сфере контрактной системы. **Цель:** установление содержания предмета доказывания по делам, касающимся правоотношений в сфере контрактной системы. **Методологическая основа:** совокупность диалектического и системного методов исследования, формально-юридический метод. **Результаты:** выявлены общие подходы к формированию предмета доказывания по делам, касающимся контрактной системы в сфере закупок, а также отличия между содержанием предмета доказывания по различным видам судебных споров, связанных с контрактной системой. **Выводы:** в качестве фактов, подлежащих доказыванию по делам в сфере контрактной системы, следует выделить факт участия сторон в соответствующих правоотношениях (участие в процедуре закупки или наличие заключенного контракта), а также факт нарушения прав и законных интересов.

Ключевые слова: доказывание, предмет доказывания, суд, контракт, контрактная система, реестр недобросовестных поставщиков.

K.S. Ryzhkov

PROBLEMS OF DETERMINING THE SUBJECT OF PROOF
IN CASES ARISING FROM LEGAL RELATIONS IN THE
CONTRACTUAL SYSTEM OF PROCUREMENT OF GOODS,
WORKS AND SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Background: the article analyzes the problems associated with the content of the subject of proof in disputes relating to legal relations within the contractual system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs. The need to identify the peculiarities of the subject of proof in cases in the contractual system is noted. **Objective:** establishing the content of the subject of proof in cases involving legal relations in the contractual system. **Methodology:** a set of dialectical and systemic research methods, formal legal method. **Results:** common approaches to the formation of

© Рыжков Константин Сергеевич, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права (Уральский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»); e-mail: knrz2006@yandex.ru

© Ryzhkov Konstantin Sergeevich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Procedure Law (Ural branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice»)

the subject of proof in cases relating to the contractual system in the field of procurement, as well as the differences between the content of the subject of proof for different types of judicial disputes related to the contractual system are revealed. Conclusions: as the facts to be proven in cases in the sphere of the contract system, the fact of participation of the parties in the relevant legal relationship (participation in the procurement procedure or the presence of a concluded contract), as well as the fact of violation of rights and legitimate interests should be highlighted.

Key-words: proof, subject of proof, court, contract, contract system, register of unscrupulous suppliers.

Одним из наиболее сложных вопросов, стоящих перед судом в процессе реализации его функций, является вопрос об установлении предмета доказывания по делу. Наиболее актуально данное утверждение в отношении споров, которые рассматриваются в порядке цивилистического судопроизводства. Законодательство в этом случае не содержит закрытого перечня обстоятельств, подлежащих установлению, предполагая необходимость формирования уникального предмета доказывания по каждому конкретному делу, с учетом его обстоятельств, субъектного состава и иных факторов, влияющих на его рассмотрение и разрешение судом.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены особенности предмета доказывания по делам, касающимся правоотношений по поводу контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных муниципальных нужд. Указанные правоотношения урегулированы нормами Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее — Федеральный закон № 44-ФЗ).

Выбор дел в сфере контрактной системы в качестве предмета изучения обусловлен следующими факторами.

Во-первых, в научной литературе достаточно мало исследований, посвященных указанному вопросу. В то же время принятие Федерального закона № 44-ФЗ существенно изменило подходы к осуществлению закупок для государственных и муниципальных нужд [1, с. 292]. При этом объем судебной практики в сфере контрактной системы с каждым годом увеличивается. Безусловно, возрастающий объем правоприменительной практики требует усилий не только по его систематизации судами, но и доктринального анализа его содержания в целях определения существующих проблем и возможных путей их решения. В частности, на необходимость объективной оценки практики применения законодательства о контрактной системе указывает Р.Б. Осокин [2, с. 134].

Во-вторых, существующая в настоящее время правоприменительная практика по данному вопросу весьма противоречива, так как функционирование контрактной системы началось только в 2014 г. Как справедливо отмечает Ф.А. Тасалов, судебная практика применения Федерального закона № 44-ФЗ находится в стадии формирования [3, с. 116]. При этом одним из наиболее сложных вопросов, влекущих в ряде случаев ошибки в правоприменении, является как раз вопрос о предмете доказывания по данной категории дел.

Отметим также, что единственным документом, содержащим в себе попытку обобщить судебную практику по данному вопросу, является утвержденный

Верховным Судом РФ 28 июля 2017 г. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее — Обзор)¹.

В целом, споры, касающиеся контрактной системы, имеют ярко выраженный экономический характер, в связи с чем их рассмотрение отнесено преимущественно к подсудности арбитражных судов (исключение составляют дела об оспаривании нормативных правовых актов) [4, с. 50]. В связи с вышесказанным все гражданско-правовые споры, а также большинство споров из административных и иных публичных правоотношений, связанных с контрактной системой, рассматривается судами в порядке АПК РФ. Поэтому дальнейший анализ процессуальных норм в настоящей статье будет посвящен именно нормам арбитражного процессуального законодательства.

В то же время рассматриваемые судами дела, вытекающие из правоотношений в сфере контрактной системы, неоднородны по своему содержанию.

С одной стороны, это споры между заказчиками и поставщиками (подрядчиками, исполнителями), которые носят характер частноправовых, а точнее, гражданско-правовых. В них ключевым является договорный характер правоотношений, вызвавших спор, что отражается не только на форме судопроизводства (рассмотрение дел в порядке искового производства), но и проявляется в многообразии факторов, которые могут повлиять на формирование предмета доказывания по делу.

В другой стороны, к числу споров в сфере контрактной системы относятся и такие, которые касаются публично-правовых аспектов закупочной деятельности. В частности, речь может идти об оспаривании незаконных решений, действий (бездействий) органов государственной власти и местного самоуправления, а также иных лиц, наделенных публичными полномочиями. В этом случае предмет доказывания по делу определить несколько проще в силу более подробного правового регулирования публично-правовых отношений, что, впрочем, также не исключает некоторой степени его вариативности.

Полагаем, что поскольку законодательство о контрактной системе включает в себя как частноправовые, так и публично-правовые нормы, а в АПК РФ «не содержится перечень обстоятельств предмета доказывания по любому судебному делу» [5, с. 195], в рамках настоящей статьи следует рассмотреть обе вышперечисленные категории дел. При этом важно выявить не только отличия между ними, но и общие закономерности, касающиеся определения предмета доказывания по спорам в сфере контрактной системы.

Как справедливо отмечает Е.А. Нахова, существует узкое и широкое понимание предмета доказывания. При этом первое предполагает, что в его состав входят только материально-правовые факты, тогда как второе позволяет включить в предмет доказывания по делу также и иные факты (процессуально-правовые, доказательственные и т.п.) [6, с. 153].

В предмет доказывания по делам, связанным с функционированием контрактной системы, могут входить все виды фактов, свойственных предмету доказыва-

¹ См.: Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 12.

ния в широком смысле, например, касающиеся возмещения судебных расходов. Однако в рамках настоящего исследования предмет доказывания по делам из правоотношений в сфере контрактной системы будет рассмотрен в узком его понимании, поскольку наибольший интерес представляют материально-правовые факты, характерные для данной категории дел и определяющие ее специфику.

В силу разнообразия правоотношений в сфере контрактной системы следует рассмотреть некоторые наиболее распространенные категории дел, для которых характерно относительное единообразие подходов к определению предмета доказывания.

Первая категория дел, которую следует рассмотреть в рамках настоящей статьи, касается заключения контрактов по результатам осуществления закупок.

В научной литературе справедливо отмечается, что государственные контракты занимают особое место в системе гражданско-правовых договоров [7, с. 189].

Сам порядок заключения указанных контрактов по своему существу не всегда отличается от порядка заключения иных договоров. В частности, это относится к заключению контрактов с единственными поставщиками без проведения конкурентных закупочных процедур (ст. 93 Федерального закона № 44-ФЗ).

Так, законодательство о контрактной системе предполагает особый порядок заключения контрактов по результатам конкурентных процедур, что обусловлено публичным характером указанных контрактов [8; с. 18]. На указанные контракты распространяются положения ст. 447–449 Гражданского кодекса РФ, а также целого ряда нормативных правовых актов, регулирующих функционирование контрактной системы (прежде всего, Федерального закона № 44-ФЗ).

Кроме того, как отмечается в научной литературе, алгоритм заключения государственных и муниципальных контрактов в порядке Федерального закона № 44-ФЗ в целом является тождественным договору присоединения [9, с. 51]. В подтверждение указанной мысли Е.А. Цатурян делает вывод о том, что в рамках контрактной системы не допускаются возражения со стороны победителя к условиям проекта контракта [10, с. 140].

Исходя из вышеизложенного, а также с учетом того факта, что уклонение поставщика (исполнителя, подрядчика) в силу норм Федерального закона № 44-ФЗ (например, ч. 4 ст. 54 и ч. 14 ст. 83.2) ведет к заключению контракта с другим участником закупки или повторное проведение закупочной процедуры, споры о понуждении поставщика (исполнителя, подрядчика) заключить контракт не являются актуальными в рамках существующей судебной практики.

В то же время возможны случаи уклонения заказчика от заключения контракта. В этом случае участник закупки, имеющий право на заключение контракта, вправе требовать его заключения в судебном порядке. Об этом свидетельствует п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», согласно которому «требование о понуждении к заключению договора может быть удовлетворено судом при наличии у ответчика обязанности заключить такой договор»¹.

При этом в предмет доказывания по такому делу должны войти следующие факты:

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. 2019. № 4.

1. Факт проведения закупочной процедуры.

2. Факт признания истца победителем в рамках проведенной закупочной процедуры или факт признания его единственным участником закупочной процедуры, соответствующим требованиям заказчика, что также порождает у истца право требовать заключения с ним контракта (в частности, в силу п. 25 ч. 1 ст. 93 Федерального закона № 44-ФЗ).

3. Факт уклонения заказчика от заключения контракта с истцом.

Важно отметить, что существенная часть споров, касающаяся заключения контрактов в рамках контрактной системы, имеет не гражданско-правовой, а административно-правовой характер. В частности, такие споры могут касаться обжалования незаконных решений, действий (бездействия) органов власти, которые являются заказчиками либо контрольными органами.

Предмет доказывания по данной категории дел может быть установлен достаточно легко в силу императивных указаний процессуального законодательства. В частности, согласно ч. 4 ст. 200 АПК РФ по данной категории дел арбитражный суд осуществляет проверку оспариваемого акта, его отдельных положений, оспариваемых решений и действий (бездействия) и устанавливает их соответствие нормативному правовому акту, устанавливает наличие полномочий у органа или лица, которые приняли этот акт, решение или совершили оспариваемые действия (бездействие), а также устанавливает, нарушают ли оспариваемый акт, решение и действия (бездействие) права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Во исполнение указанной нормы в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № 09АП-48561/2019 отмечено, что в силу норм АПК РФ и ст. 13 Гражданского кодекса РФ в круг обстоятельств, подлежащих установлению по данной категории дел, «входят проверка соответствия оспариваемого акта, действия (бездействия) закону или иному нормативному правовому акту, факта нарушения оспариваемым актом, действием (бездействием) прав и законных интересов заявителя, а также соблюдение срока на обращение с заявлением в суд»¹.

В то же время вопрос о соблюдении срока на обращение в суд касается не материально-правовых, а процессуальных фактов, поскольку связан с существованием у истца права на судебную защиту. В связи с вышесказанным суды в своих актах чаще акцентируют внимание на материально-правовых фактах, входящих в предмет доказывания. Так, согласно постановлению Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № 15 АП-10230/2020, принятому по поводу правоотношений, касающихся контрактной системы, «...для признания арбитражным судом незаконными ненормативных актов и действий государственных органов, должностных лиц необходимо наличие одновременно двух юридически значимых обстоятельств: несоответствия их закону или иным нормативным правовым актам и нарушения прав и законных интересов заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»².

¹ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29 октября 2019 г. по делу № 09АП-48561/2019 // Сайт Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 17.08.2020).

² Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 августа 2019 г. по делу № 15АП-10230/2020 // Сайт Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 17.08.2020).

Также отметим, что в научной литературе предлагается не ограничиваться указанным перечнем юридических фактов. В частности, И.В. Решетникова к предмету доказывания в делах об обжаловании ненормативных правовых актов, рассматриваемых в порядке АПК РФ, предлагает относить, кроме вышеперечисленных, также:

сам факт издания ненормативного акта или совершения действий (бездействия);

их властный характер;

обстоятельства, послужившие основанием для принятия (совершения);

наличие у органа (должностного лица) полномочий, обеспечивающих исполнение судебного акта в случае удовлетворения требований;

иные обстоятельства [11, с. 197–198].

Кроме того, отметим, что соответствие оспариваемых решений, действий (бездействия) закону, а также сам факт нарушения прав и законных интересов заявителя могут выражаться в самых различных формах. Поэтому следует остановиться на том, какие именно вопросы могут быть включены судом в предмет доказывания по спорам в сфере контрактной системы.

Исходя из положений действующего законодательства и обзора, можно выделить несколько примеров того, какие именно факты могут быть включены судом в предмет доказывания в данном случае:

Факт размещения в составе документации о закупке конкретных документов, подлежащих размещению в силу требований закона (например, согласно п. 5 Обзора, при закупке работ по строительству объекта капитального строительства подлежит размещению проектно-сметная документация).

Факт наличия в документации требований к закупаемым товарам, работам, услугам, которые свидетельствуют об ограничении конкуренции, что может выражаться, например, в указании на конкретного производителя товара (п. 2 Обзора) или в неоправданном объединении в один лот товаров, технологически и функционально не взаимосвязанных между собой (п. 3 Обзора).

Факт наличия в документации требований к поставщику (подрядчику, исполнителю), которые свидетельствуют об ограничении конкуренции, например, о наличии у него лицензии, если в силу указаний закона она не требуется для исполнения контракта (п. 7 Обзора).

В качестве вывода можно отметить, что предмет доказывания по данной категории дел весьма сложен по своему содержанию, несмотря на достаточно простую формулировку ч. 4 ст. 200 АПК РФ. Виды нарушений законодательства о контрактной системе многочисленны, а потому судам следует формулировать круг вопросов, подлежащих доказыванию по данной категории дел, предельно подробно.

Следующая категория дел, на которую следует обратить внимание, связана с изменением и расторжением контрактов, заключенных в соответствии с нормами законодательства о контрактной системе. Для данной категории дел предмет доказывания формируется исходя из необходимости установления следующих фактов:

Факт заключения контракта, поскольку при его отсутствии говорить о правомерности изменения и расторжения указанного контракта некорректно. В рамках указанного вопроса суд должен установить не только наличие договорных отношений между сторонами, но и правомерность их возникновения.

Факт изменения или расторжения контракта, если таковой уже имел место быть и привел к возникновению правового спора между сторонами.

Факты, свидетельствующие о наличии оснований изменения (расторжения) контракта, либо факты, создающие возможность его изменения (расторжения) в судебном порядке.

При том первые две вышеперечисленные группы фактов не вызывают существенных вопросов, поскольку заключение и исполнение (расторжение) контрактов в рамках контрактной системы происходит исключительно в письменной форме. К тому же ст. 103 Федерального закона № 44-ФЗ предусмотрена обязанность заказчика размещать подписанные электронной подписью сканированные копии контрактов и информации об их изменении и расторжении в Единой информационной системе в сфере закупок.

В то же время факты, свидетельствующие о наличии оснований изменения (расторжения) контракта, представляют собой наиболее сложную для установления судом часть предмета доказывания.

Законодательство в сфере контрактной системы предусматривает достаточно немногочисленный перечень оснований для изменения и расторжения контрактов, установленный ст. 95 Федерального закона № 44-ФЗ. В то же время на практике возникает немало вопросов, связанных с их применением в конкретных ситуациях.

В частности, актуальными для изучения являются в данном случае следующие вопросы:

Вопрос о возможности изменения сроков исполнения контрактов (в п. 9 Обзора указано, что обязательным условием правомерности указанного изменения является наличие такой возможности, предусмотренной одновременно законом и контрактом).

Вопрос о пределах изменения цены контракта (п. 12 Обзора гласит, что условие дополнительного соглашения, увеличивающее цену контракта более чем на 10%, по общему правилу ничтожно).

Вопрос о наличии оснований для одностороннего отказа от исполнения контракта (согласно п. 14 Обзора, если контрактом предусмотрено право на односторонний отказ, то для его реализации не требуется наличие в контракте указаний на конкретные виды нарушений).

Вопрос о соблюдении процедуры изменения (расторжения) контракта (так, вопросы надлежащего уведомления о расторжении контракта раскрываются в п. 16 Обзора).

Рассмотрим пример дела, касающегося изменения условий контракта. Арбитражным судом Амурской области было рассмотрено дело по исковому заявлению о внесении изменений в п. 1.2 государственного контракта. В данном деле подрядчик просил суд изменить условия о сроке проведения работ с учетом невозможности их выполнения в период, предусмотренных контрактом, по объективным причинам. По данному делу суд отказал подрядчику в удовлетворении его требований, указав, что предоставленная истцом справка ФГБУ «Дальневосточное управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды», подтверждающая низкие показатели температур, отражает среднесуточную температуру воздуха, которая в дневные часы, без учета ночных, составляет иные показатели. Также арбитражный суд указал, что погодные условия, не являются существенными обстоятельствами и не подпадают под случаи, указанные в ч. 1

ст. 95 Федерального закона № 44-ФЗ, допускающие изменение существенных условий контракта¹.

В указанном деле суд включил в предмет доказывания факт заключения контракта и факт наличия оснований, по которым контракт мог быть изменен. И если первый факт был сторонами доказан, то второй истцу доказать не удалось, что и повлекло отказ в удовлетворении его исковых требований.

Существенную часть дел, связанных с разрешением споров, вытекающих из контрактов, заключенных в соответствии с законом 44-ФЗ, составляют дела, касающиеся привлечения стороны к ответственности за нарушение условий контракта.

В качестве примера рассмотрим решение Арбитражного суда Амурской области по делу № А04-4763/2020, в котором было установлено следующее².

Между сторонами (государственным заказчиком и подрядчиком) был заключен государственный контракт, согласно которому подрядчик принял на себя обязанность выполнить работы по ремонту автомобильных дорог. Исковые требования государственного заказчика касались взыскания пени за просрочку исполнения обязательств. При этом важно сказать, какие именно вопросы вошли в предмет доказывания по данному делу.

Во-первых, судом был установлен сам факт возникновения договорных отношений. При этом следует снова отметить, что в отношении контрактов, заключенных в порядке Федерального закона №44-ФЗ, значимым является не только сам факт заключения договора, наличие в нем всех существенных условий и соблюдение иных требований гражданского законодательства, но также и соблюдение норм законодательства о контрактной системе. Данное обстоятельство предполагает, что суд должен получить подтверждение соблюдения всех предусмотренных законом процедур.

Во-вторых, судом были установлены факт несвоевременного выполнения подрядчиком работ и причины нарушения указанных сроков. Так, суд в своем решении отметил, что доказательств, подтверждающих исполнение подрядчиком обязанности по своевременному уведомлению государственного заказчика о возникновении обстоятельств, создающих невозможность завершения работ в установленный контрактом срок, представлено не было. Важно отметить, что факт ненадлежащего исполнения контракта является едва ли не наиболее значимым по данной категории дел, поскольку служит основанием для применения мер гражданско-правовой ответственности. Именно поэтому суды в своих постановлениях достаточно часто акцентируют внимание именно на нем³.

При этом согласно п. 37 Обзора при совершении подрядчиком нескольких нарушений обязательств по контракту возможно взыскание штрафа за каждое такое нарушение. В связи с вышесказанным в рамках предмета доказывания по делу судом должны быть вынесены на обсуждение вопросы о каждом из таких

¹ См.: Решение Арбитражного суда Амурской области от 18 января 2018 г. по делу № А04-10623/2017 // Сайт Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 17.08.2020).

² Решение Арбитражного суда Амурской области от 5 августа 2020 г. по делу № А04-4763/2020 // Сайт Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 17.08.2020).

³ См.: Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 5 августа 2020 г. по делу № А51-7759/2020 // Сайт Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 17.08.2020).

нарушений в отдельности. В то же время формулировка п. 37 Обзора предполагает, что заказчик вправе требовать взыскания одного штрафа сразу за несколько нарушений, что, впрочем, не влияет на необходимость доказывания каждого из совершенных нарушений, если они явились основанием для требований истца о взыскании неустойки.

В-третьих, в предмет доказывания вошел вопрос о возможности взыскания с ответчика неустойки и о ее размере. Суд в приведенном примере, учитывая компенсационную природу неустойки, а также несоразмерность начисленной неустойки стоимости выполненных работ по государственному контракту, уменьшил ее размер почти в 5 раз.

Вместе с тем, при рассмотрении указанного вопроса судам следует учитывать позицию Верховного Суда РФ, который в п. 34 своего Обзора указал, что кредитор вправе требовать уплаты законной неустойки по государственному контракту независимо от того, предусмотрена ли обязанность ее уплаты соглашением сторон. Как следствие изучение судом вопроса о возможности взыскания неустойки предполагает анализ не только содержания договора между сторонами, но также и императивных норм законодательства о контрактной системе, регулирующих случаи и порядок привлечения сторон к ответственности.

Что касается размера указанной неустойки, то здесь применим еще один пункт Обзора, а именно п. 36, согласно которому пеня за просрочку исполнения обязательств может быть начислена до момента прекращения договора в результате одностороннего отказа заказчика от его исполнения. Следовательно, если неисполнение контракта было «отягощено» односторонним отказом от исполнения, в предмет доказывания по делу должны войти сам факт и основания такого отказа, а также момент прекращения контракта.

Еще одним вопросом, который суд включил в предмет доказывания по данному делу, стал вопрос о наличии у истца ущерба в результате действий подрядчика. Данный вопрос прямо повлиял на размер взысканной неустойки, поскольку суд снизил неустойку именно исходя из отсутствия у истца доказательств возникновения указанного ущерба. Данная позиция суда согласуется с положениями ст. 333 ГК РФ и п. 73 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7, в котором указано, что «...несоразмерность и необоснованность убытки могут выражаться... в том, что возможный размер убытков кредитора, которые могли возникнуть вследствие нарушения обязательства, значительно ниже начисленной неустойки»¹.

Еще одним примером дела, касающегося привлечения стороны к ответственности за нарушение условий контракта, является дело № А66-5681/2020. Исходя из текста судебного решения, в предмет доказывания по делу вошли следующие факты:

Факт заключения государственного контракта между заказчиком и подрядчиком. Суд пришел к выводу, что указанный контракт был заключен в соответствии с требованиями действующего законодательства.

Факт нарушения подрядчиком своих обязанностей по договору (выполнение работ не в полном объеме). Указанный факт, по мнению суда, доказан не был,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. № 70.

так как истцом были подписаны акты приемки работ по контракту, что свидетельствует об отсутствии у него претензий к результатам работ.

Факт наличия оснований для взыскания с ответчика штрафа по контракту. Указанный вопрос первоначально вошел в предмет доказывания, но не был отражен в решении по делу, поскольку в силу недоказанности самого факта нарушения отсутствует необходимость в установлении размера ответственности.

Также следует отметить, что судебной практикой выработана позиция, которая препятствует одновременному взысканию с подрядчика за просрочку исполнения обязательств по контракту как пени за указанную просрочку, так и штрафа за ненадлежащее исполнение контракта¹. Указанная позиция является логичной с точки зрения недопустимости многократного привлечения к ответственности за одно и то же нарушение. В частности, по справедливому замечанию А.Ф. Тасалова «...разграничение... оснований для начисления штрафа и пени... означает, что эти основания являются разными по своей юридической природе» [12, с. 76].

В связи с вышесказанным судам при определении предмета доказывания по делу необходимо учитывать, что заявление истцом сразу нескольких требований по данной категории дел не всегда допустимо, в связи с чем истец должен доказать не только правомерность применения каждой из таких мер по отдельности, но также и законность их применения в совокупности.

Еще одной категорией дел, которая связана с правоотношениями в сфере контрактной системы, являются дела о включении информации в реестр недобросовестных поставщиков (РНП).

Указанные споры могут быть рассмотрены в судебном порядке исходя из положения ч. 11 ст. 104 Федерального закона № 44-ФЗ. При этом в силу их экономического и одновременно публично-правового характера (обжалуется решение органа, уполномоченного на осуществление контроля в сфере закупок) указанные споры рассматриваются арбитражными судами в порядке раздела III АПК РФ.

По указанной категории дел предмет доказывания формируется исходя из необходимости установления следующих фактов:

Факт нарушения законодательства в сфере контрактной системы в части включения в РНП. Для этого суд должен дополнительно установить несколько фактов.

1.1. Факт проведения закупочной процедуры (если контракт еще не заключен) или факт заключения контракта (если спор о включении в РНП возник после его заключения).

Факт нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) своих обязанностей по заключению или исполнению контракта (ч. 2 ст. 104 Федерального закона № 44-ФЗ). В первом случае — это факт уклонения от его заключения. Во втором случае — суду следует установить факт расторжения контракта в судебном порядке или в результате одностороннего отказа заказчика. При этом если

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 310-ЭС18-13489 от 20 декабря 2018 г. по делу № А08-2558/2017 // Сайт Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 17.08.2020); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 4 октября 2019 г. по делу № А66-20856/2017 // Сайт Федеральных арбитражных судов Российской Федерации. URL: <https://my.arbitr.ru> (дата обращения: 17.08.2020).

контракт был ранее расторгнут судом, то факт нарушения не будет подлежать доказыванию в силу преюдиции.

Факт включения в РНП. При этом, как справедливо отмечает А.Д. Орлов, заказчик как заинтересованное лицо должен быть наделен правом оспаривать в суде также решение об отказе о включении РНП [13, с. 84–85], что находит свое подтверждение в п. 42 Обзора. Поэтому в предмет доказывания по данной категории дел может входить факт отказа во включении в РНП.

Факт нарушения оспариваемым решением прав и законных интересов заявителя.

На основании всего вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что общим в отношении определения предмета доказывания по всем спорам в сфере контрактной системы является необходимость доказать:

факт возникновения правоотношений в сфере контрактной системы (проведение закупочной процедуры или наличие заключенного контракта);

факт нарушения норм законодательства (прежде всего, законодательства о контрактной системе) и (или) положений заключенного контракта, который повлек нарушение прав и законных интересов.

При этом указанные споры можно классифицировать по порядку их рассмотрения на частноправовые, для которых предусмотрена исковая форма защиты, а также на публично-правовые, которые рассматриваются в порядке раздела III АПК РФ. Указанная классификация позволяет проследить существенные различия в порядке формирования предмета доказывания по каждому из вышеперечисленных видов споров.

Для частноправовых споров в сфере контрактной системы характерно применение норм гражданского законодательства и сложившихся в судебной практике подходов к исполнению обязательств, что предопределяет схожесть предмета доказывания с другими договорными спорами. Одновременно в делах, связанных с контрактной системой, на формирование предмета доказывания влияют специальные нормы Федерального закона № 44-ФЗ, которые в большинстве своем являются императивными.

Что касается публично-правовых споров в сфере контрактной системы, то они в части содержания предмета доказывания мало отличаются от иных споров, связанных с оспариванием незаконных решений, действий (бездействия) органов власти. В то же время в части конкретных вопросов, входящих в предмет доказывания и раскрывающих содержание оспариваемых действий, споры в сфере контрактной системы также имеют свою уникальную специфику, обусловленную законодательством о закупках товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд.

С учетом всего вышесказанного существует необходимость систематизации правоприменительной практики в сфере контрактной системы в целях устранения судебных ошибок, связанных с установлением предмета доказывания. Полагаем, что она может быть осуществлена Верховным Судом РФ в форме постановления Пленума, которое учитывало бы специфику данной категории дел.

Библиографический список

1. Ярославцева А.Е., Тропин М.В. Актуальные вопросы развития контрактной системы в рамках действия федерального закона № 44-ФЗ // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2017. № 1. С. 291–294.

2. *Осокин Р.Б.* Организационно-правовые проблемы контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и роль органов прокуратуры в их разрешении // Вестник Московского ун-та МВД России. 2016. № 8. С. 133–144.

3. *Тасалов Ф.А.* Практика Верховного Суда Российской Федерации в сфере публичных закупок: на пути к формированию единых подходов к применению законодательства о контрактной системе // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1(74). С. 116–125.

4. *Рыжков К.С.* Подведомственность дел из правоотношений в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд // Российская юстиция. 2018. № 10. С. 48–50.

5. *Афанасьев С.Ф.* Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство: сборник документов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 354 с.

6. *Нахова Е.А.* Процессуальные полномочия суда при определении предмета доказывания в гражданском судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 4 (58). С. 152–158.

7. *Голубцов В.Г.* Российская Федерация как субъект гражданского права. М.: Статут, 2019. 272 с.

8. *Жемчужников А.А.* Отдельные вопросы, возникающие при заключении государственных контрактов в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2 (41). С. 17–21.

9. *Беляева О.А., Габов А.В.* Арбитрабельность споров, возникающих в сфере закупок // Журнал российского права. 2017. № 5 (245). С. 46–55.

10. *Цатурян Е.А.* Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики. М.: Статут, 2020. 224 с.

11. *Решетникова И.В.* Справочник по доказыванию в арбитражном процессе. М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2020. 360 с.

12. *Тасалов Ф.А.* Взыскание неустойки в рамках законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7(80). С. 73–82.

13. *Орлов А.Д.* Особенности рассмотрения арбитражными судами дел об отказе во включении информации о поставщике (подрядчике, исполнителе) в реестр недобросовестных поставщиков // Цивилистика: право и процесс. 2018. № 1. С. 83–86.

References

1. *Jaroslavtseva A.E., Tropin M.V.* Topical Issues of the Development of the Contract System Within the Framework of the Federal Law No. 44-FZ // Bulletin of the Tula branch of the Financial University. 2017. No. 1. P. 291–294.

2. *Osokin R.B.* Organizational and Legal Problems of the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs and the Role of the Prosecutor's Office in Resolving Them // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 8. P. 133–144.

3. *Tasalov F.A.* Practice of the Supreme Court of the Russian Federation in the Field of Public procurement: Towards the Formation of Uniform Approaches to the Application of Legislation on the Contract System // Actual problems of Russian law. 2017. No. 1(74). P. 116–125.

4. *Ryzhkov K.S.* Jurisdiction of Cases from Legal Relations in the Field of Procurement of Goods, Works and Services for State and Municipal Needs // Russian justice. 2018. No. 10. P. 48–50.

5. *Afanasyev S.F.* Evidence Course: Civil Procedure. Arbitration Process. Administrative Proceedings. 2nd ed., Rev. and additional: collection of documents. M.: Statut, 2019. 354 p.
6. *Nakhova E.A.* Procedural Powers of the Court in Determining the Subject of Proof in Civil Proceedings // Leningrad legal journal. 2019. No. 4(58). P. 152–158.
7. *Golubtsov V.G.* Russian Federation as a Subject of Civil Law. Moscow, 2019. 272 p.
8. *Zhemchuzhnikov A.A.* Certain Issues Arising from the Conclusion of State Contracts in Accordance with the Legislation of the Russian Federation on the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2 (41). P. 17–21.
9. *Belyaeva O.A., Gabov A.V.* Arbitrability of Disputes Arising in the Field of Procurement // Journal of Russian law. 2017. No. 5(245). P. 46–55.
10. *Caturyan E.A.* State Contract in Civil Law of Russia: Problems of Theory and Practice. Moscow: Statute, 2020. 224 p.
11. *Reshetnikova I.V.* Handbook of Proof in Arbitration Proceedings. M.: Yur. norma, INFRA-M, 2020. 360 p.
12. *Tasalov F.A.* Recovery of Forfeit Within the Framework of the Legislation of the Russian Federation on the Contractual System in the Field of Procurement // Actual problems of Russian law. 2017. No. 7(80). P. 73–82.
13. *Orlov A.D.* Specifics of Consideration by Arbitration Courts of Cases on Refusal to Include Information About a Supplier (Contractor, Provider) in the Register of Unscrupulous Suppliers // Civics: Law and Procedure. 2018. No. 1. P. 84–85.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-157-164
УДК 347.919.3

Т.А. Савельева

О ПРЕДЕЛАХ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: ОБЗОР ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции», неизбежно актуализирует исследование многих вопросов правового регулирования стадии кассационного производства. **Цель:** осмысление сущности и характера пределов рассмотрения дела и полномочий арбитражного суда кассационной инстанции в контексте его целевого предназначения и роли в современной системе пересмотра судебных актов. **Методологическая основа:** применялись положения общенаучного метода научного познания и частнонаучных методов (метод системного анализа действующего законодательства, практики его применения, формально-юридический и др.) **Результаты:** проведен анализ и сформулирована авторская позиция по отдельным проблемам правового регулирования кассационного производства в арбитражных судах, спрогнозированы направления теоретических исследований и судебной практики в обозначенной сфере. **Вывод:** обращение Верховного Суда РФ к проблеме правового регулирования стадии кассационного производства в арбитражных судах свидетельствует о продолжении поиска оптимальной модели пересмотра вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов. Многие позиции Верховного Суда РФ, в том числе, о принятии дополнительных доказательств, свидетельствуют о расширении пределов пересмотра вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов и требуют необходимого законодательного оформления.

Ключевые слова: правовые позиции Верховного Суда РФ, кассационное производство в арбитражных судах, пределы рассмотрения дела, принятие доказательств в суде кассационной инстанции.

T.A. Savelieva

ON THE LIMITS OF CONSIDERATION OF A CASE IN THE ARBITRATION COURT OF CASSATION: REVIEW OF THE LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: adoption of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2020 № 13 “On Application of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation in Consideration of Cases in Cassation Arbitration”,

© Савельева Татьяна Алексеевна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nat111@bk.ru
© Savelieva Tatyana Alekseevna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Arbitration Procedure (Saratov State Law Academy)

inevitably brings up to date the study of many questions of legal regulation of the cassation proceedings. Objective: comprehension of the essence and nature of the limits of the case and the powers of the arbitration court of cassation in the context of its intended purpose and role in the modern system of review of judicial acts. Methodology: the provisions of the general scientific method of scientific knowledge and private-scientific methods (the method of systematic analysis of the current legislation, the practice of its application, formal-legal, etc.) were applied. Results: the analysis was carried out and the author's position on certain problems of legal regulation of cassation proceedings in arbitration courts was formulated, the directions of theoretical research and judicial practice in this area were predicted. Conclusion: address of the Supreme Court of the Russian Federation to the problem of legal regulation of the stage of cassation proceedings in arbitration courts indicates the continuation of the search for the optimal model of review of judicial acts of arbitration courts that have entered into legal force. Many positions of the Supreme Court of the Russian Federation, including the adoption of additional evidence, indicate the expansion of the limits of review of judicial acts of arbitration courts, which have entered into legal force, and require the necessary legislative registration.

Key-words: *legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, cassation proceedings in arbitration courts, the limits of the case, the acceptance of evidence in the court of cassation.*

Проблемы организации и функционирования механизма защиты прав и законных интересов граждан и организаций путем проверки вступивших в законную силу судебных актов всегда были в центре внимания научных дискуссий в теории процессуального права. На новый виток своего развития поиск оптимальной модели кассационного производства в системе экономического правосудия вышел в связи с созданием в системе пересмотра судебных актов арбитражных судов Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, также выполняющей функции кассационной проверки судебных актов. На сегодняшний день продолжают оставаться дискуссионными моменты, связанные с порядком обращения в суд, с пределами и характером рассмотрения дела и соответственно определением необходимого объема полномочий арбитражного суда кассационной инстанции и т.д.

Многие из этих вопросов получили разрешение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции»¹ (далее — Постановление № 13). В связи с изменениями законодательства и судебной практики потребность в соответствующих разъяснениях очевидна.

В иерархии судебных инстанций, пересматривающих судебные акты арбитражных судов, арбитражный суд кассационной инстанции занимает особое место. В соответствии с действующим законодательством пределы рассмотрения дела в суде кассационной инстанции ограничены проверкой исключительно законности судебных актов. По общему правилу правильность применения норм материального и процессуального права при рассмотрении дела и принятии обжалуемого судебного акта устанавливается арбитражным судом кассацион-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.

ной инстанции, исходя из доводов, сформированных лицами, участвующими в деле в кассационной жалобе, а также в возражениях на кассационную жалобу (ч. 1 ст. 286 АПК РФ)¹. Установление подобных пределов ограничения процессуальных действий арбитражного суда кассационной инстанции во многом объясняется действием принципа диспозитивности, предполагающего зависимость судебного контроля от распорядительных действий сторон.

Как исключения из этого правила можно рассматривать положения ч. 2 и ч. 3 ст. 286 АПК РФ, допускающие возможность проверки арбитражным судом кассационной инстанции законности подлежащего обжалованию судебного акта за пределами доводов как лица, подающего кассационную жалобу, так и возражений других лиц, участвующих в деле. Речь идет об ошибках, допущенных нижестоящими судами, которые в правоприменительной практике именуют безусловными основаниями для отмены судебных актов, влекущими отмену даже правильного по существу решения. К числу таких можно отнести, например, рассмотрение дела в отсутствие ответчика, не извещенного о месте и времени судебного разбирательства², неподписание судьей резолютивной части решения суда³, принятие судом решения о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле⁴ и других процессуальных нарушений, исчерпывающий перечень которых установлен в ч. 4 ст. 288 АПК РФ. Отменяя судебные акты по указанным выше основаниям, суды кассационной инстанции обращают внимание на недопустимость нарушения таких принципов арбитражного процесса, как обеспечение равной судебной защиты прав и законных интересов всех лиц, участвующих в деле (ст. 7 АПК РФ), равноправие сторон (ст. 8 АПК РФ), состязательность (ст. 9 АПК РФ).

Термин «довод» довольно часто встречается в нормах арбитражного процессуального законодательства. В частности, лица, участвующие в деле, имеют право приводить свои доводы по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам и возражать против доводов других лиц, участвующих в деле (ст. 41 АПК РФ). Отсылают к этому термину нормативные установки ст. 131 АПК РФ, 136 АПК РФ, 168 АПК РФ и многие др.

В контексте настоящего исследования целесообразно провести соотношение между термином «довод» и такой процессуальной конструкцией как «доказательства». Еще в советской процессуальной науке указывалось на нетождественность этих понятий. Утверждения сторон, по мнению С.В. Курылева, сами по себе доказательствами не являются [1, с. 67]. В самом широком значении довод является категорией скорее судебного познания, нежели доказывания, огромную роль в изложении доводов сторон играет риторическая составляющая. В этом смысле довод рассматривается учеными как «...речевая смысловая конструкция, в которой фактические данные (содержание процессуального доказательства)

¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012; 2022. № 1, ч. 1, ст. 42.

² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 июня 2019 г. № Ф05-6890/2019 по делу № А40-191249/2018; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 января 2022 г. № Ф04-7213/2021 по делу № А27-8038/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июня 2020 г. № Ф09-1818/20 по делу № А60-46564/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17 февраля 2022 г. № Ф09-8785/21 по делу № А60-2600/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

интерпретируются, нагружаются расширяющими их понимание определенными значениями, встраиваются в доказательственную (аргументационную) систему» [2, с. 62]. Соответственно, суть довода — в обосновании убедительности и достоверности представленных доказательств, придании им юридической силы в условиях, когда те или иные доказательства оспариваются сторонами, либо их принятие судом на той или иной стадии процесса не является очевидным. С точки зрения Ю.П. Боруленкова «...довод тем не менее значим для суда, поскольку, выступая средством познания, позволяет раскрыть содержание процессуальных доказательств» [3, с. 53].

Без всякого сомнения, исходя из специфики судебной аргументации, юридическое значение при обосновании доказательств имеет не просто довод по любому вопросу, возникшему в судебном разбирательстве, а правовой довод, выступающий связующим звеном между доказательствами, основанием и предметом иска¹. Соответственно, правовые доводы, указанные сторонами в обоснование своей позиции по делу, имеют практическое значение для разрешения спора. Но если в арбитражном суде первой инстанции в силу принципа состязательности и равноправия стороны практически не ограничены в процессуальных действиях по обоснованию своей позиции по делу, приведению доводов и доказательств, в судах проверочных инстанций в этой части установлены определенные пределы.

Особенно остро вопрос о представлении дополнительных доказательств и приведении доводов сторон в их обоснование стоит в арбитражном суде кассационной инстанции. По сути Верховный Суд РФ в Постановлении № 13 не исключает процессуальную возможность сторон приводить правовое обоснование доводов и возражений на этой стадии, если они основаны на имеющихся в деле доказательствах, и такие дополнения, либо пояснения к кассационной жалобе не содержат ни новых требований, ни новых доказательств (абз. 3 п. 29). Обязательным условием реализации этого положения является лишь направление документов, содержащих обоснование доводов, для ознакомления другим лицам, участвующим в деле (п. 3 и 4 ч. 4 ст. 277 АПК РФ).

В действующем арбитражном процессуальном законодательстве отсутствуют положения о процессуальной возможности на стадии кассационного производства представления сторонами новых доказательств, которые не были предметом исследования в судах первой и апелляционной инстанции, в том числе, если нижестоящие суды отказали в их представлении или в силу иных обстоятельств, не зависящих от сторон, они не были представлены в суд первой инстанции. Это правило продиктовано сущностью кассационного способа проверки судебных актов. Иное, как разъяснил в свое время Конституционный Суд РФ, позволяло бы суду кассационной инстанции подменять суды первой и второй инстанций, которые самостоятельно исследуют и оценивают доказательства на основе принципов состязательности, равноправия сторон и непосредственности судебного разбирательства, что недопустимо².

¹ См.: Лазарев С. Кассация: судьба новых доводов URL: <https://wiselawyer-ru.turbopages.org/wiselawyer.ru/s/poleznoe/57393-kassaciya-sudba-novykh-dovodov> (дата обращения: 23.12.21).

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 274-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дериглазова Юрия Харитоновича на нарушение его конституционных прав статьями 286–288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Характерно, что действующее законодательство не содержит и запрета на представление доказательств в суде кассационной инстанции, как, например, это наблюдается в стадии апелляционного производства (ч. 2 ст. 268 АПК РФ). Как мы уже отмечали, сама специфика кассационного способа проверки делает такой запрет бессмысленным. Вполне логичным в этой связи представляется вывод Верховного Суда РФ о недопустимости в суде кассационной инстанции приобщения к делу новых или дополнительных доказательств, которые не были предметом исследования в суде первой и апелляционной инстанции и возвращения их лицам, участвующим в деле (абз. 3 п. 30).

Из полномочий суда кассационной инстанции исключены действия по установлению обстоятельств, которые не были установлены в решении или постановлении либо были отвергнуты судами, по предрешению вопросов достоверности или недостоверности доказательств, преимущества одних доказательств перед другими, а также по переоценке доказательств, которым уже была дана оценка судами первой и апелляционной инстанций. Именно с такой формулировкой арбитражные суды кассационной инстанции отказывают сторонам в приобщении к делу новых или дополнительных доказательств.

В действующей системе пересмотра судебных актов арбитражных судов среди проверочных инстанций правом принятия дополнительных доказательств, в случае, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, в том числе, в случае, если судом первой инстанции было отклонено ходатайство об истребовании доказательств, и суд признал эти причины уважительными, наделен суд апелляционной инстанции (ч. 2 ст. 268 АПК РФ).

Более того, в п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»¹ Верховный Суд РФ практически легализовал правило о принятии арбитражным судом апелляционной инстанции новых доказательств, которые не были предметом исследования в суде первой инстанции. Непременным условием реализации этой нормы, как разъяснил Верховный Суд РФ, является обоснование сторонами нарушений норм процессуального права, которые привели к неправильному решению, равно как и обоснование мотивов принятия (непринятия) таких доказательств со стороны суда.

Характерно, что в ранее действующем Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 мая 2009 г. по вопросам апелляционного производства в арбитражных судах² аналогичное разъяснение отсутствовало. С одной стороны, это свидетельствует об ужесточении правил принятия дополнительных доказательств в судах проверочных инстанций, а с другой о совершенствовании современного механизма пересмотра судебных актов, не допускающего снижения уровня процессуальных гарантий для лиц участвующих в деле.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.

² См. абз. 5 п. 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» (утратило силу) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8.

В этой связи заслуживает анализа обозначенная высшим судебным органом в Постановлении № 13 теоретическая конструкция относительно возможности представления в арбитражный суд кассационной инстанции доказательств, которые не были предметом исследования в суде первой либо апелляционной инстанции.

Принятие новых доказательств в стадии кассационного производства, как мы уже отмечали, действующим законодательством не регламентируется и отрицается самой сущностью кассационного производства, исключающего проверку обоснованности судебного акта. Но согласимся с Ю.П. Боруленковым, для того, чтобы в суде кассационной инстанции опровергнуть либо подтвердить доводы сторон о нарушении или неправильном применении нижестоящими судами норм процессуального права, суд кассационной инстанции должен, как минимум, дать оценку юридическим фактам процессуально-правового характера [4, с. 245], а значит принять такие доказательства.

Уместно в этом случае привести мнение профессора И.В. Решетниковой, что «кассация ...лишь принимает доказательства, на основании которых проводится проверка, но не может положить их в основание нового судебного решения» [5, с. 108]. Соответственно при таких обстоятельствах процессуально-правовым последствием принятия арбитражным судом кассационной инстанции дополнительных доказательств, является отмена решения суда первой инстанции или постановления арбитражного апелляционного суда и направление дела на новое рассмотрение в соответствующий арбитражный суд (п. 3 ч. 1 ст. 287 АПК РФ). На это обстоятельство обращает внимание и Верховный Суд РФ в Постановлении № 13 (абз. 5 п. 30).

Можно привести множество примеров судебной практики, когда суды, реализуя указанное полномочие, ссылаются на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по этому вопросу. Так, передавая дело на новое рассмотрение, арбитражный суд округа указал, что нижестоящие суды при оценке правомерности действий акционерного общества не приняли во внимание расследование по уголовному делу по факту отчуждения акций в результате мошеннических действий и наложения ареста на акции, находившиеся на лицевом счете акционера и необоснованно отказали в приобщении к материалам дела приговора по уголовному делу¹.

Таким образом, в целях исправления судебных ошибок в применении арбитражными судами норм процессуального права, высший судебный орган по сути проецирует правило о возможности принятия новых доказательств в апелляционном производстве на стадию кассационной проверки, что безусловно расширяет пределы и предмет рассмотрения дела в суде кассационной инстанции. В разъяснениях Верховного Суда РФ практически легализовано правило о возможности представления сторонами новых доказательств в суд кассационной инстанции, которые при определенных обстоятельствах могут изменить судьбу обжалуемого судебного акта.

Еще задолго до принятия анализируемого нами Постановления №13 учеными было высказано предложение о дополнении ст. 286 АПК РФ пунктом следующего содержания «Принятие дополнительных доказательств арбитражным судом кас-

¹См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 7 августа 2020 г. № Ф03-1636/2020 по делу № А51-17085/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сационной инстанции не допускается, за исключением случаев необоснованного отказа судами первой и (или) апелляционной инстанций в их принятии лицу, участвующему в деле, либо если указанное лицо обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными» [6, с. 7–8]. В свете последних разъяснений Верховного Суда РФ эти предложения приобретают особую актуальность. Очевидно, что в этом случае нуждается в разработке процессуальный механизм принятия таких доказательств, их оценки и приобщения к материалам дела.

О расширении пределов полномочий арбитражного суда кассационной инстанции указывают и некоторые другие положения анализируемого Постановления, в частности, о возможности иной правовой квалификации существующих правоотношений сторон (абз. 3 п. 30), о проверке судом кассационной инстанции судебных актов на предмет соответствия выводов судов практике применения правовых норм, в том числе, со схожими правовыми обстоятельствами (абз. 7 п. 30). В этом же ряду можно поставить и прямо предоставленное высшим судебным органом суду кассационной инстанции право основывать свои выводы на обстоятельствах общеизвестных преюдициально значимых и бесспорных (абз. 6 п. 30).

Расширяет пределы рассмотрения дела в стадии кассационного пересмотра также указание высшего судебного органа на право арбитражного суда кассационной инстанции самостоятельно определять характер спорного правоотношения, возникшего между сторонами по делу, а также нормы законодательства, подлежащие применению (абз. 2 п. 28). Несмотря на то, что это правило закреплено и в нормах действующего законодательства (п. 12 ч. 2 ст. 289 АПК РФ), ситуация осложняется тем, что схожими полномочиями наделена и Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, также осуществляющая функции кассационного пересмотра судебных актов арбитражных (п. 9 и 10 ч. 2 ст. 291.13 АПК РФ). Между тем полномочия и, соответственно, пределы рассмотрения дела в двух кассационных инстанциях различаются. Налицо, как отмечают ученые, допускаемое Верховным Судом РФ «расширительное толкование полномочий ординарной кассации по аналогии с экстраординарными»¹.

Таким образом, правовые позиции Верховного Суда РФ относительно пределов пересмотра судебных актов в суде кассационной инстанции свидетельствуют о продолжении поиска оптимальной модели кассационного пересмотра и нуждаются в дальнейшем осмыслении и анализе, поскольку представляют не только теоретический интерес для представителей юридической науки, а носят ярко выраженную практическую направленность в деле решения задач арбитражного судопроизводства.

Библиографический список

1. *Курылев С.В.* Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1956. 187 с.
2. *Каргин К.В.* Понятие юридической аргументации // *Юридическая техника.* 2013. № 7. Ч. 1. С. 60–64.
3. *Боруленков Ю.П.* Довод как категория доказательственного права. Часть 2. Содержание и структура судебного довода // *Российский судья.* 2019. № 4. С. 50–55.

¹ URL: https://zakon.ru/blog/2020/7/1/plenum_vs_o_primenenii_apk_v_kassacii_-_zacepki_dlya_glaza (дата обращения: 06.12.2021).

4. *Опалев Р.О.* Вопросы судопроизводства в арбитражных судах: научно-практическое пособие. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 304 с.
5. *Решетникова И.В.* О применении АПК РФ при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции. Новое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Закон. 2020. № 7. С. 101–108.
6. *Павлова Л.Н.* Реализация полномочий судом кассационной инстанции в современном арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 197 с.

References

1. *Kurylev S.V.* Explanations of the Parties as Evidence in the Soviet Civil Process. М.: Gosyurizdat, 1956. 187 p.
2. *Kargin K.V.* The Concept of Legal Argumentation // Legal technique. 2013. No. 7. Part 1. P. 60–64.
3. *Borulenkov Yu.P.* Argument as a Category of Evidence Law. Part 2. The Content and Structure of the Judicial Argument // Russian judge. 2019. No. 4. P. 50–55.
4. *Opalev R.O.* Questions of Legal Proceedings in Arbitration Courts: a Scientific and Practical Guide. Moscow: Infotropic Media, 2013. 304 p.
5. *Reshetnikova I.V.* On the Application of the APC of the Russian Federation when Considering Cases in the Arbitration Court of the Cassation Instance. New Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Law. 2020. No. 7. P. 101–108.
6. *Pavlova L.N.* Realization of Powers by the Court of Cassation in the Modern Arbitration Process: dis. ... cand. of law. Saratov, 2009. 197 p.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-165-175

УДК 343.231:343.346.2

Г.В. Верина

НОВАЯ ВОЛНА РЕВИЗИИ КОНЦЕПЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В «ЗЕРКАЛЕ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

Введение: система преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта эволюционирует, периодически пополняясь новыми составами преступлений. Базой последней корректировки в заданном направлении служит Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ, сопряженный с криминализацией деяния и нуждающийся в доктринальном толковании. Поскольку означенный закон в качестве одного из важнейших признаков конструкции нового состава преступления использовал административную преюдицию, представляется важным познать его уголовно-правовые нормы через призму эволюции концепции преступления. **Цель:** показать влияние законодательного моделирования новых составов преступлений в отдельно взятой системе уголовно-правовых норм на происходящую ревизию общей концепции преступления. **Методологической основой** исследования выступает всеобщий философский метод познания. **Востребованы** общенаучные и частно-научные методы познания, в том числе формально-юридический, догматический, формально-логический, системно-структурный, историко-правовой, анализ и синтез, лингвистический и др. **Результаты:** в статье представлены содержание и сущность новых уголовно-правовых норм ст. 264.2 УК РФ; сделан прогноз относительно «спящего» характера данных норм из-за двойной административной преюдиции; выявлены их правоприменительные перспективы, проблемы и коллизии; предложены пути совершенствования уголовно-правовых норм; синтезированы направления и векторы развития уголовного законодательства в исследуемой плоскости; показано влияние новелл на эволюцию концептуальных основ уголовного законодательства в контексте общей концепции преступления. **Выводы:** административная преюдиция, совершив количественный скачок, который не привел к качественно новому направлению развития российского уголовного законодательства, вступила в свою новую фазу — фазу двойной административной преюдиции, что углубило прорастание административно-правовых «корней» в уголовно-правовую «почву»; очевидна несовместимость уголовного закона с административной преюдицией, тем более двойной; отсутствует объективная необхо-

Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 2 (145) • 2022

© Верина Галина Владимировна, 2022

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: GV.Verina@yandex.ru

© Verina Galina Vladimirovna, 2022

Doctor of Law, Professor, Department of Criminal and Penal Law (Saratov State Law Academy)

димность существования в УК РФ конструкций, подобных ст. 264.2; Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ знаменует собой вступление нормативной концепции преступления в свою новую фазу, окрашенную двойной административной преюдицией, демонстрирующей постепенный отход законодателя от объективного признака преступления «общественная опасность».

Ключевые слова: концепция преступления, ревизия концепции преступления, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ, новые уголовно-правовые нормы, двойная административная преюдиция.

G.V. Verina

A NEW WAVE OF REVISION OF THE CONCEPT OF CRIME IN THE “MIRROR” OF CRIMES AGAINST THE SAFETY OF TRAFFIC AND TRANSPORT OPERATION

Background: the system of crimes against the safety of traffic and transport operation evolves, periodically replenished by new corpus delicti of crimes. The basis of the latest adjustment in the given direction is the Federal Law No. 458-FZ of 30 December 2021, associated with the criminalization of a deed and in need of doctrinal interpretation. Since the mentioned law used administrative prejudice as one of the most important features of the construction of a new corpus delicti, it seems important to learn its criminal-law norms through the prism of evolution of the concept of crime. **Objective:** to show the impact of legislative modeling of new crimes in a single system of criminal law on the ongoing revision of the general concept of crime. **Methodology:** the methodological basis of the study is the universal philosophical method of knowledge. General scientific and particular scientific methods of cognition, including formal legal, dogmatic, formal-logical, system-structural, historical and legal, analysis and synthesis, linguistic, etc., are in demand. **Results:** the article presents the content and essence of the new criminal law norms of Art. 264.2 of the Criminal Code of the Russian Federation; predicts the “dormant” nature of these norms due to double administrative prejudice; identifies their law enforcement prospects, problems and conflicts; proposes ways to improve criminal law norms; synthesizes the directions and vectors of criminal legislation in the studied plane; shows the impact of innovations on the evolution of the conceptual framework of criminal law in the context of the general concept of crime. **Conclusions:** administrative prejudice, having made a quantitative leap, which has not led to a qualitatively new direction of development of Russian criminal legislation, has entered its new phase - the phase of double administrative prejudice, which has deepened the sprouting of administrative-legal “roots” in the criminal-legal “soil”; obvious incompatibility of criminal law with administrative prejudice, especially double; there is no objective need for the existence in the Criminal Code of the RF of structures like Art. 264.2; Federal law of December 30, 2021 No. 458-FZ marks the entry of the normative concept of crime in its new phase, colored by double administrative prejudice, demonstrating a gradual departure of the legislator from the objective attribute of the crime “public danger”.

Key-words: concept of a crime, revision of the concept of a crime, crimes against traffic safety and transport operation, Federal Law of December 30, 2021 No. 458-FL, new criminal law norms, double administrative prejudice.

В современных жизненных реалиях видится пророческим суждение Н.С. Таганцева: «Право создается народной жизнью, живетъ и видоизмѣняется вмѣстѣ съ нею» [1, с. 18–19].

Трагические события на дорогах нашей страны (по данным МВД РФ, за 2021 г. на территории России зарегистрировано 2 004 404 преступлений; из них 66 327 составляют нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, и 18 217 — нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств¹) потребовали внесения корректив в действующее российское уголовное законодательство, несмотря на канун Нового (2022) года. В уголовно-правовом поле данное событие ознаменовалось принятием федерального закона², внесшим изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ).

Согласно нововведениям Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» глава 27 «Преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта» УК РФ дополнена статьей 264.2 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишением права управления транспортными средствами».

Уже само название обозначенной статьи уголовного закона заставляет задуматься не просто об административной преюдиции, а об административной преюдиции удвоенного характера (можно сказать, двойной преюдиции или преюдиции в квадрате), ибо лицо становится субъектом представленного преступления, если оно ранее было подвергнуто административному наказанию и лишено права управления транспортным средством. При этом встает вопрос о том, каким образом следует трактовать административное наказание и лишение права управления транспортным средством — в совокупности или обособленно друг от друга? Иными словами, необходимо выяснить: в контексте названия ст. 264.2 УК РФ лишение права управлять транспортным средством есть форма реализации административного наказания или же последнее может быть любым и плюс обязательно должно быть лишение права управлять транспортным средством? В зависимости от решения поставленных вопросов можно познать и количество совершенных административно наказуемых деяний, предопределяющих характер административной преюдиции в спектре нового состава преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта.

При условии признания самостоятельности административного наказания и лишения права управлять транспортными средствами есть смысл вести речь об удвоенной административной преюдиции. В такой плоскости не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что лицо может быть лишено права управлять транспортным средством в силу реализации уголовно-правовых санкций, иными словами, при назначении уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47

¹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года // Официальный Интернет-сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552>; <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552> (дата обращения: 04.02.2022).

² См.: Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 1, ч. 1, ст. 27.

УК РФ) за совершенное автотранспортное преступление, предусмотренное, например, ст. 264 «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств», ст. 264.1 «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» и другими статьями УК РФ. Но в таком случае утрачивается повторность административной преюдиции. Вместе с тем появляется преюдиция уголовно-правового характера (ибо лицо ранее подвергалось уголовной ответственности) и единичная преюдиция административно-правового свойства. Тем самым сквозь призму новеллы автотранспортных преступлений уже высветливается проблема возможности привлечения к уголовной ответственности по ст. 264.2 УК РФ, если лицо ранее было подвергнуто не только административной, но и уголовной ответственности с лишением права управлять транспортными средствами. Опасность личности при такой картине криминального поведения возрастает, но, вопреки этому, надлежащая реакция законодателя отсутствует, о чем свидетельствует содержание уголовно-правовых норм.

Если же в контексте анализируемого названия статьи уголовного закона лишение права управлять транспортным средством рассматривать в качестве формы реализации административной ответственности, то для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 264.2 УК РФ (в ключе ее названия) достаточно одного деяния и разового привлечения к административной ответственности в соответствии с требованиями ч. 1 данной статьи уголовного закона.

Законодательные формулировки должны быть точными и не создавать многополярных миров в «галактике» под названием «уголовный закон». Полисемичность же толкования наименования ст. 264.2 УК РФ уже само по себе навеивает мысль о его несовершенстве.

Проведенный анализ названия новой статьи уголовного закона с использованием приема грамматического толкования не дает оснований для однозначного ответа на поставленные вопросы. Поиск ответов на сии вопросы необходимо продолжить через призму доктринального толкования диспозиций ч. 1 и 2 представляющей научный интерес статьи федерального нормативно-правового акта.

Так, в ч. 1 ст. 264.2 УК РФ установлена уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения, предусмотренное ч. 4 или 5 ст. 12.9 либо ч. 4 ст. 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами за любое из деяний, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ.

Итак, в соответствии со структурой диспозиции уголовно-правовой нормы лицо должно совершить деяние, предусмотренное ч. 4 или 5 ст. 12.9 либо ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ. Согласно части 4 ст. 12.9 «Превышение установленной скорости движения» КоАП РФ превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60, но не более 80 километров в час влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от четырех до шести месяцев¹, а согласно части пятой представленной статьи административно-правового акта превышение установленной скорости

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г. № 481-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2022. № 1, ч. 1, ст. 50.

движения транспортного средства на величину более 80 километров в час влечет наложение административного штрафа в размере пяти тысяч рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок шесть месяцев¹.

Диспозиция части первой ст. 264.2 УК РФ предусматривает также в альтернативном варианте возможность уголовной ответственности (при условии административной преюдиции) за совершение деяния, закрепленного в ч. 4 ст. 12.15 «Нарушение правил расположения транспортного средства на проезжей части дороги, встречного разъезда или обгона» КоАП РФ, которое влечет наложение административного штрафа в размере пяти тысяч рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от четырех до шести месяцев².

Смысловую запутанность положениям диспозиции ч. 1 ст. 264.2 УК РФ придает предписание о том, что до совершения деяний, указанных в ней, ранее лицо должно было быть подвергнутым административному наказанию и лишенным права управлять транспортным средством не за данные деяния, а за те, административная ответственность за которые наступает по ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ. Рассмотрим, что же это за деяния (?). Так, часть 7 ст. 12.9 российского административного закона устанавливает ответственность за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частями 4 и 5 настоящей статьи, а ч. 5 ст. 12.15 одного — повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 4 последней.

Столь разнообразная палитра административно наказуемого поведения вызывает некое недоумение. Не проще ли было в статье уголовного закона указать на тот факт, что лицо, которому вменяется преступление, ранее привлекалось к административной ответственности, как минимум дважды, за конкретные правонарушения? Подобная законодательная техника представляется предпочтительнее и более понятной не только для правоисполнителей, но и правоведов-теоретиков, а также правоприменителей.

Благодаря доктринальному толкованию становится очевидным, что лицо может быть подвергнуто уголовной ответственности по ч. 1 ст. 264.2 УК РФ только за совершенное в третий раз деяние, о котором идет речь в ч. 4 или 5 ст. 12.9 либо в ч. 4 ст. 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, при условии сохранения юридических последствий содеянного и предшествующего двойного привлечения к административной ответственности.

Необходимо внести некую ясность относительно вида административного наказания. Думается, для применения ч. 1 ст. 264.2 УК РФ достаточно разового лишения права управления транспортными средствами с сохранением его юридических последствий. Поскольку санкции ч. 4 и 5 ст. 12.9, а также ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ альтернативные (представлены административным штрафом и лишением права управления транспортными средствами), постольку за одно из административных правонарушений, создающих в итоге административную преюдицию в ракурсе ст. 264.2 УК РФ, может быть назначен административный штраф.

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г. № 481-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2022. № 1, ч. 1, ст. 50.

² См.: Там же.

Как подчеркивал Н.С. Таганцев, «съ научною обработкою права въ его изученіе можетъ быть введена и критическая оцѣнка дѣйствующаго права и притомъ с двоякой точки зрѣнія: его устойчивости и его жизнєпригодности» [1, с. 19].

С учетом данного научного подхода к нормам права представляется злободневным вопрос о «жизнєпригодности» ст. 264.2 УК РФ. Есть основания полагать, что названная статья российского уголовного закона будет редко применяться в силу двойной административной преюдиции. В основном ее функция, видимо, будет носить профилактический характер. И профилактировать она будет, если учитывать позицию Б.Т. Разгильдиева, «поведенческие акты, с необходимостью вызывающие общественно опасные последствия» [2, с. 199]. Между тем, и возможности уголовно-правового воздействия в сфере профилактики законодатель переоценивает, что, в конечном итоге, приводит к разрастанию «паутины» сего государственного механизма. Поэтому выражаю солидарность с С.Ю. Бытко и А.Н. Варыгиным, высказавшим подобную точку зрения, но в контексте уголовного наказания [3, с. 164].

Следовательно, уже сегодня можно прогнозировать низкую активность уголовно-правовых норм исследуемой статьи Закона и, соответственно, их «спящий» характер. Разделяя научное мнение о ненужности административной преюдиции в уголовном законе (тем более, двойной) и принимая во внимание расставленные акценты, прихожу к выводу об отсутствии объективной необходимости существования в нем конструкций, подобных той, которая воплощена в ст. 264.2 УК РФ. Проведенный анализ позволяет также заключить, что техника построения уголовно-правовой нормы ч. 1 ст. 264.2 УК РФ далека от совершенства и, несомненно, вызовет трудности в правоприменении.

Поскольку законодательная практика показывает, что вновь принятые законы сразу не отменяются, второй путь эволюции законодательства в сфере уголовного права — это совершенствование его норм. Процесс законотворчества очень сложный и, как правило, опирается на научные достижения. Однако в уголовно-правовой науке существует плюрализм концепций и суждений, посему сложно прогнозировать, каким из них будет отдано предпочтение. Вместе с тем каждый ученый надеется быть услышанным и предлагает свое научное воззрение, свой проект той или иной уголовно-правовой нормы. Мне же представляется целесообразным ч. 1 ст. 264.2 УК РФ скорректировать, изложив ее в следующей редакции: «Нарушение правил дорожного движения, предусмотренное частью 4 или 5 статьи 12.9 либо частью 4 статьи 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, лицом, дважды подвергнутым административному наказанию и лишенным права управлять транспортным средством за любое из деяний, предусмотренных названными частями и статьями российского административного законодательства».

Думается, представленный проект уголовно-правовой нормы в большей степени отвечает потребностям современного мироздания и позволит избежать значительного количества правоприменительных ошибок. Он также более прост для понимания сущности уголовно-правовой нормы и признаков состава преступления, закрепленного в ней.

Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами, дифференцируется посредством квалифицирующего признака, базирующегося на понятии специального рецидива преступлений.

Так, в части второй ст. 264.2 УК РФ закреплен следующий состав преступления: «Нарушение правил дорожного движения, предусмотренное частью 4 или 5 статьи 12.9 либо частью 4 статьи 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, лицом, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей»¹.

В уголовно-правовом пространстве преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта наметился некий системный подход в отношении квалифицирующего признака, базирующегося на прежней судимости. Данная научная гипотеза подтверждается, в частности, тем, что аналогичный квалифицирующий признак присутствует в ч. 2 ст. 264.1 УК РФ: «Управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 настоящего Кодекса либо настоящей статьей»².

Вместе с тем примечательно, что названный квалифицирующий признак находит отражение на уровне уголовно-правовых норм только в спектре преступлений с административной преюдицией, которые входят в категорию преступлений небольшой тяжести. Однако использование законодателем такого квалифицирующего признака в очерченном выше правовом поле вызывает некое удивление, поскольку в современный период развития российского уголовного законодательства он очень редко встречается в уголовно-правовых нормах. Напомню: в 2003 г. законодателем был провозглашен полный отказ от судимости как фактора, влияющего на конструирование квалифицированных составов преступлений³, что, по сути, было сопоставимо с реформой. Постепенный возврат квалифицирующих признаков, зиждущихся на судимости, к дореформенному состоянию начался в 2012 г. в связи с принятием федерального закона № 14 в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних⁴.

Между тем до сих пор преступления с квалифицирующим признаком, обусловленным судимостью, составляют исключение из общего правила. В числе таковых в первую очередь следует назвать четыре преступления против половой неприкосновенности (глава 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы» УК РФ), для которых характерен квалифицирующий признак «совершение деяния лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего», выполняющий функцию предупреждения специального рецидива преступлений. К ним, в частности, относятся следующие преступления: изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста (ч. 5 ст. 131 УК РФ);

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г. № 499-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2022. № 1, ч. 1, ст. 68.

² См.: Там же.

³ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50, ст. 4848.

⁴ См.: Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 10, ст. 1162.

насильственные действия сексуального характера в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста (ч. 5 ст. 132 УК РФ); половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, достигшим двенадцатилетнего возраста, но не достигшим четырнадцатилетнего возраста (ч. 6 ст. 134 УК РФ); развратные действия в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста (ч. 5 ст. 135 УК РФ). Все эти преступления отличаются повышенной степенью общественной опасности и признаны законодателем (ст. 15 УК РФ) особо тяжкими.

Еще одно преступление, для которого законодатель установил квалифицирующий признак, запрограммированный на рецидив, содержится в главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» УК РФ. Для состава преступления «мелкий коммерческий подкуп» в части второй ст. 204.2 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак «деяние, совершенное лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 204, 204.1 настоящего Кодекса либо настоящей статьей». Мелкий коммерческий подкуп с учетом данного квалифицирующего признака отнесен к преступлениям небольшой тяжести. При этом следует заметить, что ни ст. 204 «Коммерческий подкуп», ни ст. 204.1 «Посредничество в коммерческом подкупе» УК РФ не содержат подобного квалифицирующего признака либо его аналога, что в диапазоне главы 23 уголовного закона выглядит весьма парадоксально и свидетельствует об отсутствии системного подхода к квалифицирующему признаку, в основу которого заложен рецидив преступлений.

В рамках преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ) только состав преступления «мелкое взяточничество» (ст. 291.2 УК РФ) оснащен квалифицирующим признаком, сущностным содержанием которого является судимость за тождественные и однородные преступления. Так, в части второй обозначенной статьи уголовного закона закреплено: «Те же деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1 настоящего Кодекса либо настоящей статьей»¹. Таким образом, это восьмой состав преступления со свойственным ему квалифицирующим признаком, знаковую роль в котором играет судимость. Вновь бросается в глаза парадоксальность того, что ни за получение взятки (ст. 290 УК РФ), ни за дачу взятки (ст. 291 УК РФ), ни за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) нет повышенной уголовной ответственности в зависимости от прежней судимости.

С учетом изложенного важно констатировать, что возвращение квалифицирующего признака, базирующегося на судимости, происходит очень осторожно, постепенно, небольшими шажками. Впрочем, старт на уровне квалификации преступлений против половой неприкосновенности был произведен в 2012 г. достаточно ярко и комплексно. Поэтому ожидалось, что законодатель возвратит анализируемый квалифицирующий признак для других особо тяжких преступлений из системы преступлений против личности, однако до сих пор эти ожидания не реализовались.

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г. № 499-ФЗ).

Стало быть, восстановление статус-кво квалифицирующего признака, основывающегося на судимости, происходит по двум направлениям с учетом степени тяжести преступлений: 1) усиление уголовной ответственности за особо тяжкие преступления посредством данного признака и 2) установление с его помощью повышенной уголовной ответственности за вновь криминализованное деяние небольшой тяжести. Во втором направлении можно выделить два вектора: первый сопряжен с административной преюдицией, второй свободен от административной преюдиции. Второе направление видится ненужной шоковой терапией, ориентированной исключительно на устрашение, что противоречит целям уголовного наказания, системно представленным в ст. 43 УК РФ.

Необходимо обратить внимание на примечание к ст. 264.2 УК РФ: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи»¹.

В период тотальной цифровизации и активного развития искусственного интеллекта процитированное примечание выглядит анахронизмом. Вместе с тем его содержание наводит на мысль о том, что законодатель не доверяет технике. И тут, действительно, много вопросов. Достаточно вспомнить ошибки камер слежения в фиксации нарушений правил дорожного движения, в результате чего выписываются штрафы законопослушным гражданам².

В контексте более высокой материи уголовно-правовой доктрины познаваемый новый федеральный закон № 458-ФЗ, полагаю, знаменует собой вступление законодательной концепции преступления в ее новую фазу. Напомню, что в настоящий момент законодательная концепция преступления претерпевает не лучшие времена, подвергается пересмотру. Научное воззрение относительно этой ревизии достаточно подробно представлено на страницах научного журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии» (2020. № 1) [4].

Здесь же необходимо отметить, что проводимая законодателем ревизия концепции преступления происходит волнообразно, в виде, образно говоря, неких всплесков волн, аккумулирующихся в принятии федеральных законов, ориентированных, в частности, на административную преюдицию. Сущность ревизионистских мер заключается в том, что законодатель постепенно отходит от объективного квалифицирующего признака преступления, подменяя его признаком субъективным.

Поэтому отчасти можно согласиться с М.В. Бавсуном в том, что сегодня на уровне законодательства основная идея сместилась «к тотальному контролю за психикой человека и разработке дополнительных возможностей по воздействию на нее» [5, с. 571]. К счастью, это далеко не сопоставимо с тем, что можно наблюдать в Соединенных Штатах Америки. Так, по утверждению Robert Leider, вершиной американского произвола является тот факт, что обвиняемому можно назначить более суровое наказание, потому что он был пойман в понедельник, а не во вторник [6, с. 447]. Иными словами, учет личности преступника при

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г. № 499-ФЗ).

² См., например: *Егоров С.* Чужие штрафы: как избежать их после продажи автомобиля. URL: <https://www.vesti.ru/auto/article/2537417> (дата обращения: 04.02.2022).

назначении наказания в американском Common Law of Crime (общем праве о преступлении) доведен до абсурда.

Ревизия российской законодательной концепции преступления проводится поэтапно и в разных направлениях, одно из которых — расширение административной преюдиции в системе уголовно-правовых норм. На гребне последней волны оказались преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, что и позволило увидеть ее отражение в «зеркале» данной системы уголовно-правовых норм.

Процесс познания показал, что административная преюдиция вступила в свою новую фазу, совершив количественный скачок, который не привел к качественно новому направлению развития российского уголовного законодательства. Он лишь углубил прорастание административно-правовых «корней» в «территориальные земли» уголовного права. И это все сильнее «размывает» границы уголовного и административного права, что, по моему убеждению, представляет собой негативный процесс.

Подводя итоги анализу и рассуждениям, необходимо акцентировать внимание на наиболее важных научных результатах и выводах, выкристаллизовавшихся в процессе исследования.

Так, уже сегодня можно прогнозировать низкую активность уголовно-правовых норм ст. 264.2 УК РФ и соответственно их «спящий» характер. Редкое их применение будет предопределяться двойной административной преюдицией. Функция таких норм сводится к профилактике, и профилактировать они будут поведение, влекущее за собой общественно опасные последствия.

Техника построения уголовно-правовой нормы ч. 1 ст. 264.2 УК РФ далека от совершенства и, несомненно, вызовет трудности в правоприменении. Поэтому по результатам исследования видится целесообразным ч. 1 ст. 264.2 УК РФ изложить в следующей редакции: «Нарушение правил дорожного движения, предусмотренное частью 4 или 5 статьи 12.9 либо частью 4 статьи 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, лицом, дважды подвергнутым административному наказанию и лишенным права управлять транспортным средством за любое из деяний, предусмотренных названными частями и статьями российского административного законодательства».

Восстановление статус-кво квалифицирующего признака, основывающегося на судимости, происходит по двум направлениям с учетом степени тяжести преступлений: 1) усиление уголовной ответственности за особо тяжкие преступления посредством данного признака; 2) установление с его помощью повышенной уголовной ответственности за вновь криминализованное деяние небольшой тяжести. Во втором направлении можно выделить два вектора: первый из них сопряжен с административной преюдицией, второй от нее свободен. Второе направление видится ненужной шоковой терапией, ориентированной исключительно на устрашение, что противоречит целям уголовного наказания.

Важно констатировать и то, что административная преюдиция в уголовном законе вступила в свою новую фазу — фазу двойной административной преюдиции, совершив количественный скачок, который, однако, не привел к качественно новому направлению развития российского уголовного законодательства. Он лишь углубил прорастание административно-правовых «корней» в уголовно-правовую «почву». И это все сильнее «размывает» границы уголовного и административного права, что, по моему убеждению, представляет собой негативный процесс.

Сделан также вывод (базирующийся на концепции несовместимости уголовного закона с административной преюдицией) об отсутствии объективной необходимости существования в Уголовном кодексе Российской Федерации конструкций, подобных ст. 264.2.

И, наконец, в контексте уголовно-правовой доктрины преступления федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ знаменует собой вступление нормативной концепции преступления в ее новую фазу, имеющую окраску двойной административной преюдиции, демонстрирующей постепенный отход законодателя от объективного признака преступления («общественная опасность») и его замену признаком «субъективная общественная опасность» («общественная опасность личности преступника»).

Библиографический список

1. Русское уголовное право. Часть Общая: лекции Н.С. Таганцева. 2-е изд., пересм. и доп. СПб.: Изд-во Гос. тип., 1902. Т. 1. 823 с.
2. *Разгильдиев Б.Т.* Проблемы понятия профилактики преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5 (136). С. 194–201.
3. *Бытко С.Ю., Варыгин А.Н.* Некоторые методологические вопросы оценки эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 43. С. 146–177.
4. *Верина Г.В.* Ревизия законодательной концепции преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 109–120.
5. *Бавсун М.В.* Проблемы определения содержания предмета и метода уголовного права в условиях современной концепции развития общественных отношений // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 4. С. 570–580.
6. *Leider Robert.* The Modern Common Law of Crime // Journal of Criminal Law and Criminology. 2021. Vol. 111. No. 2. Issue 2. P. 407–499.

References

1. Russian Criminal Law. Part General: lectures by N.S. Tagantseva. Ed. 2nd, rev. and ad. SPb: Publishing House of the State. Publ. house 1902. T. 1. 823 p.
2. *Razgildiev B.T.* Problems of Crime Prevention Concept // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 5 (136). P. 194–201.
3. *Bytko S.Yu., Varygin A.N.* Some Methodological Issues of Evaluating the Effectiveness of the Preventive Impact of Criminal Penalties // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2019. Issue 43. P. 146–177.
4. *Verina G.V.* Audit of the Legislative Concept of Crime // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 1 (132). P. 109–120.
5. *Bavsun M.V.* Problems of Determining the Contents of the Subject and Method of Criminal Law Within the Current Concept of the Development of Public Relations // Russian Journal of Criminology. 2020. Vol. 14. No. 4. P. 570–580.
6. *Leider Robert.* The Modern Common Law of Crime // Journal of Criminal Law and Criminology. 2021. Vol. 111. No. 2. Issue 2. P. 407–499.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-176-183

УДК 343.222.1

А.Г. Иванов

СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ ВИНОВНОГО К КВАЛИФИЦИРУЮЩИМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФАКТИЧЕСКОЙ ОШИБКИ

Введение: принцип вины, закрепленный в уголовном праве, предопределяет установление уголовной ответственности только на основании установления вины в отношении общественно опасных деяний и их последствий, отводя данной категории ключевую роль в рамках определения виновности лица. **Цель:** выделить содержательную сущность субъективного отношения виновного к квалифицирующим признакам преступления и рассмотреть ее в рамках установления вины. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности (диалектический, сравнительный анализ, формально-юридический). **Результаты:** в статье проведен анализ субъективного отношения виновного лица к квалифицирующим признакам преступлений против личности и рассмотрена его обрисовка в диспозициях уголовно-правовых норм. Аргументирована допустимость в законодательной конструкции квалифицированных преступлений субъективной ошибки. **Вывод:** конструкция квалифицирующих признаков преступления в большинстве своем допускает субъективную ошибку виновного, в результате чего имеется необходимость ее законодательной регламентации.

Ключевые слова: субъективная ошибка, квалифицирующий признак, вина, умысел, преступление.

A.G. Ivanov

SUBJECTIVE ATTITUDE OF THE PERPETRATOR TO QUALIFYING CIRCUMSTANCES OF THE CRIME: THE NEED FOR LEGISLATIVE REGULATION OF FACTUAL ERROR

Background: the principle of guilt, enshrined in criminal law, predetermines the establishment of criminal liability only on the basis of establishing guilt in relation to socially dangerous acts and their consequences, assigning a key role to this category in determining the guilt of a person. **Objective:** to highlight the content essence of the subjective attitude of the perpetrator to the qualifying signs of a crime and consider it within the framework of establishing guilt. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of objective reality (dialectical, comparative analysis, formal legal). **Results:** the article analyzes the subjective attitude of the perpetrator to the qualifying signs of crimes against the person and considers its outline in the dispositions of criminal

© Иванов Андрей Геннадьевич, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел (Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации); e-mail: grant74@mail.ru

© Ivanov Andrey Gennadevich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Investigative Activities of Internal Affairs Bodies (Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

law norms. The admissibility of subjective error in the legislative structure of qualified crimes is argued. Conclusion: the construction of the qualifying signs of a crime for the most part allows the subjective error of the perpetrator, as a result of which there is a need for its legislative regulation.

Key-words: *subjective error, qualifying sign, guilt, intent, crime.*

Для квалификации преступления необходимо точное установление как объективных, так и субъективных признаков. Однако субъективная сторона преступления, как известно, представляет собой психологическое отношение лица как к совершенному деянию, так и к общественной опасности этого деяния и общественной опасности его последствий. Именно психологическая сущность данного признака преступления и представляет определенные сложности при его установлении. Данное утверждение подтверждается неутраченной научной дискуссией по вопросам вины в уголовном праве, а также спорными моментами в ее установлении судебными органами.

Не забывая то обстоятельство, что тема вины в уголовно-правовой доктрине является многогранной и весьма объемной, в представленном исследовании хотелось бы обратиться только к одному ее аспекту — субъективному отношению лица к квалифицирующим признакам преступления и его обрисовке в диспозициях уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ («субъективный режим»).

То обстоятельство, что установление психологического отношения к квалифицирующим обстоятельствам нередко представляет определенные трудности на стадии правоприменения (к примеру, осознание общепасного способа совершения преступления, осознание предмета, используемого при совершении преступления в качестве оружия, осознание возраста потерпевшего и т.п.), лишь раз подчеркивает актуальностью исследуемого вопроса. Научные дебаты вокруг уже ставшего хрестоматийным примера квалификации убийства, женщины в состоянии беременности (в условиях фактического его отсутствия) не могут не свидетельствовать о необходимости комплексного исследования субъективного отношения виновного к квалифицирующим обстоятельствам.

Для полного понимания вопроса изначально необходимо обратить внимание на законодательную конструкцию умысла в уголовном праве, которая в рамках установления вины определяет обязательное наличие психологического отношение лица к общественной опасности совершаемого им преступного деяния. В данном аспекте хотелось бы подчеркнуть то, что многие преступления содержат квалифицирующие признаки, которые должны быть охвачены границами сознания лица, виновного в преступлении.

Излишне не нагромождая представленное исследование, анализ обозначенного вопроса будет проведен на группе уголовно-правовых норм, предусматривающих преступления против личности.

Следует заметить, что законодательная конструкция умысла требует предвидения, а значит и понимания лицом общественной опасности совершаемых им преступных деяний. Не случайно сделан акцент на столь известном положении теории вины в уголовном праве. Потому что, исходя из этого положения становится ясно, что для признания лица виновным необходимо точно знать, что оно осознавало общественную опасность своих деяний, обязательно в совокупности с квалифицирующими признаками, определенными законодателем.

В своем общем проявлении преступление выглядит как деяние, имеющее антиобщественный характер (так называемый «социальный элемент»). Именно социальный элемент должен быть отражен в сознании лица, совершившего это деяние. Но в большинстве своем, фактическое деяние, имея социальный элемент, осложнено еще и сопутствующими обстоятельствами (способ совершения преступления, состояние и возраст потерпевшего, цель и мотивы преступления). Эти сопутствующие обстоятельства в ряде преступлений предусмотрены как квалифицирующие. Безусловно, к этим сопутствующим обстоятельствам лицо, совершившее указанные деяния должно иметь субъективное отношение.

В своей работе Г.А. Злобин и Б.С. Никифоров говорили, что умышленное совершение преступления, в структуру которого входит сопутствующее обстоятельство или сопутствующие обстоятельства, предполагает, что субъект сознает его характер. Если этого нет, то социальный элемент фактического деяния не может быть вменен в вину (по общему правилу) даже при наличии по отношению к нему «неосторожности» [1, с. 204].

Следует заметить, что сущность сопутствующих обстоятельств преступления, являющихся квалифицирующими признаками, в различных источниках истолкованы весьма хорошо (общеопасный способ, характер оружия или предметов, используемых в качестве оружия при разбое и грабеже, и т.д.). Однако практически нигде не уделяется внимания субъективному отношению лица к характеру этих элементов, (собственное психологическое восприятие общеопасного способа, характера оружия или предметов, используемых в качестве оружия и т.д.), и отражение этих особенностей в сознании субъекта.

Не ставя цель детального исследования и разбора всех сопутствующих и квалифицирующих обстоятельств, остановимся на рассмотрении некоторых из них, наиболее часто встречающихся в исследуемой группе уголовно-правовых норм, исключительно для того, чтобы продемонстрировать наличие субъективного отношения и его значения для установления вины.

Хотелось бы отметить, что в уголовно-правовых нормах, входящих в группу преступлений против личности в качестве сопутствующих обстоятельства относящихся к способу совершения преступления наиболее часто встречаются применение оружия или предметов используемых в качестве оружия, особая жестокость, общеопасный способ.

При использовании этих признаков в конструкции диспозиций статей УК РФ законодатель использует простое их перечисление, не затрагивая субъективное отношение лица, совершившего данные деяния. Но исходя из требований законодательных положений, определяющих умышленную форму вины, в рамках субъективного отношения лица к преступному деянию требуется обязательное установление осознания им этих квалифицирующих обстоятельств, в противном случае, они не должны быть инкриминированы виновному.

Так, рассматривая такой квалифицирующий признак как применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, хотелось бы отметить, что у многих граждан понимание терминологии «предмет, используемый в качестве оружия» вызовет определенные затруднения.

При этом высший судебный орган в одном из своих постановлений¹ к предметам, используемым в качестве оружия, рекомендует относить любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего. Рамами этого понятия охватываются и иные предметы, в результате применения которых была создана реальная опасность для жизни или здоровья потерпевшего.

Данное разъяснение в большей степени адресовано правоприменителю, что свидетельствует об имеющихся проблемах в трактовке указанного понятия даже у правоприменительных органов. А законодательная конструкция вины требует, чтобы понимание общественной опасности действия, и именно с использованием предмета, используемого в качестве оружия, было охвачено сознанием виновного.

Далеко не все лица способны на основе абстрактного мышления и субъективного опыта, сформировать понимание в качестве оружия такой предмет как палка, лопата, камень и т.д. В итоге, если у лица нет осознанности, что какой-либо предмет был использован в качестве оружия, возникает вопрос о правомерности вменения этого обстоятельства ему в вину.

Вполне возможно, если бы законодатель подошел к данной трактовке иным образом, например: «...использование иных предметов, для совершения деяния», подобное противоречие или неточность в рамках установления субъективных признаков преступления могла бы быть устранена.

Далее хотелось бы остановиться на субъективном отношении виновного к общеопасному способу совершения преступления. Пленум Верховного Суда РФ под данным обстоятельством рекомендует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов в местах скопления людей, отравления воды и пищи, которыми помимо потерпевшего пользуются другие люди)².

Суть данного разъяснения заключается именно в осознании виновным того обстоятельства, что может пострадать другое лицо (или лица). Если данное осознание, опять же в силу субъективного опыта или индивидуальности абстрактного мышления отсутствовало (взрыв на безлюдной улице в ночное время), то согласно принципу субъективного вменения, вменить (применить) данный квалифицирующий признак нельзя, даже если фактически деяние по всем признакам подпадает под общеопасный способ.

В указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ акцентируется внимание на заведомости для виновного опасности для жизни других лиц. Но не исключаются ситуации, при которых это остается за пределами сознания виновного, когда он не рассчитывал, что в результате его преступных действий пострадают иные лица, случайно оказавшиеся на месте совершения преступления (например, в момент взрыва на безлюдной улице в ночное время мимо случайно проходил человек, любитель ночных прогулок, который и пострадал). Либо виновный не осознавал возможность причинения вреда другим лицам и в

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое» (в ред. от 29 июля 2021 г. № 22). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. от 3 марта 2015 г. № 9). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

результате его действий никто не пострадал (в результате стрельбы в месте скопления людей иные лица не пострадали, так как виновный, имея снайперскую подготовку, уверенно владеет навыками стрельбы и был абсолютно уверен, что не причинит вреда иным лицам).

При указанных обстоятельствах вина лица, совершившего подобное деяние, должна рассматриваться с учетом фактической ошибки, что, в свою очередь, подтверждает допустимость в законодательных положениях и разъяснениях судебного органа субъективной ошибки.

Следует также обратить внимание на наличие некоторого отступления законодательной формулы умысла. В разъяснениях высшего судебного органа¹ указывается, что при рассматриваемом способе умышленного причинения смерти, заведомо для виновного представляется опасность для жизни не только потерпевшего. Однако квалификация по дополнительным составам преступления зависит от объективно наступивших последствий. Если в результате общеопасного способа произошла смерть еще и другого лица, то необходимо дополнительно инкриминировать убийство двух и более лиц, а если в отношении других лиц причинен вред здоровью, то дополнительная квалификация происходит как умышленное причинение вреда здоровью. Но ведь вред здоровью в рассматриваемом случае не был охвачен умыслом виновного. Как в этом случае происходит реализация формулы умысла, требующей предвидения опасных последствий совершаемого деяния?

Определяя квалифицирующие обстоятельства, законодатель нередко в качестве таковых определяет отдельные признаки, относящиеся к характеристикам потерпевшего (беременность, несовершеннолетие и др.), которые, как представляется, нельзя не затронуть в представленном анализе.

Действия человека, как известно, носят осознанный характер (за исключением рефлексов или болезненного состояния психики). В данном контексте не являются исключением совершенные преступные деяния. Совершаемому действию, в том числе и преступному, предшествуют процессы, связанные с отражением в разуме лица окружающей действительности, которые в свою очередь оказывают определенное влияние на волю, посредством которой, это действие и совершается. Учитывая приведенное обстоятельство, следует заметить, что не исключены случаи отражения в сознании виновного информации, не совпадающей с действительностью. В таких случаях процесс обработки полученной или отображенной информации протекает с неким отклонением от действительности, соответственно, конечный результат, выраженный в действии при участии волевого момента, будет отличаться от ожидаемого. Как, например, сформированная убежденность виновного в убийстве о состоянии беременности жертвы, при ее фактическом отсутствии.

Но принцип вины, закрепленный в отечественном уголовном праве, не позволяет оставить без внимания указанные обстоятельства при квалификации преступления.

Более того, законодатель, в некоторых уголовно-правовых нормах, делая акцент на обязательном осознании отдельных характеристик потерпевшего, использует понятие заведомости, т.е. осведомленности виновного о наличии

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. от 3 марта 2015 г. № 9). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

каких-либо признаков, относящихся к личности потерпевшего (беременность, беспомощность, родство или близкие отношения с лицом, осуществляющим служебную деятельность или выполняющим общественный долг и т.д.).

Хотелось бы обратить внимание, что заведомость не означает убежденность виновного в достоверной информации как, например, наличие беременности у женщины. В условиях заведомости, у лица может быть сформировано и ошибочное представление о характерных признаках потерпевшего, и в этом случае уже необходимо говорить о фактической ошибке.

Сформированная на основе принципа субъективного вменения позиция доктрины уголовного права о вменении виновному только, того на, что простирается его умысел, и только в тех пределах, в которых этот умысел реализован [2, с. 170], наталкивает на размышления о границах действий виновного в рамках его умысла. При рассматриваемых обстоятельствах, границы умысла выходят за рамки совершенных действий. Причем тот объем замышляемых деяний ни при каких обстоятельствах не мог быть реализован, ввиду отсутствия в реальной действительности характеризующих потерпевшего признаком (беременность, родство или близкие отношения с лицом, осуществляющим служебную деятельность или выполняющим общественный долг и т.д.), убежденность о которых, была сформирована у виновного. И, что самое главное, эти обстоятельства ни при каких условиях изменения обстановки не могли быть преодолены посягающим лицом [3, с. 74].

В условиях фактической ошибки виновного относительно особенностей, характеризующих потерпевшего, уголовно-правовая оценка умысла должна ограничиваться рамками фактически совершенных деяний, Все остальное, выходящее за эти рамки, уголовно-правовой оценки не подлежит по причине отсутствия ответственности за мысли.

Весьма часто в анализируемой группе преступлений присутствует указание на возраст потерпевшего, в частности на несовершеннолетие, как сопутствующее и квалифицирующее обстоятельство. Но опять же уголовный закон избегает каких-либо пояснений в рамках «субъективного режима» данных обстоятельств. Пленум Верховного Суда РФ в некоторых своих рекомендациях говорит о необходимости виновным, совершившим убийство, сознавать это обстоятельство¹. В других своих разъяснениях говорит только о возрасте потерпевшего и ничего не упоминает о субъективном отношении к этому обстоятельству виновного².

Но в современных условиях развития общества и прогрессирующей акселерации исключительно лишь по внешнему виду весьма трудно определить возраст человека. И уж еще более трудным к определению становится градация возраста между двенадцатью и шестнадцатью годами. В данном случае не увидив документ, удостоверяющий личность, нельзя даже с небольшой долей вероятности определить возраст. По этой причине знания о возрасте представляют определенную проблему при установлении умысла, и осложняется это обстоятельство, если сам потерпевший вводит в заблуждение относительно своего возраста.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. от 3 марта 2015 г. № 9). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Установление осознания возрастных характеристик потерпевшего виновным хотя и представляет наибольшие трудности, но все же должно быть полным и объективным. И при данных обстоятельствах наиболее вероятно проявление фактической ошибки, которую необходимо учитывать при установлении вины.

Также хотелось бы остановиться на субъективном отношении к такому квалифицирующему признаку как совершение преступления из хулиганских побуждений. В соответствии с разъяснениями высшего судебного органа, хулиганские побуждения — это неуважение к обществу и общепринятым нормам морали со стороны виновного, проявившееся в поведении являющимся явно открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение¹.

Под уголовно-наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, направленные против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода².

В указанных разъяснениях субъективная составляющая хулиганских побуждений прослеживается в меньшей степени. В одном случае — это должно проявиться в неуважении к обществу и общепринятым нормам морали, а в другом преступления должны быть совершены без какого-либо повода, либо с незначительным поводом. Но вот что должно осознаваться виновным не совсем понятно. И также не совсем понятно как отграничить неуважение к обществу, к общественной морали от общественной опасности, что является частью целого. И самое главное — это отграничение должно отразиться в субъективной реальности виновного. Представляется, что это непростая задача даже для психолога или юриста, не говоря уже о среднестатистическом гражданине.

Рассуждение об этих обстоятельствах приводит к мысли о том, что любое преступление является нарушением общественной морали и соответственно является неуважением к обществу, по этой причине и приобретает общественно опасный характер. И как тогда в рамках осознания виновным общественной опасности вычленить осознание нарушения норм морали и неуважение к обществу, чтобы дать квалификацию как преступление, совершенное из хулиганских побуждений.

В качестве примера хотелось бы обратить внимание на неоднозначный подход к рассматриваемому квалифицирующему признаку в рамках квалификации преступлений на стадии предварительного расследования уголовных дел.

Гражданин А. после жалобы его родной сестры на действия знакомых лиц, взял деревянный брусok и при помощи него, придя в дом к указанным знакомым, нанес им удары, причинив тяжкий вред здоровью и смерть одного из них. Данные обстоятельства дали основания в рамках предварительного расследования квалифицировать действия А. по п. «и», ч. 2 ст. 105 УК РФ как совершенные из

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. от 3 марта 2015 г. № 9). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». Доступ из справ.-правовой службы «КонсультантПлюс».

хулиганских побуждений. Однако суд не согласился с подобной квалификацией, исключив хулиганские побуждения¹. И подобных решений немало².

Из всего вышесказанного нетрудно сделать вывод о немаловажном значении субъективного отношения к квалифицирующим признакам преступления в условиях установления вины. Также хотелось бы подчеркнуть тот факт, что законодательные формулировки квалифицирующих признаков преступления вполне могут способствовать проявлению субъективной ошибки, что в свою очередь, делает справедливым утверждение о законодательной допустимости субъективной ошибки.

Подводя итог, следует сказать, о назревшей необходимости законодательной регламентации фактической ошибки. Учитывая, что ее наличие или отсутствие проявляется исключительно в рамках установления вины, а также исходя из структурно-логического построения уголовного кодекса РФ, представляется, что фактическая ошибка, наряду с юридической, должна найти отражение в главе, раскрывающей вину.

Положения о субъективной ошибке, изложенные на сегодняшний день только лишь на доктринальном уровне, конечно же, не делают их обязательными для правоприменения. Но принцип, закрепленный в ст. 5 УК РФ предопределяет всестороннее и объективное установление вины лица в преступлении и данный процесс не может обойти именно те нюансы, которые определяются рамками субъективной ошибки, что требует от судебно-следственных органов более пристального внимания к психологическому отношению лица к квалифицирующим признакам преступления.

Высказанное заявление о необходимости законодательной регламентации субъективной ошибки конечно же предопределяет предложение по ее формулировки в уголовное законодательство. Но подобного рода предложения требуют проведения отдельного исследования, рассматривающего не только правовые, но и психолого-философские аспекты исследуемой категории.

Библиографический список

1. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М.: Юридическая литература, 1972. 264 с.
2. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. Т. II. Преступления против личности. 682 с.
3. Иванов А.Г. К проблеме квалификации убийства в условиях фактической ошибки виновного // Законы России: опыт анализ, практика. 2016. № 8. С. 72–75.

References

1. Zlobin G.A., Nikiforov B.S. Intent and Its Forms. M.: Legal literature, 1972. 264 p.
2. The Complete Course of Criminal Law: in 5 volumes / edited by A.I. Korobeev. St. Petersburg: Law Center Press, 2008. Vol. II. Crimes Against the Person. 682 p.
3. Ivanov A.G. To the Problem of Qualification of Murder in the Conditions of the Factual Error of the Culprit // Laws of Russia: experience analysis, practice. 2016. No. 8. P. 72–75.

¹ См.: Приговор Курганского областного суда от 23 января 2020 г. дело № 2-08/2020. URL: sudact.ru/regular/doc/2noMqqgHJh1H/ (дата обращения: 25.07.2020).

² См.: Приговор Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкий автономный округ от 11 декабря 2019 г., дело № 1-199/2019. URL: sudact.ru/regular/doc/AMABVOBwdPJC/ (дата обращения: 25.07.2020); Приговор Кинешемского городского суда Ивановская область от 27 ноября 2019 г. дело № 1-348/2019. URL: sudact.ru/regular/doc/qxvtuprEtFoJ/ (дата обращения: 25.07.2020).

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-184-193

УДК 343.22, 343.3/7

Е.В. Кобзева, В.Н. Ситник

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ АВТОНОМНОГО ТРАНСПОРТА

Введение: цифровая трансформация многих сфер жизнедеятельности общества обуславливает необходимость реформирования имеющихся у государства средств правового регулирования и правовой охраны общественных отношений. Модернизация транспортной системы за счет расширения практики эксплуатации беспилотных транспортных средств актуализирует проблему уголовной ответственности юридических лиц, деятельность которых связана с производством и использованием таковой продукции. **Цель:** обосновать необходимость установления уголовной ответственности юридических лиц за деяния, связанные с созданием, обслуживанием и функционированием автономного транспорта. **Методологическая основа:** общенаучные и частнонаучные методы (диалектический, анализ, синтез, системный, логический, формально-юридический и др.). **Результаты:** авторы статьи полагают, что значимым направлением совершенствования российского уголовного права в условиях развития цифровых технологий является введение уголовной ответственности юридических лиц. **Выводы:** аргументами в пользу установления уголовной ответственности юридических лиц служат социально-экономические причины, международно-правовые предпосылки, положительный опыт зарубежных государств, нравственно-этические аспекты, потребность в эффективных мерах защиты интересов личности, общества и государства, вектор движения закона в ногу со временем.

Ключевые слова: автономное транспортное средство, беспилотники, уголовная ответственность, юридическое лицо, искусственный интеллект.

E.V. Kobzeva, V.N. Sitnik

PROSPECTS FOR THE ESTABLISHMENT OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL PERSONS IN THE DEVELOPMENT OF THE AUTONOMOUS TRANSPORT SPHERE

Background: digital transformation of many spheres of society necessitates the reform of the state's means of legal regulation and legal protection of social relations.

© Кобзева Елена Васильевна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: evkobzeva@yandex.ru

© Ситник Владислав Николаевич, 2022

Студент Институт прокуратуры (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vladdsitvl@mail.ru

© Kobzeva Elena Vasilyevna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal and Penal Enforcement Law (Saratov State Law Academy)

© Sitnik Vladislav Nikolaevich, 2022

Student at the Institute of Prosecutor's Office (Saratov State Law Academy)

Modernization of the transport system due to the expansion of the practice of operation of unmanned vehicles actualizes the problem of criminal liability of legal persons whose activities are related to the production and use of such products. Objective: to substantiate the need to establish criminal liability of legal entities for acts related to the creation, maintenance and operation of autonomous transport. Methodology: general and special research methods (dialectical, analysis, synthesis, system, logical, formal legal, etc.). Results: the authors of the article believe, that a significant area of improvement of Russian criminal law in the development of digital technology is the introduction of criminal liability of legal persons. Conclusions: arguments in favor of establishing the criminal liability of legal persons are socio-economic reasons, international legal prerequisites, the positive experience of foreign countries, moral and ethical aspects, the need for effective measures to protect the interests of an individual, society and the state, the vector of the law moving with the times.

Key-words: *autonomous vehicle, drones, criminal liability, legal entity, artificial intelligence.*

Повсеместное внедрение цифровых технологий способствует возникновению не только новых способов совершения известных уголовному закону преступлений, но и деяний, которые, хотя и обладают общественной опасностью, однако не подпадают под признаки существующих составов преступлений.

Примером динамически развивающихся общественных отношений является сфера использования автономных (беспилотных) транспортных средств, активно внедряемых в различные области экономической деятельности. По мнению специалистов Json & Partners, к 2035 г. рынок продаж самоуправляемых машин возрастет до 30,4 млн автомобилей в год, а объем рынка роботизированных автомобилей составит минимум \$ 364,8 млрд¹. По оценке Morgan Stanley, благодаря экономии топлива, снижению смертности и затрат на перемещение товаров и пассажиров суммарный эффект ресурсосбережения и роста продуктивности экономики США от беспилотных автомобилей составит 8% ВВП [1, с. 7].

В нашей стране сфера эксплуатации автономного транспорта также развивается весьма стремительно. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации до 2030 г. в качестве перспективных рынков и продуктовых групп, помимо прочего, определяет автоматизированные транспортные средства (беспилотники)². В настоящее время список регионов для проведения тестирования беспилотных автомобилей на дорогах общего пользования увеличился до тринадцати (в 2018 г. их было только два); открыты коридоры для беспилотных фур на трассах М-11 «Нева» Москва-Петербург и строящейся М-12 Москва-Казань-Екатеринбург³.

¹ См.: Компания J'son & Partners Consulting представляет результаты исследования: «Мировой рынок самоуправляемых автомобилей, 2020–2035 гг.» // RoboNews: портал новостей робототехники. URL: <https://robonews.su/19776-Kompaniya-J-son-Partners-Consulting-predstavlyayet-rezul-taty-issledovaniya-Mirovoiyu-rynok-samoupravlyaemyh-avtomobiley-2020-2035-gg.html> (дата обращения: 30.01.2022).

² См.: Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утвержден Правительством РФ). Документ опубликован не был. Доступ их справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Что происходит в России с беспилотными автомобилями // iPhones.ru. URL: <https://www.iphones.ru/iNotes/8-sovremennyh-bespilotnyh-rossiyskih-avtomobiley-o-kotoryh-vy-nesyshali-no-oni-vot-vot-poyavyatsya-na-dorogah-08-05-2021> (дата обращения: 30.01.2022).

Очевидно, что активное продвижение данных аппаратов и бизнес-пиар преимуществ их эксплуатации должны обладать экономической целесообразностью. Прежде всего следует понимать, что беспилотные транспортные средства выступают в роли тренда цифровизации общества, поскольку по своей сути полностью исключают человека из процесса управления, позволяя ему насладиться поездкой либо посвятить себя чему-то иному. В сети Интернет можно обнаружить множество заголовков о том, что та или иная компания выпускает собственный концепт беспилотного транспортного средства: речь идет о таких мастодонтах автомобильной отрасли, как Toyota, General Motors, Volkswagen Mercedes-Benz, Audi, а также малоизвестных компаниях EvoCargo и отечественной Volgabus. Данные действия продиктованы множеством факторов, основными из которых выступают желание компаний развивать соответствующие технологии, занять определенную долю на рынке беспилотников, снизить экономические издержки от использования автономного транспорта при осуществлении предпринимательской деятельности, существенно повысить узнаваемость своего бренда и, соответственно, стоимость акций на фондовой бирже.

Остановимся на экономических преимуществах беспилотников. Прежде всего следует понимать, что деятельность каждой компании-автопроизводителя направлена на извлечение прибыли, что обуславливает необходимость сделать товар более привлекательным на рынке для конечного потребителя — гражданина либо компании, осуществляющей деятельность, связанную с перемещением различных объектов. Так, лидирующим направлением разработки беспилотников является отрасль беспилотных такси, которая в перспективе позволит компаниям многократно увеличить собственную прибыль посредством исключения водителя-оператора из процесса управления. Следует отметить, что за счет этого будет снижена и стоимость самой поездки, что благоприятно скажется на потребителе.

Особого внимания заслуживает деятельность по грузоперевозке, где экономическая выгода от использования беспилотников огромна. В качестве примера выступает разработанная отечественными исследователями концепция «взвода» (движение в колоннах) для беспилотных автомобилей. В структуре затрат тяжелого грузового транспорта 70% составляют затраты на водителей и топливо (примерно поровну). Автоматизация передвижения взводом будет способствовать сокращению обеих затратных статей. Уменьшение воздушного сопротивления при взводе грузовиков дает 5–20%-ный потенциал сокращения потребления топлива [2, с. 66].

Исходя из этого, можно утверждать, что рынок использования беспилотных транспортных средств, который зародился совсем недавно, развивается стремительными темпами, что заставляет задуматься о перспективах уголовно-правового воздействия в ситуациях дорожно-транспортных происшествий с участием беспилотных транспортных средств.

Обратившись к ст. 264 УК РФ, можно обнаружить, что уголовной ответственности за предусмотренное ей преступление подлежит лицо, непосредственно управляющее автомобилем либо иным механическим транспортным средством¹. Поскольку сущность беспилотных транспортных средств состоит в исключении

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 9 марта 2022 г., № 49-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; Российская газета. 2022. 11 марта.

человека (полностью или частично) из процесса управления транспортным средством, остается открытым вопрос о том, кто будет признаваться субъектом преступления, совершенного с участием такого рода транспортного средства. Большинство исследователей акцентирует внимание на определении вины оператора либо собственника (владельца) транспортного средства, однако вполне перспективной видится и уголовная ответственность его производителя.

Современное уголовное право России предусматривает возможность привлечения к ответственности исключительно индивидуализированных субъектов правоотношений. Данное положение находит свое закрепление в ст. 19 УК РФ, согласно которой уголовной ответственности подлежат только вменяемые физические лица, достигшие установленного законом возраста. При этом следует понимать, что динамическое развитие общественных отношений, оказывающее влияние на различные сферы жизнедеятельности людей, побуждает законодателя принимать определенные решения, направленные на реализацию охранительной функции права по защите положительных и предупреждению негативных, вредных для общества явлений [3, с. 11].

В данном контексте представляется необходимым рассмотреть некоторые аргументы в пользу установления уголовной ответственности юридических лиц за дорожно-транспортные преступления с участием беспилотников [4, с. 486].

Отдельные исследователи рассматривают вопросы, связанные с ответственностью юридических лиц в целом и беспилотников в частности, исключительно через призму гражданско-правовой ответственности, считая принципиально невозможным привлечение компании к уголовной ответственности [5, с. 36]. В порядке возражения указанной позиции уместно привести слова Л.С. Белогриц-Котляревского: «Требуемые условия для уголовной ответственности: желание совершить преступное деяние и способность его совершить могут быть и в деятельности юридического лица, так как имеется волевое начало, более широкое по объему интересов и более интенсивное, чем воля отдельных лиц. Наличие этих условий вызывает возможность не только виновности юридического лица, но и возможное привлечение его в пределах его дееспособности» [6, с. 108].

По нашему мнению, необходимо учитывать, что уголовная ответственность является более суровой государственно-правовой реакцией для субъекта правонарушения, нежели гражданско-правовая либо административная ответственность. Уголовная ответственность не ограничивается применением мер уголовно-правового характера, степень ее влияния гораздо шире, поскольку включает в себя более существенное воздействие на нарушителя установленных норм. Потеря деловой репутации юридического лица, а соответственно и финансовые потери, которые следуют за этим, являются куда более фатальными, чем последствия применения средств гражданско-правового и административно-правового воздействия [7, с. 87]. При этом привлечение юридического лица к гражданско-правовой ответственности само по себе не исключает возможности его административной или уголовной ответственности.

Обратившись к доктрине уголовного права можно обнаружить, что многие ученые и видные практические деятели ратуют за установление соответствующей ответственности. Например, заместитель председателя Следственного комитета РФ А.В. Федоров справедливо отмечает, что отсутствие уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации является пробелом в позитивном праве [8, с. 11]. Указанный пробел очевиден с позиции учения о правосубъект-

ности как способности лица, будь то физическое или юридическое лицо, иметь и осуществлять права и обязанности, т.е. выступать субъектом правоотношений, включая правоотношения юридической ответственности.

Вопреки сложившимся стереотипам одним из признаков экономической преступности в наднациональном правовом поле является наличие с криминологической точки зрения трех субъектов преступления: а) юридических лиц (преступность предприятий и корпораций); б) физических лиц, действующих от имени и в интересах предприятия (преступность по роду занятости); в) физических лиц, действующих от собственного имени и в собственных интересах (преступность по роду деятельности) [9, с. 32].

Помимо этого, установление уголовной ответственности позволит внедрить в национальную уголовно-правовую систему международные правовые стандарты в данной области, что будет способствовать совершенствованию отечественного законодательства, а также привлечению к ответственности недобросовестных иностранных компаний, осуществляющих общественно опасную деятельность на территории нашей страны.

Уголовная ответственность юридических лиц (в целом, а не применительно к объекту настоящего исследования) закреплена в огромном количестве международно-правовых актов, среди которых Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности¹, Конвенция ООН против коррупции², Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства³.

Дополнительным аргументом в пользу установления уголовной ответственности юридических лиц является имеющийся зарубежный опыт США, Великобритании, Чешской Республики, Эстонии, Латвии, Финляндии и других стран, допускающих возможность привлечения компании к ответственности за деяния, которые могут быть сопряжены с процессом производства и эксплуатации беспилотного транспортного средства. Следует при этом отметить, что единый подход к определению условий уголовной ответственности юридических лиц в законодательстве указанных государств отсутствует. Так, ст. 260.3 УК Республики Молдова содержит основание для привлечения к ответственности юридического лица за воздействие на функционирование информационной системы⁴. Данное деяние может выразиться во внесении вредоносных изменений в систему искусственного интеллекта беспилотника, при этом рассматриваемое деяние должно быть совершено умышленно, поскольку лицо осознает, что воздействие на функционирование информационной системы путем ввода, передачи, изменения, удаления или повреждения информационных данных или ограничения доступа к этим данным может привести к наступлению общественно опасных последствий, предвидит реальную возможность наступления данных последствий и желает их наступления либо не желает, но сознательно допускает или относится к ним безразлично. Аналогом данной статьи в отечественном законодательстве является ст. 273 УК

¹ См.: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 3–33.

² См.: Конвенция ООН против коррупции от 31 ноября 2003 г. // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7–54.

³ См.: Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства (CETS 172) (принята в Страсбурге 4 ноября 1998 г.). URL: <https://rm.coe.int/168007f58b> (дата обращения: 30.01.2022).

⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. от 11 ноября 2021 г., № 178). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 30.01.2022).

РФ, предусматривающая ответственность за создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации. Однако на сегодняшний день адресатами содержащейся в данной статье уголовно-правовой нормы являются лишь отвечающие определённым требованиям физические лица.

В соответствии с Примерным Уголовным кодексом США умышленные действия юридического лица следует квалифицировать в зависимости от фактически наступивших общественно опасных последствий, в том числе как убийство (§ 1111)¹. Зарубежной практике известны случаи, когда юридическое лицо было признано виновным в совершении убийства. Так, компания «Форд» выпустила на рынок автомобили, зная о проблемах с бензобаками, из-за расположения которых существовал риск взрыва в случае аварии². В конечном итоге это стало причиной смерти трех человек, а компания «Форд» была признана судом виновной в совершении убийства второй степени. На закрепление подобного вида ответственности направлены также положения уголовных законов ряда штатов. В частности, в УК штата Нью-Йорк 1967 г. говорится, что корпорация признается виновной в совершении посягательства, если оно: состоит в неисполнении возложенной на нее специальной обязанности совершать положительные действия; совершено, санкционировано или по неосторожности допущено советом директоров или высокопоставленным агентом-управляющим, действующим в пределах своего служебного положения в интересах корпорации и т.п. (§ 20.20)³.

Руководствуясь положениями указанных ранее конвенций, ратифицированных РФ, и уголовно-правовых актов иностранных государств, можно рассуждать о возможности привлечения юридического лица к уголовной ответственности за определенные преступления.

Ещё одним аргументом в пользу введения уголовной ответственности для производителей автономного транспорта является ее морально-этическая обусловленность, поскольку при невозможности достоверного установления виновного физического лица альтернативой реакции государства на совершённое преступление будет привлечение к уголовной ответственности виновного юридического лица. Так, рассматривая процесс производства и эксплуатации автономного транспортного средства, можно отметить, что само беспилотное средство как агрегат состоит из непосредственно транспортного средства и снабжающей его системы искусственного интеллекта. В производстве обеих составляющих участвует огромное количество работников, которые не только выполняют четко закрепленные за ними функции (при сборке отдельных элементов транспортного средства), но и работают в коллективе (при разработке программного кода для системы искусственного интеллекта). Соответственно, если, например, в дорожно-транспортном происшествии с участием беспилотника будет причинен тяжкий вред здоровью гражданина, однако установить конкретное физическое лицо (лиц), виновное в преступлении, не представится возможным, то с позиции

¹ См.: Crimes and criminal procedure. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8301/file/USA_title_18_us_code_crimes_2017_en.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

² См.: Grimshaw v. Ford Motor Co. Cal. 119 Cal. App. 3d 757. 174 Cal. Rptr. 348 App. 3d. 1981.

³ См.: Consolidated Laws of New York's Penal code. URL: <https://ypdcrime.com/penal.law/article20.php#p20.20> (дата обращения: 15.03.2022).

действующего законодательства уголовное дело с большой долей вероятности будет прекращено либо же вовсе не возбуждено по основанию, предусмотренному п. 2 ст. 24 УПК РФ (отсутствие в деянии состава преступления), либо по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 27 УПК РФ (непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления)¹. Очевидно, что в этих условиях охрана прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности (ч. 1 ст. 2 УК РФ) не будет обеспечена в полном объеме. Не будет восстановлена и социальная справедливость, ключевые идеи которой связаны с защитой интересов потерпевшего и формированием в общественном сознании убежденности в неотвратимости наказания. Именно поэтому уголовная ответственность юридического лица будет являться наиболее эффективным средством разрешения возникшего социального и правового конфликта.

В связи с осмысливаемым вопросом представляет интерес подход С.А. Симоняна и А.С. Гамбаряна. Статья авторов, хотя и посвящена исследованию другой уголовно-правовой и криминологической проблемы, содержащееся в ней методологическое решение рассматриваемых проблем является верным и уместным в контексте настоящего исследования [10, с. 240]. Так, во Франции при наличии вреда, причиненного в результате осуществления медицинской деятельности, и при отсутствии вины докторов и иного медицинского персонала вина презюмируется за соответствующей медицинской организацией, а вред возмещается за счет фонда национальной солидарности².

Приведенные аргументы позволяют рассуждать о возможности привлечения производителя беспилотного транспортного средства к уголовной ответственности при наличии так называемой объективной формы вины, поскольку применение мер уголовно-правового воздействия не требует доказывания вины конкретной личности в определенных случаях (например, когда дорожно-транспортное происшествие с участием автономного транспортного средства произошло по причине наличия каких-либо технических неисправностей транспортного средства либо вызвано отклонениями в функционировании искусственного интеллекта). При этом должно быть доказано, что компания проявила, как минимум, небрежность в отношении дефектов, рисков и потенциальных опасностей, связанных с использованием своей продукции.

Указанные обстоятельства позволяют задуматься о потенциальной квалификации рассматриваемых преступлений. Прежде всего следует руководствоваться имеющимися в УК РФ составами преступлений и с учётом фактически наступивших общественно опасных последствий, а также формы вины квалифицировать содеянное по соответствующей статье/статьям Особенной части УК РФ. Так, при умысле юридического лица, производящего, обслуживающего или непосредственно эксплуатирующего беспилотное транспортное средство, на причинение смерти или вреда здоровью человека, содеянное в зависимости от наступивших последствий надлежит квалифицировать, соответственно, по

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 9 марта 2022 г., № 51) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 52, ч. I, ст. 4921; Российская газета. 11 марта.

² См.: Кодекс общественного здравоохранения Франции [Code de la santé publique]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006072665&dateTexte=20181005> (дата обращения: 30.01.2022).

ст. 105, 111, 112 или 115 УК РФ, инкриминируя их в случае необходимости по совокупности со ст. 273 УК РФ.

Особое внимание должно уделяться привлечению к уголовной ответственности юридического лица по ст. 238 УК РФ, предусматривающей ответственность за производство, хранение, перевозку в целях сбыта, а также сбыт товаров и продукции, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, что имеет особую актуальность в современных условиях, когда автономные транспортные средства повсеместно позиционируются как более безопасный аналог привычному автотранспортному средству. В случае если указанные нарушения, связанные с производством и эксплуатацией беспилотного транспорта, повлекли за собой по неосторожности тяжкий вред здоровью либо смерть человека, применению подлежит п. «в» ч. 2 либо ч. 3 ст. 238 УК РФ.

Очевидно, что дальнейшее развитие сферы беспилотного транспорта повлечет за собой изменение понятийно-категориального аппарата транспортного права и законодательства, что сделает возможным применение к юридическим лицам некоторых норм главы 27 УК РФ (ст. 264, 266).

Резюмируя изложенное, следует отметить, что в современных реалиях, как и с момента зарождения юридических лиц, их деятельность в основном направлена на обслуживание потребностей рынка. Эксплуатация беспилотного транспорта обладает рядом экономических преимуществ, позволяющих предположить их скорейшее повсеместное внедрение. Производители беспилотников безоговорочно являются субъектами как частного, так и публичного права, выступают в гражданских правоотношениях от своего имени и отвечают по обязательствам всем принадлежащим им имуществом.

В свете исторического опыта отечественного уголовного права, всегда признававшего субъектом преступления исключительно физическое лицо, сложно представить, чтобы не учитывался весь предшествующий экономический и политический процесс развития государства, в котором формальное воплощение уголовной ответственности корпорации так и не нашло свое отражение.

Несмотря на это, совокупность имеющихся теоретических изысканий, зарубежный уголовно-правовой опыт и международные правовые акты позволяют утверждать, что признание производителя автономных транспортных средств — юридического лица субъектом преступления представляет собой неизбежный процесс обновления классической формулы уголовной ответственности физического лица. По нашему мнению, при решении вопроса об уголовной ответственности производителя следует напрямую исходить из имеющейся социальной опасности правонарушения, выражающейся в причинении или создании угрозы причинения серьёзного имущественного ущерба либо вреда жизни или здоровью личности в процессе эксплуатации беспилотников.

Основателю социологической школы права Франц фон Листу принадлежат слова о том, что законодательство будущего будет глубоко отличаться от законодательства настоящего [11, с. 151]. На наш взгляд, признание производителя беспилотников субъектом уголовной ответственности — закономерный и неизбежный шаг на пути становления уголовного законодательства будущего. Классического, строго определенного и единообразного подхода к пониманию уголовной ответственности юридического лица не существует. Однако правотворцу следует стремиться к модернизации отечественного законодательства, его интеграции в мировую правовую систему. Современному правовому российскому

государству необходим институт уголовной ответственности юридических лиц, что продиктовано социально-экономическими причинами, нравственной обусловленностью нового социума, а также необходимостью существования эффективных мер защиты социальных интересов личности, общества и государства.

Библиографический список

1. Morgan Stanley & Co (2013). Autonomous Cars: Self-Driving the New Auto Industry Paradigm. New York // Morgan Stanley Blue Paper. Nov. 6. P. 1–109.
2. Лазуткина В.С., Покусаев О.Н., Куприяновский В.П., Синягов С.А. Экономические эффекты автономных (беспилотных) автомобилей // International Journal of Open Information Technologies. 2019. № 2. С. 66–80.
3. Курганская Е.В., Працко Г.С. Охранительная функция права в системе функций права и государства // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XII Международной научно-практической конференции (25 сентября 2018 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 11–14.
4. Беспилотники на дорогах России (уголовно-правовые проблемы) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект. 2021. 520 с.
5. Зайнуллина Э.Ф. Особенности понимания вины в отношениях гражданско-правовой ответственности с участием беспилотных транспортных средств // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 47–4. С. 35–37.
6. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник Русского Уголовного права. Общая и особенная часть. Киев; Петербург; Харьков: Южно-Русское Книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1903. 625 с.
7. Кибальник А.Г., Волосяк П.В., Демин С.Г. Вопросы уголовной ответственности юридических лиц. М.: Юрлитинформ, 2017. 192 с.
8. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и цифровая экономика // Право и цифровая экономика. 2021. № 1 (11). С. 5–12.
9. Мацкевич И.М. Причины экономической преступности: учебное пособие. М.: Проспект, 2017. 272 с.
10. Симонян С.А., Гамбарян А.С. Необходимость и проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 237–240.
11. Франц фон Лист. Уголовное право. Общая часть. М., 1903. 334 с.

References

1. Morgan Stanley & Co (2013). Autonomous Cars: Self-Driving the New Auto Industry Paradigm. New York // Morgan Stanley Blue Paper. November 6. P. 1–109.
2. Lazutkina V.S., Pokusaev O.N., Kupriyanovsky V.P., Sinyagov S.A. Economic Effects of Autonomous (Unmanned) Cars // International Journal of Open Information Technologies. 2019. No. 2. P. 66–80.
3. Kurganskaya E.V., Pratsko G.S. The Protective Function of law in the System of Functions of Law and the State // Modern Jurisprudence: Current Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles XII of the International Scientific and Practical Conference (September 25, 2018). Penza: Science and Education, 2018. P. 11–14.
4. Drones on the Roads of Russia (Criminal Law Problems) / edited by A.I. Chuchaeva. M.: Prospect. 2021. 520 p.
5. Zainullina E.F. Features of Understanding Guilt in Civil Liability Relations Involving Unmanned Vehicles // Trends in the development of science and education. 2019. No. 47–4. P. 35–37.
6. Belogrits-Kotlyarevsky L.S. Textbook of Russian Criminal Law. The general and special part. Kiev-Petersburg-Kharkov: South Russian Publishing House of F.A. Ioganson, 1903. 625 p.

7. *Kibalnik A.G., Volosyuk P.V., Demin S.G.* Issues of Criminal Liability of Legal Entities. М.: Yurlitinform, 2017. 192 p.
8. *Fedorov A.V.* Criminal Liability of Legal Entities and the Digital Economy // Law and the digital economy. 2021. No. 1 (11). P. 5–12.
9. *Matskevich I.M.* The Causes of Economic Crime: textbook. М.: Prospect, 2017. 272 p.
10. *Simonyan S.A., Gambaryan A.S.* Necessity and Problems of Legal Personality of Artificial Intelligence // Legal technique. 2021. No. 15. P. 237–240.
11. *Franz von List.* Criminal Law. The general part. М., 1903. 334 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-194-204

УДК 343

М.М. Могунова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ФИНАНСОВ

Введение: наблюдая за попытками создания механизмов правового регулирования цифровых технологий в финансовой сфере, отметим наличие широкого поля для проведения исследований юридического характера в данной области. Не имея четких теоретических представлений о самом явлении, корректных данных о масштабах киберпреступности в финансовой сфере, а также без исследования технических возможностей совершения киберпреступлений, создание эффективных правовых механизмов весьма затруднительно. **Цель:** определить уровень современного состояния теоретической базы понятийного аппарата противоправных деяний, совершаемых в виртуальном пространстве, выявления наличия/отсутствия различий в теоретических определениях цифровой и киберпреступности и особенностей совершения киберпреступлений в финансовой сфере. **Методологическая основа:** используя методы анализа и синтеза, исследованы научные взгляды на понятия информационных технологий и киберпреступности. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно трансформации понятия киберпреступлений, сформулированы особенности совершения киберпреступлений в сфере финансов. **Выводы:** разграничение киберпреступлений и использования современных цифровых технологий как средств совершения преступлений не корректно, для современной киберпреступности в финансовой сфере характерно ограниченное число хорошо организованных преступных групп закрытого типа, а также множество хакеров-одиночек.

Ключевые слова: цифровая преступность, киберпреступность, компьютерные технологии, кибер-атаки, финансово-ориентированные киберпреступления.

М.М. Mogunova

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT AND PECULIARITIES OF CYBERCRIME IN FINANCE

Background: observing the attempts to create mechanisms of legal regulation of digital technologies in the financial sphere, we note that there is a wide field for legal research in this area. Without a clear theoretical understanding of the phenomenon itself, correct data on the scale of cybercrime in the financial sphere, as well as without a study of technical possibilities of committing cybercrime, it is very difficult to create effective legal mechanisms. **Objective:** to determine the level of the current state of the theoretical framework of the conceptual apparatus of unlawful acts committed in virtual space, identifying the presence / absence of differences in the theoretical definitions of

© Могунова Мадина Муратовна, 2022

Аспирант кафедры уголовного права и криминологии (Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского); e-mail: mogunova83@mail.ru

© Mogunova Madina Muratovna, 2022

Post-graduate student of the Department of Criminal Law and Criminology (Omsk State University. Named after F.M. Dostoevsky)

digital and cybercrime and the specifics of committing cybercrimes in the financial sphere. Methodology: using methods of analysis and synthesis, scientific views on the concepts of information technology and cybercrime are investigated. Results: the author's position on the transformation of the concept of cybercrime is argued, the peculiarities of committing cybercrimes in the field of finance are formulated. Conclusions: the distinction between cybercrime and the use of modern digital technologies as a means of committing crimes is not correct, modern cybercrime in the financial sector is characterized by a limited number of well-organized criminal groups of a closed type, as well as many lone hackers.

Key-words: *digital crime, cybercrime, computer technology, cyber attacks, financial-oriented cybercrimes.*

Современные исследования преступной деятельности, осуществляемой при помощи компьютерных или цифровых технологий, отличает стремление к обтекаемым формулировкам, обладающим определенным запасом гибкости и возможностью охвата множества правовых и физических категорий и объектов.

Кроме того, современные исследователи-правоведы весьма смело оперируют такими понятиями как «компьютерные технологии», «информационные технологии», «смарт-технологии», «информационно-телекоммуникационные технологии», «цифровые технологии», тем самым уравнивая их.

Например, В.В. Хилюта обращает внимание: «...на то обстоятельство, что действующие уголовно-правовые нормы (преступления против собственности) сориентированы исключительно на охрану вещей и меньшей степени направлены на уголовно-правовую охрану имущественных прав и оборот экономических благ» [1, с. 12], и в результате научных исследований им предлагается учение о преступлении против оборота объектов гражданских прав, в число которых войдут и киберпреступления в финансовой сфере. Более того, по справедливому замечанию Я.Г. Ищук, Т.В. Пинкевич, Е.С. Смольянинова: «...следует обратить внимание, что в предварительных материалах Конгресса (Конгресс ООН 20–27 апреля 2020 г. в г. Киото — прим. автора) понятия «киберпреступность», «компьютер» уже практически не используются. Речь идет о современных информационных и цифровых технологиях» [2, с. 108]. Указанными авторами отмечается широта понятия «цифровая преступность» в соотношении с понятием «киберпреступность». Например, И.Б. Ардашкин пишет: «Смарт-технологии — это понятие, которым сегодня различные авторы стремятся обозначить самые современные технологические разработки. ...Они имеют также большое количество похожих наименований (конвергентные технологии, NBIC (NBICS) — технологии, информационные технологии, информационно-коммуникационные информации, цифровые технологии и т.д.)» [3, с. 56]. По мнению В.И. Гриценко и Б.Н. Паньшина информационные технологии «это информационные процессы, реализуемые в многомашинных комплексах, локальных и распределенных сетях ЭВМ» [4, с. 67]. П.Д. Белашов и И.С. Разуваев отмечают, что «компьютерные технологии — часть информационных технологий, которая основывается на применении компьютеров, активном участии пользователей (непрофессионалов в области программирования) в информационном процессе, высоком уровне дружественного пользовательского интерфейса, широком использовании пакетов прикладных программ общего и проблемного назначения, доступе пользователя к удаленным базам данных и программ благодаря вычислительным сетям ЭВМ» [5, с. 54].

Обобщая определения информационных технологий, имеющиеся в современной нормативной базе (Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, ГОСТ 34.033-90, ISO/IEC 38500:2015), отметим, что под ними понимается как механизм использования вычислительной техники, так и сама техника, обозначаемая словом «ресурсы».

История трансформации теоретического понятия киберпреступности отслежена Я.Г. Ищук, Т.В. Пинкевич, Е.С. Смольяниновым и берет свое начало в 70–80-х гг. XX в., постепенно совершенствуясь в соответствии с текущими реалиями в 2000 г. (на десятом Конгрессе ООН), в 2005 г. (на одиннадцатом Конгрессе ООН) и резко переходя в цифровую преступность в 2020 г. С технической точки зрения цифровые технологии основаны на представлении сигналов дискретными полосами аналоговых уровней, в состав цифровых схем входят логические элементы (к примеру, AND, OR, NOT и другие), связанные счетчиками или триггерами. Другими словами, цифровое устройство имеет два возможных состояния: включено или выключено, цифровая компьютерная система не может оперировать с бесконечным числом десятичных разрядов из-за ограничения объема памяти и возможностей компьютера. Для передачи сигналов реального мира в цифровой существует аналогово-цифровой преобразователь, который передает сигналы на микроконтроллер. Принцип работы большинства современных компьютеров (не считая квантовых, использование которых еще весьма ограничено и аналоговых, которым в настоящее время уделяется весьма скромное внимание в научном мире) основан именно на цифровых сигналах, таким образом, с технической точки зрения, понятия «цифровые» и «компьютерные» — идентичны и использование их гуманитариями и юристами должно соответствовать техническому содержанию. Поэтому, на наш взгляд, разграничение киберпреступлений и использование современных информационных и цифровых технологий как средств совершения преступлений не корректно, так как киберпреступления также совершаются с применением цифровых технологий. По нашему мнению, попытки трансформации понятия «киберпреступность» в «цифровую преступность» связаны с повышенной степенью социализации компьютерных технологий, их глубоким проникновением во все сферы жизни общества, а также сращиванием с повседневной деятельностью человека (интернет вещей).

Следуя логике исследования, необходимо выделить как правовые, так и технические особенности финансово-ориентированных киберпреступлений.

Одной из особенностей финансово-ориентированных киберпреступлений является их обязательно умышленный характер. С.А. Петров отмечает: «Преступник не сам тайно изымает эти деньги, а компьютер, банкомат, другое электронное устройство передают их ему внешне добровольно, но в связи с ошибкой в программе, которую сознательно вносит в эту программу виновный» [6, с. 22]. Сознательное внесение изменений в работу ПО, с целью дальнейшего хищения денежных средств либо конфиденциальных данных, обладающих свойством конвертации, указывает на наличие прямого умысла совершения киберпреступлений в финансовой сфере. Проводя анализ уголовных дел, О.М. Иванова пишет: «Как видно из материалов уголовных дел, хищения чужого имущества, в особенности многоэпизодные, совершаются чаще всего с заранее обдуманном умыслом. ...Безусловно, данная разновидность умысла особенно характерна для замаскированных хищений» [7, с. 108]. Как нами уже отмечалось, в настоящее

время квалификация киберпреступлений в финансовой сфере, как правило, осуществляется по ст. 158 УК РФ¹, следовательно их приравнивают к тайному хищению имущества. По нашему мнению, наличие прямого умысла в любом финансово-ориентированном киберпреступлении, несомненно. Следует сделать оговорку: в случаях умышленного создания вредоносного ПО для взлома компьютерных систем финансовых учреждений, которое по каким-либо причинам не было использовано автором по назначению, или было реализовано сторонним лицом, во-первых, квалифицируется по ст. 273 УК РФ и не является хищением, во-вторых, не является сугубо финансово-ориентированным, так как вредоносное ПО может использоваться для проникновения в организации иных сфер деятельности. Наличие прямого умысла подтверждается также содержанием в структуре способа совершения финансово-ориентированного преступления стадии подготовки.

Еще одна особенность финансово-ориентированных киберпреступлений носит, на наш взгляд, технико-правовой характер и заключается в том, что не всегда хищение денег можно с полным правом считать кражей в ее нормативном определении — «тайное хищение». Дело в том, что неправомерное списание денег со счетов финансовой организации может происходить на глазах сотрудников, которые либо не в силах понять, что происходит, либо не успевают и не знают как прервать запущенный процесс несанкционированного списания. Как правило, это происходит на этапе основных преступных действий, после взлома и адаптации при непосредственном снятии денег со счетов. С правовой точки зрения — это «открытое хищение», квалифицируемое по ст. 161 УК РФ. Например, при осуществлении кибератаки группой Business Club на банки США в момент списания денег со счета на экране высвечивалось сообщение об ошибке для предотвращения защитной реакции пользователя. Таким образом, блокируются возможные действия сотрудников финансового учреждения по прерыванию процесса хищения. Несмотря на то, что с правовой точки зрения, действия, связанные с несанкционированным выводом средств, которое происходит на глазах жертвы, должно расцениваться как грабеж, тем не менее, практика правоприменения рассматривает хищение средств со счетов финансовых организаций как кражу. Технически же разница здесь заключается в особенностях и свойствах вредоносного ПО, в котором либо предусмотрена возможность блокировки защитных действий жертвы, либо нет.

Еще одна особенность киберпреступности в финансовой сфере это ее высокая латентность. Согласно исследованию В.А. Номоконова и Т.Л. Тропиной, киберпреступности характерны следующие особенности: повышенная скрытность совершения преступления, трансграничный характер, особая подготовленность преступников, интеллектуальный характер преступной деятельности, нестандартность, сложность, многообразие и частое обновление способов совершения преступления, автоматизированный режим совершения преступлений, реализуемый сразу в нескольких местах, многоэпизодность, неосведомленность жертвы о совершенных против нее действиях, дистанционный характер, неэффективность традиционных методов и средств для борьбы с киберпреступностью [8, с. 45].

¹См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2021 г.) (ст. 125) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; Российская газета. 2021. 9 апр.

На наш взгляд, скрытый характер киберпреступлений в финансовой сфере также стоит поставить во главу перечня их особенностей, так как это одна из главных причин стремительного роста и масштабирования таких деяний. В целом поддерживая научные выводы В.А. Номоконова и Т.Л. Тропиной, выделим некоторые особенности, присущие, по нашему мнению, именно финансово-ориентированным киберпреступлениям, либо обладающие эксклюзивными механизмами, отличающими их от смежных видов правонарушений.

С.М. Иншаков еще в 2011 году определил коэффициенты латентности киберпреступлений по ст. 272 УК РФ — 4,8; ст. 273 УК РФ — 11,8; ст. 274 УК РФ — 30 [9, с. 151]. Высокая латентность киберпреступности в международном аспекте отмечается и в Обзоре Исполнительного комитета СНГ «Некоторые правовые аспекты противодействия киберпреступности в СНГ (2014 г.)», которая составляет «в США — 80%, в Великобритании до 85%, в ФРГ — 75%, в России — более 90%»¹.

А.Э. Побегайло указывает на сохранение в 2018 г. общей тенденции латентности [10, с. 55], ее выводы поддерживает А.С. Лакомов [11, с. 53]. Этому способствует техническая сторона данного явления, которая заключается в перемещении между узлами при помощи легитимного программного обеспечения и встроенных функций операционной системы (к примеру, PsExec или RAdmin), используемых в повседневной деятельности организаций. При копировании процесса Isass.exe и при извлечении паролей пользователей, используя утилиту mimikatz, обнаружение несанкционированных действий исключено, так как память копируется легитимным инструментом, запуск утилиты происходит на компьютере злоумышленника. «Чтобы скрыть свое присутствие злоумышленники часто используют бестелесный вредоносный код, который выполняется только в оперативной памяти, а для сохранения канала удаленного управления после перезагрузки компьютера добавляет ВПО в автозагрузку ОС»². Помимо механизма скрытия следов присутствия на этапе адаптации в компьютерной системе финансовой организации, описанного выше, кибератаки такого уровня зачастую при успешном завершении (достижении преступной цели — хищении средств, данных) существует еще один аспект, который служит для скрытия следов отслеживания адреса организации атаки и состоит в чистке загрузочных записей и таблиц разделов жестких дисков. Прервать подобный уже запущенный процесс невозможно. Кроме того, активное использование злоумышленниками разного рода анонимайзеров, VPN-сервисов, Tor и т.д. значительно повышают уровень латентности финансово-ориентированных киберпреступлений.

Еще одним фактором, оказывающим огромное влияние на латентность финансовой киберпреступности, является стремление жертв преступлений скрыть сам его факт во избежание репутационных рисков, повышающее также уровень их корпоративной виктимности и создающее основу реализации второй особенности, которую, на наш взгляд стоит выделить: многоэпизодность.

Таким образом, латентность финансово-ориентированных киберпреступлений поддерживается, в том числе и заинтересованностью в ней самих жертв,

¹ См.: Обзор Исполнительного комитета СНГ «Некоторые правовые аспекты противодействия киберпреступности в СНГ (2014 г.)» от 1 октября 2014 г. URL: www.cis.minsk.by (дата обращения: 07.12.2021).

² См.: Исследование компании Positive Technologies «Векторы хакерских атак на банки». 05.06.2018 г. URL: www.ptsecurity.com (дата обращения: 10.12.2021).

что вкупе со скрытостью и зачастую отсутствием внешних проявлений самой киберпреступности делает ее неуязвимой для правоохранительных органов.

Для многоэпизодности финансово-ориентированных киберпреступлений характерен общемировой охват учреждений финансовой сферы и полная трансграничность. Например, атака северокорейских хакеров на чилийскую компанию Redbanc (2019 г.), на Banco de Chili (2018 г.), что в дальнейшем по проверенной схеме позволило атаковать 16 компаний по всему миру; в 2017 г. на протяжении полугода было совершено 114 blackbox-атак в 11 странах Европы. Обналичить полученные в результате атак на банкоматы средства можно при помощи мультикарты Fuse Card, способной хранить информацию о 30-ти платежных картах и значительно снизить риски для злоумышленников, позволяя снимать деньги с украденных карт с помощью одной карты. Многоэпизодности киберпреступлений в финансовой сфере способствуют также технические навыки злоумышленников, позволяющие годами находиться во внутренних сетях жертвы, например, группа TaskMasters периодически возвращалась к взломанной сети за очередным набором данных в течение нескольких лет, оставаясь при этом незамеченной системами безопасности¹.

Анализируя содержание новостей о поимке участников той или иной преступной хакерской группы, можно сделать вывод, что зачастую правоохранительным органам удается обезвредить лишь часть преступной группы, что временно несколько снижает активность противоправных действий, не устраняя их совсем. Если в процессе расследования удается установить данные остальных участников преступной группы, их объявляют в международный розыск, который, как правило, осложняется бюрократией правоохранительных систем государств, а в последние годы из-за политической конфронтации между Россией и странами Запада, международное сотрудничество в расследовании киберпреступлений практически прекратилось. Примером может служить обнаруженная в 2014 г. группировка Carbanak, члены которой находились в России, Казахстане, Европе и, несмотря на арест нескольких участников, по их технологиям продолжается активность. Преступная деятельность велась в некоторых банках годами, полностью контролируя рабочий процесс финансовой организации. Данный факт позволяет предположить либо наличие у самих хакеров весьма четких представлений обо всех механизмах банковских процессов, либо наличие в структуре преступной группы опытных финансистов или завербованного должностного лица финансовой организации.

Еще одна особенность финансово-ориентированных киберпреступлений, характерная именно для нашего времени, связана со смещением преступных посягательств с банков на страховые и финтех-компании. Ее существование объясняется пока еще слабой степенью защиты сетей организаций страхового и финтех сектора, в сравнении с банками и брокерами, которые имеют традиционно высокий уровень кибербезопасности. Такое смещение интересов киберпреступников отмечают Р. Джамилев, Х. Рей, А. Тахун в своем исследовании «Анатомия киберрисков» [12, с. 3]. Очевидно, эта особенность будет носить временный характер и прекратит свое существование по достижению страховыми организациями и финтех-компаниями высокого уровня защиты.

¹ См.: *Кувшинов Д.* Волк в овечьей шкуре: как поймать хакера, который тщательно маскируется под обычного пользователя. Блог компании Positive Technologies 14 мая 2020 г. URL: www.habr.com (дата обращения: 10.12.2021).

Для успешного завершения киберпреступления в финансовой сфере, которое имеет своей целью хищение денежных средств, зачастую необходимо физическое обналичивание похищенных средств, для чего в масштабных киберпреступлениях используются дропы — специально привлекаемые в разных странах лица из числа местного населения либо командированные специально, которые за оплату снимают деньги в банкомате. Именно они в первую очередь обезвреживаются правоохранительными органами, но, в силу малой осведомленности о структуре и механизме работы преступной группы, с их помощью, как правило, не удается идентифицировать организаторов киберпреступления. В 2013 г. группой экспертов УПН ООН (Управление по преступности и наркотикам ООН) был представлен доклад «Всестороннее исследование проблемы киберпреступности», в котором с осторожностью отмечено: «Многие киберпреступления требуют высокой степени организованности и специализации, и вполне возможно, что степень вовлеченности обычных преступных групп в киберпреступную сферу высока, по крайней мере, в части киберпреступлений, совершенных в целях получения финансовой выгоды, таких как компьютерное мошенничество, подлог и использование персональных данных...» [13, с. 83]. «Черный рынок» киберпреступности характеризуется степенью взаимодействия групп и частных лиц, выполняющих различные и иногда множественные роли (включая «программистов», «распространителей», «технических специалистов», «хакеров», «мошенников», «хостеров», «обналичивателей средств», «денежных курьеров», «кассиров» и «лидеров») в процессе создания вредоносного программного обеспечения, компьютерного заражения (в частности, посредством фишинга электронной почты), управления бот-сетями, сбора персональных и финансовых данных, продажи сведений и получения денег за финансовую информацию» [13, с. 83].

В проекте типологического исследования на тему «Киберпреступность и отмывание денег», проведенного Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма от 2014 года указано: «В отличие от «традиционного отмывания денег... кибер-отмывание основано на использовании различных видов операций и поставщиков финансовых услуг, начиная с банковских переводов, внесения/снятия наличных, использования электронных денег и заканчивая «денежными мулами» и услугами по переводу денег»¹.

Таким образом, налицо некий симбиоз или сращивание финансово-ориентированной киберпреступности и традиционной, что стоит выделить как одну из особенностей первой. Данная особенность киберпреступности в финансовой сфере, по нашему мнению, носит временный характер и появление в 2008 году первой криптовалюты, а также медленный, но не уклонный процесс ее легализации и принятия в качестве одного из официальных платежных средств все большим числом государств и международных корпораций, со временем исключит необходимость в физическом обналичивании похищенных средств.

Наличие финансовой грамотности у самих злоумышленников либо наличие сговора с должностным лицом финансовой организации (бывшим или действующим) является еще одной особенностью финансово-ориентированных киберпреступлений. Отсутствие у преступников знаний об устройстве механизма про-

¹ См.: Проект типологического исследования: «Киберпреступность и отмывание денег». URL: www.eurasiangroup.org (дата обращения: 07.12.2021).

ведения банковских или иных финансовых операций, либо не вступив в сговор с лицом, обладающим подобными знаниями, делает кибер-атаку на финансовое учреждение экономически малоэффективной, но не полностью бесполезной из-за наличия еще одной особенности, впрочем, присущей не только финансово-ориентированным киберпреступлениям, но и иным противоправным деяниям в сфере высоких технологий, пока не получившей научного осмысления, которая может быть сформулирована как наследственность технических процессов. Данная особенность состоит в возможности эффективного использования ранее разработанного и апробированного преступного инструментария (вредоносного ПО) следующими поколениями киберпреступников. Например, по словам главы АО «Лаборатория Касперского» Е.В. Касперского после ареста в 2016 г. участников группы Carbanak, в дальнейшем также наблюдались атаки с применением того же вредоносного ПО¹, таким образом, вновь появившиеся преступные группы, используют в своей деятельности уже отработанные схемы и инструменты, достигая при этом преступной цели. Помимо этого, злоумышленник, которому удалось взломать внешний периметр финансовой организации и обеспечить точку доступа, не обладая знаниями финансовых рабочих процессов, может выставить ее на продажу в Darknet. Стоимость будет зависеть от рыночной стоимости взломанного объекта и масштабов адаптации в его внутренней сети. В этом состоит еще одна особенность финансово-ориентированных киберпреступлений — возможности монетизации промежуточных результатов преступной деятельности.

Современная киберпреступность и финансово-ориентированная в частности, послужила катализатором трансформации reopleware (человеческого фактора в программировании, описанного Ларри Константином [14, с. 61]) в свое основное орудие совершения преступлений — социальную инженерию. В настоящее время именно социальная инженерия, а не высокотехнологичное вредоносное ПО и технические знания, стала основным инструментом киберпреступников, так как дает возможность без наличия особых технических знаний и навыков совершать крупные хищения, пользуясь при этом всеми привилегиями, предоставляемыми современными телекоммуникационными технологиями. Таким образом, выход социальной инженерии на лидирующие позиции в качестве психологического способа совершения преступления, глубоко технически ориентированного и возникшего только благодаря развитию компьютерных технологий, стоит выделить как следующую особенность киберпреступности в целом, включая и финансовую сферу.

Исходя из техники совершения рассматриваемого вида киберпреступлений, выделим еще одну их особенность, которая состоит в особом порядке преступных действий, при чем его несоблюдение делает кибератаку неэффективной. Все действия злоумышленника осуществляются по схеме: возникновение преступного умысла, предварительные преступные действия (подготовительный этап), преодоление внешнего периметра компьютерной системы финансовой организации, скрытие следов взлома, адаптация во внутренней системе, основные преступные действия (хищение средств или данных), скрытие следов с сохранением точки доступа или без него. Каждый этап, исключая возникновение умысла, дублируется, это объясняет сложности правовой квалификации деяний, так как одна

¹См.: Касперский Е.В. Интервью каналу «Русские норм!» с Е. Осетинской от 22 июля 2021 г. URL: www.youtube.com (дата обращения: 07.12.2021).

кибератака включает в себя сразу несколько составов преступлений, обозначенных в УК РФ. Однако эти повторы и позволяют сделать атаку максимально эффективной и предотвратить негативные последствия для злоумышленника. Можно сделать вывод о возможной самостоятельности подготовительного этапа киберпреступления и рассмотрении его в качестве завершенного преступления с квалификацией по ст. 272 УК РФ. В некоторых случаях возможна организация точки доступа без использования ее в преступных целях самим создателем, а с наличием умысла на ее дальнейшую реализацию. В случаях реализации подготовленной точки доступа возможна дополнительная квалификация по ст. 175 УК РФ. Считаем применение ст. 175 УК РФ в данном случае возможным, так как создание несанкционированной точки доступа в компьютерную систему финансовой организации заведомо противоправно, а тот факт, что подобные объекты цифрового мира могут считаться полноценным имуществом, уже находит свое обоснование в новейших исследованиях: «...если ранее преступные посяательства происходили в основном на телесные формы имущества, то сейчас они устремлены на нетелесные (невещественные) имущественные блага, имеющие порой не меньшую ценность, чем обычные вещи» [1, с. 17]. Уголовно-правовая квалификация основной и завершающей стадий в первом и третьем способе совершения финансово-ориентированных киберпреступлений совпадает, во втором способе основную стадию предлагается квалифицировать по ч. 4 ст. 159.6 УК РФ, а завершающую — по ч. 2 ст. 272 УК РФ предварительно изложив ее в предложенной в параграфе 1.2 настоящего исследования редакции.

В заключении по результатам исследования предлагаем киберпреступностью в финансовой сфере считать «совокупность умышленных преступлений, совершаемых в компьютерных системах любых финансовых организаций против имущественной принадлежности и порядка обращения денежных средств и клиентских баз».

Учитывая специфику данного исследования, рассматривающего совершение киберпреступлений исключительно в границах финансового сектора с углубленным изучением технических возможностей совершения такого рода противоправных деяний, выделено три способа АРТ-атак: заражение банкоматной сети, атака через автоматизированное рабочее место клиента Банка России, заражение рядового компьютера и кража паролей. Первый способ успешно применяется в отношении банков и иных финансовых организаций, располагающих сетью банкоматов, терминалов, кредитоматов, инфоматов; второй способ (в заявленных рамках исследования) используется для атак на банки; третий способ является универсальным и позволяет атаковать любой объект финансовой структуры, кроме того, он наименее затратен как в финансовом, так и в техническом отношении.

Выделен ряд особенностей финансово-ориентированных киберпреступлений (как технического, так и правового характера), которые, на наш взгляд, отличают рассматриваемые деяния от иных видов преступности в сети:

высокая латентность;

многоэпизодность;

наличие финансовой грамотности у преступников либо сговора с сотрудником финансовой организации;

наследственность технических процессов;

возможность монетизации промежуточных результатов преступной деятельности;

лидирующая роль социальной инженерии как преступного инструментария; смещение преступных посягательств с банков на страховые и финтех-компании;

симбиоз или сращивание финансово-ориентированной киберпреступности и традиционной;

умышленный характер;

особый порядок преступных действий, состоящий в их дуближе;

спорность в однозначности применения понятия «кража» к финансово-ориентированным киберпреступлениям.

Библиографический список

1. *Хиллута В.В.* Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования. Резюме дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2021. 63 с.

2. *Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С.* Цифровая криминология: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2021. 244 с.

3. *Ардашкин И.Б.* Смарт-технологии как феномен: концептуализация подходов и философский анализ. Являются ли смарт-технологии действительно умными? // Вестник Томского государственного ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 55–68.

4. *Гриценко В.И., Паньшин Б.Н.* Исходная концепция об определении понятия информационной технологии // Вестник Российского общества информатики и вычислительной техники, 1990. Вып. 2. С. 67–77.

5. *Белашов П.Д., Разуваев И.С.* Понятие «компьютерные технологии в рамках информационных технологий в обучении». XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Пенза: Изд-во: Пензенского государственного технологического ун-та, 2015. Т. 1. № 6 (28). С. 54–60.

6. *Петров С.А.* Особенности квалификации хищений, совершаемых с использованием компьютерной техники // Российский следователь, 2008. № 15. С. 22–24.

7. *Иванова О.М.* Хищения чужого имущества как уголовно-правовая категория: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2020. 319 с.

8. *Номоконов В.А., Тропина Т.Л.* Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 45–55.

9. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 839 с.

10. *Побегайло А.Э.* Борьба с киберпреступностью: учебное пособие. М.: Университет Прокуратуры РФ, 2018. 184 с.

11. *Лакомов А.С.* Киберпреступность: современные тенденции // Академическая мысль. 2019. № 2 (7). С. 53–56.

12. *Jamilov R., Rey H., Tahoun A.* The anatomy of cyber risk. National Bureau of economic researeh. 1050. Massachusetts Avenue. Cambridge, MA 02138. June 2021. 90 p.

13. *Malby S., Mace R., Holterhof A., Brown C., Kascherus S., Ignatuschtschenko E.* Comtrehensive study on cybercrime. Vienna: Vienna International Centre, 2013. 287 p.

14. *Larry L. Constantine.* Constantine on peopelwara. London: Pearson Education. Published by Prentice Hall Ptr, 1995. 219 p.

References

1. *Khilyuta V.V.* Crimes Against the Turnover of Objects of Civil Rights: Conceptual and Theoretical Foundations of Modeling. Extended abstract diss. ... doc. of law. Minsk, 2021. 63 p.

2. *Ishchuk Ya.G., Pinkevich T.V., Smolyaninov E.S.* Digital Criminology. Textbook. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 244 p.
3. *Ardashkin I.B.* Smart Technologies as a Phenomenon: Conceptualization of Approaches and Philosophical Analysis. Are Smart Technologies Really Smart? // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science, 2018. No. 43. P. 55–68.
4. *Gritsenko V.I., Panshin B.N.* The Initial Concept of the Definition of the Concept of Information Technology // Bulletin of the Russian Society of Informatics and Computer Technology, 1990. Issue 2. P. 67–77.
5. *Belashov P.D., Razuvaev I.S.* The Concept of “Computer Technologies in the Framework of Information Technologies in Education”. XXI century: the results of the past and the problems of the present plus. Penza, publishing house: Penza State Technological University, 2015. Vol. 1. No. 6 (28). P. 54–60.
6. *Petrov S.A.* Features of the Qualification of Thefts Committed Using Computer Technology // Russian Investigator. 2008. No. 15. P. 22–24.
7. *Ivanova O.M.* Theft of Other People’s Property as a Criminal Legal Category. diss. ... cand. of law. Samara, 2020. 319 p.
8. *Nomokonov V.A., Tropina T.L.* Cybercrime as a New Criminal Threat // Criminology Yesterday, Today, Tomorrow. 2012. No. 1 (24). P. 45–55.
9. Theoretical Foundations of Research and Analysis of Latent Crime / edited by S.M. Inshakov. M.: UNITY-DANA, 2011. 839 p.
10. *Pobegailo A.E.* Fighting Cybercrime: a textbook. Moscow: University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2018. 184 p.
11. *Lakomov A.S.* Cybercrime: Current Trends // Academic thought. 2019. No. 2 (7). P. 53–56.
12. *Jamilov R., Rey H., Tahoun A.* The Anatomy of Cyber Risk. National Bureau of economic research. 1050. Massachusetts Avenue. Cambridge, MA 02138. June 2021. 90 p.
13. *Malby S., Mace R., Holterhof A., Brown C., Kascherus S., Ignatuschtschenko E.* Comprehensive Study on Cybercrime. Vienna: Vienna International Centre, 2013. 287 p.
14. *Larry L. Constantine.* Constantine on People Wara. London: Pearson Education. Published by Prentice Hall Ptr, 1995. 219 p.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-205-215

УДК 343

В.М. Корнуков, Е.В. Корнукова, Д.С. Устинов

ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ПРАВО НА ЗАЩИТУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРАВОСУДИЯ

Введение: в статье под углом зрения правообеспечительной сущности и значимости исследуются положения закона, определяющие порядок и условия предъявления обвинения, выясняется их соотношение с исходными требованиями, лежащими в основе законности уголовно-процессуальной деятельности и справедливого осуществления правосудия. **Цель:** подтвердить диктуемую практикой потребность изменения научного и законодательного подходов к трактовке сущности и содержания акта привлечения лица в качестве обвиняемого и его значимости в обеспечении законности уголовного судопроизводства и прав личности в этой сфере государственной деятельности. **Методологическую основу** исследования составляют диалектический подход к познанию действительности, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также историко-правой, формально-юридический, сравнительно-правой и другие методы научного познания. **Результаты:** выявлено несоответствие законодательной регламентации порядка предъявления обвинения, в том числе положений, касающихся содержания правового акта о привлечении лица в качестве обвиняемого, общеправовым требованиям, закрепленным в ст. 7 УПК РФ, согласно которым все правовые акты (решения) суда, судьи, прокурора, следователя и других должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, должны быть «законными, обоснованными и мотивированными». **Выводы:** действующая российская версия законодательной регламентации предъявления обвинения в совершении преступления не обеспечивает в должной мере соблюдение прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности, законности и обоснованности самого этого акта и последующих уголовно-процессуаль-

© Корнуков Владимир Михайлович, 2022

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса (Тольяттинский государственный университет); e-mail: vm-kornukov@gambler.ru

© Корнукова Елена Владимировна, 2022

Кандидат юридических наук доцент кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kornukovaev@mail.ru

© Устинов Дмитрий Сергеевич, 2022

Кандидат юридических наук доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ustinov681@yahoo.com

© Kornukov Vladimir Mikhailovich, 2022

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure (Togliatti State University)

© Kornukova Elena Vladimirovna, 2022

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor Isaac Efimovich Farber (Saratov State Law Academy)

© Ustinov Dmitry Sergeevich, 2022

Candidate of legal Sciences, associate Professor, Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

ных действий, поскольку допускает, вопреки требованиям принципа законности, возможность осуществлять указанную деятельность на основе не мотивированного решения, без изложения в нем доказательств, обусловивших его принятие и подтверждающих причастность обвиняемого к совершению преступления. Обвиняемый, не осведомленный о доказательствах, подтверждающих вменение ему в вину совершение преступления, лишается возможности полноценной защиты от предъявленного обвинения и последующих решений, связанных, в том числе, с применением в отношении его мер уголовно-процессуального принуждения.

В целях приведения его в соответствие с требованиями принципа законности уголовного судопроизводства, предотвращения обвинительного уклона предварительного расследования в первую очередь необходимо изменить содержание части второй статьи 171 УПК РФ, дополнив ее указанием на обязательность изложения в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого основных доказательств, послуживших основанием для его вынесения.

Ключевые слова: обвиняемый, предъявление обвинения, право на защиту, уголовное судопроизводство, процессуальная справедливость, правосудие, справедливость правосудия.

V.M. Kornukov, E.V. Kornukova, D.S. Ustinov

LODGING OF CHARGES IN THE SYSTEM OF MEANS ENSURING THE RIGHT TO DE-FENSE AND EQUITABLE JUSTICE

Background: the article analyzes the legal provisions stipulating the order and terms of charging and identifies their correlation with the original requirements underlying the lawfulness of the criminal-procedural activity and equitable law enforcement, from the viewpoint of law-enforcement essence and significance. **Objective:** to confirm the need dictated by practice to change the scientific and legislative approaches to the interpretation of the essence and content of the act of involving a person as an accused and its importance in ensuring the legality of criminal proceedings and the rights of the individual in this area of state activity. **Methodology:** the methodological basis of the study is the dialectical approach to the knowledge of reality, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, as well as historical and legal, formal and legal, comparative legal and other methods of scientific knowledge. **Results:** the discrepancy of the legislative regulation of the charging procedure, including provisions relating to the content of the legal act on the involvement of a person as an accused, to the general legal requirements enshrined in Article 7 of the CPC RF, according to which all legal acts (decisions) of the court, judge, prosecutor, investigator and other officials and bodies engaged in criminal proceedings must be „legal, reasonable and reasoned” was revealed. **Conclusions:** the current Russian version of the legislative regulation of charging a person with a crime does not adequately ensure respect for the rights of the person prosecuted, the legality and validity of this act itself and subsequent criminal procedural actions, since it allows, contrary to the requirements of the principle of legality, the possibility of carrying out the specified activity on the basis of an unmotivated decision, without a statement of the evidence that led to its adoption and confirming the involvement the accused, not being aware of the evidence confirming his guilt of committing a crime, is deprived of the possibility of fully defending against the charges and subsequent decisions, including those related to the application of measures of criminal procedural coercion against him.

In order to bring it in line with the requirements of the principle of legality of criminal proceedings, to prevent accusatory bias of the preliminary investigation, it is necessary first of all to change the content of the second part of article 171 of the CPC of the RF

by supplementing it with an indication of the mandatory nature of the main evidence that served as the basis for the decision to bring a person as an accused.

Key-words: *accused, criminal prosecution, charging, right for defense, criminal procedure, procedural equitableness, justice, equitableness of justice.*

Обеспечение права на защиту и справедливое правосудие — одна из важнейших задач любого демократического государства. В том или ином виде это направление деятельности государства всегда находит отражение в Основном законе (Конституции) страны. В Российской Федерации конституционно-правовые гарантии обеспечения права на защиту четко и однозначно фиксируются в тексте акта в виде исходных законоположений с последующим обозначением вытекающих из них прав и обязанностей субъектов соответствующих правоотношений. Справедливость правосудия гарантируется всей системой норм, регламентирующих правовое положение субъектов и порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Взаимосвязь правовой регламентации права на защиту и справедливости правосудия по уголовным делам настолько глубока и проникновенна, что ставит эти явления в ряд непосредственно взаимозависимых друг от друга, когда любое отступление от требований право-элементного состава одного из них, отрицательно сказывается на правообеспечительном действии другого. Это соотношение указанных категорий нашло прямое отражение в ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которой наглядно представлена структурно-содержательная характеристика права на справедливое судебное разбирательство в контексте его связи с другими основополагающими правами и свободами личности¹. В данной связке обозначенные выше требования играют чрезвычайно важную роль в практической деятельности юридических установлений Евросоюза по обеспечению и защите прав и законных интересов личности в сфере уголовного судопроизводства.

Запрос на справедливость в социально-юридической сфере чрезвычайно важен и для российского общества. В последние годы он особенно обострился по отношению не только к результатам деятельности правоохранительных органов и судов, но и относительно процедуры их деятельности. «Процессуальная справедливость» приобретает первостепенное значение в сфере правоприменения. Согласно Ежегодному докладу о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2019 г. граждане в последние годы стали более требовательно относиться к соблюдению и защите своих личных и социальных прав. По сравнению с 2018 г. значимость права на справедливый суд и равенство перед законом выросло среди респондентов опроса с 27% до 33%. И эта тенденция, по их мнению, будет только нарастать². Анализируя эти цифры, Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова во вступительном слове к докладу приходит к выводу, что социальная справедливость как явление, представляющее особую значимость для человека в системе социальных и экономических прав, несколько уступила место процессуальной справедливости. Чуть ли не основными из страхов людей стали выступать боязнь «необоснованных уголовных преследований и провокаций», а также «отсутствие возможности доказывать свою невиновность» [1].

¹ См.: European Convention on Human Rights. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf (дата обращения: 23.02.2021).

² См.: Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // Российская газета. 2020. 14 апр.

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о необходимости изменения правовой процедуры предъявления обвинения, которая в современном виде в должной мере не обеспечивает право обвиняемого на защиту и, как следствие, на справедливое правосудие. Утверждается, что в условиях действия в Российской Федерации конституционных положений о приоритете прав и свобод личности (ст. 2 Конституции РФ), прямого предписания ст. 7 УПК РФ относительно требований, предъявляемых к правовым актам уголовного судопроизводства, нельзя признать правомерной и оправданной практику составления постановлений о привлечении лица в качестве обвиняемого без указания в нем доказательств, обосновывающих принятие этого решения. Такая практика лишает обвиняемого знания оснований привлечения его к уголовной ответственности, существенно осложняет защиту от предъявленного обвинения, открывает возможность для принятия в последующем в отношении обвиняемого необоснованных решений, связанных с ограничением его, в том числе конституционных, прав и свобод. В связи с этим ч. 2 ст. 171 УПК РФ предлагается дополнить требованием о необходимости изложения в предусматриваемом им постановлении основных доказательств, на основании которых принимается решение о привлечении лица в качестве обвиняемого.

В системе уголовно-процессуального правообеспечения права на защиту и справедливость уголовного правосудия одно из центральных мест занимает институт предъявления обвинения. Согласно российской доктрине уголовного преследования должностное лицо, осуществляющее эту деятельность, при появлении доказательств, подтверждающих совершение преступления и дающих основание для обвинения в его совершении определенного лица, обязано вынести постановление о привлечении этого лица в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ)¹. Этот акт по своему характеру и его последствиям означает начало привлечения лица к уголовной ответственности [2, с. 13; 3, с. 3; 4, с. 30; 5, с. 87–88; 6, с. 30; 7, с. 60–61]. Обвиняемому зачитывается суть обвинения, он понимает, что ему угрожает в случае признания его виновным, одновременно ему предоставляются права на выражение своего отношения к обвинению, его опровержение, защиту и отстаивание всех других интересов, связанных с его обвинением в совершении преступления. Тем самым в производстве по уголовному делу фиксируется предварительная определенность как для обвинителя, так и для обвиняемого. Для первого — очерчивается круг обстоятельств, требующих дальнейшего прояснения и уточнения, второй получает сведения о предмете инкриминируемой ему деятельности и возможностях по защите от обвинения.

Нельзя не отметить и то, что указанный акт предопределяет и предмет будущего судебного разбирательства, т.е. правосудия, но это отдельный аспект темы. А пока остановимся на ситуации с положением обвиняемого, который вследствие вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявления обвинения приобрел указанные выше знания по уголовному делу. То, что примененные в отношении него правовые нормы и обусловленные ими действия, проясняющие его юридико-правовое состояние (статус) с обозначением приобретаемых им прав и обязанностей, безусловно выступают в виде необходимой составной части системы правообеспечения обвиняемого, сомнений нет. Вопрос

¹ В данной статье анализируется общий, наиболее распространенный порядок расследования преступлений и потому не затрагиваются особые случаи досудебного оформления рассматриваемой деятельности.

в другом — можно ли все это считать достаточным с точки зрения гарантированного обеспечения обвиняемому права на защиту в контексте справедливости последующего судебного разбирательства и, в итоге, самого правосудия?

Устоявшееся в последние десятилетия в российской уголовно-процессуальной науке и практике представления на этот счет не позволяют сомневаться в положительном ответе на поставленный вопрос. Между тем не все так однозначно. Объявление сути обвинения и разъяснение обвиняемому правовых средств и способов защиты от него обеспечивают только понимание того: в совершении каких противоправных действий он обвиняется и каковы его юридические возможности по защите и отстаиванию им своих интересов. Главное, что содержательно обосновывает предъявляемое обвинение, то, на чем основано обвинение и что действительно обеспечивает возможность реально осуществлять защиту от обвинения, остается тайной следствия, оно недоступно обвиняемому, потому что не раскрывается в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. В ч. 2 ст. 171 УПК РФ, перечисляющей обстоятельства, отражаемые в данном постановлении, отсутствует указание на основания предъявления обвинения. Таким образом защита, как активная деятельность по опровержению обвинения, по существу обеспрямлена, она лишена должной целевой направленности, поскольку стороне защиты не известна правовая основа обвинения. Всякая состязательность (а она в определенных пределах есть и должна быть в досудебном производстве) [8, с. 16–32; 9, с. 27–28, 47–49; 10, с. 44–47; 11, с. 82–87], предполагает оперирование фактическими или предполагаемыми данными (сведениями) с целью обоснования и опровержения обстоятельств, образующих предмет спора. Одним из недостатков нынешней организации предварительного расследования как раз и является непоследовательное отражение, а точнее отсутствие в нем отмеченного элемента состязательного начала, что обуславливает многие практические ошибки, связанные в том числе с необоснованным привлечением граждан к уголовной ответственности, которые, как правило, закладываются именно на этой стадии уголовного судопроизводства.

Фактические основания обвинения скрываются от обвиняемого до самого окончания предварительного расследования, они не становятся ему известными и не подлежат обсуждению при избрании в отношении него меры пресечения, в том числе в виде заключения под стражу, хотя в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 11 июля 2020 г.) и обращено внимание судов на необходимость определенного реагирования на эти обстоятельства. Так, в абз. 2 п. 2 говорится: «Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению... Обратит внимание судов на то, что проверка обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению... При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку

в своем решении... Оставление судьей без проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению должно расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу»¹. К сожалению, приведенные положения постановления пленума не изменили существа отношения большинства судей к выяснению обоснованности привлечения лица в качестве обвиняемого в процессе избрания меры пресечения. Скорее по тому, что этого требования нет в законе. В ст. 108 УПК РФ, регламентирующей порядок применения указанных выше мер пресечения, обращено внимание на необходимость исследования и отражения в соответствующем постановлении судьи конкретных, фактических обстоятельств, касающихся только обоснования решения об избрании меры пресечения.

В указанных выше условиях следователи имеют полную свободу в манипулировании квалификацией преступления, инкриминируемого обвиняемому, утяжеляя ее с целью обеспечения нужного им решения суда по мере пресечения. Отсюда, в частности, практика достаточно нередкого без основательного вменения по групповым делам состава, предусмотренного ст. 210 УК РФ, который обеспечивает безусловное заключение обвиняемого под стражу. То, что в ходе дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности этот состав не находит подтверждения, правоприменителей особенно не волнует, он сработал в нужный момент, а его исключение из обвинения не сказывается на конечном результате².

Существующий порядок привлечения в качестве обвиняемого порождает и ряд других проблем, связанных с обеспечением прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в частности его права на допрос свидетельствующих против него лиц, предусматриваемого подп. «д» п. 3 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и возможности на визуальный контакт с указанными лицами при их допросе. Нынешнее решение этих вопросов в УПК РФ нельзя признать удачным.

Внедрение другого, основанного на принципе законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ), порядка привлечения лица в качестве обвиняемого не только устранило бы обозначенные, но и сгладило бы многие другие проблемы российского уголовного судопроизводства. И для этого есть все основания как законодательного, так и теоретического свойства.

Законодательный анализ свидетельствует: требование, закрепленное в ч. 4 ст. 7 УПК РФ о том, что «определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными», распространяется на все акты судебного и досудебного производства, в том числе и на постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, которое не может и не должно не обладать правовыми свойствами, обусловленными одним из основных Конституционных принципов. Ведь если

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 11 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Ахундзянов С. «Царевны доказательств» по ст. 210 не помогли обвинению. Защита добилась исключения преступного сообщества. URL: <https://19rus.info/index.php/obshchestvo/item/138065-tsarevny-dokazatelstv-po-210-ne-pomogli-obvineniyu-zashchita-dobilas-isklyucheniya-prestupnogo-soobshchestva> (дата обращения: 16.02.2021).

вникнуть в суть обозначенного вопроса, то сложившуюся ситуацию в российском уголовном процессе нельзя расценить иначе, как нонсенс. Один из основных актов уголовного судопроизводства, обуславливающий процесс привлечения человека к уголовной ответственности, может не отвечать закрепленным в законе требованиям обоснованности и мотивированности, а значит и общему требованию законности.

Международная законодательная практика решения рассматриваемого вопроса не однозначна. Она существенно варьируется в зависимости от особенностей правовой системы, действующей в той или другой стране¹. Тем не менее выраженной тенденцией в этом вопросе является стремление совместить или максимально приблизить акты объявления подозреваемому, обвиняемому оснований и факта открытия против него уголовного судопроизводства [12, с. 237–250; 13, с. 828–838; 14, с. 132–134; 15, с. 456–457; 16, с. 187, 357, 649–651].

Теоретическая сторона исследуемого вопроса тоже достаточно проработана и подготовлена для его положительного решения. Идея, лежащая в его основе, возникла давно. Еще И.Я. Фойницкий, ссылаясь на Устав уголовного судопроизводства 1864 г., утверждал, что обвинение как требование имеет то же содержание, что и судебный приговор по делу, «оно есть как бы проект судебного приговора, предлагаемый обвинителем и устанавливающий для суда известные границы» и выделял в составных частях обвинения «указания на доказательства, подтверждающие обвинение» [17, с. 46]. В 1925 г. М.С. Строгович и Д.А. Карницкий, комментируя УПК РСФСР указывали, что «следователь должен сгруппировать в постановлении собранные... улики таким образом, чтобы логическим выводом из них было привлечение... в качестве обвиняемого. Недопустимы практикуемые некоторыми следователями простые ссылки на материалы дела или общие выражения о наличии достаточных оснований, необходимо в постановлении указать, какие материалы привели следователя к выводу о привлечении данного лица в качестве обвиняемого и в чем заключается сущность улик против этого лица» [18, с. 154]. Весьма выразительно в правообеспечительном плане по отношению к рассматриваемому вопросу высказался В.З. Лукашевич: «...когда к уголовной ответственности ошибочно привлекаются невинные лица, постановление о привлечении к уголовной ответственности, не приводящее собранных следствием против обвиняемого улик, перестает быть гарантией для следователя от возможных ошибок и гарантией для обвиняемого от неправильного привлечения... Приведение основных доказательств, послуживших основаниями привлечения, не только не помешает эффективности расследования, а, наоборот, будет ему способствовать» [19, с. 189–200]. Приведенная позиция была поддержана рядом других специалистов в области уголовного процесса [20, с. 15; 21, с. 205–210].

Доводы противников этой идеи сводились в основном к трем позициям. Во-первых, обвиняемый, ознакомившись с соответствующим постановлением и убедившись, что его виновность подтверждается совокупностью доказательств,

¹ См.: Criminal procedure code of France (as of January 2020). URL: https://www.legislationline.org/download/id/8539/file/France_CPC_am022020_fr.pdf (дата обращения: 23.02.2021); Kodeks postępowania karnego. Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. (Opracowano na podstawie: t.j. Dz. U. z 2020 r. poz. 30, 413, 568, 1086, 1458, 2320, z 2021 r. poz. 155). URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970890555/U/D19970555Lj.pdf> (дата обращения 23.02.2021); Notice of rights and entitlements: a person's rights in police detention. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/915994/Pace_Code_C_Russian.pdf (дата обращения: 23.02.2021).

попытается скрыться. Во-вторых, обвиняемый в этом случае может противодействовать следствию путем приспособления своих показаний и объяснений к собранным доказательствам и принятия мер к дезориентации следователя относительно доказательств, которые еще не обнаружены, чем создаст угрозу «разоружения следователя перед лицом обвиняемого» [22, с. 16]. В-третьих, обвиняемый, ознакомившись с собранными по делу доказательствами, решит, что их недостаточно, что вина его не доказана, и потому будет настаивать на своей невиновности [22, с. 16; 23, с. 154–156; 24, с. 57–58; 25, с. 308; 26, с. 41]. Назвать эти доводы серьезными вряд ли можно, свое мнение о них мы выскажем чуть позже, а пока обратим внимание на два обстоятельства.

Первое. Самым существенным в изложенном споре было то, что некоторые сторонники первой точки зрения, довольно известные ученые были непоследовательны в своей позиции. Например, М.С. Строгович в своих работах писал, что ознакомление обвиняемого с собранными доказательствами «может преждевременно раскрыть объем доказательств, которыми располагает следствие и повредить успешности расследования» [27, с. 19], или позже противоречил себе, говоря, что изложение доказательств в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого ни в коей мере не противоречит закону и следователь всегда вправе их указать [8, с. 87–88]. Противоречиво выражали свое мнение по этому вопросу и авторы фундаментального труда «Теория доказательств в советском уголовном процессе» [28, с. 545–546].

Второе. Доводы противников изложения доказательств в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого в основном носили тактический характер, ведь рассуждали об этой деятельности с позиции ее целесообразности, заботясь исключительно об обеспечении интересов следствия, и, как правило, не касались вопроса ее законности. А если упоминали об этом, то как М.С. Строгович и авторы «Теории», под углом зрения отсутствия законодательного запрета на возможность изложения соответствующих доказательств в рассматриваемом акте предварительного расследования. И это не удивительно, если учесть, что указанные соображения базировались на уголовно-процессуальном законодательстве 1922, 1923 и 1960 гг. прошлого века, в которых отсутствовали современные формулировки принципа законности и обусловленных им требований, предъявляемых к правовым актам уголовного судопроизводства.

Продолжение подобного отношения к рассматриваемому вопросу и критика позитивного его решения в современных условиях [29, с. 13–19; 30, с. 129; 31, с. 97] представляется не только не уместной и беспомощной, но и не состоятельной во многих отношениях. Во-первых, авторы вновь повторяют уже изложенные ранее доводы, оставляя в стороне не только указанные нами выше требования действующего уголовно-процессуального законодательства, но и уровень современного технического и технологического обеспечения процесса доказывания по уголовным делам. Он настолько высок по сравнению с предыдущими годами, что говорить о прямой и безусловной зависимости доказательственной деятельности в уголовном процессе и ее результатов от поведения обвиняемого несерьезно. Что касается возможности противодействия обвиняемого установлению истины по уголовному делу и иного его противоправного поведения в процессе предварительного расследования, то действующий закон содержит вполне достаточный арсенал правовых средств для их предотвращения и парализации.

В условиях действия конституционных установлений о приоритете прав и свобод личности (ст. 2 Конституции РФ), прямого предписания УПК РФ (ст. 7 УПК РФ) относительно требований, предъявляемых к правовым актам уголовного судопроизводства, нельзя признать оправданной практику составления постановлений о привлечении в качестве обвиняемого без указания в нем доказательств, обосновывающих принятие отраженного в нем решения.

Вопрос о том, какие доказательства и в каком объеме должны излагаться в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого требует особого рассмотрения, он может быть самостоятельным предметом отдельной научной работы. Но ясно, что указанное постановление должно содержать такой набор доказательств, который позволил бы считать этот акт достаточно обоснованным и мотивированным. С учетом изложенного мы считаем необходимым и актуальным ч. 2 ст. 171 УПК РФ дополнить требованием об изложении в предусматриваемом им постановлении доказательств, на основании которых принято решение о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Библиографический список

1. *Москалькова Т.Н.* Вступительное слово к Ежегодному докладу о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // Российская газета. 2020. 14 апр.
2. *Бытко Ю.И., Бытко С.Ю.* Уголовное право России. Части Общая и особенная: учебник. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2007. С. 13.
3. *Карнеева Л.М.* Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М.: Юридическая литература, 1971. 133 с.
4. *Карпушин М.П., Курляндский В.И.* Уголовная ответственность и состав преступлений. М.: Юридическая литература, 1974. 231 с.
5. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М.: Наука, 1970. Т. 2. 516 с.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права; Саратовская высшая школа МВД РФ, 1997. 425 с.
7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 784 с.
8. *Баев О.Я.* О состязательности в досудебном производстве по уголовному делу // Воронежские криминалистические чтения. 2005. № 6. С. 16–32.
9. *Григорян В.Л.* Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления. Саратов: Изд-во: Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2012. 144 с.
10. *Гриненко А.В.* Доказывание в состязательном уголовном процессе (досудебное производство) // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. № 1. С. 44–47.
11. *Корнуков В.М.* Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: мифы и реальность // Библиотека криминалиста. 2017. № 1(30). С. 82–87.
12. *Hofmanski P.* Codeks postepowania karnego. Komentarz do artykulow 297-467& Tom II. /K. Zgryzek, P. Hofmanski, E.Sadzik. Warszawa: C.P. Beck, 2011. P. 237–250.
13. *Thomas D.* 'Le suspect en quete d'un statut procedural' in M.Cabrilliac (ed) Melanges Cabrilliac (Paris Dalloz- Litec, 1999) 828–838 f.

14. *Topini P.* Manuale di procedura penale. Milano. 2017. P. 132–134.
15. *Бернам У.* Правовая система США. М.: Новая юстиция. 2006. 3-й вып. 1216 с.
16. *Самарин В.И., Луцки В.В.* Уголовный процесс Европейских государств. М.: Юридическая литература, 2019.
17. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства / под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 46. с. 607.
18. *Строгович М.С., Карницкий Д.А.* Уголовно-процессуальный кодекс. Текст и постатейный комментарий. М.: Юриздат, 1925, с. 154.
19. *Лукашевич В.З.* Обоснованность обвинения и гарантии прав обвиняемого в стадии предварительного расследования // «Ученые записки ЛГУ вопросы уголовного права и процесса». № 202. 1956. Вып. 8. С. 189–200.
20. *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Предварительное следствие. М.: Юридическая литература, 1965. 367 с.
21. *Рахунов Р.Д.* Предварительное расследование в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид наук. М., 1953.
22. *Голунский С.А.* Привлечение обвиняемого // Советская юстиция. 1936. № 23.
23. *Калашникова Н.Я.* Обеспечение обвиняемому права на защиту // Ученые записки ВЮЗИ. 1958. Вып. VI. С. 154–156.
24. *Карнеева Л.М.* Привлечение в качестве обвиняемого. М.: Госюриздат, 1962.
25. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс М.: Госюриздат, 1962. 308 с.
26. *Шавер Б.* Методика допроса // Социалистическая законность. 1940. № 4. С. 41.
27. *Строгович М.С.* Привлечение к уголовной ответственности. М.: Юридическое издательство, 1943. С. 19.
28. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1973. С. 545–546. с.
29. *Аширбекова М.Т.* Новое в порядке оглашения в суде показаний потерпевшего и свидетеля // Мировой судья. 2016. № 7. С. 13–19.
30. *Баев О.Я.* Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании. М.: Юрлитинформ, 2012. 226 с.
31. *Белкин А.Р.* УПК РФ: отменить нельзя поправить?: в 2 т. 2-е изд. испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. Т. 2. Досудебное производство. 219 с.

References

1. *Moskalkova T.N.* Introductory Speech to the Annual Report on the Activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2019 // Rossiyskaya Gazeta. 2020. Apr 14.
2. *Bytko Yu.I., Bytko S.Yu.* Criminal Law of Russia. Parts General and Special: textbook. Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2007. P. 13.
3. *Karneeva L.M.* Criminal prosecution. Legality and Validity. M.: Legal literature, 1971. 133 p.
4. *Karpushin M.P., Kurlandsky V.I.* Criminal Responsibility and the Composition of Crimes. M.: Legal literature, 1974. 231 p.
5. *Strogovich M.S.* The Course of the Soviet Criminal process: the Procedure for Criminal Proceedings in Soviet Criminal procedure law. M.: Nauka, 1970. Vol. 2. 516 p.
6. Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook. Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law; Saratov Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1997. P. 30.
7. Criminal Law of Russia. Parts General and Special: textbook / M.P. Zhuravlev [et al.]; edited by A.I. Rarog. 8th ed., reprint. and additional M.: Prospect, 2016. P. 60–61.
8. *Baev O.Ya.* On the Adversarial Nature in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case // Voronezh forensic readings. 2005. No. 6. P. 16–32.

9. *Grigoryan V.L.* Protection as a System-Forming Factor of the Corner Court Proceedings and the Principles of Its Implementation. Saratov: Publishing House: P.A. Stolypin Volga Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2012. 144 p.
10. *Grinenko A.V.* Proving in Adversarial Criminal Proceedings (Pre-Trial Proceedings) // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2010. No. 1. P. 44–47.
11. *Kornukov V.M.* Accusatory Bias in Criminal Court Proceedings: Myths and Reality // Library of Criminalist. 2017. No. 1(30). P. 82–87.
12. *Hofmaski P.* Kodeks postepowania karnego. Komentarz do artykułow 297-467 & Tom II. /K. Zgryzek, P. Hofmanski, E.Sadzik. Warszawa: S.R. Beck, 2011. P. 237–250.
13. *Thomas D.* 'Le suspect en quete d'un statut procedural' in M Cabril-liac (ed) Melanges Cabrilliac (Paris Dalloz- Litec, 1999) 828–838 f.
14. *Tonini P.* Manuale di procedura penale. Milano. 2017. P. 132–134.
15. *Bernam U.* The Legal System of the USA. M.: New Justice. 2006. 3rd issue. 1216 p.
16. *Samarin V.I., Lutsik V.V.* Criminal Procedure of European States. M.: Legal literature, 2019.
17. *Foynitsky I.Ya.* Course of Criminal Proceedings / edited by A.V. Smirnov. SPb.: Alpha, 1996. Vol. 2. 607 p.
18. *Strogovich M.S., Karnitsky D.A.* Criminal Procedure Code. Text and article-by-article commentary. M.: Yurizdat, 1925. 154 p.
19. *Lukashevich V.Z.* The Validity of the Accusation and Guarantees of the Rights of the Accused at the Stage of Preliminary Investigation // "Scientific Notes of LSU Questions of Criminal Law and Process". No. 202. 1956. Issue 8. P. 189–200.
20. *Zhogin N.V., Fatkullin F.N.* Preliminary Investigation. M.: Legal literature, 1965. 367 p.
21. *Rakhunov R.D.* Preliminary Investigation in the Soviet Criminal Process: extended abstract. dis. ... Doc. of Law. M., 1953.
22. *Golunsky S.A.* Involvement of the Accused // Soviet justice. 1936. No. 23.
23. *Kalashnikova N.Ya.* Providing the Accused with the Right to Defense // Scientific notes of VUZI. 1958. Issue VI. P. 154–156.
24. *Karneeva L.M.* Involvement as an Accused. M.: Gosyurizdat, 1962.
25. *Cheltsov M.A.* Soviet Criminal Process M.: Gosyurizdat, 1962. 308 p.
26. *Shaver B.* Methods of Interrogation // Socialist legality. 1940. No. 4. P. 41.
27. *Strogovich M.S.* Criminal Prosecution. Moscow: Legal Publishing House, 1943. P. 19.
28. The Theory of Evidence in the Soviet Criminal Process. M.: Legal literature, 1973.
29. *Ashirbekova M.T.* New in the Order of the Announcement of the Testimony of the Victim and Witness in Court // Justice of the Peace. 2016. No. 7. P. 13–19.
30. *Baev O.Ya.* Legal and Tactical Bases of Discretion in Criminal Prosecution. Moscow: Yurlitinform, 2012. 226 p.
31. *Belkin A.R.* Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Can't It Be Canceled or Corrected?: in 2 vols. 2nd ed. revised. and suppl. M.: Yurayt, 2017. Vol. 2. Pre-Trial Proceedings. 219 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-216-227

УДК 343.159.5

А.Е. Федюнин, Н.М. Перетьяко

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ РЕАБИЛИТИРОВАННОМУ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА

Введение: в статье рассматриваются проблемы совершенствования процессуальной регламентации возмещения реабилитированному имущественного вреда. **Цель:** исследовать проблемы, возникающие при вынесении и обжаловании судебных решений, связанных с возмещением вреда реабилитированному лицу; особенности правоприменения, связанные с возможностью реабилитации без установления в судебном порядке невиновности лица; возможностью возмещения вреда без признания права на реабилитацию. **Методологическая основа:** общенаучные и специальные правовые методы — формально-юридический, философской логики, анализ законодательства и практики правоприменения. **Результаты:** разработаны авторские предложения о направлениях реформирования нормативно-правовой базы регламентации возмещения вреда реабилитированному лицу, предложены меры по совершенствованию законодательства, позволяющие исключить нарушение конституционных прав реабилитированного. **Вывод:** для разрешения выявленных проблем предлагается выделить субинститут полной реабилитации и субинститут возмещения вреда, причиненного в рамках правомерного уголовного преследования, уточнить понятие «реабилитированного», установить ограничение на поворот к худшему при пересмотре судебного акта о возмещении реабилитированному вреда в кассационном порядке.

Ключевые слова: реабилитация, возмещение имущественного вреда, процессуальная регламентация, поворот к худшему, обжалование судебных решений.

А.Е. Fedyunin, N.M. Peretyatko

ISSUES OF IMPROVEMENT IN THE PROCEDURAL REGULATION OF COMPENSATION FOR PROPERTY DAMAGE TO THE REHABILITATED PERSON

Background: the article examines the problems of improving the procedural regulation of compensation for property damage to the rehabilitated person. the article examines the problems of improving the procedural regulation of compensation for property damage to the rehabilitated person. **Objective:** to investigate the problems that arise when making

© Федюнин Антон Евгеньевич, 2022

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: aef@bk.ru

© Перетьяко Наталья Михайловна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: naperetyatko@yandex.ru

© Fedyunin Anton Evgenyevich, 2022

Doctor of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

© Peretyatko Natalya Mikhailovna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

and appealing court decisions related to compensation for harm to a rehabilitated person; features of law enforcement related to the possibility of rehabilitation without establishing in court the innocence of a person; the possibility of compensation for harm without recognizing the right to rehabilitation. Methodology: general scientific and special legal methods — formal-legal one, philosophical logic, analysis of legislation and law enforcement practice. Results: the author's proposals on the directions of reforming the normative-legal base of regulation of compensation for harm to the rehabilitated person, measures to improve the legislation, allowing to exclude the violation of the constitutional rights of the rehabilitated person, are developed. Conclusion: to resolve the identified problems it is proposed to distinguish the sub-institution of full rehabilitation and the sub-institution of compensation for harm caused in the framework of a lawful criminal prosecution, to clarify the concept of "rehabilitated", to establish a restriction on reversal of the judicial act on compensation for rehabilitated harm in the cassation procedure.

Key-words: *rehabilitation, compensation for property damage, procedural regulation, the turn for the worse, appeal against court decisions.*

Институт реабилитации, базирующийся на получившем международное признание праве каждого человека на получение компенсации, обладающей исковой силой¹ вследствие незаконного ареста или заключения под стражу², применения пыток³, судебной ошибки⁴, имеет гуманистическую направленность и отражает социальную природу назначения уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Становление института реабилитации, а следовательно, формирование его правовой основы происходило в отечественном законодательстве постепенно [1; 2]. Однако, как справедливо отмечают исследователи данного вопроса, наиболее заметной вехой развития института реабилитации, стало принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3, с. 80], в гл. 18 которого вопросы реабилитации получили системное регулирование, а его значение возведено в ранг одного из элементов, отражающих современное назначение уголовного судопроизводства⁵.

Со времени своего закрепления, реабилитационные нормы не оставались статичными, поскольку выявились определенные проблемы правоприменения, потребовавшие их законодательной коррекции. Значительная часть процессуальных пробелов была выявлена в результате неоднократного обращения граждан с жалобами в Конституционный Суд РФ.

¹ См. ч. 5 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Библиотечка Российской газеты. 1999. Вып. № 22–23.

² См. ч. 5 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 20, ст. 2143.

³ См. ч. 1 ст. 14 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (заключена 10 декабря 1984 г.) (с изм. от 8 сентября 1992 г.) // Ведомости ВС СССР. 1987. № 45, ст. 747.

⁴ См. ст. 3 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2006 г. № 114-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кехмана Бориса Абрамовича и Кехман Аллы Иосифовны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256164/> (дата обращения: 02.02.2022).

Правовые позиции, изложенные в вынесенных Конституционным Судом РФ решениях, далеко не во всех случаях выявляли и констатировали несоответствие проверяемых норм Конституции РФ. В то же время немногочисленные выявления противоречий существенно влияли на практику применения норм УПК РФ, и служили основой для уточнения правовой регламентации института реабилитации. Можно назвать как минимум одиннадцать таких знаковых решений Конституционного Суда РФ, так или иначе повлиявших на порядок возмещение государством вреда, причиненного при осуществлении уголовного судопроизводства незаконными действиями (или бездействием) органов дознания, предварительного следствия и суда.

Секретариатом Конституционного Суда РФ было подготовлено информационно-тематическое собрание правовых позиций по данному вопросу, однако подчеркивается, что и оно не является исчерпывающим¹. Вместе с тем существует точка зрения, согласно которой многочисленные решения Конституционного Суда РФ в исследуемой сфере создают весомую коллизионность, влекущую возникновение препятствий для реализации гражданином своего права на реабилитацию [4; 5]. По нашему мнению, наличие довольно значительного количества обращений граждан в Конституционный Суд РФ по вопросам регламентации института реабилитации демонстрирует, скорее, негативную оценку качества законодательного урегулирования вопроса, отражающего социальное назначение уголовного судопроизводства.

Возникает вопрос, почему законодатель столь «нечувствителен» к вопросам реабилитации? В теории и практике уголовного процесса акцентируется внимание как минимум на следующих аспектах данного института, требующих нового осмысления и уточнения: моменте, с которого наступает право на реабилитацию лица, в отношении которого реабилитирующее решение принято на досудебной стадии; процессуальном порядке рассмотрения заявления реабилитированного о возмещении имущественного вреда и восстановлении иных его законных прав; оснований для реабилитации и возмещения вреда, в том числе, при наличии самоговора; размере компенсации при частичной реабилитации; уровне органа прокуратуры, от имени прокурора которой должны поступить извинения реабилитированному, срок принесения такого извинения, его форма и др.

На наш взгляд, одна из основополагающих проблем, влекущая за собой трудности в законотворческой и правоприменительной деятельности, заключается в правой неопределенности по вопросу об отраслевой принадлежности исследуемого института. Разрешение данного вопроса важно не только для теории права, отраслевая принадлежность влечет за собой определение надлежащего способа возмещения вреда лицу, вовлеченному в сферу соответствующих правоотношений.

На сегодняшний момент в дискуссии по определению отраслевой принадлежности института реабилитации можно выделить три основные точки зрения, он может расцениваться как: гражданско-правовой институт [4; 6; 7], уголовно-процессуальный институт [8; 9; 10], институт со смешанным характером [11; 12; 13;

¹ См.: Правовые позиции КС РФ по отдельным вопросам. Право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов дознания, предварительного следствия и суда при осуществлении уголовного судопроизводства. Документ опубликован не был. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=648733#1GgYssSuiFLZuKJp> (дата обращения: 02.02.2022).

14]. Ученые, отстаивающие точку зрения о необходимости определения одной отрасли права в качестве регулятора отношений, возникающих при реабилитации, в качестве критерия используют предмет и метод правового регулирования. Однако, как справедливо полагает С.В. Супрун [11], дискуссионность самого понятия «предмет правового регулирования» и «метод правового регулирования» не позволяет исследователям прийти к единому выводу, напротив, применяя один и те же критерии, они в то же время приходят к диаметрально противоположным выводам.

Представители смешанного подхода акцентируют внимание на многоэлементности института реабилитации, разнородности общественных отношений, возникающих при его реализации. Так, например, М.А. Молчанова считает, что в главе «Реабилитация» законодателем объединены три разновидности общественных отношений: признание лица невиновным; право на возмещение лицу имущественного и морального вреда; возмещение вреда иным лицам [15, с. 249].

Факт наличия данных правоотношений не ставится под сомнение исследователями, однако в вопросах о том, какие основания вызывают в жизни то или иное правоотношение, их субъектный состав, каковы конкретные формы их реализации, возможно ли их сочетание и в каких разновидностях, нет единого понимания не только в науке, но и решениях Конституционного Суда РФ, разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, правоприменительной практике.

Так, например, А.Н. Глыбина относит к субъектам, которые имеют право на реабилитацию и связанным с ней возмещение вреда, только лиц признанных решением суда невиновными. По ее мнению иное толкование противоречит сути института реабилитации, поскольку в его основе «лежит признание невиновности лица в инкриминируемом ему деянии». Всех остальных лиц, имеющих право на возмещение вреда, данный автор рассматривает только как возможных участников гражданских правоотношений, которым предоставлено право на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства [16, с. 122–124].

Однако утверждение о констатации невиновности как о непременном условии возмещения вреда в порядке реабилитации применительно к действующему в настоящий момент законодательству, спорное. Буквальное толкование ст. 133 УПК РФ приводит к выводу о том, что в ней сгруппированы основания для: реабилитации и возмещения вреда (ч. 2 и 2.1 ст. 133 УПК РФ); только возмещения вреда, но в порядке предусмотренном гл. 18 УПК РФ (ч. 3 ст. 133 УПК РФ); возмещения вреда, но в порядке, предусмотренном гражданским судопроизводством (ч. 5 ст. 133 УПК РФ).

Лица, в отношении которых уголовное преследование прекращено на досудебном производстве, также имеют право на реабилитацию (ч. 2 и ч. 2.1 ст. 133 УПК РФ), их перечень достаточно широкий, например, ним относятся те, в отношении кого уголовное преследование прекращено ввиду отсутствия заявления потерпевшего, если уголовное дело могло быть возбуждено не иначе как по его заявлению, (искл. случаи, предусмотренные ч. 4 ст. 20 УПК РФ).

Сюда же включены случаи отсутствия заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3–5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ) или п. 1

и 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (например, наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению; наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела).

Очевидно, что при прекращении по одному из указанных оснований возбужденного уголовного дела вопросы виновности либо невиновности не получают своего разрешения. Вследствие этого, следует согласиться с мнением А.А. Орловой указывающей на то, что и за лицами, уголовное преследование в отношении которых прекращено по нереабилитирующим основаниям, также законодательно закреплено право на реабилитацию [17, с. 149].

Незаконное или необоснованное уголовное преследование является основанием для реабилитации в силу положений ч. 2 ст. 6, в п. 34 ст. 5 УПК РФ. В указанной ситуации должностное лицо, осуществляющее уголовное преследование не имело на это права ввиду отсутствия процессуальных или фактических предпосылок, однако вопреки требованиям закона осуществляло, причиняя лицу ущерб, страдания, неудобства, репутационные потери. Современная дефиниция реабилитации не включает в себя утверждения о невиновности лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование. На наш взгляд, позиция законодателя в данном случае вполне понятна, поскольку виновность либо невиновность может определить только суд в установленном законом порядке вступившим в законную силу приговором суда. Постановление о прекращении уголовного дела не есть его аналог¹. Поэтому на досудебном производстве речь может идти лишь об установлении незаконности, необоснованности уголовного преследования. И если факт осуществления необоснованного, либо противозаконного уголовного преследования был доказан, должна быть гарантирована соответствующая реакция государства на это: восстановление гражданина во всех правах и возмещение вреда, причиненного вследствие таких действий. Вследствие этого применение различных механизмов (восстановление в правах и возмещение ущерба либо же только возмещение ущерба), в отношении лиц, виновность либо невиновность которых лишь предполагается правоохранительными органами, активно обсуждаемое на страницах научной периодики, как нам представляется, может быть и обосновано с точки зрения нравственности (поскольку вероятность полного восстановления в правах человека, причастного к совершению преступления, все же остается), но не действующего закона и принципа презумпции невиновности. Также отметим, что в явном противоречии с законодательными позициями, изложенными в ч. 2 ст. 133 УПК РФ находится и ч. 2 ст. 212 УПК РФ, предписывающая следователю осуществлять реабилитационные процедуры лишь по трем основаниям прекращения уголовного дела.

Понятие «реабилитации» императивно включает в себя 2 компонента: процессуальный порядок восстановления конституционных прав и свобод лица, а также

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрова и Ю.Ф. Ващенко» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30, ч. 2, ст. 4698.

возмещение причиненного вреда. Неразрывность данных понятий показана как п. 34 ст. 5 УПК РФ, так и в ч. 1, 2, 2.1. ст. 133 УПК РФ. Исключение составляет понятие реабилитированного, изложенное в п. 35 ст. 5 УПК РФ, которое явно не согласуется с понятием реабилитации, приведенном в п. 34 ст. 5 УПК РФ, а также в ч. 1 ст. 133 УПК РФ, поскольку понятие реабилитированного законодатель свел лишь к праву на возмещение вреда, оставив без внимания необходимость восстановления иных его прав.

В ч. 3 ст. 133 УПК РФ речь идет о возмещении вреда (в порядке, описанном в гл. 18 УПК РФ), но уже без указания права на реабилитацию. Можно предположить, что речь идет о тех случаях, когда лицо было незаконно подвергнуто иным мерам процессуального принуждения, либо о лице, не имеющем статус подозреваемого или обвиняемого, уголовное преследование в отношении которых не осуществлялось, либо о подозреваемом, обвиняемом, уголовное преследование в отношении которого осуществлялось законно и обоснованно, но применение мер принуждения происходило без должных к тому оснований.

К указанной группе лиц Постановление Пленума Верховного Суда РФ¹ относит и тех, действия которых перекалфицированы или из обвинения которых исключены квалифицирующие признаки, ошибочно вменены статьи при отсутствии идеальной совокупности преступлений либо в отношении которых приняты иные решения, уменьшающие объем обвинения, но не исключаящие его (п. 4 Постановления). Следовательно, реабилитационный порядок может применяться в отношении лиц, оправданных приговором суда, а также тех, уголовное преследование в отношении которых было прекращено на стадии предварительного расследования по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям (ч. 2, ч. 2.1 ст. 133 УПК РФ). Сюда же можно отнести лиц, уголовное преследование в отношении которых не осуществлялось, либо осуществлялось в целом, законно и обоснованно, однако были допущены ошибки, связанные с объемом обвинения, его квалификацией и т.п. (ч. 3 ст. 133 УПК РФ). В иных случаях вопросы, связанные с возмещением вреда, разрешаются в порядке гражданского судопроизводства (ч. 5 ст. 133 УПК РФ).

Таким образом, нам представляется обоснованным, разграничение в гл. 18 УПК РФ института реабилитации на два субинститута: полной реабилитации [18, с. 86; 19, с. 45], относящегося исключительно к лицам, в отношении которых осуществлялось незаконное или необоснованное уголовное преследование, а также незаконное производство о применении принудительных мер медицинского характера (в данном случае мы говорим о полном восстановлении в правах и возмещении причиненного вреда); и возмещения вреда, который был причинен лицу в ходе осуществления правомерного уголовного преследования (в данном можно говорить только о возмещении вреда в порядке, регламентированном уголовно-процессуальными нормами — гл. 18 УПК РФ) поскольку их реализация обусловлена разными правовыми основаниями и разными субъектами [20, с. 1185]. Отдельно выделяются случаи возмещения вреда в порядке, регламентируемом гражданским судопроизводством (ч. 5 ст. 133 УПК РФ) — они не входят в институт реабилитации, поскольку способы возмещения вреда, пред-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (в ред. от 2 апреля 2013 г.) // Российская газета. 2011. 5 дек.

усмотренные в ч. 3 и 5 ст. 133 УПК РФ, принципиально разные: в ч. 3 речь идет о возмещении вреда, в порядке, предусмотренной настоящей главой — т.е. гл. 18 УПК РФ, а в ч. 5 — возмещение вреда в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Уголовно-процессуальный порядок возмещения вреда не предполагает обязанности осуществления доказывания его размера реабилитируемым лицом, хотя и не запрещает этого. По правилам искового производства он подает не иск, но обращается с требованием, которое рассматривается в порядке, описанном в ст. 399 УПК РФ. Возможность и необходимость применения в данном случае упрощенного, создающего более льготные условия для определения характера и размера подлежащего возмещению вреда уголовно-процессуального порядка, нежели гражданско-процессуального, требующего доказывания как наступление вреда, так и его причинной связи с действиями причинителя, их противоправности, вины причинителя и т.п. в большей мере отвечает требованиям справедливости, соответствует характеру публичных правоотношений, послуживших основанием для возникновения реабилитации.

Данный тезис не требует дополнительного обоснования и защиты. Об этом говорится как в решениях Конституционного Суда РФ, так и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 17. Однако очевидно и то, что практическая деятельность по возмещению вреда гражданину, ставит перед правоприменителем такие вопросы, разрешить которые в рамках применения института исполнения приговора, весьма затруднительно. Такой вывод, в числе прочих, сформулировал и Конституционный Суд РФ, указавший в известном Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 г. № 41-П, что государство обязано создавать условия, которые, не подвергая сомнению принцип исполнимости судебных решений о выплатах, способствовали бы скорейшему установлению их размера и его возмещению¹.

Однако совместное применение уголовно-процессуальных норм и общих начал гражданского законодательства, необходимость выявления их разумного соотношения, определения приоритета в случае противоречия и т.п. рождает новые вопросы, разрешаемые зачастую не в пользу гражданина, например, как и кто будет оценивать расходы реабилитированного по договору о юридической помощи. Так, в указанном Постановлении были подняты многие проблемы, связанные с допустимостью оценки в судебном заседании расходов реабилитированного по договору о юридической помощи и пересмотра на основании этого выплаченных ему сумм возмещения.

По своей сути Конституционным Судом было указано на допустимость ставить под сомнение достоверность финансовых документов, предоставляемых реабилитируемым и на основании таких оценочных категорий как «навязывание услуг», «неуместность в защите от уголовного преследования по его делу», «согласие оплатить лишь из доверия к адвокату» снижать сумму возмещения. Кроме того, Конституционный суд в п. 3.3 Постановления признал допустимой крайне опасную для реабилитируемых практику, когда возмещение может быть уменьшено судом на основании того, что «заявленная сумма понесенных расхо-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 40, ст. 6943.

дов не обусловлена действительной стоимостью юридических услуг в пределах рыночных значений»¹. Несомненно, что теперь у стороны обвинения и судов появилось право оспаривать и максимально уменьшать суммы выплат по реабилитации, несмотря на рассуждения о справедливости и праве на защиту. Также несомненно, что сама возможность спора о снижении сумм выплат, обязанность доказывания которой хотя бы и лежит на стороне обвинения, приведет к затягиванию процесса реабилитации и обжалованию судебных решений сторонами во всех возможных инстанциях.

Само по себе наличие таких вопросов в практике, на наш взгляд, уже является поводом для размышления в части недостаточной законодательной урегулированности отношений по поводу осуществления надлежащей защиты по уголовному делу, поскольку трудно себе представить, что гражданин, в отношении которого осуществляется незаконное либо необоснованное уголовное преследование будет изучать вопросы о рыночной стоимости услуг адвоката либо вопрос, какие действия «уместно» входят в линию защиты. Отметим и существующее достаточно длительное время противоречие между ст. 1070 ГК РФ, ограничивающей основания возникновения деликтных обязательств только двумя мерами процессуального принуждения (заключение под стражу и подписка о невыезде), и ч. 3 ст. 133 УПК РФ [21].

Особого внимания заслуживает вопрос о повороте уже исполненного судебного решения, связанного с ухудшением положения реабилитированного, которому было выплачено возмещение расходов на оплату юридической помощи на основании вступившего в законную силу судебного решения. Этот вопиющий случай, рассмотренный в Постановлении Конституционного Суда РФ № 41-П, вступает в противоречие с гарантиями охраны достоинства личности, правом на получение квалифицированной юридической помощи, на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц, и представляет собой пробел в законодательстве, требующий безотлагательного разрешения. В связи с этим Конституционный Суд указал на необходимость устранения правовой неопределенности в данном вопросе и внесения поправок в законодательство, устанавливающих сроки для кассационного обжалования судебных решений, связанных с выплатой компенсации реабилитированным лицам. Кроме того, он потребовал установить в уголовно-процессуальном законодательстве ограничения на поворот к худшему при пересмотре судебных решений о возмещении вреда реабилитированному в кассационной инстанции.

Как справедливо отмечает Конституционный Суд Российской Федерации на ст. 401.6 УПК РФ распространяются лишь вопросы определения уголовно-правовой статуса лица с точки зрения его виновности или невиновности в преступлении, а также его уголовной ответственности. Она позволяет применить к лицу дополнительные меры уголовно-правового характера, помимо уже назначенного наказания, т.е. сфера ее применения — наказание. В то же время вопросы возмещения реабилитированному вреда не связаны с наказаниями или санкциями и не определяют его процессуальный статус, а напротив, призваны обеспечить

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко» // Собр. законодательства Рос. Федерации 2021. № 40, ст. 6943.

выполнение конституционной обязанности по нивелированию процессуальных нарушений органов государственной власти и их должностных лиц.

В связи с изложенным, следует признать — несмотря на то, что субинституты полной реабилитации и возмещения вреда базируются на разных по своей сущности нормах, все же они включены законодателем в один институт права — институт реабилитации [22, с. 43]. Применение единого подхода к их реализации, в рамках одной отрасли права, призвано облегчить процесс правоприменения, не только для лица, имеющего право в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством на возмещение вреда, но и субъектов, реализующих реабилитационные нормы.

В целях эффективного восстановления прав лиц, имеющих право в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством на возмещения вреда в порядке реабилитации, предлагаем внести следующие изменения в действующее законодательство.

Дополнить ст. 137 УПК РФ абзацем вторым следующего содержания: «Не допускается обжалование судебных решений в порядке, установленном главой 47.1 настоящего Кодекса по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного, которое может выразиться в уменьшении сумм выплат, повороте либо отмене решений о производстве выплат, возврате имущества или восстановлении иных прав».

Дополнить ст. 401.6 УПК РФ абзацем вторым следующего содержания: «Пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного лица не допускается».

Часть 1 ст. 1070 ГК РФ привести в соответствие с требованиями гл. 18 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«1. Вред, причиненный гражданину в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, незаконного применения мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, возмещается за счет казны Российской Федерации в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном гл. 18 УПК РФ. Вред, причиненный гражданину в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц правоохранительных органов и суда в порядке, установленном законом».

Часть 2 ст. 212 УПК РФ изложить следующим образом:

«2. В случаях прекращения уголовного преследования по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5, 6 части первой статьи 24 и пунктом 1, 4, 5 части первой статьи 27 настоящего Кодекса, следователь или прокурор принимает предусмотренные главой 18 настоящего Кодекса меры по реабилитации лица».

Пункт 35 ст. 5 УПК РФ изложить следующим образом: «...реабилитированный — лицо, имеющее в соответствии с настоящим Кодексом право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда причинен-

ного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах».

Исключить из ч. 5 ст. 135 УПК РФ ссылку на ст. 399 УПК РФ как на порядок рассмотрения требования о возмещении имущественного вреда, одновременно включив в нее подробную регламентацию процессуального порядка проведения судебного заседания по рассмотрению требования о возмещении имущественного вреда с определением перечня прав и обязанностей лиц, участвующих в судебном заседании, с учетом разъяснений, данных Конституционным Судом РФ, Пленумом Верховного Суда РФ. Восстановление иных прав реабилитированного должно осуществляться в едином порядке с вопросами возмещения имущественного вреда, как и их обжалование — в порядке, указанном ст. 137 УПК РФ вследствие чего ст. 138 УПК РФ следует признать утратившей силу.

Библиографический список

1. *Корчагина Л.И.* К вопросу о влиянии Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на трансформирование института реабилитации в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1727–1731.
2. *Грашичева О.Н.* Формирование института прекращения уголовного преследования с реабилитацией лиц по уставу уголовного судопроизводства // Вестник Московского ун-та МВД России. 2015. № 3. С. 154–155.
3. *Волынская О.В., Грашичева О.Н.* Современные проблемы исследования проблем реабилитации и возмещения вреда // Вестник Московского ун-та МВД России. 2009. № 5. С. 80–82.
4. *Батаршина О.А.* Актуальные проблемы реабилитации в уголовном судопроизводстве России: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. Омск: НН: ИЦРОН, 2018. № 5. 101 с.
5. *Сидоренко М.В.* Возмещение вреда в системе института реабилитации и правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации // Вестник Томского государственного ун-та. 2017. № 24. С. 112–118.
6. *Белякова А.М.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда: теория и практика. М.: Изд-во МГУ, 1986. 148 с.
7. *Медведева Т.М.* Возмещение вреда, причиненного правоохранительными органами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1984. 17 с.
8. *Безлепкин Б.Т.* Возмещение вреда, причиненного гражданину в уголовном судопроизводстве (теоретические основы правового института): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1981. 30 с.
9. *Прокудина Л.А.* Возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов. М.: Городец, 1998. 138 с.
10. *Орлова А.А.* Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. 284 с.
11. *Супрун С.В.* Предмет и метод правового регулирования как критерий деления норм института реабилитации на отрасли права // Современное право. 2009. № 3. С. 7–10.
12. *Севастьянова Ю.В.* Особенности реабилитации по делам частного обвинения // Адвокат. 2014. № 7. С. 11–16.
13. *Подопригора А.А., Чупилкин Ю.Б.* Актуальные вопросы института реабилитации в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 46–50.
14. *Ларинков А.А.* Отдельные проблемы правового регулирования института реабилитации в уголовном судопроизводстве // Криминалисть. 2018. № 3 (24). С. 9–17.

15. Молчанова М.А. Институт реабилитации по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: компаративный анализ // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.И. Самарин. Минск: Издательский центр БГУ, 2017. С. 247–249.
16. Глыбина А.Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 146 с.
17. Орлова А.А. Пленум Верховного суда РФ о практике применения судами норм, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути их разрешения // Вестник Московского ун-та МВД России. 2012. № 5. С. 14–151.
18. Киримова Е.А. Правовой институт Теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 170 с.
19. Алексеев С.С. Структура советского права: собрание сочинений: в 10 т. М.: Статус, 2010. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. 469 с.
20. Курс уголовного процесса [Арутюнян Анна Аветиковна и др.]; под ред. Л.В. Головки; 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1278 с.
21. Федюнин А.Е., Перетяцько Н.М. Концептуальные проблемы института реабилитации в уголовном процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 14. С. 278–286.
22. Орлова А.А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 58 с.

References

1. Korchagina L.I. To the Question of the Influence of the Charter of Criminal Procedure of 1864 on the Transformation of the Institution of Rehabilitation in the Criminal Procedure of Russia // Actual Problems of Russian Law. 2014. No. 8 (45). P. 1727–1731.
2. Grashicheva O.N. Formation of the Institute for the Termination of Criminal Prosecution with the Rehabilitation of Persons According to the Charter of Criminal Proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2015. No. 3. P. 154–155.
3. Volynskaya O.V., Grashicheva O.N. Modern Problems of Studying the Problems of Rehabilitation and Compensation for Harm // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 5. P. 80–82.
4. Batarshina O.A. Actual Problems of Rehabilitation in Criminal Proceedings in Russia // Collection of scientific papers following the results of the international scientific and practical conference. No. 5. Omsk: NN: ICRON, 2018. 101 p.
5. Sidorenko M.V. Compensation for Harm in the System of the Institute of Rehabilitation and Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Bulletin of the Tomsk State University. 2017. No. 24. P. 112–118.
6. Belyakova A.M. Civil Liability for Causing Harm: Theory and Practice / A.M. Belyakova. M.: Publishing House of Moscow State University, 1986. 148 p.
7. Medvedeva T.M. Compensation for Harm Caused by Law Enforcement Agencies: extended abstract dis. ... cand. of law. Saratov, 1984. 17 p.
8. Bezlepkin B.T. Compensation for Harm Caused to a Citizen in Criminal Proceedings (theoretical foundations of a legal institution): extended abstract dis. ... Doc. of law. Sciences. Moscow, 1981. 30 p.
9. Prokudina L.A. Compensation for Damage Caused by Illegal Actions of Law Enforcement Agencies: Scientific-Practical. Comments. 2nd ed., revised. and suppl. Moscow: Gorodets, 1998. 138 p.

10. *Orlova A.A.* The Concept of Rehabilitation and Organizational and Legal Mechanisms for Its Implementation in the Russian Criminal Process. Moscow: UNITI-DANA: Legislation and Law, 2013. 284 p.
11. *Suprun S.V.* The Subject and Method of Legal Regulation as a Criterion for Dividing the Norms of the Institution of Rehabilitation into Branches of Law // *Modern Law*. 2009. No. 3. P. 7–10.
12. *Sevastyanova Yu.V.* Features of Rehabilitation in Cases of Private Prosecution // *Lawyer*. 2014. No. 7. P. 11–16.
13. *Podoprighora A.A., Chupilkin Yu.B.* Topical Issues of the Institute of Rehabilitation in the Russian Criminal Procedure // *Russian justice*. 2015. No. 7. P. 46–50.
14. *Larinkov A.A.* Separate Problems of Legal Regulation of the Institution of Rehabilitation in Criminal Proceedings // *Criminalist*. 2018. No. 3 (24). P. 9–17.
15. *Molchanova M.A.* The Institute of Rehabilitation Under the Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus: a Comparative Analysis // *Criminal Procedure as a Means of Ensuring Human Rights in a Legal State: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. V. I. Samarin (responsible editor). Minsk, Publisher: Izdatelsky tsentr BGU, 2017. P. 247–249.
16. *Glybina A.N.* Rehabilitation and Compensation for Harm in the Order of Rehabilitation in the Criminal Process of the Russian Federation: dis. ... cand. of law. Tomsk, 2006. 146 p.
17. *Orlova A.A.* Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the Practice of Application by the Courts of the Norms Regulating Rehabilitation in Criminal Proceedings: Problems and Ways to Resolve Them // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. No. 5. P. 148–151.
18. *Kirimova E.A.* Legal Institute: Theoretical and Legal Research: dis. ... cand. of law. Saratov, 1998. 170 p.
19. *Alekseev S.S.* The Structure of Soviet Law: Collected works in 10 volumes. Volume 2: Special issues of jurisprudence. M.: Status, 2010. 469 p.
20. The Course of the Criminal Procedure [Arutyunyan Anna Avetikovna and others]; ed. L. V. Golovko; Moscow state. un-t im. M.V. Lomonosov, 2nd ed., corrected. Moscow: Statute, 2017. 1278 p.
21. *Fedyunin A.E., Peretyatko N.M.* Conceptual Problems of the Institution of Rehabilitation in the Criminal Procedure // *Actual problems of state and law*. 2020. V. 4. No. 14. P. 278–286.
22. *Orlova A.A.* The Concept of Rehabilitation and Organizational and Legal Mechanisms for Its Implementation in the Russian Criminal Procedure: extended abstract of diss. ... doc. of law. Moscow, 2013. 58 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-228-236

УДК 341.1

Ю.В. Францифоров, С.И. Анненков, А.Ю. Францифоров

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ АДВОКАТА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: Основной Закон Российской Федерации определяет человека, его права и свободы высшей ценностью и возлагает на Россию как демократическое федеративное правовое государство требование по соблюдению, охране и защите прав и свобод человека и гражданина, созданию необходимых условий гарантирующих эффективную реализацию их прав на судебную защиту и юридическую помощь. В уголовном процессе юридическая помощь участникам уголовного судопроизводства связана с обеспечением прав лиц, потерпевших от преступления, а также с защитой личности от незаконного уголовного преследования и осуждения. **Цель:** выявить основные формы юридической помощи адвоката участникам уголовного судопроизводства как основы взаимосвязанных норм права, регулирующих однородные общественные отношения в досудебном и судебном производстве и выработать на этой основе предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики. **Методологическая основа:** методологической основой работы является общенаучный системный метод познания, при помощи которого сформулированы подходы к оказанию юридической помощи участникам уголовного судопроизводства, как системной целостности определенных взаимосвязанных норм права, регулирующих однородные правовые отношения в досудебном и судебном производстве. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно представлений о содержании юридической помощи участникам уголовного судопроизводства отвечающая требованиям соотношения интересов личности, российского общества и государства, которые в своей совокупности определяют понятие и значение юридической помощи в уголовном процессе, ее современное состояние и развитие, на основе совершенствования норм уголовно-процессуального закона и правоприменительной практики. **Выводы:** реализация результатов, полученных авторами статьи позволит оптимизировать идею о необходимости создания механизма государственных гарантий привлечения адвокатов-защитников и адвокатов-представителей для оказания юридической помощи в уголовном судопроизводстве, наделив их равными полномочиями с целью обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

© Францифоров Юрий Викторович, 2022

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: franciforov@mail.ru

© Анненков Сергей Иванович, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ra4ca@yandex.ru

© Францифоров Андрей Юрьевич, 2022

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: franciforov80@mail.ru

© Frantsiforov Yuri Viktorovich, 2022

Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

© Annenkov Sergey Ivanovich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminology (Saratov State Law Academy)

© Frantsiforov Andrey Yurievich, 2022

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, адвокат, защитник, представитель, юридическая помощь, защита прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц.

Yu.V. Frantsiforov, S.I. Annenkov, A.Yu. Frantsiforov

LEGAL ASSISTANCE OF A LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Background: *The Basic Law of the Russian Federation defines the human being, his rights and freedoms as the highest value and entrusts Russia as a democratic federal state governed by the rule of law with the obligation to respect, protect and defend human and civil rights and freedoms, to create the necessary conditions guaranteeing the effective realization of their rights to judicial protection and legal assistance. In criminal proceedings legal assistance to participants of criminal proceedings is associated with ensuring the rights of persons who have suffered from a crime, as well as with the protection of an individual from unlawful criminal prosecution and conviction. Objective: to identify the main forms of legal assistance to participants in criminal proceedings as the basis of interrelated rules of law governing homogeneous social relations in pre-trial and trial proceedings and to develop on this basis of proposals to improve criminal procedural legislation and law enforcement practice. Methodology: the methodological basis of the work is a general scientific systematic method of knowledge, with the help of which the approaches to the provision of legal aid to participants in criminal proceedings, as a systemic integrity of certain interrelated rules of law governing the same legal relations in pre-trial and trial proceedings, are formulated. Results: the author's position regarding the content of legal aid to the participants of criminal proceedings, which meets the requirements of correlation between the interests of an individual, Russian society and the state, which together define the concept and meaning of legal aid in criminal proceedings, its current state and development, based on the improvement of norms of criminal procedural law and law enforcement practice, has been argued. Conclusions: the implementation of the results obtained by the authors of the article will optimize the idea of the need to create a mechanism for state guarantees of attorneys-defenders and attorneys-representatives to provide legal assistance in criminal proceedings, giving them equal authority to ensure the rights of participants in criminal proceedings.*

Key-words: *criminal proceedings, lawyer, defender, representative, legal assistance, protection of rights, freedoms and legitimate interests of individuals and legal entities.*

В уголовном процессе помощь адвоката участникам уголовного судопроизводства обусловлена обеспечением прав лиц, потерпевших от преступления, а также защитой личности от незаконного уголовного преследования и осуждения.

Согласно п. 93 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принципам 17 и 18 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме гарантирует право на юридическую помощь, находя воплощение этого правила в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ. Подтверждением действенности данной конституционной нормы явилось подписание Российской Федерацией в 2000 г. Европейской Хартии социальных прав, закрепившей обязанность соблюдения государством-членом Совета Европы судебных процедур, гарантирующих возможность реализации каждым обвиняемым по уголовному делу конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи избранным им защитником, которо-

му государством гарантированы безопасность и иммунитет от преследований в связи с профессиональной деятельностью.

Так, в основе принципов принятых VIII Конгрессом ООН, лежат следующие виды деятельности адвокатов: консультирование клиентов, разъяснение их юридических прав и обязанностей, разъяснение особенностей работы правовой системы, гарантирующей соблюдение их законных интересов и оказание помощи в судах, трибуналах и административных органах¹.

В соответствии с Основными положениями о роли адвокатов, принятых VIII Конгрессом ООН, любой человек вправе обратиться за помощью адвоката для подтверждения своих прав и защиты на всех стадиях уголовной процедуры. Данные международные документы устанавливают единые виды деятельности адвокатов, юристов и иных лиц, осуществляющих функции оказания юридической помощи, без получения формального статуса адвоката². Первостепенное значение в оказании действенной помощи гражданам вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства следует отвести не просто правовой поддержке, а квалифицированной юридической помощи.

Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе — это деятельность адвоката направленная на защиту прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, а также обеспечение доступа их к правосудию [1, с. 72].

Так, право на защиту неотделимо от гарантий его осуществления, обеспеченных обязанностью суда, прокурора, следователя и дознавателя разъяснить обвиняемому и подозреваемому их права и обеспечить им возможность защищаться всеми не запрещенными УПК способами и средствами. Данные права реализуются участником уголовного судопроизводства путем удовлетворения ходатайств, ознакомления с материалами уголовного дела, соблюдения уголовно-процессуального законодательства при производстве следственных и судебных действий, обеспечения участия защитника в деле.

Следует согласиться с тем, что не любая юридическая деятельность может считаться действенной, поскольку квалифицированной может считаться помощь, оказываемая специалистами по праву — лицами, имеющими высшее юридическое образование, при обязательном соблюдении профессиональных стандартов и этических норм, поддерживаемых профессиональным контролем [2, с. 26].

Однако именно институт адвокатуры уполномочен гарантировать в первую очередь участникам стороны обвинения, таким как подозреваемый, обвиняемый и подсудимый, помощь юриста, который в силу своей профессиональной подготовки призван обеспечить подзащитному квалифицированную юридическую помощь.

Важным для адвоката, является функция профессионального представительства, которая обусловлена объемом задач доверителя: физического и юридического лица, а также должностного лица правоохранительных органов и суда [3, с. 9].

Специфичность полномочий адвоката вызвана существенным отличием его деятельности от задач других юристов, не имеющих статуса адвоката (юрискон-

¹ См.: Основные принципы, касающиеся роли юристов. Доклад 8 конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, Куба, 1990 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Основные положения о роли адвокатов: приняты 8 Конгрессом ООН по предупреждению преступности 1990 г. в Нью-Йорке. URL: <http://www.un.org/ru/> (дата обращения: 20.01.2022).

сульта, нотариуса), которые обеспечивают права и законные интересы участников уголовного процесса в более узкой сфере правоотношений.

Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не является профессиональным представительством — адвокатской деятельностью — юридическая помощь, оказываемая работниками юридических служб, юридическими лицами, работниками органов государственной власти и органов местного самоуправления и работниками других служб (нотариусами, патентными поверенными, если ими не являются адвокаты).

Адвокаты, в отличие от иных юристов, строят свои отношения со своими клиентами на конфиденциальной основе [4, с. 30], оказывая квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе, установленной уголовно-процессуальным законодательством и мерами по совершенствованию правовых норм в ходе проводимой в Российской Федерации судебной реформы.

Одной из задач судебной реформы является подготовка таких правовых условий, вызванных предоставлением квалифицированной юридической помощи, которые позволят только одним адвокатам осуществлять функции профессионального представительства.

Важной целью реформы является повышение качества юридических услуг, совершенствование института адвокатуры и создание системы профессиональной правовой помощи, отвечающей международным стандартам [5, с. 12].

Следует согласиться с тем, что квалифицированная юридическая помощь — это правозащитная деятельность уполномоченных субъектов, направленная на защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, когда реализация их прав затруднена или когда права уже нарушены [6, с. 27].

Квалифицированная юридическая помощь в уголовном судопроизводстве, предоставляемая адвокатами, содержит такие основные виды деятельности в уголовном процессе в отношении потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, как консультация, защита и представительство.

Так, квалифицированная юридическая помощь, являясь разновидностью уголовно-процессуальной деятельности характеризуется следующими особенностями: 1) имеет частно-публичный характер; 2) вызвана необходимостью опровержения подозрения или обвинения, а также выявлением условий, оправдывающих или смягчающих ответственность подозреваемого либо обвиняемого; 3) связана с установлением обстоятельств, свидетельствующих в пользу обвиняемого или подозреваемого с целью вынесения законного и обоснованного решения [7, с. 31].

Квалифицированная юридическая помощь адвоката в уголовном процессе вызвана его полномочиями по осуществлению защиты интересов доверителя, которая реализуется в интересах представляемого им лица [8, с. 80].

В отношении обвиняемого и подозреваемого юридическая помощь обладает свойством обязательности, если лицо от нее не отказалось. Реализация прав свидетеля и потерпевшего на получение юридической помощи часто находится в зависимости от их материального положения и значительной стоимости юридических услуг. И если свидетель (как незаинтересованный участник) в меньшей мере имеет потребность в оказании ему юридической помощи, то для потерпевшего квалифицированная юридическая помощь имеет принципиальное значение, как лицу, которому преступлением причинен физический, материальный и моральный ущерб.

В связи с этим вполне обоснованной является необходимость введения в УПК РФ положения о привлечении адвоката (с оплатой его труда за счет средств федерального бюджета) в качестве представителя потерпевшего по его ходатайству [9, с. 26].

Вопросы оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе определены в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ и требованиях установленных УПК РФ. Однако анализ этих законов приводит к выводу, что правовой статус адвоката в этих нормативных актов не имеет единой основы. Так, если в Законе об адвокатуре, адвокат имеет право участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве защитника или представителя (п. 5 ч. 2 ст. 2), то в соответствии с УПК РФ, полномочия адвоката находятся в прямой зависимости от процессуального положения того или иного участника уголовного судопроизводства, который обратился за правовой помощью.

Так, представителями гражданского ответчика могут быть адвокаты, а представителями гражданского ответчика, являющегося юридическим лицом, также другие лица, правомочные по ГК РФ представлять его интересы (ст. 55 УПК РФ).

Проблемой требующей своего разрешения в уголовном судопроизводстве является различие правового статуса адвоката, выполняющего разные по своему содержанию функции связанные с оказанием юридической помощи потерпевшему, гражданскому истцу, частному обвинителю и гражданскому ответчику, поскольку представители этих участников процесса имеют те же права, что и представляемые ими лица.

Различие в процессуальном статусе адвоката оказывающего юридическую помощь участникам обвинения и защиты связано с анализом понятий «защита» и «представительство» в уголовном процессе, характеризующихся отсутствием равенства прав у доверителей адвоката-защитника и адвоката-представителя [10, с. 61].

Защита в уголовном процессе — это процессуальная деятельность, направленная на опровержение подозрения (обвинения), а также смягчение обвинения, с целью обеспечения прав и законных интересов подзащитного, а представительство — это замена в уголовном процессе одного лица другим, при которой уголовно-процессуальная деятельность представителя создает права и обязанности представляемого лица. Однако чаще всего в уголовном процессе представительство предполагает совместное участие представителя с потерпевшим, гражданским истцом и гражданским ответчиком в качестве физического лица.

Если защита осуществляется только в отношении таких участников процесса, как подозреваемый, обвиняемый и подсудимый, объединенных единым интересом по осуществлению защиты от обвинения, то представительство отстаивает права участников уголовного судопроизводства с различным правовым интересом, вступая в уголовный процесс только после наделения доверителей конкретным правовым статусом потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя или гражданского ответчика.

Для более четкой регламентации деятельности различных адвокатов следует классифицировать их по конкретному названию и процессуальному статусу.

¹См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

Следует согласиться с П.В. Фадеевым, в отношении использования таких названий адвокатов, которые соответствуют их процессуальному статусу, как адвокат-представитель, адвокат-защитник и адвокат-консультант [11, с. 371].

Вместе с тем требования УПК РФ, отличаясь от ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не устанавливают правовой статус адвоката, они лишь регламентируют полномочия адвоката-защитника.

Следует согласиться с тем, что необходимо признать адвоката участником уголовного процесса и потому ввести в гл. 8 УПК РФ статью, регламентирующую правовой статус адвоката в уголовном судопроизводстве [12, с. 14].

Вполне раскрыт законодателем правовой статус адвоката-защитника. Так, в качестве защитников в уголовном процессе участвуют адвокаты, осуществляющие защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающие им юридическую помощь при производстве по уголовному делу (ст. 49 УПК).

Адвокат-защитник получает установленные УПК РФ полномочия с момента задержания лица, с момента возбуждения в отношении подзащитного уголовного дела, а также при вынесении следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Следует обратить внимание на широкий круг полномочий адвоката-защитника приглашенного подозреваемым, обвиняемым, их законным представителем, или иными лицами по поручению или с согласия подзащитного.

Адвокат-защитник с момента вступления в уголовный процесс имеет право получить свидание с подзащитным, принимать меры для собирания и представления доказательств, вызванные его правами по оказанию лицу юридической помощи. Важным полномочием адвоката-защитника следует назвать его участие в производстве следственных и иных процессуальных действиях.

Полагаем, что такими же правами адвокат должен обладать, представляя интересы свидетеля не только при допросе, но и при обыске, следственном эксперименте и предъявлении для опознания, важной частью которых является проведение консультаций.

Необходимость проведения консультаций вызвана требованием разъяснения прав доверителя, когда они недостаточно полно разъяснены следователем, а также касаются назначения и порядка производства следственного действия [13, с. 102].

Однако процедура консультирования подзащитного, в том числе по выработке их линии поведения, осуществляется в присутствии следователя, что является нарушением права на конфиденциальность и адвокатскую тайну.

Это требование регламентировано в отношении подозреваемого и обвиняемого в рамках получения помощи защитника, осуществляемой наедине и конфиденциально (п. 3 ч. 3 ст. 46 УПК РФ и п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Консультирование подзащитного может быть связано с обеспечением мер безопасности и социальной защиты, с целью обжалования незаконных процессуальных решений руководителю следственного органа, прокурору или в суд. Это правило необходимо взять за основу не только при обеспечении прав подозреваемого и обвиняемого, а также при защите законных интересов свидетеля и потерпевшего.

Эффективным видом юридической помощи служит собирание и представление доказательств защитником с целью выявления оправдательных или

смягчающих ответственность обстоятельств, которые должны быть отражены следователем в процессуальных документах.

Однако основным недостатком уголовно-процессуального регулирования направленного на возможность оказания юридической помощи путем собирания и представления адвокатом-защитником доказательств (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), является установление законодателем источников доказательств в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, собирание которых является прерогативой дознавателя, следователя и суда, подтверждением чего служит требования уголовно-процессуального законодательства определяющего перечень субъектов и процессуальный порядок доказывания по уголовному делу. В этих законодательных предписаниях нет места адвокату, упоминания о котором отсутствует в процедуре собирания проверки и оценки доказательств (ст. 85–88 УПК РФ).

Следует согласиться с Л.А. Воскобитовой, в отношении того, что защитник вправе собрать и представить только иной документ, имея возможность его истребовать в процессуальном порядке [14, с. 12].

Таким образом, адвокат вправе собирать лишь такие сведения, которые могут быть приобщены следователем по своему усмотрению к материалам уголовного дела.

Нет однозначной позиции по этому вопросу и в решениях Конституционного Суда РФ, который признавая право защитника на собирание доказательств, отдает предпочтение полномочиям государственных органов уголовного процесса и их должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность по доказыванию, подчеркивая публичный характер уголовного судопроизводства¹.

Аргументы в пользу государственных органов и должностных лиц, в уголовном судопроизводстве обусловлены субъективным подходом адвоката в собирании только таких доказательств, которые оправдывают действия подзащитного, оставляя без внимания доказательства виновности лица в совершении преступления.

Однако следует обратить внимание и на позицию законодателя по оказанию помощи адвокату-защитнику по собиранию и представлению доказательств, в рамках требований ч. 3 ст. 86 УПК РФ, обязывая органы государственной власти и различные организации предоставлять запрашиваемые адвокатом документы и их копии, что находило подтверждение в решениях Верховного Суда РФ².

Однако адвокат, оказывающий юридическую помощь свидетелю, имеет узкие полномочия (ч. 4 ст. 56, ч. 5 ст. 189 УПК РФ), что очевидно при сравнении его полномочий с адвокатом-защитником, процессуальному статусу которого посвящены ст. 49–53 УПК РФ. Так, если свидетель — это лицо, осведомленное об обстоятельствах уголовного дела и приглашенное для дачи показаний, то полномочия адвоката-представителя должны быть гораздо шире, чем это предусмотрено в ч. 3 ст. 53 УПК РФ, а именно давать краткие консультации клиенту в присутствии следователя, дознавателя, задавать вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия.

Различия в процессуальном статусе адвокатов проявляется при анализе полномочий адвоката-представителя и адвоката-защитника, который является

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3. С. 15–17.

² См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 сентября 2006 г. № 4-02/05. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не только защитником, но и представителем подозреваемого и обвиняемого, поскольку действует в их интересах [15, с. 8].

А потому содержание деятельности адвоката-представителя требует наделения его полномочиями не только консультанта, но и такими, которые связаны с необходимостью заявлять отводы, ходатайства о применении мер безопасности и приносить жалобы на действия и решения должностных лиц.

Представителями участников уголовного судопроизводства могут быть как адвокаты, так и иные лица правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы (ч. 1 ст. 45 УПК РФ). Необходимо обратить внимание на уровень квалификации и целесообразности юридической помощи иных лиц, при их участии в уголовном деле, поскольку одни из них имеют необходимую подготовку и квалификацию в деле представительства, а другие не имеют ни опыта, ни юридического образования, что напрямую влияет на возможности по привлечению к процессуальной ответственности представителей за недобросовестное выполнение обязанностей представителя иного лица и адвоката-представителя. Также не могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности в рамках законодательства о защите прав потребителей в связи с некачественным предоставлением услуг, юристы, не имеющие статуса адвоката. Эти обстоятельства приводят к выводу о необходимости создания механизма государственных гарантий привлечения адвокатов для оказания юридической помощи в уголовном судопроизводстве, наделяя их едиными полномочиями, как в качестве адвокатов-защитников, так и адвокатов представителей.

Таким образом, в современном уголовном судопроизводстве оказание квалифицированной юридической помощи — правовая деятельность лица, имеющего специальную подготовку и знания в области права, которая способна защитить свободы и законные интересы участников процесса, обеспечив высокий уровень института представительства на основе Международного права, Федеральных законов и этических норм Российской Федерации.

Библиографический список

1. Право на жизнь, здоровье, собственность / под ред. Л.А. Андреевой. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 69–98.
2. Резник Г.М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. № 4. С. 25–27.
3. Тарло Е.Г. Профессиональное представительство в суде. М.: Известия, 2004. 415 с.
4. Галоганов А.П. Адвокатура России сегодня // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 29–30.
5. Воронов А.А. Боязнь адвокатской монополии или ненамеренное нарушение права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе? // Адвокатская практика. 2018. № 5. С. 10–15.
6. Ендольцева А.В. Реализация конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 25–30.
7. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 56 с.
8. Мартынич Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 257 с.

9. *Смирнова Г.Н.* Квалифицированная юридическая помощь несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства // *Российский следователь*. 2018. № 5. С. 24–28.
10. *Смирнова И.С.* Асимметрия прав потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) // *Вестник Омской юридической академии*. 2016. № 2. С. 59–62.
11. *Фадеев П.В.* Правовая помощь участникам уголовного судопроизводства: теоретические и правовые основы, перспективы совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 523 с.
12. *Земницкая А.К.* Ходатайства на стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 261 с.
13. *Корневский Ю.В., Падва Г.П.* Участие защитника по новому уголовно-процессуальному законодательству. М.: Юрист, 2004. 159 с.
14. *Воскобитова Л.А.* Объемное понимание уголовно-процессуального права // *Уголовное судопроизводство*. 2019. № 2. С. 10–16.
15. *Мельников С.А.* Представительство в современном российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. 27 с.

References

1. *The Right to Life, Health, Property* / edited by L.A. Andreeva. Novosibirsk: SibAK, 2013. P. 69–98.
2. *Reznik G.M.* On the Constitutional Content of the Concept of “Qualified Legal Assistance” // *Lawyer*. 2007. No. 4. P. 25–27.
3. *Tarlo E.G.* Professional Representation in Court. Moscow: Izvestia, 2004. 415 p.
4. *Galoganov A.P.* Advocacy of Russia Today // *Russian justice*. 2000. No. 9. P. 29–30.
5. *Voronov A.A.* Fear of Attorney Monopoly or Unintentional Violation of the Right to Qualified Legal Assistance in Criminal Proceedings? // *Law practice*. 2018. No. 5. P. 10–15.
6. *Endoltseva A.V.* Realization of the Constitutional Right to Receive Qualified Legal Assistance in Criminal Proceedings of Russia // *Criminal proceedings*. 2019. No. 4. P. 25–30.
7. *Kapinus N.I.* Procedural Guarantees of Individual Rights in the Application of Preventive Measures in Criminal Proceedings: extended abstract dis. ... Doc. of Law. M., 2001. 56 p.
8. *Martynchik E.G.* Lawyer Investigation in Criminal Proceedings. Theoretical and Methodological Foundations of the Doctrine of the Lawyer’s Investigation. M.: UNITY-DANA: Legislatoin and Law, 2009. 257 p.
9. *Smirnova G.N.* Qualified Legal Assistance to Minors Participating in Criminal Proceedings // *A Russian investigator*. 2018. No. 5. P. 24–28.
10. *Smirnova I.S.* Asymmetry of the Rights of the Victim and the Accused (suspect) // *Bulletin of the Omsk Law Academy*. 2016. No. 2. P. 59–62.
11. *Fadееv P.V.* Legal Assistance to Participants in Criminal Proceedings: Theoretical and Legal Foundations, Prospects for Improvement: dis. ... Doc. of Law. M., 2021. 523 p.
12. *Zebnitskaya A.K.* Petitions at the Stage of Initiation of a Criminal Case: dis. ... cand. of Law. M., 2018. 261 p.
13. *Korenevsky Yu.V., Padva G.P.* Participation of the Defender Under the New Criminal Procedure Legislation. Moscow: Jurist, 2004. 159 p.
14. *Voskobitova L.A.* Voluminous Understanding of Criminal Procedural Law // *Criminal proceedings*. 2019. No. 2. P. 10–16.
15. *Melnikov S.A.* Representation in the Modern Russian Criminal Procedure: extended abstract. dis. ... cand. of Law. Izhevsk, 2002. 27 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-237-245

УДК 343.9

А.Б. Смушкин

ПРИНЦИПЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЦЕССА РАСКРЫТИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение: цифровая трансформация является современным трендом не только экономики, но и различных сфер общественной жизни. В статье разрабатывается комплекс основополагающих, стержневых характеристик, принципов цифровой трансформации криминалистической деятельности. **Цель:** определение всеобщих и специальных принципов цифровой трансформации процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. **методологическая основа:** **Методологическая основа:** в статье использованы всеобщий диалектический метод, а также такие общенаучные методы как методы анализа, синтеза, моделирования, экстраполяции и другие. **Результаты:** в ходе теоретического анализа уровня научной и нормативной разработанности рассматриваемого вопроса констатируется, что цифровая трансформация следственной деятельности — это сквозные преобразования процессов и явлений, включающие множество относительно автономных концепций и элементов влияющих, в совокупности на весь процесс расследования, изменение практик в области принятия решений и даже самого криминалистического мышления. **Выводы:** в качестве вывода автор констатирует, что реализация указанных принципов будет способствовать сохранению концептуальных основ цифровой трансформации даже при изменении технологической составляющей или трендов развития.

Ключевые слова: следственная деятельность, цифровизация, цифровая трансформация, принципы цифровой трансформации, технологизация криминалистики.

A.B. Smushkin

PRINCIPLES OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE PROCESS OF DETECTION, INVESTIGATION AND PREVENTION OF CRIME

Background: digital transformation is a modern trend not only in the economy, but also in various spheres of public life. The article develops a set of fundamental, core characteristics, principles of digital transformation of forensic activity. **Objective:** to define universal and special principles of digital transformation of the process of disclosure, investigation and prevention of crimes. **Methodology:** the article uses the universal dialectical method, as well as such general scientific methods as methods of analysis, synthesis, modeling, extrapolation and others. **Results:** theoretical analysis of the level of scientific and normative development of the issue under consideration states that the digital transformation of investigative activity is a transversal transformation of processes and phenomena, including many relatively autonomous concepts and elements affecting, in aggregate, the entire investigation process, changes in decision-making

© Смушкин Александр Борисович, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); email: skif32@yandex.ru
© Smushkin Aleksandr Borisovich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminology (Saratov State Law Academy)

practices and even the criminalistic thinking itself. Conclusions: as a conclusion, the author states that the implementation of these principles will contribute to the preservation of the conceptual foundations of digital transformation even when the technological component or development trends change.

Key-words: *investigative activity, digitalization, digital transformation, principles of digital transformation, technologization of criminalistics.*

Категория «цифровая трансформация» совсем недавно попала в отечественное правовое и научное поле в рамках криминалистической деятельности, и до сих пор применительно к процессу расследования, используется крайне редко или смешивается с цифровизацией. Между тем цифровая трансформация процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений нам представляется более глобальным, практическим, теоретическим и ментальным, а также процессуальным преобразованием нежели цифровизация. Цифровизация, как сочетание технологизации и инновационного развития криминалистики представляет собой активное внедрение цифровых технологий в криминалистику и практику расследования преступлений. Цифровая трансформация следственной деятельности — это сквозные преобразования процессов и явлений этой деятельности, включающие множество относительно автономных концепций и элементов влияющих, в совокупности на весь процесс расследования, изменение практик в области принятия решений и даже самого криминалистического мышления.

До настоящего момента авторы не уделяли внимания принципам цифровой трансформации. Законодательство в сфере уголовно-процессуальной, криминалистической деятельности, а также правоохранительной деятельности в целом уделяет рассматриваемому вопросу явно недостаточно внимания. На ведомственном уровне закреплены отдельные нормативные акты, связанные с цифровой трансформацией правоохранительной деятельности. Так, Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года¹, что дает возможность отслеживать практику реализации, оценивать преимущества и недостатки данных направлений цифровой трансформации. В данной Концепции закреплены и отдельные принципы цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры РФ. При этом необходимо учитывать, что к компетенции прокуратуры не относится расследование преступлений. Прокуратура осуществляет надзор. Следовательно, перечень необходимых принципов, их трактовка и специфика прокурорской деятельности, приводит к необходимости отдельной разработки принципов цифровой трансформации процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Цифровая трансформация процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений должна основываться на ряде принципов как стержневых положений пронизывающих всю данную деятельность.

В первую очередь в систему принципов входят всеобщие принципы законности, а также уважения и соблюдения прав человека и гражданина.

¹ См.: Приказ Генерального прокурора РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года» // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf> (дата обращения: 23.07.2021).

Принцип законности реализуется в виде соблюдения действующего законодательства с учетом иерархии нормативных актов. Однако специфика рассматриваемой сферы приводит не просто к соблюдению законодательства, но также к необходимости его оценки с точки зрения потребности в новеллах, перспектив изменения и дополнения правового регулирования.

Принцип обеспечения соблюдения прав и свобод человека и гражданина в рамках цифровой трансформации процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений выражается в том, что в ходе разработок и внедрения технических, правовых, цифровых новелл должны учитываться права и свободы человека и гражданина, обеспечиваться судебный контроль их ограничения.

Из специальных принципов цифровой трансформации процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений следует отметить следующие: рациональности и эффективности, научности, планомерности, разумного сочетания датацентризма и командоцентризма, непрерывности, надежности, расширения коммуникации, глубины трансформации, технологизации, широкого использования цифровых инноваций, роботизации, использования дистанционных технологий, динамичности, целеустремленности, консолидации, унификации и стандартизации, импортозамещения, виртуализации, оптимизации и информационной безопасности, принцип сочетания предиктивной и предписывающей аналитики как инструмента управления, недопустимости сокращения процессуальных гарантий, добровольности использования электронных каналов «не властными участниками уголовного судопроизводства» [1, с.33] для взаимодействия, при приоритете именно электронного взаимодействия между правоохранительными и иными государственными органам.

Принципы эффективности и рациональности означают высокую степень реализации запланированной деятельности и достижения поставленных результатов при оптимальном соотношении между достигнутыми результатами и затраченными ресурсами. Необходимо также в рамках данных принципов учитывать экономию процессуальных и материальных средств и времени.

Принцип научности выражается в проведении цифровой трансформации на строго научной основе. Отдельные аспекты цифровой трансформации уже разрабатывались многими авторами. В нашем докторском исследовании также стараемся заложить научную основу дальнейших изменений.

Планомерность должна выражаться в наличии единого плана, общей концепции изменений, которые должны происходить в правовом, техническом, тактическом и организационном направлении.

Принцип динамичности непосредственно связан с тем, что цифровая сфера и цифровая техника являются, пожалуй, одной из наиболее динамичных и быстроразвивающихся технологий. Зачастую разработка научных рекомендаций по применению отдельных образцов цифровой техники в конкретной практической сфере уже в момент разработки отстает от появления новых образцов техники. Так, несмотря на выпуск в свободную продажу квантовых компьютеров уже с пятью кубитами, в настоящее время невозможно предложить определенные рекомендации, специфические именно для криминалистического исследования такого типа компьютеров, поскольку отсутствует наработанная практика их применения. Скорость изменения компьютерной техники говорит о том, что к появлению действенных криминалистических рекомендаций по исследованию квантовых компьютеров, будет уже преодолен следующий этап разработки самих

компьютеров. Учитывая такое динамичное развитие данной сферы, концепция и план цифровой трансформации не должны быть жестко заостренными структурами, а должны иметь возможность оперативного изменения в ответ на появление новых технологий.

Принцип целеустремленности должен отражать необходимость цифровых трансформаций для повышения эффективности процесса расследования, а не только для отчетности по количеству приобретенных используемых цифровых устройств. Представляется, что целью данного процесса являются качественные изменения, повышающие эффективность раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Принцип непрерывности цифровой трансформации означает перманентное развитие процессов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений с появлением новых элементов цифровой трансформации.

Принцип разумного сочетания датацентризма и командоцентризма характеризует особенности процессов, получения информации и принятия решений и отражает необходимость расширения внутриведомственного, межведомственного и вневедомственного взаимодействия на базе цифровых платформ, а в перспективе, единых цифровых экосистем правоохранительных органов. При этом организация системы на основе только датацентризма будет прежде всего направлена на «сбор и обработку информации о процессах реализации решений в режиме реального времени для обеспечения устойчивой обратной связи процесса управления» [2, с. 218], а на принципах командоцентризма — на «осуществление управляющего воздействия на объект управления через процессы принятия решений в режиме реального времени в рамках существующей иерархии управления» [2, с. 219].

Принцип глубины трансформации отражает необходимость не только внешних преобразований, но и, в том числе, более глубинных взаимосвязанных между собой, включающих и ментальные изменения. Так, цифровизация следственной деятельности должна выражаться не просто в подготовке документов на компьютере, печатая «двумя пальцами» с последующей распечаткой и использовании как обычного бумажного документа. Такая цифровизация не повысит эффективность расследования, а только его усложнит. В идеале, подготовка процессуальных и иных непроцессуальных документов должна происходить с использованием не просто текстовых редакторов, но соответствующих программных комплексов, облегчающих деятельность следователя в конкретной сфере (АРМ следователя для подготовки процессуальных документов, ФОРВЕР-следователь¹ и автоматизированные методики расследования [3, с. 8–11] для планирования расследования и т.д.). Электронные документы должны использоваться именно в электронном виде с заверением усиленной квалифицированной электронной подписью следователя. Аналогичные глубокие изменения должны происходить и с иными элементами расследования. В перспективе представляется разумным разработка концепции электронного уголовного дела, защищенного технологией блокчейн и находящегося в распределенном виде в облачных серверах правоохранительных органов. При этом при необходимости организации межрегиональных обсуждений внутри одного ведомства или межведомственных

¹ См.: Толстолюбский В.Ю., Рыбочкин А.В. Программа формирования следственных версий (ФОРВЕР Следователь). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013660539 (дата регистрации: 08.11.2013).

консультаций должен быть обеспечен дистанционный доступ уполномоченных лиц к необходимой информации. В дальнейшем, формат электронного уголовного дела сможет позволить использовать специально разработанные программы для анализа по технологии «Больших данных» (Big data).

Технологизация должна реализовываться в активной разработке и насыщении следственных органов новейшими образцами техники, позволяющими повысить эффективность расследования (как-то беспилотные летательные аппараты, мобильные дактосканеры и так далее). Вопросы технологизации криминалистики и следственной деятельности уже неоднократно становились объектом пристального изучения ученых-криминалистов [4, с. 254–257; 5, с. 5–7]. Технические и технологические инновации появляются практически во всех отраслях криминалистической техники и оказывают существенную помощь следователю в обнаружении следов и расследовании преступлений. Как отмечают В.Г. Гриб и И.О. Тюнис, «Современный уровень развития криминалистической науки и привлекаемые ею в сферу уголовного судопроизводства достижения других наук значительно расширили возможности выявления и использования доказательственной информации. Применяемые для этого научно-технические средства и методы в результате научной творческой адаптации и проверки правоприменительной практикой стали выступать органическим элементом всех составляющих систему науки разделов» [6, с. 10]. В контексте цифровой трансформации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений существенный фокус внимания должен быть обращен именно в направлении цифровых разработок. Как верно отметила Е.В. Марковичева: «Очевидно, что цифровое преобразование уголовного судопроизводства будет во многом зависеть от уровня развития соответствующих технологий. ... В силу этого обстоятельства ожидания правоприменителей должны соотноситься с реальными возможностями науки и техники» [7, с. 95].

Особое значение в настоящий момент приобретает активное использование цифровых инноваций и цифровых технологий в ходе расследования преступлений. При этом цифровая техника используется как для работы с традиционными следами (например, мобильный сканер отпечатков пальцев, цифровая фото-видео-техника и т.д.), так и со специфическим видом виртуальных (цифровых, электронных, компьютерных) следов. Новейшие программные комплексы типа UFED, «Мобильный криминалист» [8, с. 164], комплекты программ для анализа больших данных позволяют извлекать и анализировать электронную информацию, переводя всё больший объём пассивной криминалистически значимой информации в активную.

Принцип роботизации расследования можно назвать вершиной комплексного развития принципов технологизации и цифровых инноваций. В настоящий момент уже используется ряд роботизированных комплексов (в частности для разминирования «Робот-сапер»). Имеются также научные разработки в области перспектив так называемого «киберследователя», ну а в ближайшем будущем стоит предположить активизацию использования в ходе расследования нейросетей и искусственного интеллекта. Как отмечает Д.В. Бахтеев: «...искусственные нейронные сети можно рассматривать как программные или аппаратные комплексы простых обработчиков данных, способных обмениваться друг с другом сигналами и при достаточно развитой структуре и настроенной логике взаимодействия решать сложные задачи» [9, с. 44]. Легальное понятие искус-

ственного интеллекта дано в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Согласно данной Стратегии: «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»¹.

Широкое использование дистанционных технологий должно реализовываться как в виде дистанционных коммуникаций внутри ведомств и между ведомствами, так и во введении дистанционных следственных действий, необходимость в которых давно назрела особенно в эпоху периодических пандемий.

Принцип недопустимости сокращения процессуальных гарантий означает, что цифровая трансформация ни в коей мере не должна ухудшать положение процессуальных фигур участников судопроизводства, задевать их права и предоставленные законом, гарантии.

Принципы добровольности использования электронных каналов «не властными участниками уголовного судопроизводства» [1, с. 33] для взаимодействия, приоритете именно электронного взаимодействия между правоохранительными и иными государственными органами означают, что у подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, свидетеля должен быть выбор — использовать ли в целях отстаивания своей позиции и своих прав, электронные каналы коммуникации или ограничиться традиционными (при этом причина ограничения значения не должна иметь: религиозные запреты и воззрения, личное недоверие электронным технологиям, отсутствие технической возможности и т.д. Поскольку процесс цифровой трансформации, в первую очередь, направлен на повышение оперативности, эффективности и результативности деятельности правоохранительных органов, то для них применение электронных каналов взаимодействия является приоритетным.

Хотелось бы также рассмотреть применимость в определенной трактовке к процессу расследования принципов цифровой трансформации, предусмотренных для органов Прокуратуры в Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 г.

Принцип надежности показывает возможность сохранения в заданном промежутке времени и заданных условиях эксплуатации, эксплуатационных характеристик и точности работы программно-аппаратных комплексов. При этом следует учитывать повышенные требования к возможности использования современной техники в ходе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в «полевых» и экстремальных условиях, а также труднодоступной местности.

Принцип консолидации должен означать объединение цифровых ресурсов и возможностей правоохранительных органов в ходе расследования, а также

¹ См.: Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утверждена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации») // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/1> (дата обращения: 26.07.2021).

организацию сетевых ресурсов, а не автономных терминалов. В идеале следует говорить о единой цифровой экосистеме всех правоохранительных органов. Так, Л.Н. Маленникова указывает, что: «Экосистема начального этапа уголовного судопроизводства как система, включающая множество взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, может быть представлена как сфера, регулируемая уголовно-процессуальным законом, обеспечивающая доступ к правосудию, обладающая замкнутой системой взаимосвязей ее компонентов (регистрация сообщения о преступлении, расследование, надзор прокурора, судебная власть), придающих ей стабильность, связанная с другими устойчивыми системами (судебной системой), имеющая определенную продуктивность по обеспечению доступа к правосудию» [10, с. 62–63].

Унификация и стандартизация предусматривают введение единых стандартов, применяемых ко всем цифровым ресурсам правоохранительных органов в области интерфейсов, совместимости, глубины проработки данных, способов коммуникации, формата выдаваемого материала, используемого оборудования и программного обеспечения.

Оптимизация, как принцип цифровой трансформации, означает направленность всех изменений на улучшение качества и результативности расследования, оценку всех предлагаемых новелл не с позиции максимального использования «цифры», а с позиции эффективности реализации и результативности, сокращения временных и ресурсных затрат.

Импортозамещение является трендом последнего времени, но в области правоохранительной деятельности оно приобретает особое значение, поскольку затрагивает, в том числе и безопасность страны. Максимально следует использовать именно отечественные аппаратно-программные комплексы. Именно подобный подход обеспечит бесперебойное функционирование техники даже в условиях санкционных ограничений, а также предупредит злонамеренное использование программных «закладок» в импортных программных комплексах.

Информационная безопасность означает, с одной стороны обеспечение физической безопасности информации от внешнего воздействия, широкое использование криптографических, стенографических других методов защиты информации, а с другой ограничение режима доступа к информации компетентных лиц с помощью различных методов идентификации и аутентификации пользователя (электронной подписи, биометрических данных, индивидуальных чипов либо клавиатурного почерка и т.д.).

Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года под виртуализацией понимает — использование логического представления набора вычислительных ресурсов, абстрагированного от аппаратной реализации технических средств, с целью повышения эффективности использования и адаптивности (гибкости) цифровой инфраструктуры, сокращения капитальных и эксплуатационных расходов, обеспечения непрерывности функционирования информационных систем¹. Однако кроме этого виртуализация должна отображать расширение используемых технологий

¹ См.: Приказом Генерального прокурора РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf> (дата обращения: 23.07.2021).

компьютерно-моделируемой реальности в ходе расследования, прежде всего расширенной и дополненной реальности.

Принцип предиктивной и предписывающей аналитики как инструмента управления в процессе расследования должен реализовываться в использовании данных аналитики (например, анализа больших данных) для непосредственного управления процессом расследования в целом и следственной ситуацией, в частности. При этом предиктивная аналитика направлена на предупреждение негативных изменений следственной ситуации путем просчета возможного будущего противодействия расследованию. А предписывающая аналитика, в данном ключе предназначена непосредственно для просчета мер влияния на следственную ситуацию.

Таким образом, реализация указанных принципов будет способствовать сохранению концептуальных основ цифровой трансформации даже при изменении технологической составляющей или трендов развития. Представляется, что предлагаемые нами принципы останутся актуальны даже при изменении следственной техники с электронной на квантовую, биологическую, оптическую или иную основы.

Библиографический список

1. *Гаврилин Ю.В., Победкин А.В.* Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38.
2. *Купряшин Г.Л., Шрамм А.Е.* О принципах датацентризма, сетецентризма и командноцентризма в контексте информатизации государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник, 2019. № 76. С. 211–242.
3. *Вехов В.Б.* Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия Тульского государственного ун-та. Экономические и юридические науки. 2016. № 3–2. С. 8–11.
4. *Савельева М.В., Смушкин А.Б.* Технологизация криминалистики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 254–257.
5. *Кривцова А.Г.* Роль информационных технологий в современной криминалистике // Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. 2017. Т. 7. № 4–1 (6). С. 5–7.
6. *Гриб В.Г., Тюнис И.О.* Криминалистика и цифровые технологии // Российский следователь. 2019. № 4. С. 9–12.
7. *Марковичева Е.В.* Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие. 2020. Ч. 1–2. № 3. С. 86–99.
8. *Соловьева С.М.* Применение цифровых технологий в криминалистике // Молодой ученый. 2019. № 51 (289). С. 161–169.
9. *Бахтеев Д.В.* Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104). С. 43–49.
10. *Масленникова Л.Н.* Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник ун-та им. О.Е. Кутафина. 2020. № 10 (74). С. 52–65.

References

1. *Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V.* Modernization of the Criminal Procedural Form in the Conditions of the Information Society // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (51). P. 27–38.

2. *Kupryashin G.L., Shramm A.E.* On the Principles of Data Centrism, Network Centrism and Command Centrism in the Context of Informatization of Public Administration // Public administration. Electronic Bulletin, 2019. No. 76. P. 211–242.

3. *Vekhov V.B.* Automated Methods of Crime Investigation as a New Direction in Forensic Technology // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. No. 3-2. P. 8–11.

4. *Savelyeva M.V., Smushkin A.B.* Technologization of Criminalistics // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. No. 5 (118). P. 254–257.

5. *Krivtsova A.G.* The Role of Information Technologies in Modern Criminology // Innovative technologies in mechanical engineering, education and economics. 2017. Vol. 7. No. 4-1 (6). P. 5–7.

6. *Grib V.G., Tyunis I.O.* Criminalistics and Digital Technologies // A Russian investigator. 2019. No. 4. P. 9–12.

7. *Markovicheva E.V.* Digital Transformation of Russian Criminal Proceedings // Justice. 2020. part 1. 2. No. 3. P. 86–99.

8. *Solovyova S.M.* Application of Digital Technologies in Criminology // A young scientist. 2019. No. 51 (289). P. 161–169.

9. *Bakhteev D.V.* Artificial Intelligence in Criminalistics: State and Prospects of Use // Russian law: education, practice, science. 2018. No. 2 (104). P. 43–49.

10. *Maslennikova L.N.* Conceptual Approach to the Construction of Criminal Proceedings Providing Access to Justice in the Context of the Development of Digital Technologies // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2020. No. 10 (74). P. 52–65.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-246-253

УДК 343.1

Е.В. Пантелеева

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР: НОРМА ИЛИ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА?

Введение: вывод об «обвинительном уклоне» российского правосудия во многом опирается на низкий процент выносимых в стране оправдательных приговоров. Исходя из того, что уголовный процесс возникает в связи с потребностью наказать лицо за совершенное преступление, вынесение судом оправдательного приговора, как правило, влечет негативную оценку работы органов предварительного расследования и прокурора. В связи с этим вопрос о том, является ли оправдание подсудимого нормальным результатом рассмотрения уголовного дела или же он — это всегда явление нежелательное, означающее недостижение цели судопроизводства, является весьма актуальным и практически значимым. **Цель:** на основе анализа сущности оправдания, его места в системе уголовного правосудия определить является ли вынесение судом оправдательного приговора нормальным исходом рассмотрения дела или же отрицательным результатом уголовного судопроизводства, необходим ли он современной уголовно-процессуальной действительности. **Методологическая основа:** в основу исследования положены методы анализа и синтеза, диалектический, формально-юридический, исторический и сравнительный методы познания. **Результаты:** проанализирован комплекс проблем, связанных с сущностью оправдания, его нравственными и законодательными основами и гарантиями, а также с местом и значением оправдательного приговора в системе решений суда, принимаемых по итогам рассмотрения и разрешения уголовных дел. **Выводы:** оправдательный приговор является закономерным итогом рассмотрения уголовного дела для случаев, когда доказана невиновность подсудимого или не подтверждена его виновность. Понимание оправдательного приговора как естественного и необходимого компонента уголовного правосудия, способно нивелировать негативную оценку работы органов уголовного преследования и суда в случае непринятия обвинительного итогового решения.

Ключевые слова: оправдательный приговор, право на оправдание, сущность оправдания, невиновность подсудимого.

E.V. Panteleeva

AN ACQUITTAL: THE NORM OR THE UNDESIRABLE RESULT OF A CRIMINAL CASE?

Background: the conclusion about the “accusatory bias” of Russian justice is largely based on the low percentage of acquittals in the country. Based on the fact that criminal proceedings arise in connection with the need to punish a person for a crime committed,

© Пантелеева Елена Вячеславовна, 2022

Аспирант кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия), помощник судьи (Саратовский областной суд); e-mail: e.panteleeva-mail@yandex.ru

© Panteleeva Elena Vyacheslavovna, 2022

Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy), assistant judge (Saratov Regional Court)

a court's acquittal usually entails a negative assessment of the work of the preliminary investigation and the prosecutor. In this regard, the question of whether acquittal of a defendant is a normal result of a criminal case or whether it is always an undesirable phenomenon, which means the failure to achieve the purpose of legal proceedings, is very relevant and practically significant. Objective: on the basis of the analysis of the essence of acquittal, its place in the system of criminal justice to determine whether the court rendered a verdict of acquittal is a normal outcome of the case or a negative result of criminal proceedings, whether it is necessary in modern criminal procedural reality. Methodology: the research is based on methods of analysis and synthesis, dialectical, formal-legal, historical and comparative methods of cognition. Results: a set of problems related to the essence of acquittal, its moral and legislative foundations and guarantees, as well as the place and importance of acquittal verdict in the system of court decisions made on the results of consideration and resolution of criminal cases were analyzed. Conclusions: an acquittal is the natural outcome of a criminal case for cases where the defendant's innocence is proven or his guilt is not proven. The understanding of an acquittal as a natural and necessary component of criminal justice can counterbalance the negative evaluation of prosecutorial and judicial performance in the event of a failure to reach a guilty verdict.

Key-words: *acquittal, right of justification, the essence of acquitting, the innocence of the defendant.*

Отношение к оправданию, к тому, каков должен быть количественный показатель выносимых оправдательных приговоров, всегда было одним из острых вопросов уголовно-процессуальной доктрины и правоприменительной практики. Серьезные опасения из-за возможного резкого роста числа оправданных возникли еще после официального законодательного закрепления оправдания как вида итогового решения суда в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и введения суда присяжных, проявившего отчетливую тенденцию к оправданию подсудимых, совершивших преступление непреднамеренно либо при выполнении общественного долга, ради высоких моральных побуждений, в случаях, когда закон, который следовало применить, не соответствовал жизненному опыту присяжных и т.п. [1, с. 613–614]. Однако подозрения в благосклонности суда присяжных к подсудимым не всегда подтверждались официальными данными, поскольку количество обвинительных приговоров, выносимых с участием «общественного элемента» (60%), вполне соответствовало количеству таких приговоров, выносимых профессиональным судом (70%), а по некоторым категориям дел и превосходило последние [2, с. 133–134].

Знаменательным в советской истории института оправдания стал установивший дисциплинарную ответственность следователей и прокуроров за постановленный судом оправдательный приговор Приказ Генерального прокурора СССР от 22 июля 1983 г. № 47¹, в связи с которым статистика оправданий в 1983 году по сравнению с 1964 годом снизилась в 3 раза [3, с. 229]. Спустя несколько лет, 27 июля 1990 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 6 «О соблюдении судами законодательства и руководящих разъяснений Пле-

¹ См.: Приказ Генерального прокурора СССР от 22 июля 1983 г. № 47 «О повышении эффективности деятельности следственного аппарата прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного следствия и дознания»: сборник материалов по вопросам следствия / сост.: Р.В. Касютина, Я.Я. Пистер, В.И. Поздновская. М., 1987. С. 247–252.

нума Верховного Суда СССР при постановлении оправдательных приговоров», в котором были обобщены проблемы, связанные с практикой оправданий и вскрыты причины низкого количества оправдательных актов, выносимых советскими судами. Впервые было официально подчеркнута, что оправдательные приговоры являются законным видом судебных решений, играющим важную роль в защите прав и свобод граждан, и что направление судом уголовных дел на доследование, как попытка избежать вынесения оправдательного приговора, не способствует укреплению правопорядка¹.

В последние годы ученые и представители правозащитных общественных организаций активно говорят о крайне низком проценте оправдательных приговоров в российской судебной практике, подчеркивая, что в связи с этим «оправдание воспринимается как явление чрезвычайно редкое, неожиданное» [4, с. 18], что часто правоприменители рассматривают оправдательные приговоры как «явление нежелательное, означающее недостижение цели судопроизводства и свидетельствующее о недостатках в борьбе с преступностью» [5, с. 6–7]. Учеными подчеркивается необходимость изменения правового сознания и профессиональных юристов, и в целом российского населения в сторону восприятия оправдательного приговора как нормального результата рассмотрения уголовного дела [6, с. 7], говорится о потребности введения в научный оборот понятия «права на оправдание» и даже его законодательного закрепления [7, с. 362].

Оправдательный приговор, по справедливому замечанию Ю.Ю. Чурилова, «имеет важное значение не только для оправданного, но и для судей, принимающих решение об оправдании» [8, с. 9]. Между тем отношение представителей судейского корпуса к оправдательным приговорам весьма неоднозначно. В практике уголовного судопроизводства нередки случаи, когда вынесенные судами оправдательные приговоры отменяются вышестоящими судами, и при новом рассмотрении дела суды при наличии тех же самых доказательств выносят уже обвинительные решения, что, безусловно, подрывает авторитет оправдательных приговоров. Так, Алексеевский районный суд Белгородской области 11 ноября 2020 г. постановил оправдательный приговор в отношении Г., обвинявшегося в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222.1, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ². При проверке в апелляционном порядке данный приговор 23 декабря 2020 г. был оставлен без изменения³. По результатам же кассационной проверки 26 мая 2021 г. в части обвинения по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ указанный приговор был признан законным и обоснованным, а в части оправдания по ч. 1 ст. 222.1 УК РФ — отменен, и уголовное дело в этой части передано на новое судебное рассмотрение в связи с тем, что нижестоящие суды оставили без должной оценки доводы стороны обвинения, не привели убедительные мотивы, по которым отвергли положенные

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27 июля 1990 г. № 6 «О соблюдении судами законодательства и руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР при постановлении оправдательных приговоров»: сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. М., 1995.

² См.: Приговор Алексеевского районного суда Белгородской области от 11 ноября 2020 г. по делу № 1-123/2020 // Сайт Алексеевского районного суда Белгородской области. URL: <http://alekseevsky.blg.sudrf.ru/> (дата обращения: 25.10.2021).

³ См.: Апелляционное постановление судьи Белгородского областного суда от 23 декабря 2020 г. по делу № 22-1595/2020 // Сайт Белгородского областного суда. URL: <http://oblsud.blg.sudrf.ru/> (дата обращения: 25.10.2021).

в основу обвинения доказательства¹. 27 июля 2021 года повторно рассматривая данное дело в части обвинения Г. по ч. 1 ст. 222.1 УК РФ, тот же районный суд, иначе оценив имеющиеся в материалах дела доказательства (протокол личного досмотра, протоколы осмотров мест происшествия, показания свидетелей, заключение эксперта), вынес уже обвинительный приговор².

По другому уголовному делу 2 июля 2019 г. приговором Кировского районного суда г. Саратова Э. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ и ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года 6 месяцев³. Апелляционным приговором Саратовского областного суда от 19 ноября 2019 г. этот обвинительный приговор был отменен, а подсудимый оправдан в связи с непричастностью к совершению преступления⁴. Судебная коллегия Первого кассационного суда общей юрисдикции, проверяя принятое судом второй инстанции решение, выявила существенные нарушения уголовно-процессуального закона, выразившиеся в том, что апелляционный суд, признавая в качестве достоверного доказательства показания эксперта Д., данные им при апелляционном рассмотрении дела, не учел, что эксперт сделал в суде новый вывод, который в заключении судебно-медицинской экспертизы отсутствовал, следовательно, его показания в суде противоречили данному им ранее заключению, что обязывало суд назначить повторную экспертизу⁵. Данная ошибка, по мнению кассационной инстанции, могла исказить смысл судебного решения как акта правосудия, в связи с чем оправдательный приговор был отменен, а дело передано на новое апелляционное рассмотрение. Повторная апелляционная проверка приговора не обнаружила каких-либо ошибок в выводах районного суда о виновности Э., ссылая сторона защиты на то, что причинение черепно-мозговой травмы с переломами теменной, височной костей и костей основания черепа невозможно только руками без применения каких-либо твердых вспомогательных средств была признана несостоятельной в связи с выводами проведенной повторно комплексной комиссионной экспертизы, подтвердившей выводы более ранних экспертиз⁶. 23 апреля 2021 г. кассационная инстанция признала законными вынесенные нижестоящими судами судебные акты⁷. Та-

¹ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2021 г. по делу № 7У-3596/2021 // Сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10608466&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 25.10.2021).

² См.: Приговор Алексеевского районного суда Белгородской области от 27 июля 2021 г. по делу № 1-66/2021 // Сайт Алексеевского районного суда Белгородской области. URL: <http://alekseevsky.blg.sudrf.ru/> (дата обращения: 25.10.2021).

³ См.: Приговор Кировского районного суда г. Саратова от 2 июля 2019 г. по делу № 1-138/2019 // Архив Саратовского областного суда за 2019 г.

⁴ См.: Апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 19 ноября 2019 г. по делу № 22-3104/2019 // Архив Саратовского областного суда за 2019 г.

⁵ См.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 марта 2020 г. по делу № 77-342/2020 // Сайт Саратовского областного суда. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2844165&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 18.09.2021).

⁶ См.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 25 ноября 2020 г. по делу № 22-1052/2020 // Сайт Саратовского областного суда. URL: https://oblsud-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5884331&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 18.09.2021).

⁷ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 апреля 2021 г. по делу № 77-1147/2021 // Сайт Саратовского областного суда. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9902416&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 18.09.2021).

ким образом, Э., будучи изначально осужден, спустя год после последующего оправдания снова был признан виновным и взят под стражу.

Ответ на вопрос о том: является ли оправдательный приговор нормой или нежелательным исключением в практике судебного рассмотрения и разрешения уголовных дел? Необходим ли он современной уголовно-процессуальной действительности? Невозможен без осознания сущности оправдания, его места в системе уголовного правосудия.

Институт оправдания как совокупность норм, регулирующих отношения по установлению, фиксации и последствиям невиновности подсудимого, результат которых выражается в форме оправдательного вердикта присяжных и (или) оправдательного приговора суда, выступает важнейшей составляющей уголовного судопроизводства. Сама возможность существования оправдательного результата рассмотрения уголовного дела основывается на представлениях о добре и зле, должном и недолжном, закрепленных в общественном сознании. Стремление к справедливости приводит к осознанию обществом приемлемости отрицательного разрешения вопроса о виновности лица в совершенном преступлении. Тем самым принципы гуманизма и милосердия, образующие нравственные основы существования общества, определяют необходимость института оправдания. Они же, подразумевая приоритет интересов личности, воплощаются в уголовном процессе в идее уважения прав и свобод личности, их охраны и защиты, а возможность оправдания при решении вопросов уголовно-процессуального характера при возникновении обоснованных сомнений в виновности лица определяет в такой ситуации приоритет позиции стороны защиты.

Кроме того, особенность уголовно-процессуального познания явлений объективной действительности, имевших место в прошлом, не только не исключает, но в ряде случаев и предполагает вероятностный результат. Формирование правила о невозможности наступления ответственности без вины и недопустимости осуждения невиновного, стремление к правовому разрешению уголовного конфликта, побуждающее собирать достоверные доказательства об обстоятельствах дела, обусловили существование, как альтернативы обвинительному приговору, оправдательного решения. В результате оправдание стало рассматриваться как неотъемлемая составляющая уголовного правосудия. Если бы законодательство не исходило из теории уголовно-правового спора, а принимало выявленные органами предварительного расследования и прокурором сведения о совершении общественно опасного деяния как непреложную истину, без права ее оспорить и усомниться в ней, уголовный процесс, как таковой, утратил бы всякий смысл.

Необходимость существования оправдательного приговора как одного из результатов рассмотрения судом уголовного дела вызвана также и признанием презумпции невиновности личности, которая составляет «объективное требование и необходимое условие нормальных, справедливых взаимоотношений людей между собой, с государственными органами и государством в целом» [9, с. 13]. Существование категории невиновности в уголовно-процессуальном праве, сама концепция основополагающей для оправдания презумпции невиновности, закрепленной в ст. 14 УПК РФ, обусловлены идеей о том, что о человеке нельзя думать плохо до достоверного подтверждения совершения им отрицательных поступков.

Предположение о добропорядочности подвергнутого уголовному преследованию лица не только допускает возможность вынесения приговора о признании

обвиняемого невиновным, но и требует от представителей стороны обвинения и суда уважительного отношения к его личности, предопределяет построение уголовного процесса таким образом, чтобы предоставить достаточные средства защиты против выдвинутого в его отношении обвинения.

Основываясь на нравственных началах уголовного судопроизводства, но не имея четко выраженной нормативной конструкции, право на оправдание воплощается через многие уголовно-процессуальные гарантии. В частности, оно обеспечивается закрепленными в гл. 2 УПК РФ принципами уголовного судопроизводства. Так, требование законности гарантирует соблюдение всеми участниками процесса установленного порядка уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивает вынесение по делу законных, обоснованных и мотивированных решений (ст. 7 УПК РФ). Свободная оценка доказательств исключает их градацию по заранее установленной законом силе, позволяет сопоставлять собранные сведения о преступлении, исходя из их фактической ценности, соответствия критериям относимости, достоверности, допустимости и достаточности (ст. 17 УПК РФ). Принцип независимости судей (ст. 8.1 УПК РФ), дополненный положениями закона об отводах (гл. 9 УПК РФ) и тайне совещания судей (ст. 298 УПК РФ), способствует принятию беспристрастного, свободного от каких-либо вмешательств, решения. В соответствии с принципом обеспечения права на защиту изобличаемому лицу не только предоставляются широкие права, позволяющие защищаться самостоятельно или пользоваться квалифицированной юридической помощью, но и предусматривается серьезный механизм, обеспечивающий их реализацию (ст. 16, ч. 2 ст. 10, ст. ст. 11, 49, 50, 159, п. 4 ч. 1 ст. 228, ст. 271, ч. 4 ст. 275 УПК РФ).

Самим назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), предопределена возможность вынесения оправдательного приговора. Как уже отмечалось, принцип презумпции невиновности в силу особого «невиновного» положения обвиняемого определяет особенность построения уголовного судопроизводства таким образом, что оправдание выступает гарантированным результатом рассмотрения уголовного дела, если попытка стороны обвинения изобличить обвиняемого не будет успешной.

Право на оправдание обеспечивается также нормативно закрепленными требованиями к производству следственных и иных процессуальных действий, порядку их проведения и фиксации хода и полученных результатов. Вынесению оправдательного приговора способствуют и многие предписания, названные в специальной литературе положениями, благоприятствующими защите [10, с. 10–11; 11, с. 12].

Анализ указанных норм и воплощенных в них нравственных идей справедливости и гуманизма позволяет сделать вывод о том, что оправдание выступает естественным и необходимым компонентом системы уголовного правосудия, которое сегодня ставит своим назначением защиту и восстановление прав личности, как потерпевшей в результате преступления, так и той, которая незаконно и необоснованно подвергнута уголовному преследованию. Несмотря на то, что некоторые ученые-процессуалисты полагают, что, исходя из того, что уголовный процесс является узаконенным способом борьбы с преступлениями, оправдательный приговор вряд ли может быть признан закономерным результатом уголовно-процессуальной деятельности [12, с. 328], по нашему мнению, он является нормальным итогом рассмотрения уголовного дела для случаев,

когда доказана невиновность подсудимого или не подтверждена его виновность. Именно такое понимание природы оправдания должно исключать негативную оценку работы органов предварительного расследования, прокурора и суда в случае непринятия итогового обвинительного решения.

Библиографический список

1. *Бобрищев-Пушкин А.М.* Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М.: Журнал «Русская мысль», 1896. 624 с.
2. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям Н.Н. Розина. 2-е изд., изм. и доп. СПб., 1914. 546 с.
3. *Миронова М.А.* Сущность и правовая регламентация оправдания в российском уголовном судопроизводстве (исторический очерк) // Вестник Омского ун-та. Сер.: «Право». 2016. № 3 (48). С. 224–232.
4. *Петрухин И.Л.* Оправдательный приговор и уголовная политика // Адвокат. 2007. № 5. С. 18–22.
5. *Чурилов Ю.Ю.* Статистика оправданий: факты и вымысел // ЭЖ-Юрист. 2010. № 6.
6. *Давыдов В.А.* Об «обвинительном уклоне» в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2015. № 7 (111). С. 5–9.
7. *Коваль О.Н.* Право человека на оправдание: понятие, значение и сущность // Молодой ученый. 2013. № 3. Ч. 2. С. 360–362.
8. *Чурилов Ю.Ю.* Оправдательный приговор в российском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 24 с.
9. *Корнуков В.М.* Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / под ред. В.А. Познанского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 179 с.
10. *Михеенкова М.А.* Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 31 с.
11. *Соловьев С.А.* Благоприятствование защите как процессуальный механизм обеспечения равенства сторон в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 31 с.
12. *Охотина Ю.В., Смолина М.М.* Единство морали и права в оправдательном приговоре суда // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11 (138). С. 328–329.

References

1. *Bobrishchev-Pushkin A.M.* Empirical Laws of the Activity of the Russian Jury. Moscow: The journal „Russian Thought”, 1896. 624 p.
2. *Rozin N.N.* Criminal Proceedings: a guide to lectures by N.N. Rozin. 2nd ed., ed. and add. Saint-Petersburg, 1914. 546 p.
3. *Mironova M.A.* The Essence and Legal Regulation of Justification in Russian Criminal Proceedings (historical essay) // Bulletin of Omsk University. The series «Law». 2016. No. 3 (48). P. 224–232.
4. *Petrukhin I.L.* Acquittal and Criminal Policy // Lawyer. 2007. No. 5. P. 18–22.
5. *Churilov Y.Y.* Statistics of Justifications: Facts and Fiction // EJ-Yurist. 2010. No. 6.
6. *Davydov V.A.* About the «Accusatory Bias» in Criminal Proceedings // Russian Justice. 2015. No. 7 (111). P. 5–9.
7. *Koval O.N.* Human Right to Justification: Concept, Meaning and Essence // Young scientist. 2013. No. 3. Part 2. P. 360–362.
8. *Churilov Y.Y.* Acquittal in Russian Legal Proceedings: extended abstract dis. ... cand. of law. Voronezh, 2009. 24 p.

9. *Kornukov V.M.* Constitutional Foundations of the Position of the Individual in Criminal Proceedings / ed. by V.A. Pozansky. Saratov: Saratov University Press, 1987. 179 p.

10. *Mikheenkova M.A.* Favoring the Defense (Favor Defensionis) and Its Manifestation in Modern Criminal Proceedings: extended abstract dis. ... cand. of law. Moscow, 2012. 31 p.

11. *Soloviev S.A.* Favoring the Defense as a Procedural Mechanism for Ensuring Equality of the Parties in Criminal Proceedings in Russia: extended abstract dis. ... cand. of law. Moscow, 2019. 31 p.

12. *Okhotina Y.V., Smolina M.M.* The Unity of Morality and Law in the Acquittal of the Court // Eurasian Legal Journal. 2019. No. 11 (138). P. 328–329.

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-254-261

УДК 349.6

**С.А. Белоусов, Н.И. Махонько, Е.А. Тарасова,
П.С. Баринов, Ю.А. Плотникова**

ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОЗЕЛЕНЕНИЯ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

***Введение:** изучение мировых практик озеленения позволяет разрабатывать достаточное количество вариативных подходов к разработке методов зеленого зонирования урбанизированных территорий и правового сопровождения этих процессов. Новые централизованные подходы озеленения городов и агломераций стимулируют принятие эколого-правовых мер в целях предотвращения социальных и экономических конфликтов в деле улучшения качества жизни городского населения современного государства, и выполнения соответствующих запросов всех слоев общества. **Цель:** проанализировать сложившийся централизованный подход в мировой практике освоения озеленения городских территорий, который позволит избежать социальных и экономических конфликтов в деле улучшения качества жизни городского населения страны в соответствии запросами современного российского общества. **Методологическая основа:** общенаучный метод и специальные методы познания, такие как сравнительно-правовой, эколого-юриди-*

© Белоусов Сергей Александрович, 2022

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: sbelousov64@yandex.ru

© Махонько Николай Иванович, 2022

Доктор медицинских наук, профессор кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nmakhonko@yandex.ru

© Тарасова Елена Анатольевна, 2022

Старший преподаватель кафедры земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: tarasova.elena.064@gmail.com

© Баринов Павел Сергеевич, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: barinov.p@mail.ru

© Плотникова Юлия Анатольевна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, доцент земельного и экологического права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: plotn-yulya@yandex.ru

© Belousov Sergey Aleksandrovich, 2022

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

© Makhonko Nikolay Ivanovich, 2022

Doctor of Medical sciences, Professor, Department of Land and Environmental Law (Saratov State Law Academy)

© Tarasova Elena Anatolyevna, 2022

Senior Lecturer, Department of Land and Environmental Law (Saratov State Law Academy)

© Barinov Pavel Sergeevich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

© Plotnikova Yulia Anatolyevna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Land and Environmental Law (Saratov State Law Academy)

ческий и эмпирический. **Результаты:** аргументирована позиция авторов в связи с реализацией правового механизма создания эколого-правового сопровождения урбанизированных территорий с учетом международного опыта. **Выводы:** динамичное развитие урбанизированных территорий требуют адекватного эколого-правового сопровождения. В целях разработки и внедрения нормативных актов в процессы создания зеленых поясов и зон в городах и создаваемых агломерациях необходимо изучать мировой опыт передовых стран, достигших весомых результатов формирования и создания благоприятной среды проживания городского населения с помощью новейших методов и технологий озеленения.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовое обеспечение озеленения урбанизированных территорий, города и агломерации, модели систем создания зеленых поясов и зон, международный опыт.

S.A. Belousov, N.I. Makhonko, E.A. Tarasova,
P.S. Barinov, Yu.A. Plotnikova

FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE
OF LEGAL REGULATION OF LANDSCAPING
OF URBANIZED TERRITORIES

Background: the study of world greening practices allows us to develop a sufficient number of variant approaches to the development of methods of green zoning of urbanized territories and legal support of these processes. New centralized approaches to the greening of cities and agglomerations stimulate the adoption of environmental and legal measures to prevent social and economic conflicts in improving the quality of life of the urban population of the modern state, and fulfill the relevant requests of all sectors of society. **Objective:** to analyze the existing centralized approach in the world practice of urban landscaping, which will avoid social and economic conflicts in improving the quality of life of the urban population of the country in accordance with the demands of modern Russian society. **Methodology:** general scientific method and special methods of knowledge, such as comparative-legal, ecological-legal and empirical. **Results:** the position of the authors in connection with the implementation of the legal mechanism for the creation of ecological and legal support of urbanized territories, taking into account international experience, is argued. **Conclusions:** the dynamic development of urbanized territories requires adequate environmental and legal support. In order to develop and implement regulations in the processes of creating green belts and zones in cities and agglomerations being created, it is necessary to study the world experience of advanced countries that have achieved significant results in the formation and creation of a favorable urban living environment using the latest methods and technologies of landscaping.

Key-words: legal regulation, legal support of greening of urbanized territories, cities and agglomerations, models of systems for creating green belts and zones, international experience.

В настоящее время озеленение крупных городов и агломераций является одной из приоритетных задач Российской Федерации. Общий мировой подход к озеленению урбанизированных территорий постоянно эволюционирует и приобретает ярко выраженный комплексный характер, основанный на принципах устойчивого развития. Анализируемые зарубежные и отечественные практики озеленения показывают большое количество вариативных подходов к разрабо-

таннным методам зеленого зонирования урбанизированных территорий в целях выделения наиболее эффективных из них. Сложившийся централизованный подход в мировой практике озеленения городских территорий позволяет избежать социальных и экономических конфликтов в деле улучшения качества жизни городского населения любой страны, и соответствия запросам современного общества.

Для Российской Федерации характерно, что вопросы охраны окружающей среды и рационального природопользования находятся в совместном ведении Федерации и ее субъектов¹. Регионам предоставляется право активно участвовать в этом процессе, так как на местах быстрее определяются «узкие места» в природоохранной деятельности в целом и в озеленении городов как основы благополучия населения. Так, Саратовская область является уникальным регионом Европейской России, так как располагается на территории трех природных зон — лесостепной, степной и полупустынной. Более половины территории области находится в бассейне Волги, которая разделяет нашу область на возвышенное Правобережье и Левобережную низменную равнину. Для Саратовской области характерно многообразие флоры и фауны. Это объясняется ее физико-географическим положением, что и обуславливает уникальность ландшафтных зон. Правительство Саратовской области, понимая необходимость сохранения для будущих поколений ценных территорий и объектов, уделяет пристальное внимание территориям и отдельным объектам, имеющим особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое и рекреационное значение. В настоящее время в Саратовской области сложилась целая сеть особо охраняемых природных территорий, охватывающих около 80 объектов.

Тем не менее, Саратову не хватает зеленых зон². Любимая горожанами Кумысная поляна занимает примерно лишь 10% территории. Этот лесопарковый массив играет исключительно важную роль в экологической, рекреационно-оздоровительной и воспитательной жизни нашего города. Но одной Кумысной поляны для современного горожанина мало.

При подготовке данного материала было проведено социологическое исследование. К опросу были привлечены 110 молодых людей в возрасте от 19 до 21 года из числа студентов нашего вуза. Причем студенты являются как коренными жителями Саратова, так и иногородними. По итогам социологического исследования были сделаны следующие выводы:

- 1) 100% опрошенных высказали недовольство озеленением города и малым количеством зеленых зон в областном центре;
- 2) иногородние студенты отметили, что испытывали депрессию первое время из-за низкого уровня озеленения Саратова;
- 3) более 50% студентов связали бы свою профессиональную и семейную жизнь с Саратовом, если будут созданы зеленые зоны, так как именно они могут обеспечить нужный уровень комфорта для молодых семей, имеющих детей.

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

² См.: Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 2006. № 50, ст. 5278; 2022. № 1, ч. 1, ст. 14.

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие зеленых зон может привлечь в Саратов высококвалифицированных специалистов. Именно зеленые зоны являются имиджевыми объектами и социальным запросом населения Саратова.

Как показывает мировая практика, появляется все больше и больше данных о преимуществах озеленения в городах.

Мировые мегаполисы устраивают зеленые зоны в целях привлечения жителей с более высоким уровнем образования для решения экономических и социальных вопросов. В частности, по оценкам авторитетных экспертов социологических и статистических служб, высокообразованные специалисты предпочитают жить и работать рядом с зелеными зонами, так как они обеспечивают комфортную профессиональную деятельность и полноценный семейный отдых. В связи с этим считаем необходимым обратиться к иностранному опыту в освоении территорий и устройству зеленых зон крупных городов, являющихся промышленными и научными центрами, характеризующихся активным привлечением специалистов высокой квалификации.

Европейские страны начали активную деятельность по озеленению урбанизированных территорий, это отражение взвешенной политики Европейского Союза по окружающей среде, в том числе в крупных мегаполисах [1, с. 127]. В таблице 1 представлены основные механизмы реализации европейским сообществом создания собственных специфических инструментов охраны окружающей среды.

Таблица 1

Механизмы охраны окружающей среды в ЕС

Основы политики Европейского Союза по окружающей среде и развитию	
Организационный механизм	стандартизация; сертификация; оценка воздействия на окружающую среду государственных и частных проектов развития территорий, в том числе урбанизированных; система экологического аудита и экологического менеджмента межправительственных, государственных и частных организаций; создание Европейского агентства по окружающей среде.
Финансовый механизм	финансирование отдельных природоохранных национальных программ из бюджета Европейского Союза; финансирование природоохранных мероприятий из структурных фондов различного наполнения (из ЕС, государственных бюджетов и частных пожертвований); финансирование мероприятий по охране окружающей среды и средств из специальной Программы «LIFE».
Механизм защиты экологических прав граждан Европейского Союза	право на доступ к экологической информации; право на участие в принятии экологически значимых решений; право на доступ к правосудию по делам экологического характера.

Созданные Европейским Сообществом нормы в области охраны окружающей среды конвергируются в право окружающей среды ЕС либо экологическое право ЕС.

Для анализа предлагаем обратить внимание на Нидерланды, где для крупных городов разработана «зеленая политика», в основе которой лежит принцип реструктуризации и увеличения количества зелени в мегаполисе по ряду аспектов:

зеленые зоны и здоровье населения городов — растительность помогает людям быстрее справиться с болезнями, что снижает бюджетные затраты на здравоохранение и улучшает качество жизни населения. Этот аспект внедрения озеленения вокруг больниц становится предметом пристального внимания в связи с концепцией улучшения качества окружающей среды городов и других населенных пунктов.

2) с момента создания первых городских парков специалисты в области градостроения отмечают, что увеличение и улучшение породного состава растительности повышает не только качество жизни горожан, но и снижает социальную напряженность на этих территориях. Это объясняется тем, что качественное озеленение приносит пользу здоровью и снижает уровень стресса у среднего горожанина.

В данном случае правовое регулирование создания зеленых зон городов коррелируется с правовым регулированием охраны здоровья населения современного государства. Поэтому аддитивные методы в объединении категорий юридических наук проявляют себя в следующих выполняемых ими функциях: познавательной, методологической, идеологической (воспитательной), социально-культурной, интегрирующей, практически-прикладной (праксиологической), что позволяет определить принципы конвергенции прогрессивной урбанизации и состояния здоровья населения [2].

3. Социальные и семейные связи становятся крепче, так как детские площадки в зеленых зонах повышают социальные навыки и способствуют укреплению современной семьи за счет ежедневного совместно проводимого свободного времени родителей и детей.

Отметим, что триггером активного развития зеленой политики городов в Нидерландах стал доклад специалистов по городской среде и развитию о том, что почти 40% населения страны проживает в районах с недостаточным зеленым «зонтом» отдыха. Самый большой дефицит зеленых зон наблюдается в городских конгломератах. Мониторинг Национальной пространственной стратегии и исследования показали необходимость принятия мер в целях, поднятия уровня зеленых зон, так как 2/3 муниципалитетов Нидерландов обеспечивают менее 75 м² зеленых насаждений в радиусе 500 м в от дома. Поскольку урбанизация будет продолжать расти, то проведение исследований и определение правовых механизмов реализации создания зеленых зон требуют формирования законодательных подходов к проблеме создания зеленых зон для обеспечения здоровья и благополучия населения в изменяющихся климатических условиях¹. В этой связи интересны научные изыскания ученых Университета г. Амстердама, которые выделили перспективные типы регионов, имеющих полицентричный характер:

городской регион с входящими в него первичным центром и меньшими второстепенными центрами, то есть конурбация. В современном понимании конурбацией является регион, состоящий из ряда мегаполисов, городов, крупных

¹ URL: <http://www.sher.media>. (дата обращения: 13.03.2022).

городов и других городских районов, выделенных из общего числа за счет роста населения и физического расширения и имеющих тенденцию к объединению в один непрерывный городской либо район с развитой промышленной инфраструктурой¹;

городской регион с характеристиками межгородской полинуклеарной конкуренции, где отдельные исторические города (занимающие равные территориальные площади) объединяются как метрополитенская система². Метрополитенская система представляет собой территориальную единицу в виде крупного города в совокупности с пригородным окружением. В российской научной терминологии «метрополитенская система» практически тождественна термину «городская агломерация».

Природное окружение гораздо более привлекательно для населения, чем застроенная среда. Совет здравоохранения Нидерландов и Консультативный совет по исследованиям в области пространственного планирования, природы и окружающей среды отметили, возможность иметь природную среду рядом с домом дает подрастающему поколению преимущества, которые имеют основополагающее значение для его личного развития³. Контакт с природой усиливает самосознание и стимулирует процессы формирования здоровых социальных ценностей. Многочисленные исследования показывают, что естественные игровые площадки благоприятно влияют на развитие моторики детей, чем традиционные игровые площадки. Познавая природу, дети развивают чувство ответственности и вовлеченности. Если дети узнают о зеленом окружении, то в дальнейшем они будут лучше осознавать проблемы охраны окружающей среды и развития городских зеленых ландшафтов.

4) отдельные нормативы озеленения городов, например, районное озеленение, расположенное на расстоянии до 300 метров от дома, является важной составляющей качества жизни. Озелененные территории города по оценкам психологов и работников здравоохранения — это фактически единственное место, где люди могут встречаться и проводить время вместе независимо от материального состояния. Поэтому привлекательная окружающая среда в виде зеленых зон жизненно важна для социально-экономического состояния городских агломераций. Окрестности и парки должны быть спроектированы с учетом потребностей различных возрастных групп и предпочтений различных культур проживающего населения. Есть положительные примеры привлечения местных жителей различных возрастов к волонтерскому движению по оформлению и уходу за зелеными зонами и парками. Исследования показывают, что люди, живущие в зеленых зонах чувствуют себя полноценными и вовлеченными в социальную жизнь государства.

5) экономическая ценность зеленых зон. Зеленые зоны городов имеют прямое экономическое значение. Зеленые зоны в городах важны с точки зрения экономического развития города либо городских агломераций. Современный средний горожанин стремится жить в зеленых зонах. Поэтому, отрасль гражд-

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 13.03.2022).

² См.: Nissen A. Metropolisation in Europe — configuration and governance. Institute of Geography, University of Copenhagen. TAPAS Working Paper 2008:01. Copenhagen. Mode of access. URL: http://www.geogr.ku.dk/projects/tapas/metopolisation_rap-port.pdf (дата обращения: 13.03.2022).

³ URL: <https://www.government.nl/> (дата обращения: 13.03.2022).

данского строительства развивается именно в этом направлении. Население города получает дополнительные рабочие места в строительной индустрии и в сфере озеленения, что не может не сказываться на благоприятном социально-экономическом климате того или иного региона. Запрос современного человека на благоприятный климат в районе проживания привлекает в свой город наукоемкие производства, предоставляющие дополнительные рабочие места для горожан, деятельность которых будет направлена на разработку и внедрение наилучших технологий по созданию благоприятной городской среды в условиях изменения климата.

6) Зеленые зоны не могут компенсировать все загрязнения, вызванные деятельностью человека. Тем не менее растительность и городские деревья поглощают CO_2 и диоксид серы и связывают твердые частицы, что приводит к улучшению качества атмосферного воздуха. Растительность охлаждает города во время жарких периодов. Улучшение качества воздуха напрямую влияет на здоровье населения.

7) Естественно, зеленые имиджевые объекты современных городов и их окрестностей будут стимулировать развитие туристического бизнеса, увеличение рабочих мест для обслуживания прибывающих в город туристов.

По оценкам экспертов лидером в озеленении урбанистических территорий является Китайская Народная Республика. Вопросы озеленения Пекина поднимались органами местного самоуправления с конца 50 гг. XX века. И только 1986 г. была принята официальная концепция зеленых поясов Китайской Народной Республики, которая была направлена на создание крупных зеленых поясов и озелененных территорий.

Генеральный план столицы КНР был основан на сочетании отдельных методов:

- определение статуса соответствующих земель;
- пересмотр и реконструкция уже сложившихся озелененных территорий;
- разработка и внедрение в практику развития Пекина новых озелененных территорий.

Современный Пекин включает в себя два кольца озеленения (внутреннее и внешнее).

Внутреннее кольцо (240 кв. км) представляет собой осевое расположение с направлением: центр города — периферийные городские районы. Оно имеет статус общественных зеленых зон, так как приближено вплотную к жилым кварталам.

Отличием внешнего кольца (1061 кв. км) является создание буферной зоны (1 км), которая проходит по территории пригородов Пекина и служит зеленой границей между городскими и сельскими районами. Природную основу внешнего кольца составляют природные ландшафты и земли сельскохозяйственного назначения¹.

Авторам представляется интересным перечень выводов, сделанных специалистами, осуществляющими озеленение на сложившихся территориях Пекина и на новых урбанизированных территориях столицы КНР (таблица 2).

¹ См.: Sustainable Development Goals: 17 Goals to Transform Our World. URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/> (дата обращения: 14.03.2022).

Таблица 2

Итоги анализа разработки и внедрения перспективных направлений озеленения новых урбанизированных территорий столицы КНР

Результаты исследований по созданию и регулированию развития различных видов зеленых поясов Пекина		
Повышение эффективности государственного и муниципального контроля за пространственным развитием города, что позволяет замедлять эксплуатацию густозастроенных территорий в зоне, ограниченной зелеными поясами.	Стабильное увеличение площади территорий, покрытых зеленой растительностью, в рамках внутреннего кольца, что в свою очередь стимулирует темпы застройки во внешнем кольце, приближенном к зеленой буферной зоне.	Практическое завершение освоения зеленых зон внутреннего кольца, требует создания новых технологий в озеленении внешнего кольца, так как это необходимо в целях совершенствования новейших архитектурных пространств для формирования урбанистических территорий современного города.

Эти данные демонстрируют перспективы и современные методы определения назначения земель и регулирования прав на землю, характерные для подлежащих освоению периферийных районов города с территориальной привязкой к развитию зеленых поясов.

Таким образом, следует используя региональный опыт создания особо охраняемых природных территорий и зеленых зон, доработать и принять региональный закон «О зеленых зонах на территории Саратовской области».

В процессе законотворческой деятельности регионов необходимо ориентироваться на сохранение доктринальных ценностей функций, осуществляемых определенными доктринальными правовыми категориями в целях сохранения и развития ими ценностного содержания.

Закон «О зеленых зонах на территории Саратовской области» будет включать в себя достижения других наук в целях учета климатических особенностей региона, степень регионального социально-экономического развития, а также особенности локации населения Саратовской агломерации.

Библиографический список

1. Основы права Европейского Союза: схемы и комментарии: учебное пособие / под ред. С.Ю. Кашкина. М.: ИНФРА-М, 2002. 137 с.
2. Баринов П.С. Категории юридической науки и практики: понятие, классификация и предназначение // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов; М.: Саратовский филиал Института государства и права РАН, 2016. № 4. С. 129–134.

References

1. Fundamentals of European Union law: Schemes and Comments: text-book / ed. by S.Y. Kashkin. M.: INFRA-M, 2002. 137 p.
2. Barinov P.S. Categories of Legal Science and Practice: Concept, Classification and Objective // Legal Policy and Legal Life. Saratov; Moscow: Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2016. No. 4. P. 129–134.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-262-267

УДК 347.734.01

Е.Н. Пастушенко, Н.В. Неверова, Л.Н. Земцова

РОЛЬ ПРАВОВЫХ АКТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТАБИЛЬНОСТИ ФИНАНСОВОГО РЫНКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Введение: в статье анализируется развитие публичного права финансового рынка как подотрасли российского финансового права. **Цель:** выявить тенденции нормотворческой, правоприменительной, интерпретационной деятельности Банка России применительно к обеспечению стабильности финансового рынка в современных условиях. **Методологическая основа:** диалектический и логический метод исследования, формально-юридический метод. **Результаты:** обращается внимание на новеллы нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и нормативных актов Банка России, изданных в марте 2022 года, относительно положительно зарекомендовавших себя правовых инструментов — официальных разъяснений Банка России; подчеркивается перспективность исследования в отраслевой науке финансового права правоприменительных актов Банка России, издаваемых, в том числе в сфере контрольно-надзорной деятельности Банка России. **Выводы:** сделан вывод о востребованности правовых актов Банка России в проведении финансово-правовой политики по снижению рисков на финансовом рынке, реализации законодательно установленной компетенции Банка России как мегарегулятора финансового рынка.

Ключевые слова: Банк России, правовое обеспечение финансового рынка, официальные разъяснения Банка России.

© Пастушенко Елена Николаевна, 2022

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: past_en@mail.ru

© Неверова Наталия Владимировна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: neverovanatacha@mail.ru

© Земцова Лариса Николаевна, 2022

Кандидат юридических наук, председатель суда общей юрисдикции в отставке, преподаватель колледжа (Поволжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саратове); e-mail: zemcovanzemcovan@mail.ru

© Pastushenko Elena Nikolaevna, 2022

Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

© Neverova Natalia Vladimirovna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Himicheva (Saratov State Law Academy)

© Zemtsova Larisa Nikolaevna, 2022

Candidate of Law, retired Chairman of the Court of General Jurisdiction, college lecturer (Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov)

E.N. Pastushenko, N.V. Neverova, L.N. Zemtsova

**THE ROLE OF LEGAL ACTS OF THE CENTRAL BANK
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ENSURING THE STABILITY
OF THE FINANCIAL MARKET AT THE PRESENT STAGE**

Background: the article analyzes the development of public law of the financial market as a sub-branch of Russian financial law. **Objective:** to identify trends in the normative, law enforcement, and interpretation activities of the Bank of Russia in relation to ensuring the stability of the financial market in modern conditions. **Methodology:** dialectical and logical research method, formal legal method. **Results:** attention is paid to the novelties of normative legal acts of the President of the Russian Federation and normative acts of the Bank of Russia, issued in March 2022, regarding the positively proven legal instruments - official explanations of the Bank of Russia. Prospects of research in the branch science of financial law of law enforcement acts of the Bank of Russia, issued, including in the field of control and supervisory activities of the Bank of Russia, are emphasized. **Conclusions:** the conclusion is made about the relevance of the legal acts of the Bank of Russia in the implementation of financial and legal policy to reduce risks in the financial market, the implementation of the legally established competence of the Bank of Russia as a mega-regulator of the financial market.

Key-words: Bank of Russia, legal support of the financial market, official explanations of the Bank of Russia.

Стабильное функционирование российского финансового рынка в современных социально-экономических и политико-правовых реалиях требует адекватного правового обеспечения. Новеллами являются Указы Президента Российской Федерации как источники публичного права финансового рынка наряду с федеральными законами, реагирующими на изменение ситуации в стране. Заметным явлением стало обновление в марте 2022 г. Центральным банком Российской Федерации нормативного акта о порядке подготовки официальных разъяснений Банка России как интерпретационных правовых актов (актов толкования) Банка России. Изложенное требует научного осмысления как с научно-теоретических, так и практических позиций, что свидетельствует об актуальности заявленной темы исследования.

В обеспечении стабильности российского финансового рынка важные регулирующие функции выполняет публичное право финансового рынка как подотрасль финансового права. К.С. Бельский обоснованно замечает, что «в отличие от других основных правовых институтов финансового права, которые формировались в России с периода возникновения киевской государственности, финансовый рынок начал развиваться после отмены крепостного права в 1861 г.», обзор истории развития российского финансового рынка позволил автору убедительно утвердить, «...что на рубеже XIX–XX вв. в России сформировались его основные части как системного образования, которое включало: эмиссионное право, налоговое право, бюджетное право, банковское (публичное) право, финансово-контрольное право, публичное право финансового рынка» [1, с. 89]. А.В. Турбанов, исследуя взаимосвязи финансового права и финансового рынка, в качестве основных секторов (элементов) финансового рынка выделяет «рынок банковских услуг, рынок ценных бумаг, рынок страхования, обозначив другие сектора как иные финансовые услуги» [2, с. 11]. Заслуживает поддержки

предложенное А.В. Турбановым определение предмета финансового права как совокупности «общественных отношений, возникающих в сфере публичных финансов, а также обеспечивающих функционирование всей финансовой системы страны, включая финансовый рынок» [3, с. 15]. С.С. Тропская справедливо делает вывод о том, что «публичное право финансового рынка в условиях формирования рыночной экономики стало представлять собой единое правовое образование в рамках финансового права — подотрасль финансового права, объединяющую финансово-правовые институты, регулирующие банковскую, страховую и иные виды профессиональной деятельности на рынке финансовых услуг» [4, с. 11].

Для совершенствования осуществления Банком России законодательно закрепленных функций банковского регулирования и банковского надзора, регулирования, контроля и надзора за некредитными финансовыми организациями, а также с 1 января 2022 г. регулирования, контроля и надзора за лицами, осуществляющими профессиональную деятельность на финансовом рынке, несомненно, имеет значение вывод А.Ю. Соколова и К.С. Кротова о том, что «риск-ориентированный подход, тщательно проработанный с законодательной точки зрения, должен стать универсальным началом контрольно-надзорной деятельности, так как он обладает высоким потенциалом в достижении баланса частных и публичных интересов» [5, с. 84].

Следует отметить, что помимо нормативных актов Банка России в правовом обеспечении финансового рынка играют важную роль правоприменительные акты регулятора, к которым предъявляются высокие требования по качеству подготовки, на что обращается внимание А.В. Чернышовым при анализе в общетеоретическом аспекте правоприменительного приказа, в том числе финансового характера (по предмету действия) [6, с. 47]. Это важно для обеспечения законности и обоснованности правоприменительных приказов Банка России об отзыве лицензий на осуществление банковских операций за допущенные ими правонарушения, которые подвергаются судебному контролю при обжаловании акционерами (бывшими руководителями), не согласными с решением Банка России. Поэтому представляется перспективным исследование в отраслевой науке финансового права проблематики правоприменительных актов Банка России.

В современный период пандемии и санкций усиливается роль интерпретационных актов (актов толкования) Банка России, которые представлены официальными разъяснениями Банка России и информационными письмами регулятора.

Первоначально полномочие Банка России на официальное разъяснение федерального закона было предоставлено ныне утратившим силу Федеральным законом от 8 июля 1999 г. № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций»¹ (п. 3 ст. 46), на основании которого было издано Официальное разъяснение Банка России от 24 сентября 1999 г. в форме письма Банка России, судя по номеру документа — № 281-Т «По вопросам применения Федерального закона „О реструктуризации кредитных организаций”»², которое утратило силу

¹ См.: Федеральный закон от 8 июля 1999 г. № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 28, ст. 3477 (утратил силу); Федеральный закон от 28 июля 2004 г. № 87-ФЗ «О признании утратившим силу Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, а также о порядке ликвидации государственной корпорации „Агентство по реструктуризации кредитных организаций”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3223.

² См.: Вестник Банка России. 1999. № 60 (документ утратил силу).

в связи с изданием Указания Банка России от 21 марта 2011 г. № 2598-У «Об упорядочении отдельных актов Банка России», поскольку документ был признан недействующим с момента издания Решением Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2000 г. № ГКПИ 99-1176, которое было оставлено без изменения Определением Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2000 г. № КАС-185¹.

В последующем Банк России издавал официальные разъяснения как документы с литерой в номере — ОР. Следует обратить внимание на ныне утратившее силу Официальное разъяснение Банка России от 26 июля 2000 г. № 1-ОР «Об отдельных вопросах, связанных с применением Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций»². В качестве методологии правоинтерпретационной деятельности Центральным банком Российской Федерации был издан специальный нормативный акт по данному вопросу, определившему статус официальных разъяснений Банка России. Речь идет о Положении Банка России от 18 июля 2000 г. № 115-П «О порядке подготовки и вступления в силу официальных разъяснений Банка России»³, которое действовало порядка 20 лет и утратило силу в марте 2022 г. с изданием Банком России нового нормативного акта — Указания Банка России от 3 марта 2022 г. № 6081-У «О порядке подготовки официальных разъяснений Банка России»⁴. В основном в этот период (с 2000 г. по 2022 г.) Банк России издавал официальные разъяснения по вопросам разъяснения нормативных актов Банка России как орган, издавший нормативный акт. Постепенно количество изданных Банком России официальных разъяснений неуклонно снижалось и после перерыва с середины 2000-х гг. отмечается единичное издание Банком России официальных разъяснений в конце 2017 г., начале 2018 г., середине 2020 г.

Банк России в период пандемии 2020–2021 гг. активно издавал информационные письма, содержащие позицию регулятора по применению федеральных законов и нормативных актов Банка России, которые, как представляется, также возможно рассматривать как интерпретационные акты (акты толкования) Банка России наряду с официальными разъяснениями. В отличие от официальных разъяснений Банка России, имеющих обязательный характер на территории Российской Федерации, информационные письма Банка России, носят рекомендательный характер.

За период 2000–2022 гг. в федеральных законах, предоставляющих Банку России право давать официальные разъяснения по вопросам применения данных законов, принято не было.

Между тем в недавно принятом нормативном акте Банка России — Указании Банка России от 3 марта 2022 г. № 6081-У «О порядке подготовки официальных разъяснений Банка России» сохранено положение о том, что «официальные разъяснения Банка России направлены на разъяснения отдельных норм права,

¹ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Вестник Банка России. 2000. № 42 (Официальное разъяснение Банка России от 26 июля 2000 г. № 1-ОР утратило силу в связи с изданием Указания Банка России от 21 марта 2011 г. № 2598-У «Об упорядочении отдельных актов Банка России») // Вестник Банка России. 2011. № 17 (фактически Официальное разъяснение Банка России от 26 июля 2000 г. № 1-ОР утратило силу в связи с принятием Федерального закона от 28 июля 2004 г. № 87-ФЗ, признавшего Федеральный закон от 8 июля 1999 г. № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» утратившим силу).

³ См.: Вестник Банка России. 2000. № 41 (утратило силу).

⁴ См.: Вестник Банка России. 2022. № 16.

содержащихся в федеральных законах, иных нормативных правовых актах, а также нормативных актах Банка России» (п. 1.1.); при этом закреплено, что «официальные разъяснения Банка России, которые разъясняют нормы федеральных законов, иных нормативных правовых актов (кроме нормативных актов Банка России), могут приниматься Банком России только в случаях, если это прямо предусмотрено федеральными законами для случаев толкования федеральных законов, иными нормативными правовыми актами для случаев толкования указанных нормативных правовых актов» (п. 1.2.). Данные нормы нормативного акта Банка России представляются рациональными и востребованными в современный период, что подтверждается позицией Президента Российской Федерации.

Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» в п. 13 закреплено «...предоставить Центральному банку Российской Федерации право давать официальные разъяснения по вопросам применения настоящего Указа, а также указов Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» и от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации», имеющие обязательную силу на всей территории Российской Федерации»¹.

Центральный банк Российской Федерации реализовал указанные полномочия, издав Официальное разъяснение от 18 марта 2022 г. № 2-ОР «О применении отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 года № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций», Указа Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» и Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами», которое было размещено на официальном сайте Банка России www.cbr.ru в тот же день — 18 марта 2022 г.

Названный прецедент наделения Президентом Российской Федерации Центрального банка Российской Федерации полномочиями издавать официальные разъяснения, имеющие обязательную силу на территории Российской Федерации, по конкретно названным Указам Президента Российской Федерации является новацией в российской правовой системе, носящей ключевой характер для финансовой стабильности государства.

В заключение следует подчеркнуть, что правовые акты Банка России, включая программные правовые акты, нормативные акты, правоприменительные акты, интерпретационные акты (акты толкования), подтверждают на современном этапе свою роль как актуальных правовых средств финансово-правовой политики, реализации законодательно определенной компетенции Центрального банка Российской Федерации, в том числе по обеспечению финансовой стабильности финансового рынка.

¹ См.: Российская газета. 2022. 9 марта.

Библиографический список

1. *Бельский К.С.* Истоки и обзор российского финансового права от образования Древнерусского государства до начала XX века // Государство и право. 2014. № 10. С. 81–92.
2. *Турбанов А.В.* Финансовое право и финансовый рынок (часть I) // Финансовое право. 2020. № 10. С. 7–12.
3. *Турбанов А.В.* Финансовое право и финансовый рынок (часть 2) // Финансовое право. 2021. № 1. С. 10–16.
4. *Тропская С.С.* Финансовый уполномоченный как субъект публичного права финансового рынка // Финансовое право. 2020. № 7. С. 10–14.
5. *Соколов А.Ю., Кротов К.С.* Об общих принципах применения риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 5 (142). С. 84–89.
6. *Чернышов А.В.* Классификация и функциональная характеристика правоприменительных приказов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (144). С. 45–51.

References

1. *Belsky K.S.* The Origins and Review of Russian Financial Law from the Formation of the Old Russian State to the Beginning of the Twentieth Century // State and law. 2014. No. 10. P. 81–92.
2. *Turbanov A.V.* Financial Law and Financial Market (part I) // Financial law. 2020. No. 10. P. 7–12.
3. *Turbanov A.V.* Financial Law and Financial Market (part 2) // Financial law. 2021. No. 1. P. 10–16.
4. *Tropskaya S.S.* Financial Commissioner as a Subject of Public Law of the Financial Market // Financial law. 2020. No. 7. P. 10–14.
5. *Sokolov A.Yu., Krotov K.S.* On the General Principles of Applying a Risk-Based Approach in Control and Supervisory Activities // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 5 (142). P. 84–89.
6. *Chernyshov A.V.* Classification and Functional Characteristics of Law Enforcement Orders // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 1 (144). P. 45–51.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-2-268-275

УДК 378:004

Ю.С. Сергеенко, О.В. Щербакова, А.И. Пермяков,
Е.В. Комбарова, О.В. Аверьянова, Ю.М. Никитенко

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ (ОБРАЗОВАНИИ) КАДРОВ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ*

Введение: *вопросы развития кадрового потенциала на производстве и промышленности занимает скромное положение в настоящее время. Авторы статьи провели анализ количества кадровой подготовки для производственных объектов и качество повышенного образования в данной отрасли. Цель: необходимость использования информационных технологий, изыскать способы повышения количества рабочих мест и сотрудников в индустрии. Методологическая основа: используя методы анализа, статистики и логики, авторы статьи разработали ступени повышения кадрового потенциала в промышленном производстве, подготовки*

© Сергеенко Юлия Сергеевна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: iulya.sergeenko@yandex.ru

© Щербакова Ольга Васильевна, 2022

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики (Саратовская государственная юридическая академия)

© Пермяков Александр Игоревич, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Комбарова Елена Валерьевна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры Конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия)

© Аверьянова Ольга Владимировна, 2022

Кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового права (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

© Никитенко Юлия Михайловна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения (Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина)

© Sergeenko Yulia Sergeevna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Labor Law (Saratov State Law Academy)

© Shcherbakova Olga Vasilyevna, 2022

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Legal Psychology, Forensic Expertise and Pedagogy (Saratov State Law Academy)

© Permyakov Aleksandr Igorevich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law (Saratov State Law Academy)

© Kombarova Elena Valeryevna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional Law named after Professor Isaac Efimovich Farber (Saratov State Law Academy)

© Averyanova Olga Vladimirovna, 2022

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Financial Law (St. Petersburg State University of Economics)

© Nikitenko Yulia Mikhailovna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Labor Law and Social Security Law (Leningrad State University named after A. S. Pushkin)

* Статья выполнена в рамках научного проекта по теме «Разработка усовершенствованной процедуры ежегодного самообследования образовательной организации с учетом требований ФГОС в условиях цифровой трансформации образовательного процесса».

специалистов по различным предметам данных отраслей, комплексную систему развития цифровых и информационных технологий при специализированной учебе кадрового потенциала в промышленности. **Результаты:** проведен разбор уровней подготовки (технический, промышленный, химический, биологический, юридический и др.). **Выводы:** изучены образовательные организации, деятельность которых направлена на оснащение и трудоустройство таких субъектов.

Ключевые слова: работник, работодатель, кадры, образование, рабочие места.

**Yu.S. Sergeenko, O.V. Shcherbakova, A.I. Permyakov,
E.V. Kombarova, O.V. Averyanova, Yu.M. Nikitenko**

**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL
TECHNOLOGIES IN TRAINING (EDUCATION)
PERSONNEL FOR PRODUCTION AND INDUSTRY**

Background: issues of human resource development in manufacturing and industry occupies a modest position at the present time. The authors of the article conducted an analysis of the quantity of personnel training for production facilities and the quality of advanced education in this industry. **Objective:** the need to use information technology, to find ways to increase the number of jobs and employees in the industry. **Methodology:** using the methods of analysis, statistics and logic, the authors of the article have developed steps to increase human resources in industrial production, training specialists in various branches of these industries, a comprehensive system for the development of digital and information technologies with specialized training of personnel potential in industry. **Results:** analysis of the levels of training (technical, industrial, chemical, biological, legal, etc.) was carried out. **Conclusions:** educational organizations whose activities are aimed at equipping and employing such subjects have been studied.

Key-words: an employee, an employer, human resources, education, work places.

В Конституции Российской Федерации, Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закреплено право каждого человека на образование¹. Постоянное развитие и обучение людей, их практическая подготовка гарантирует повышение уровня жизни и ее качество. И действительно, в скоростном режиме нашего времени необходимость учиться и повышать профессиональную квалификацию по различным направлениям необходимо. Требования к специалистам вызваны требованиями развития цифровых технологий. Поэтому специализированные образовательные организации развиваются не только по основному профилю, но и по дополнительным вспомогательным направлениям вызванными необходимостью развития производства и промышленности. Многие предприятия систематически направляют своих работников на переподготовку, переобучение, обучение по поддержанию уровня знания кадрового потенциала предприятия. Потому что повышение производительности труда и квалификации работников является обязанностью

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 4 июля 2020 г.; Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.

работодателя, при выполнении трудовых функций¹. Возможности подготовки кадров в настоящее время позволяют проводить ее с помощью информационных технологий (обучение проводится без отрыва от производства, что является приоритетом для работодателя). Это держит кадровый состав на достойном уровне и гарантирует высокое качество выполняемой работы.

Цифровые технологии мощным толчком позволили трансформировать всю систему образования и вывести ее на новый уровень, а с помощью технологий информационная доступность становится на ступень выше. Собственники и руководители предприятий сами решают, как часто повышать квалификацию работников (по некоторым специальностям законодательством определены сроки обучения), обучать, запрашивать дипломы об образовании. И это обучение может быть абсолютно не связано с основными трудовыми функциями работников, а носить вспомогательную роль для выполнения непосредственных обязанностей.

Кроме этого, решение руководящего состава промышленного предприятия может быть и дифференцировано и по уровню образования на вакантную должность (высшее образование или колледж, а возможно непрофильное образование, но с обязательным переобучением или дополнительным образованием по месту работы), которое возможно на территории предприятия или вне его.

Поэтому авторы статьи считают, что в силу сложившейся ситуации в России необходимо разработать и предложить мировому сообществу авторскую подготовку (образование) кадров для производства и промышленности.

Это возможно сделать проведя анализ работы образовательных организаций, использующих цифровые технологии в подготовке кадров, задействовав будущий потенциал разработанных программ, выявив критерии для повышения кадров в промышленности и производстве, преимущества применения информационных технологий при поиске и подготовке кадров.

В целях разностороннего изучения данной проблематики, понадобилось комплексное и всестороннее исследование цифровых технологий в подготовке (образовании) кадров для производства и промышленности авторами, а также использование информационных технологий. Было изучено значительное количество исследований и разработок с помощью, которых авторы провели труд, кроме этого на территории стран было проведено значительное количество конференций.

«Цифровая трансформация промышленности является приоритетным направлением развития отечественной экономики, обеспечивающим высокую адаптивность в формировании бизнес-моделей и работе производственных процессов посредством интеграции сквозных цифровых технологий. В основе внедрения цифровых технологий в промышленности лежит стремление к комплексному повышению эффективности и созданию условий для успешной работы отраслей»².

По мнению ученых И.Д. Столбова, Е.П. Александрова, К.Г. Носова: «Отмечается недостаточный уровень профессиональной подготовки инженерных кадров. Приведены факторы, влияющие на дисбаланс связей между современным

¹ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; 2022. № 9, ч. 1, ст. 1259.

² «Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их «цифровой зрелости» до 2024 года и на период до 2030 года» (2021). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

профессиональным образованием и реальной инженерной практикой. Молодые инженеры, занимающиеся проектированием и разработкой, не имеют достаточной современной инструментальной подготовки в области информационных технологий, а также междисциплинарных знаний и системных компетенций по использованию технологий для полного жизненного цикла инновационной продукции» [1].

В.Н. Пуляева, И.А. Иванова, А.А. Гибадуллин, Е.Н. Рудакова, Л.Г. Руденко пишут, что «...внедрение информационно-коммуникационных технологий в корпоративное профессиональное обучение в современных организациях» [2].

С.П. Климова и А.В. Кондыков подчеркивают, что «...необходимо обновление структуры формирования эффективного механизма подготовки высококвалифицированных кадров на базе отраслевых вузов региона» [3].

И.З. Искаков, Б.Б. Коваленко, М.С. Туровская, Г.В. Гетманова, утверждают: «Ожидается рост спроса на специалистов, подготовленных для работы в цифровой среде. Предполагается, что высокую ценность будут иметь кадры, способные вести исследовательскую работу, управлять обработкой больших массивов данных и соответствующей информации о контролируемом или исследуемом объекте» [4].

Другие авторы считают, что руководители предприятий не осведомлены об ответственности за чрезвычайные ситуации, например: «Конечно, главы государств прилагают усилия для их ликвидации, но вопрос защиты здоровья людей, защиты и сохранения экологического пространства остается острым, кроме того, отсутствует жесткая регламентация ответственности лиц, виновных в возникновении ЧС, перед населением пострадавшего региона. На практике привлечение к ответственности лиц, виновных в произошедших авариях, соблюдается не в полной мере» [5].

Изучая данные вопросы, ученые пришли к выводу, что отсутствует единая правильно разработанная система развития цифровых технологий по специализированной политике кадрового потенциала в промышленности при взаимодействии с информационными технологиями.

Подготовка кадров в промышленном производстве, по мнению авторов в грядущей перспективе с помощью развития цифровых технологий носит высокоэффективный характер и мобильный. С помощью информационных технологий появился также потенциал сбора и анализа информации по подготовке кадров и повышению квалификации работников. Развитие цифровых технологий дает возможность теоретически быстро получать и изучать информацию с помощью различных цифровых платформ. Преподаватели, связанные с подготовкой кадров в промышленном производстве в настоящее время с помощью цифровых технологий промоделировали процесс обучения и их труд с одной стороны, стал проще при выполнении обязанностей, но прогрессивней при подаче материала с помощью современных методик, дистанционных технологий [6]. По данным РОССТАТа значительное количество работников получили образование в отраслевой промышленности. Это закреплено в статистических данных Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ) Подготовка (профессиональное образование и профессиональное обучение) и дополнительное образование работников организаций в 2020 году. Том 1. По видам экономической деятельности. Статистический бюллетень. Москва 2021 [7].

В соответствии с данными Росстата в 2020 году по видам экономической деятельности (количество работников, которые усвоили и получили образование) [7]:

В соответствии с данными Росстата в 2020 году по видам экономической деятельности (количество работников, которые усвоили и получили образование):

Добыча полезных ископаемых (по категориям персонала: руководители 54812, специалисты 69441, другие служащие 1278, рабочие 229364);

Обрабатывающие производства (по категориям персонала: руководители 200812, специалисты 243068, другие служащие 10311, рабочие 803433);

Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха (по категориям персонала: руководители 92417, специалисты 98271, другие служащие 2108, рабочие 249126);

Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений (по категориям персонала: руководители 10739, специалисты 13302, другие служащие 596, рабочие 49597).

Несмотря на достаточно внушительные цифры, продемонстрированные в таблице, мы можем констатировать, что по некоторым видам деятельности подготовка кадров имеет ряд проблем. Эти проблемы вынуждают работников повышать квалификацию и проходить переподготовку. К таким проблемам мы можем отнести:

несоответствие содержания образования требованиям и запросам работодателей,

несоответствие образования требованиям рынка труда,

отсутствие необходимых в современное время цифровых компетенций и другие.

В свою очередь эти проблемы связаны с недостатками системы образования, среди которых:

недостаточный уровень профессионализма преподавательского состава организации (как правило, это преподаватели-теоретики, с отсутствием практической подготовки, поэтому им сложно подготовить работника к потенциальным вопросам и проблемам, которые будут возникать на практике);

недостаточная связь преподаваемых дисциплин не только с практикой, но и с другими дисциплинами другого вида образования (например, при подготовке кадров области промышленной безопасности очевидна необходимость изучения и юридических дисциплин, потенциально необходимых в будущем такому работнику);

недостаточный уровень материально-технической базы образовательной организации (подготовка практических работников только с использованием учебников в настоящее время просто невозможна, это «шаг назад» в образовании; необходимо использовать максимально цифровые технологии и новые технические возможности).

Для повышения кадрового потенциала стран, необходимо системно рассчитать ежегодный приток кадров в промышленности и нуждаемости в них на производстве с помощью информационных технологий. Ежегодно (например, 2018, 2019, 2020 гг.) анализировать количество свободных рабочих мест на предприятиях. Система математического расчета должна выглядеть следующим образом.

Допустим:

A — количество свободных рабочих мест.

B — количество работников принятых на работу в промышленности.

Например, в 2018 г. количество свободных рабочих мест было 300, в 2019 г. количество свободных рабочих мест было 400, в 2020 г. количество свободных рабочих мест было 500. А принятых на работу, в 2018 г. — 200, в 2019 г. — 300, в 2020 г. — 400.

Таким образом:

$$(A-B) + (A-B) + (A-B) = (300-200) + (400-300) + (500-400) = 100+100+100 = 300$$

Высчитываем нуждаемость в работниках промышленности и производства, она составила 300 свободных рабочих мест. Это позволит реально диагностировать и прогнозировать действия руководящего состава предприятия на ближайшее будущее, увеличить целевое обучение в образовательных учреждениях. С помощью информационных технологий возможен более мобильный поиск подходящих кадров не только в стране нахождения предприятия, но в других странах.

С учетом названных проблем в системе подготовки кадров для производства и промышленности очевидна необходимость преобразования этой системы. Профессии, связанные с промышленностью и производством требуют внушительного объема знаний, так, например, работники должны хорошо ориентироваться в следующих направлениях:

- техническое (в зависимости от должности),
- промышленное (в зависимости от должности),
- химическое (в зависимости от должности),
- биологическое (в зависимости от должности),

юридическое (знание ответственности за причинение экологического ущерба, здоровью людей не только на промышленном объекте, но и населению близ проживающего рядом с промышленным объектом) [8].

Цифровые технологии помогают быстро усваивать материал, а затем навыки отрабатываются на практике с помощью взрослых наставников предприятий (в том числе с помощью продвинутого цифрового оборудования). В свою очередь информационные технологии дают возможность сбора и анализа информации по обучению и по кадровой политике, служа неотъемлемой частью полного комплекса подготовки сотрудников.

На наш взгляд, разделение профессиональной подготовки на теоретическую и практическую части с помощью цифровых технологий даст потенциальным работникам в промышленности и на производстве перспективное развитие. Кроме этого, увеличение знаний на таких объектах требует изучения значительного количества предметов по различным отраслям. Это связано с прогрессивным развитием промышленных и производственных комплексов в мире.

Как видим, что для комплексной подготовки кадров необходимо взаимодействие различных отраслей науки. В настоящее время для организация и работа в данных сферах требует знаний не только физико-математических, химико-биологических, но и юридических науках, поскольку расширяется круг полномочий субъектов. А для этого необходим высокий уровень подготовки с помощью цифровых технологий.

В результате проведенного исследования, авторы статьи выступили с предложением о расширении количества предметов при подготовке кадров в промышленности и на производстве с помощью цифровых технологий. Изучив данные РОССТАТа, мы видим, что значительный процент специалистов обучается ежегодно и эти перспективы дают надежду на использование новшеств

при обучении. Крупные промышленные предприятия развиваются в ногу со временем и оснащены цифровым оборудованием, которое помогает оттачивать навыки потенциальных работников. Большую роль при подготовке будущих специалистов играет повышение знаний и опыта уже работающих сотрудников и информационные технологии очень помогают, так как могут способствовать охвату широкого спектра знаний по отрасли, а также провести их анализ и обобщение, вследствие чего повысится уровень работника в целом и предприятия в частности. Повысится уровень знаний по охране труда работников, понизится статистика несчастных случаев на производстве.

Промышленность и производство — основа развития общества, поэтому так важно и далее работать в данном направлении. Сообща ученые, практические работники, педагогический состав совершенствуют развитие цифровых технологий в подготовке (образовании) кадров для производства и промышленности. Используя данные предложения работодатель повысит кадровый потенциал работников, охрану труда на предприятии, безопасность сотрудников.

Библиографический список

1. *Stolbova I.D., Aleksandrova E.P. and Nosov K.G.* IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci 272, 032120 (2019).
2. *Pulyaeva V.N., Ivanova I.A., Gibadullin A.A., Rudakova E.N. and Rudenko Journal L.G. of Physics: Conference Series, 1691, 012167 (2020).*
3. *Klimova S.P. and Kondykov A.V.* IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 650, 012093 (2021).
4. *Iskakov I.Z., Kovalenko B.B., Turovskaia M.S. and Getmanova G.V.* Journal of Physics: Conference Series 1691, 012124 (2020).
5. *Sergeenko Yu., Abanina E., Galkina E., Nikitenko Yu. and Averyanova O.* International Conference “Ecological Paradigms of Sustainable Development: Political, Economic and Technological dimension of the problems of the Biosphere” E3S Web of Conferences, 311, 01008 (2021) EPSD 2021.
6. *Sergeenko Yu., Scherbakova O., Kombarova E., Rybkina M. and Kolomeytseva T.* SAHD 2021 — 5th International Scientific and Practical Conference 2021 “Modern Science: problems and prospects of development (socio-humanitarian directions)” Web of Conferences, 101, 03020 (2021) SAHD 2021.
7. Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ) Подготовка (профессиональное образование и профессиональное обучение) и дополнительное образование работников организаций в 2020 году. Т. 1. По видам экономической деятельности. Статистический бюллетень. М., 2021.

References

1. *Stolbova I.D., Aleksandrova E.P. and Nosov K.G.* IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci 272, 032120 (2019).
2. *Pulyaeva V.N., Ivanova I.A., Gibadullin A.A., Rudakova E.N., Rudenko Journal L.G. of Physics: Conference Series, 1691, 012167 (2020).*
3. *Klimova S.P., Kondykov A.V.* IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 650, 012093 (2021).
4. *Iskakov I.Z., Kovalenko B.B., Turovskaia M.S. and Getmanova G.V.* Journal of Physics: Conference Series 1691, 012124 (2020).
5. *Sergeenko Yu., Abanina E., Galkina O., Nikitenko Yu., Averyanova O.* International Conference “Ecological Paradigms of Sustainable Development: Political, Economic and Technological Dimension of the Problems of the Biosphere” E3S Web of Conferences, 311, 01008 (2021) EPSD 2021.

6. *Sergeenko Yu., Scherbakova O., Kombarova E., Rybkina M., Kolomeytseva T.* Modern Science: Problems and Prospects of Development (socio-humanitarian directions) // SAHD 2021. 5th International Scientific and Practical Conference 2021. Web of Conferences, 101, 03020 (2021) SAHD 2021.

7. Federal State Statistics Service (ROSSTAT) Training (vocational education and training) and Additional Education of Employees in Organizations in 2020. Volume 1. By Type of Economic Activity. Statistical Bulletin. Moscow, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ In Dissertation Councils

В сентябре 2021 г.–феврале 2022 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

на соискание ученой степени доктора юридических наук

15 декабря 2021 года — Мироновой Светланой Михайловной на тему «Доктрина финансово-правового статуса муниципальных образований в Российской Федерации и его реализация».

Специальность 12.00.04 — финансовое право; налоговое право; бюджетное право.

Научный консультант — доктор юридических наук, профессор Е.В. Покачалова.

22 декабря 2021 года — Садчиковым Михаилом Николаевичем на тему «Финансово-правовое обеспечение налогового суверенитета Российской Федерации».

Специальность 12.00.04 — финансовое право; налоговое право; бюджетное право.

Научный консультант — доктор юридических наук, профессор Е.В. Покачалова.

24 декабря 2021 года — Никитиным Александром Александровичем на тему «Правовое усмотрение: теория, практика, техника».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный консультант — доктор юридических наук, профессор И.Н. Сенякин.

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

18 октября 2021 года — Орловой Анастасией Николаевной на тему «Взаимодействие государства и некоммерческих организаций по оказанию социальных услуг населению (теоретико-правовой аспект)».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор И.Н. Сенякин.

18 октября 2021 года — Яковлевым Михаилом Валерьевичем на тему «Профессиональная правовая культура: теоретико-правовое исследование (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации)».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент В.Л. Кулапов.

10 ноября 2021 года — Елчиевым Михаилом Федоровичем на тему «Деятельность прокурора и суда по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел».

Специальность 12.00.09 — уголовный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент А.Е. Федюнин.

29 ноября 2021 года — Батршиным Романом Юсефовичем на тему «Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия».

Специальность 12.00.14 — административное право; административный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.Ю. Соколов.

29 ноября 2021 года — Щербаковой Еленой Константиновной на тему «Механизм правового воздействия».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент В.Л. Кулапов.

6 декабря 2021 года — Лариной Еленой Александровной на тему «Юридическая сила как общеправовой феномен».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент С.Ю. Суменков.

6 декабря 2021 года — Кушнир Ириной Владимировной на тему «Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации».

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор И.Н. Селякин.

8 декабря 2021 года — Кировой Татьяной Александровной на тему «Уголовно-правовое обеспечение профессионального статуса медицинских работников». Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.Г. Блинов.

8 декабря 2021 года — Каландаришвили Христиной Александровной на тему «Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве».

Специальность 12.00.09 — уголовный процесс.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор И.В. Смолькова.

23 декабря 2021 года — Дражевской Юлией Валерьевной на тему «Правовое регулирование и осуществление деятельности юридических лиц в досудебных стадиях уголовного судопроизводства».

Специальность 12.00.09 — уголовный процесс.

Научный руководитель — кандидат юридических наук, доцент Г.И. Седова.

24 декабря 2021 года — Фроловым Алексеем Александровичем на тему «Конституционное право на жилище в Российской Федерации и странах СНГ: сравнительно-правовое исследование».

Специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, доцент В.С. Хижняк.

7 февраля 2022 года — Графом Романом Викторовичем на тему «Конституционное право на возмещение государством вреда: нормативное содержание и механизм реализации».

Специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор Д.С. Велиева.

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.
2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.
3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.
4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.
5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.
6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.
7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>